РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 4.

АПРѢЛЬ 1892 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 марта 1892 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ

О зачетѣ законоучителямъ вѣдомства Министерствъ: Народнаго Просвѣщенія и Военнаго епархіальной службы ихъ въ учебную при опредѣленіи пенсій за учебную службу.

Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода сообщилъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія, что Государь Императоръ, въ 18-й день ноября 1891 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить состоявшееся слѣдующее мнѣніе Государственнаго Совѣта по вопросу о зачисленіи законоучителямъ вѣдомства: народнаго просвѣщенія и военнаго епархіальной службы ихъ въ учебную при опредѣленіи пенсій за учебную службу.

«Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить слѣдующее правило:

Епархіальная служба священнослужителей, при переходѣ ихъ въ учебныя заведенія вѣдомства Министерствъ: Народнаго Просвѣщенія и Военнаго, зачисляется имъ въ счетъ выслуги на пенсію по учебной части упомянутыхъ вѣдомствъ по разсчету, который принятъ для зачета службы лицъ, переходящихъ въ означенныя учебныя заведенія изъ военной или гражданской службы, и съ соблюденіемъ установленныхъ дѣйствующими по сему предмету узаконеніями сроковъ для права на сей зачетъ ст. 355 уст. о пенс. и един. пособ. св. зак. т. III, изд. 1876 г. и ст. 267 св. воен. пост., кн. VIII, ч. II, изд. 1889 г.».

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи его сіятельство увѣдомилъ меня предложеніемъ отъ 1-го февраля сего года за № 2381, для надлежащаго исполненія.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу 1892 г. № 3).

Объ обращеніи вниманія земствъ на пользу открытія курсовъ садоводства и огородничества.

Департаментъ Народнаго Просвѣщенія препроводилъ ко мнѣ для свѣдѣнія копію съ циркулярнаго предложенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ

гг. губернаторамъ отъ 26-го ноября минувшаго года, за № 9216, объ обращеніи вниманія земствъ на пользу открытія курсовъ садоводства и огородничества для учителей начальныхъ училищъ, а равно устройства при школахъ садовъ и огородовъ.

Копія.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Департаментъ
ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.
Столъ I.

26-го ноября 1891 года.
№ 9216.

Циркулярно.

Господину .... губернатору

Министръ Народнаго Просвѣщенія, сообщая мнѣ объ успѣхѣ первыхъ курсовъ садоводства и огородничества, устроенныхъ въ 1890 году Тульскимъ губернскимъ земствомъ для учителей начальныхъ народныхъ училищъ губерніи, проситъ обратить вниманіе на несомнѣнную пользу открытія сихъ курсовъ и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ къ тому представится возможность, а равно устройства при школахъ садовъ и огородовъ.

Раздѣляя и съ своей стороны мнѣніе Министра Народнаго Просвѣщенія о пользѣ упомянутыхъ курсовъ, долгомъ считаю сообщить объ изложенномъ вашему ...., для поставленія въ извѣстность земствъ ввѣренной вамъ губерніи, съ покорнѣйшею просьбою почтить, въ свое время, увѣдомленіемъ о результатахъ практическаго примѣненія означенной мѣры.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ,
Статсъ-Секретарь *Дурново.*

О семъ для свѣдѣнія сообщается по округу (Ib.).

О запросахъ касательно политической благонадежности.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, принимая во вниманіе, что справки, сообщаемыя чинами общей полиціи на запросы разныхъ учрежденій о политической благонадежности, не могутъ считаться достаточными для правильнаго разрѣшенія означеннаго вопроса, признало цѣлесообразнымъ, чтобы начальствующія лица и учрежденія направляли запросы по сему предмету, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, къ губернатору, градоначальнику или оберъ-полиціймейстеру, по принадлежности.

Сообщая о вышеизложенномъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь Дурново просилъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы учрежденія, подвѣдомственныя Министерству Народнаго Просвѣщенія, въ случаяхъ требованія свѣдѣній, какъ относительно лицъ, опредѣленныхъ на службу, такъ и вообще по вопросамъ о политической благонадежности, сносились непосредственно съ мѣстными губернаторами, оберъ-полицеймейстерами и градоначальниками.

О семъ во исполненіе предложенія его сіятельства отъ 31-го января сего года, за № 1368, имѣю честь увѣдомить гг. начальниковъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго мнѣ округа, къ точному исполненію, въ подтвержденіе прежнихъ по тому же предмету распоряженій (Ib.).

По вопросу о томъ, могутъ-ли препятствовать переводу учениковъ гимназій и прогимназій въ высшій классъ неудовлетворительныя общія годовыя отмѣтки по чистописанію и рисованію.

Нѣкоторые изъ попечителей учебныхъ округовъ просили разъясненія о томъ, могутъ-ли препятствовать переводу учениковъ гимназіи и прогимназіи въ высшій классъ неудовлетворительныя общія годовыя отмѣтки по чистописанію и рисованію, а также должны-ли быть принимаемы въ разсчетъ отмѣтки по симъ предметамъ при распредѣленіи учениковъ на разряды и при удостоеніи ихъ наградъ 1 и 2 степени по § 38 правилъ объ испытаніяхъ 1891 г.

Вслѣдствіе сего г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія было разъяснено, что, по точному смыслу §§ 25 и 26 новыхъ правилъ объ испытаніяхъ, неудовлетворительныя отмѣтки по чистописанію и рисованію могутъ препятствовать переводу ученика въ старшій классъ, но само собою разумѣется, что при оцѣнкѣ знаній учениковъ по симъ предметамъ, на основаніи занятій ихъ въ учебное время, слѣдуетъ принимать во вниманіе индивидуальныя особенности дѣтей, часто парализующія ихъ старанія въ изученіи графическихъ искусствъ; вслѣдствіе сего и имѣя въ виду, что по новымъ правиламъ объ испытаніяхъ не назначено экзамена по чистописанію и рисованію, его сіятельство сообщилъ, что неудовлетворительная годовая отмѣтка по симъ предметамъ не должна препятствовать переводу въ высшій классъ, съ тѣмъ, однако, чтобы ученикамъ, нерадиво занимавшимся этими предметами въ теченіе года и получившимъ за вниманіе и прилежаніе по нимъ годовую отмѣтку неудовлетворительную, была назначаема, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, каникулярная работа по симъ предметамъ.

Что-же касается распредѣленія учениковъ на разряды по успѣхамъ и прилежанію, а также удостоенія ихъ наградъ 1-й или 2-й степени, то въ семъ отношеніи отмѣтки по чистописанію и рисованію должны приниматься въ разсчетъ. Впрочемъ, отмѣтка 3 по симъ предметамъ не должна препятствовать полученію ученикомъ награды первой степени.

Объ изложенномъ г. Министръ увѣдомилъ меня предложеніемъ отъ 11-го февраля сего года, за № 2945, для надлежащихъ распоряженій.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу (Ib.).

О безпрепятственномъ допущеніи дѣтей единовѣрцевъ посѣщать православныя школы.

Г. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода увѣдомилъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія, что нѣкоторыя училищныя начальства, признавая единовѣрцевъ лицами неправославнаго исповѣданія, не находятъ возможнымъ предоставлять имъ учительскія должности, а также воспрещаютъ дѣтямъ раскольниковъ посѣщать православныя школы. Между тѣмъ, въ 1885 году Святѣйшимъ Синодомъ, на основаніи постановленій собранія преосвященныхъ архіереевъ въ г. Казани, было разъяснено, что единовѣріе не представляетъ собою какого-либо особаго, отличающагося отъ православія, исповѣданія и что, наоборотъ, православіе и единовѣріе составляютъ одну церковь. Посему причисленіе единовѣрцевъ къ лицамъ неправославнаго исповѣданія не имѣетъ законнаго основанія; равнымъ образомъ и запрещеніе дѣтямъ раскольниковъ посѣщать православныя школы, при примѣненіи сего запрещенія на практикѣ, только послужитъ къ большему отчужденію раскольниковъ и вящему укорененію ихъ въ заблужденіи. Къ сему дѣйствительный тайный совѣтникъ Побѣдоносцевъ присовокупилъ, что, въ виду приведенныхъ соображеній, Святѣйшій Синодъ признаетъ изъясненныя выше распоряженія органовъ учебнаго вѣдомства вредными для православной церкви и несправедливыми по отношенію къ единовѣрію.

Объ этомъ его сіятельство увѣдомилъ меня предложеніемъ отъ 15-го февраля сего года, за № 3109, для надлежащаго руководства по С.-Петербургскому учебному округу.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу (Ib.).

Опредѣленія Ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями Ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «*П. Полевой.* Русская исторія съ портретами и картами въ текстѣ. Курсъ элементарный, 2-е, значительно исправленное изданіе. Спб. 1891, стр. 104.. Цѣна 50 коп.» — допустить въ качествѣ пособія, впредь до измѣненія указанныхъ комитетомъ недостатковъ книги.

— Изданіе: «Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціей *А. И. Чудинова.* Пособіе для изученія русской литературы. Спб. 1891. Выпускъ II, Домострой Сильвестровскаго извода, стр. III + 132. Цѣна 45 коп.—Выпускъ VI. Горе отъ ума. Текстъ комедіи съ примѣчаніями, біографія автора, критическіе отзывы Пушкина, Гоголя, Бѣлинскаго, «Мильонъ терзаній» Гончарова, стр. 164. Цѣна 45 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ, для старшаго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній.

---

*) Журн. Минист. Нар. Просв., мартъ 1892 г.

— Книгу: «Русская поэзія. Избранныя стихотворенія русскихъ поэтовъ, съ біографическими и пояснительными примѣчаніями. Составилъ *Аркадій Сосницкій*. Москва 1892, стр. XII + 564. Цѣна 2 р. 50 коп.»—допустить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: «Сочиненія *Б. Н. Алмазова*, въ трехъ томахъ. Москва, 1892. Томъ I. Стихотворенія, стр. XXIV + 460.—Томъ II, стр. 496.—Томъ III. Проза, стр. 668. Цѣна за всѣ три тома 5 руб.»—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «*Антона Будиловича*. Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Въ двухъ томахъ. Томъ I, стр. IV+436.—Томъ II, стр. 374. Варшава. 1892»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: «Ученіе о положительныхъ и отрицательныхъ числахъ въ алгебраическомъ анализѣ. Въ помощь учащимся составилъ преподаватель математики *В. К. Горизонтовъ*. Симбирскъ. 1891, стр. 33. Цѣна 40 коп., съ пересылкой»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Учебное пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Ар. Турцевичъ*. Вильна. 1892, стр. VI+776. Цѣна 2 руб. 50 к.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ; при этомъ желательно, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ была понижена цѣна книги.

— Книгу: «Ботаника для реальныхъ училищъ *Н. Раевскаго*. Изданіе 2-е, исправленное, съ 297 рисунками. Спб. 1891, стр. IX + 228. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—одобрить какъ руководство въ реальныхъ училищахъ, допустить какъ руководство въ среднихъ техническихъ училищахъ (химико-техническихъ, горнозаводско-техническихъ и сельско-хозяйственныхъ техническихъ) и какъ пособіе въ низшихъ техническихъ училищахъ, а также въ фундаментальныхъ библіотекахъ городскихъ и сельскихъ школъ министерства.

— Таблицу: «Наглядное (графическое) изображеніе пользы и вреда, приносимыхъ нашими птицами. По способу *О. Бурбаха* составилъ *Дм. Кайгородовъ*. Спб. 1891. Цѣна 50 коп.» — допустить въ среднія учебныя заведенія и народныя школы министерства.

— Книгу: «Изъ великой книги природы. Разсказы для юношества. Составилъ *А. Бетхеръ*. Спб. 1884, стр. 171. Цѣна 1 руб.» — одобрить для ученическихъ библіотекъ для старшаго возраста.

— Брошюру: «*Бъёрнстьерне-Бъёрнсонъ*. Единобрачіе и многобрачіе. Призывъ къ сѣверной молодежи. Перевелъ съ датскаго *П. Ганзенъ*. Съ приложеніемъ біографіи автора и его портрета. Спб. 1891, стр. 55. Цѣна 40 коп.» — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ нѣмецкаго языка для кадетскихъ корпусовъ. Составилъ *Е. Вейгелинъ*. I часть: курсъ 2-го и 3-го класса. Спб. 1889, стр. IV+110. Цѣна 50 коп.—II часть: курсъ 4-го и 5-го класса.

Спб. 1890. стр. 224. Цѣна 90 коп.» — допустить I часть къ употребленію въ 1-мъ и 2-мъ классахъ реальныхъ училищъ въ качествѣ руководства, а II часть въ 3-мъ и 4-мъ классахъ тѣхъ-же учебныхъ заведеній въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: «*Максъ Фишеръ*, помощникъ инспектора Московской практической академіи, учитель гимназіи нѣмецкаго, латинскаго и греческаго языковъ. Deutsche Grammatik, Etymologie, Syntaxis, Poetik, Orthographisches Wörterverzeichniss. Нѣмецкая грамматика, этимологія, синтаксисъ, стихосложеніе, орѳографическій указатель. М. 1891, стр. XX+263. Цѣна въ переплетѣ 1 руб. 20 коп.» — одобрить въ качествѣ руководства для всѣхъ тѣхъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, гдѣ признается возможнымъ преподавать нѣмецкую грамматику на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: «Элементарная теорія долгосрочныхъ финансовыхъ операцій и таблицы для вычисленія сложныхъ процентовъ, ежегодныхъ взносовъ, ежегодныхъ уплатъ и временныхъ рентъ. Составилъ *А. Н. Глаголовъ*, преподаватель Московской 6-й гимназіи, частной гимназіи Креймана и Московскаго коммерческаго училища. М. 1891, стр. IV + 448 + 219. Цѣна 6 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ коммерческихъ училищъ и одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ тѣхъ-же училищъ.

— Книгу: «Курсъ кройки, примѣрки и шитья бѣлья, съ 566 рисунками въ текстѣ. Изданіе редакціи журнала «Вѣстникъ Моды». Спб. 1889, 231 стр. Цѣна 2 руб.»—одобрить какъ учебное пособіе для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается рукодѣліе.

— Изданіе: «Образцы рисованія. Курсъ приготовительнаго класса мужскихъ гимназій и прогимназій. Составилъ по Muzak'у, Häuselmann'у Weishaupt'у, Рѣдковской и др. П. Вересовъ. Изд. 1-е. Тифлисъ. 1891. Цѣна 25 коп.» — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ коихъ преподается начальное рисованіе, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ, семинарій и народныхъ училищъ.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.

Въ Маріинскихъ женскихъ училищахъ.

(Посвящается памяти Н. А. Вышнеградскаго).

(Окончаніе).

III.

Въ мое время «Маріинское училище» походило на муравейникъ, улей, въ которомъ всѣ—и преподаватели, и воспитательницы, и ученицы—неустанно работали, и работали охотно, безъ принужденія, хотя работать было не легко, особенно въ старшемъ классѣ, случайно составленномъ изъ взрослыхъ дѣвицъ самой разнообразной подготовки и различной степени развитія. Душою этого муравейника, этого улья былъ Н. А. Вышнеградскій. Лучшіе цѣнители своихъ учителей и воспитателей ихъ питомцы. Вотъ что пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. А. Вышнеградскомъ одна изъ гимназистокъ моего времени. «Николай Алексѣевичъ былъ простой человѣкъ. Врагъ всего ходульнаго, манернаго и напыщеннаго, онъ и насъ училъ быть простыми и естественными. Бывало, преважно начнешь отвѣчать на экзаменѣ заученныя, витіеватыя фразы, Ник. Алекс. сейчасъ-же остановитъ—«Нельзя-ли, душа моя, сказать это попроще, своими словами»... На экзаменѣ мы превесело проводили время и уходили съ экзамена почти всѣ довольныя, съ веселыми, сіяющими лицами. Хотя нашъ отвѣтъ и не произвелъ желаемаго эффекта, потому что мы были прерваны почти въ самомъ началѣ, за-то мы слышали прекрасную живую рѣчь, получали хорошія отмѣтки, на которыя былъ такъ щедръ Н. А. Онъ любилъ дѣтей всей душою, умѣлъ говорить съ ними, понималъ ихъ, а также понималъ ясно тѣ цѣли, къ которымъ должно было стремиться образованіе гимназистки, и достигалъ ихъ съ неутомимою силою и энергіей, присущими его могучему характеру и недюжиннымъ способ-

ностямъ. Онъ зналъ, что большинство изъ насъ не готовится своими блестящими фразами и изящными манерами блистать въ высшемъ аристократическомъ обществѣ, а запасается лишь необходимыми свѣдѣніями и приличными манерами, чтобы быть тихими труженицами на скромномъ педагогическомъ поприщѣ или еще болѣе въ скромномъ семейномъ быту. Благодаря ему, мы любили школу, были привязаны къ ней всѣмъ сердцемъ, и хотя по окончаніи курса немного знали, но выходили изъ школы съ желаніемъ совершенствоваться и съ привычкой къ труду. Онъ и его сподвижники посѣяли въ сердцахъ нашихъ тѣ добрыя сѣмена религіи и нравственности, безъ которыхъ трудно пройти тяжелый жизненный путь. Мы, ученицы его, будемъ съ любовью до конца дней нашихъ вспоминать дорогое для насъ его имя...» *). Н. А. Вышнеградскій слѣдилъ за гимназистками и внѣ заведенія.

Какъ-то разъ онъ встрѣтилъ на улицѣ гимназистку, шедшую впереди своей матери, которая притомъ несла еще книги своей дочери. Тутъ-же на улицѣ останавливаетъ Н. А. гимназистку и читаетъ ей такую нотацію относительно почитанія родителей, что бѣдная гимназистка не знала, куда дѣваться отъ стыда, схватила у матери книги и уже всегда ходила съ ней рядомъ. На слѣдующій день, во время моего урока, входитъ Н. А. въ классъ, взволнованнымъ голосомъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ гимназисткою, не упоминая, конечно, фамиліи ея, и въ горячихъ выраженіяхъ развиваетъ тему, что образованіе не даетъ еще никакого права относиться съ пренебреженіемъ къ родителямъ, къ какому-бы общественному классу они ни принадлежали, и что истинное образованіе нисходитъ къ самымъ очевиднымъ даже недостаткамъ окружающихъ.

Въ другой разъ гимназистки старшаго класса передали Н. А., что при возвращеніи ихъ изъ гимназіи домой, молодые люди извѣстнаго разряда провожаютъ ихъ, пристаютъ, отпускаютъ недостойные каламбуры. И вотъ нѣсколько дней сряду Н. А. самъ сопровождаетъ гимназистокъ, пока, наконецъ, не наталкивается на одного изъ такихъ нахаловъ, который послѣ надлежащаго внушенія и передается въ руки полиціи. И назойливыя приставанія къ гимназисткамъ съ тѣхъ поръ прекратились...

Въ педагогическомъ классѣ Н. А. читалъ педагогику. Лекторъ онъ былъ замѣчательный. Чрезвычайно громкій и гибкій голосъ, логичность и плавность изложенія, внушительная, часто ораторская жестикуляція, горячность, съ которою онъ читалъ лекцію, производили чарую-

---

*) «Женское Образованіе» 1883 г. Октябрь. Изъ ст. О—вой.

щее впечатлѣніе на слушательницъ и посѣвали въ нихъ стремленіе къ педагогическому поприщу. Какъ администраторъ, онъ обладалъ замѣчательнымъ педагогическимъ тактомъ. Онъ съумѣлъ образовать изъ преподавателей и надзирательницъ дружную педагогическую семью, съумѣлъ объединить ихъ вгляды на задачи заведенія какъ въ учебномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи, поддерживалъ въ насъ стремленіе къ научному и педагогическому самоусовершенствованію, предоставляя намъ свободу въ выборѣ учебниковъ, метода преподаванія, характера изложенія. Мы, молодые преподаватели, дѣлали, конечно, промахи, ошибки. Бывало, войдетъ въ классъ, извинится, что помѣшалъ, послушаетъ, сейчасъ-же подмѣтитъ какой-нибудь неудачный пріемъ, невѣрное объясненіе, вѣжливо попроситъ у преподавателя позволенія предложить дѣвицамъ нѣсколько вопросовъ, и предложитъ ихъ въ такой формѣ и съ такимъ искусствомъ, что только одинъ преподаватель, безъ всякихъ замѣчаній со стороны начальника, пойметъ, въ чемъ заключается недостатокъ—въ методѣ-ли преподаванія, научномъ-ли изложеніи или въ манерѣ обращенія съ дѣвицами. Онъ никогда не ронялъ авторитета преподавателя въ глазахъ дѣтей. Напротивъ, при входѣ и выходѣ изъ класса, онъ всегда скажетъ такую фразу, которая непремѣнно подниметъ учителя во мнѣніи дѣтей, въ родѣ, напр.: «Какъ внимательно слушаютъ у васъ, В. Я., дѣвицы; видно, онѣ очень цѣнятъ ваше преподаваніе». Или: «Какъ бойко, громко и толково отвѣчаютъ у васъ, Д. Д., ученицы; спасибо, дѣти!..» Или: «Съ какимъ видимымъ интересомъ слѣдятъ дѣвицы за вашимъ физическимъ опытомъ, П. И...» Мы очень многимъ обязаны Н. А. въ своей педагогической практикѣ.

Н. А. Вышнеградскій управлялъ Маріинскимъ училищемъ, равно какъ и другими петербургскими гимназіями, при немъ открытыми, въ продолженіи 9 лѣтъ, съ 1858 г. по 1867 г. Много горя и несправедливыхъ обвиненій вынесъ Н. А. въ послѣдніе годы управленія гимназіями. Со стороны враговъ разумной свободы и женскаго образованія въ частности на гимназіи посыпались обвиненія въ родѣ того, что въ гимназіяхъ будто преобладаютъ дѣти низшихъ сословій, что дѣвицы пользуются тамъ слишкомъ большой свободой, что имъ дается одностороннее образованіе, основанное на изученіи естественныхъ наукъ и т. д. И хотя Высочайше назначенная коммиссія не усмотрѣла въ дѣятельности Вышнеградскаго ничего противозаконнаго, тѣмъ не менѣе онъ былъ уволенъ, согласно прошенію, съ выдачею ему по милостивому ходатайству Императрицы Маріи Александровны до смерти получаемаго содержанія въ 3.620 р. и единовременно его го-

доваго оклада въ 4.420 р. Къ счастью для женскихъ гимназій, на мѣсто Вышнеградскаго назначенъ былъ И. Т. Осининъ, въ продолженіи 20 лѣтъ горячій и блестящій защитникъ женскихъ гимназій и педагогическихъ курсовъ. Но какіе-бы крупные недостатки ни имѣлъ Н. А. Вышнеградскій, какъ частный человѣкъ, за нимъ всегда останется слава перваго иниціатора, основателя и организатора первой въ Россіи женской гимназіи. А между тѣмъ судьба была къ нему далеко не милостива. За увлеченіе времени онъ поплатился службою; онъ умеръ въ больницѣ въ полномъ разцвѣтѣ силъ, 50 лѣтъ, какъ разъ въ день и часъ основанія Маріинскаго училища 19-го апрѣля 1872 г. въ 12 ч. дня съ лепетомъ на устахъ: «одно солнце на небѣ»... Родился онъ 5-го декабря 1821 г. въ Вышнемъ Волочкѣ, гдѣ онъ оставилъ по себѣ память основаніемъ первой провинціальной гимназіи; кромѣ деревяннаго креста надъ могилою его на Смоленскомъ кладбищѣ не возвышается никакого памятника, даже самаго скромнаго; портретъ его, пріобрѣтенный на гроши первыхъ его учениць, только недавно сталъ украшать стѣны Маріинской гимназіи; до сихъ поръ никто не потрудился напечатать его обстоятельную біографію; имя его забывается...

Говоря о Н. А. Вышнеградскомъ, нельзя не упомянуть добрымъ словомъ и преподавателя русской словесности и литературы В. Я. Стоюнина, этого второго столпа первой въ Россіи женской гимназіи, давшей типъ и закваску сотнямъ подобныхъ гимназій, разсѣяннымъ теперь по всему лицу земли русской, отъ Архангельска до Тифлиса и отъ Варшавы до Иркутска. По различнымъ воспоминаніямъ его учениць и моимъ собственнымъ можно составить о немъ такую характеристику. Сначала Владиміръ Яковлевичъ не понравился ученицамъ. Его высокая, сухая фигура, съ серьезнымъ выраженіемъ морщинистаго лица, съ проницательными, вдумчивыми глазами, вообще съ рѣзкими и неподвижными, какъ будто отлитыми изъ бронзы, чертами лица,—на первый разъ не возбуждала симпатіи, отталкивала отъ себя, но это только на первый разъ. Стоило только гимназисткамъ поближе его узнать услышать его ровную, спокойную рѣчь, всегда вѣское слово, и онѣ убѣждались, что въ этомъ человѣкѣ бьется горячее сердце, отзывчивое на все доброе, правдивое и честное, равно привлекавшее каждую изъ нихъ. Уже въ первый годъ учительской дѣятельности В. Я. въ гимназіи, онъ успѣлъ завоевать симпатіи всѣхъ безъ исключенія молодыхъ слушательницъ. Что-же, однако, влекло ихъ къ нему? Вѣдь уроки его далеко не отличались краснорѣчіемъ: говорилъ онъ тихо, медленно, однообразно, не обладалъ онъ и привлекательной на-

ружностью, всегда былъ сдержанъ, молчаливъ. Но въ томъ-то и дѣло, что всегда умное, авторитетное слово, глубина знанія, высоконравственный характеръ, до щепетильности добросовѣстное исполненіе своей обязанности, строгое и безпристрастное отношеніе ко всѣмъ безъ различія, вполнѣ вѣжливое обращеніе, невольно влекли къ нему всѣхъ— и дѣтей, и товарищей. А вѣдь первыя гимназистки старшаго класса вовсе не были приготовлены къ серьезнымъ занятіямъ отечественнымъ языкомъ: онѣ мало читали, а писать толково и грамотно многія изъ нихъ совсѣмъ не умѣли. «Мы, бывало,—говорила мнѣ одна изъ нихъ,—писали плохенькія сочиненія; но намъ и въ голову не приходило подать В. Я. не свое сочиненіе. Мы знали, что каждое сочиненіе, какъ-бы слабо ни было, будетъ прочтено В. Я. внимательно, всѣ ошибки подчеркнуты, а на слѣдующій урокъ онъ его подробно разберетъ, не обидѣвъ насъ ни однимъ рѣзкимъ замѣчаніемъ, ни тѣнью насмѣшки... И мы его полюбили, полюбили и его уроки, полюбили и родную литературу, полюбили и учительское поприще. А какимъ добрымъ, простымъ и ласковымъ являлся онъ на вечерахъ, которые изрѣдка устраивались въ нашей гимназіи. Тутъ онъ совсѣмъ сбрасывалъ свою обыденную серьезность и неподвижность. Надо было видѣть, какъ просто, безъ всякихъ претензій, какъ искренно и непринужденно танцовалъ онъ, шутилъ, смѣялся въ обществѣ молодежи, бывшей и тогда и до послѣднихъ дней его жизни милой ему и дорогой... Одна изъ насъ, М. Н. Тихменева, сдѣлалась впослѣдствіи его женой...»

Лѣтъ пять тому назадъ и въ моей жизни произошелъ фактъ, тронувшій меня до глубины души. Возвратившись въ Петербургъ послѣ 14-ти-лѣтняго пребыванія на Кавказѣ, семья моя въ 1887 году проводила лѣто въ Павловскѣ. Послѣ утренней прогулки, я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за какой-то работой и не замѣтилъ, какъ кто-то тихо вошелъ въ кабинетъ.

— Дмитрій Дмитріевичъ! Вы помните эту тетрадку, раздался надо мною пріятный, женскій голосъ.

Я обернулся. Передо мною стояла высокая стройная женщина, уже съ проссѣдью на головѣ, но съ выразительными, живыми глазами, полными жизни. Я взялъ эту тетрадку, уже пожелтѣвшую отъ времени. Это были географическіе чертежи съ моими поправками и помѣтками.

— Я храню ее, какъ святыню, продолжала она.—Я съ восторгомъ вспоминаю то доброе, старое время, когда училась въ гимназіи. Любила я и ваши уроки, на которыхъ вы учили насъ чертить геогра-

фическія карты при себѣ, въ классѣ-же; насъ интересовали ваши разсказы о природѣ различныхъ странъ, о жизни разныхъ народомъ, объ открытіяхъ и путешествіяхъ... А Вышнеградскій, Стоюнинъ, Степановъ? Всѣ вложили въ нашу душу сѣмена знаній, любви къ труду и добру. Я давно уже мать. Гимназіи я обязана и своимъ образованіемъ и своей счастливой семейной жизнью; у меня трое дѣтей. Одинъ сынъ уже оканчиваетъ гимназію и поступаетъ въ университетъ; другой въ 4-мъ классѣ; дочь учится въ той-же Маріинской гимназіи, гдѣ училась и я. Я сама приготовила ихъ въ учебныя заведенія и теперь слѣжу за ихъ занятіями...

Я узналъ, конечно, одну изъ своихъ лучшихъ учениць. Мы разговорились. Стали вспоминать о тѣхъ дружескихъ, простыхъ, задушевныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между ученицами и ихъ начальникомъ, наставниками и надзирательницами; о тѣхъ гуманныхъ началахъ, которыя были положены въ основу всего режима гимназіи, о той непринужденной веселости, которая царила между дѣтьми, о той охотѣ, съ которой тамъ учили и учились; вспоминали о частыхъ посѣщеніяхъ гимназіи принцемъ Ольденбургскимъ, о необычайно привѣтливомъ обращеніи Его Высочества со всѣми дѣвочками, безъ различія ихъ происхожденія, служебнаго и общественнаго положенія; вспоминали и о томъ, какъ беззаботно мы веселились на нашихъ семейныхъ вечерахъ... Всѣ любили гимназію: и Императрица, и принцъ Ольденбургскій, и родители, и дѣти, и наставники, и надзирательницы, а любовь творитъ чудеса...

— А теперь какъ будто не то, прибавила она грустно.—Уже многому стали учить нашихъ дѣвочекъ, приходятъ домой нерѣдко съ головной болью; сидятъ бѣдныя за уроками до поздней ночи; остается мало времени для семейныхъ развлеченій и радостей, для чтенія; мало заботятся о развитіи сердца, характера. Да и учителя относятся къ дѣтямъ какъ-то холоднѣе, черствѣе, строже, чѣмъ въ наше время.

— Въ вашихъ словахъ есть много правды, успокаивалъ я свою собесѣдницу.—Но не будемъ строги къ нынѣшнимъ гимназіямъ. Теперь онѣ уже слишкомъ переполнены учащимися! Въ одномъ классѣ сидитъ иногда 40—50 учениць. А при такомъ числѣ есть-ли возможность наблюдать за физическимъ здоровьемъ дѣтей, слѣдить за индивидуальнымъ развитіемъ каждой ученицы, уравновѣшивать умственное и эстетическое образованіе. Оттого-то я предпочитаю частныя женскія гимназіи, гдѣ и воспитываю своихъ дочерей. Тамъ теплѣе, сердечнѣе, индивидуальнѣе относятси къ нашимъ дѣвочкамъ, да и не относятся тамъ строго, если ученица пропуститъ три-четыре

дня каждый мѣсяцъ, особенно въ 14—15 лѣтъ. Вы, какъ мать, понимаете, о чемъ я говорю. Ваши слова доказываютъ только, что организація нашей гимназіи еще не кончена, и никогда не можетъ быть кончена, потому что всякая школа не мертвое, а живое дѣло, постоянно должна улучшаться, совершенствоваться. По моему мнѣнію, лучше имѣть побольше гимназій, да съ меньшимъ числомъ дѣтей, чѣмъ столь многолюдныя. Оттого-то и нравилось намъ Маріинское училище, что оно представляло изъ себя дружную семью...

Мы возобновили знакомство и остаемся до сихъ поръ добрыми друзьями....

Подобнымъ образомъ относились къ своей alma mater всѣ ея первыя гимназистки — піонерки. Гдѣ-то онѣ теперь? Судьбу большинства изъ нихъ я знаю. Одна изъ нихъ основала въ Петербургѣ одну изъ лучшихъ женскихъ частныхъ гимназій; другая занимаетъ отвѣтственный постъ начальницы женскаго епархіальнаго училища въ одномъ изъ губернскихъ городовъ; третья состоитъ начальницею въ одной прогимназіи на Кавказѣ; трое въ теченіе 30 лѣтъ служатъ въ качествѣ учительницъ-воспитательницъ въ той-же Маріинской гимназіи и до сихъ поръ пользуются особенной любовью дѣтей; седьмая—прекрасная учительница городской начальной школы; остальныя сдѣлались матерями и сами учатъ и воспитываютъ своихъ собственныхъ дѣтей... Это-ли не фактическое доказательство противъ тѣхъ недостойныхъ инсинуацій и нелѣпыхъ нареканій, которыя посыпались было на Маріинскую и другія гимназіи при самомъ началѣ ихъ возникновенія со стороны тайныхъ и явныхъ противниковъ всякаго прогресса. Единичныя-же исключенія всегда были и будутъ; но они зарождаются не въ школѣ, а внѣ ея, въ самомъ обществѣ. Посмотримъ теперь, каково было начало и распространеніе гимназій.

IV.

Въ день открытія, 19-го апрѣля 1858 года, въ Маріинское училище поступило 162 дѣвицы. Черезъ мѣсяцъ ихъ было уже 250. Въ августѣ потребовалось открыть еще три училища: Василеостровское, Коломенское и Петровское. Въ слѣдующемъ 1859 году стали возникать подобныя училища и въ провинціи. Въ виду ихъ быстраго умноженія послѣдовало Высочайшее повелѣніе о распредѣленіи учрежденныхъ и учреждаемыхъ женскихъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ между вѣдомствами учрежденій Императрицы Маріи и народнаго просвѣщенія; въ первомъ вѣдомствѣ назначено состоять лишь тѣмъ учили-

щамъ, которыя получаютъ субсидію отъ этого вѣдомства. Въ 1861 г., при обсужденіи проектовъ устава и штатовъ этихъ училищъ, Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній имѣлъ уже полное право сказать, что «училища блистательнымъ своимъ развитіемъ доказали, насколько общество глубоко сочувствуетъ воззрѣнію правительства на настоящій способъ образованія женскаго пола». 9-го января 1862 г. уставъ и штаты удостоились Высочайшаго утвержденія. Въ томъ-же 1862 г. училища переименованы въ гимназіи.

Еще раньше, въ 1860 г. при Маріинскомъ училищѣ открытъ педагогическій классъ для спеціальнаго приготовленія учительницъ и воспитательницъ. Въ 1863 г. этотъ классъ преобразованъ въ *Педагогическіе курсы* С.-Петербургскихъ женскихъ гимназій. Къ концу 1864 г. число гимназій вѣдомства возрасло до 17, а съ 1865 г. и три московскія гимназіи вошли въ составъ учрежденій Императрицы Маріи. Въ 1870 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Вообще быстрый ростъ женскихъ гимназій по истинѣ изумителенъ. По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета за 1880 г. оказывается, что въ 1858 году существовало во всей Имперіи только четыре женскія гимназіи, а по истеченіи 22-хъ лѣтъ число ихъ возрасло до 262 (106 гимназій и 156 прогимназій). Такого числа не имѣетъ ни одна другая категорія учебныхъ заведеній въ Россіи — ни мужскихъ, ни женскихъ *). А по свѣдѣніямъ Педагогическаго календаря за 1891 — 1892 г. В. А. Воскресенскаго, въ настоящее время женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія 233, вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи 31, всего 264. Учащихся дѣвицъ въ тѣхъ и другихъ насчитывается около 72.000. Въ общее число не вошло еще 56 частныхъ женскихъ учебныхъ заведеній съ курсомъ гимназій и прогимназій. Къ сожалѣнію, мы не могли найти нигдѣ точнаго числа учащихся въ нихъ дѣтей, но безошибочно можно сказать, что въ настоящую минуту получаютъ среднее образованіе не менѣе 100.000 дѣвицъ, только въ однѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, не принимая въ разсчетъ 30 институтовъ и 40 женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Не доказываетъ-ли все сказанное нами, что женскія гимназіи вполнѣ удовлетворяютъ потребностямъ русскаго общества, пришлись ему по

---

*) Такъ, по тѣмъ-же свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета, въ 1880 г. числилось: мужскихъ гимназій 123, прогимназій 76, духовныхъ училищъ 164, реальныхъ училищъ 61, военныхъ гимназій 17, женскихъ институтовъ 80, духовныхъ женскихъ училищъ 42.

вкусу и что онѣ заложили прочный фундаментъ. Въ самомъ дѣлѣ, женскія гимназіи родились въ счастливую минуту, когда взошелъ на престолъ молодой государь съ самыми благими и широкими намѣреніями осчастливить свой народъ, послѣ перенесенныхъ страданій отъ тягостной и разрушительной войны, когда русская царица сама прониклась мыслью даровать русской дѣвушкѣ образованіе, болѣе согласное съ потребностями времени, когда у престола стоялъ столь горячій и безкорыстный ревнитель просвѣщенія, какимъ былъ Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій; когда раздались могучіе голоса передовыхъ людей о пользѣ и необходимости перевоспитанія русской женщины, какъ будущей матери-гражданки, когда на Руси явился и человѣкъ, съумѣвшій провести въ жизнь и организовать новый типъ учебнаго заведенія такъ, что сразу возбудилъ къ нему симпатіи родителей и дѣтей, когда наконецъ и само общество откликнулось на призывъ своей царицы!..

«Какъ геній радости, она предъ нами стала
«И все прекрасное съ собой намъ принесла;
«И намъ она мила, какъ счастья упованье!
«Она свой трудный путь съ достоинствомъ пройдетъ.
«Въ ней не обманется Россіи ожиданье!»

(Изъ стих. Жуковскаго).

Когда теперь, по истеченіи 33-хъ лѣтъ послѣ открытія первой въ Россіи женской гимназіи, вдумаешься въ то, оправдала-ли гимназія благія предначертанія правительства, ожиданія общества, то приходишь къ твердому убѣжденію, что еще въ сравнительно небольшой періодъ времени она уже сослужила добрую службу и государству, и обществу, и семьѣ, что она съ честью исполнила и исполняетъ свою святую миссію. Да, велико значеніе русской женской гимназіи!..

Первѣе всего гимназія оказываетъ замѣчательное просвѣтительное вліяніе на среду, изъ которой выходитъ и въ которую снова возвращается, улучшаетъ нравственный и матеріальный бытъ русской небогатой семьи.

«Кто помнитъ Петербургскую сторону за 15 лѣтъ тому назадъ,— говорилъ въ своей рѣчи священникъ Д. И. Флоринскій на публичномъ актѣ въ Петровской гимназіи (1873 г.),—тотъ не можетъ не сознаться, что ея жители имѣли весьма мало средствъ для образованія своихъ дѣтей женскаго пола. На всей этой огромной окраинѣ, имѣющей до 20.000 жителей, были лишь два учебныя заведенія для дѣвицъ, да и то закрытыя и по своей цѣнѣ доступныя весьма немногимъ, низшихъ приготовительныхъ училищъ тоже почти не было...

Вся Петербургская окраина была «покрыта темнотою». Но вотъ прошло 15 лѣтъ, и эта «темнота» начала исчезать и съ Петербургской стороны; на ней замѣтно произошло необычайное умственное движеніе. Пусть внимательный наблюдатель посмотритъ на эту «сторону» въ раннее утро. Какія это дѣвицы и малолѣтнія дѣвочки, съ книжками и тетрадками, во всякую погоду, въ дождь и холодъ, спѣшатъ къ дому Аверина,—спѣшатъ съ отдаленной Выборгской стороны, съ Аптекарскаго острова, отъ Колтовской и отъ домика Петра I. Это ученицы гимназіи. Иныя изъ нихъ посинѣли отъ холода, на иныхъ и одежда и обувь очень скудны, но идутъ онѣ весело; куда-же спѣшатъ онѣ? Въ гимназію. Пройдите по глухимъ улицамъ Петербургской стороны, почти въ каждой изъ нихъ вы встрѣтите вывѣску съ надписью «Приготовительное училище». Кто эти молодыя труженицы, которыя по нѣскольку часовъ въ день, за самую ничтожную плату, занимаются съ малолѣтними дѣтьми? Это ученицы гимназіи. Загляните вы въ квартиру небогатаго промышленника или мастероваго: тамъ, среди скудной обстановки, вы увидите молодую дѣвушку, изучающую географію, физику и языки; нерѣдко около нея увидите ея маленькаго брата, котораго она учитъ грамотѣ съ терпѣніемъ и любовію, увидите даже ея неграмотныхъ родителей, съ глубокимъ благоговѣніемъ слушающихъ Евангеліе, которое имъ читаетъ ихъ дочь на понятномъ для нихъ языкѣ. Кто эти молодыя дѣвушки? Это ученицы гимназіи. Не подумайте, что я фантазирую; нѣтъ, факты, которые я привелъ, заимствованы изъ моихъ личныхъ наблюденій, и желающій можетъ ихъ провѣрить.

«Какъ въ первые вѣка христіанства во многихъ странахъ и у многихъ народовъ женщина являлась первою проповѣдницею и распространительницею вѣры Христовой, такъ и на нашей Петербургской сторонѣ женщина явилась первымъ миссіонеромъ просвѣщенія.

«Наша женская гимназія первая внесла въ нашу окраину и поддерживаетъ въ ней свѣточъ образованія. Пусть этотъ свѣточъ еще слабъ, но для людей, находящихся во мракѣ, дорогъ и малѣйшій лучъ свѣта. Пусть уровень образованія, которое даетъ гимназія, еще не такъ высокъ, какъ, быть можетъ, желалось-бы; важно то, что среди населенія, которое чуть не бѣгало образованія, она пробудила къ нему любовь. Вотъ, по моему мнѣнію, величайшая заслуга нашей гимназіи; въ этомъ заключаются плоды ея 15-тилѣтняго существованія».

Во-вторыхъ, несомнѣнно, женскія гимназіи главнымъ образомъ способствовали созданію у насъ женскаго самостоятельнаго труда. «Въ самой жизни, въ отдаленныхъ провинціяхъ,—говорилъ В. П. Остро-

горскій на юбилейномъ торжествѣ, спустя 25 лѣтъ послѣ открытія Маріинскаго училища,—явилось неслыханное дотолѣ чудо: образованная дѣвушка, учащая крестьянъ и своимъ добрымъ вліяніемъ гуманизирующая грубую среду; дѣвушка-врачъ, разгоняющая въ средѣ мракъ погубнаго суевѣрія и дикости; въ рисовальныхъ школахъ, въ консерваторіяхъ, русская дѣвушка учится добывать себѣ честный кусокъ хлѣба; въ городскихъ училищахъ, во множествѣ женскихъ учебныхъ заведеній не одна сотня дѣвушекъ съ честью работаетъ, какъ учительница и воспитательница; часто единственной учительницей своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ является нынѣ дѣвушка въ своей семьѣ, гдѣ отсутствуютъ средства къ образованію; эта-же дѣвушка, въ минувшую турецкую кампанію, явилась истиннымъ ангеломъ русскаго страждущаго солдата въ образѣ сестры милосердія! И огромное большинство этихъ новыхъ женщинъ обязаны и кускомъ хлѣба, и честной дѣятельностью, именно, гимназіямъ, безъ которыхъ эти труженицы были-бы въ семьяхъ и государствѣ только безполезнымъ бременемъ».

А теперь? Теперь русская женщина съ успѣхомъ работаетъ на ученомъ и литературномъ поприщахъ; русскую гимназистку можно встрѣтить за кропотливой счетной работой въ конторѣ, она не боится стать у типографскаго, телеграфнаго и телефоннаго станка; аптеки, зубоврачебные кабинеты уже ждутъ ея дѣятельности; даже рукодѣлія и ручной трудъ спорятся въ ея рукахъ. Вообще, гдѣ требуется аккуратность, терпѣніе, безукоризненная честность, добросовѣстное исполненіе обязанности, при скромномъ вознагражденіи за трудъ—вездѣ гимназистка съ честью занимаетъ мѣсто. Но самою симпатичною и желательною является гимназистка въ роли учительницы. И какъ изъ институтокъ выходили хорошія гувернантки, такъ въ гимназіяхъ выработался типъ учительницы—элементарной, народной съ солиднымъ образованіемъ общимъ и спеціально-педагогическимъ. Мы понимаемъ гимназистку, прошедшую или 8-ой педагогическій классъ, или педагогическіе курсы. Въ продолженіи 25-ти-лѣтней педагогической практики мнѣ близко и подолгу приходилось наблюдать дѣятельность учительницы-гимназистки и въ глухой деревнѣ, и въ городѣ, и въ столицѣ. И вездѣ воочію я убѣждался въ томъ неотразимомъ воздѣйствіи, какое имѣла учительница на дѣтей изъ самаго низшаго слоя какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Вотъ что, напр., я писалъ въ своемъ отчетѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, о петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ, содержимыхъ столичною Думою *): «Немного

*) Авторъ настоящихъ воспоминаній Д. Д. Семеновъ уже 8 лѣтъ состоитъ при петербургской думѣ экспертомъ по учебной части. *Ред.*

мужскихъ школъ представляютъ образецъ такихъ училищъ для мальчиковъ, въ которыхъ безъ всякихъ наказаній, по силою характера, стойкостью даннаго слова, серьезнымъ и разумнымъ преподаваніемъ учительницы, дѣти научаются цѣнить школу, уважать авторитетъ учащаго и серьезно относиться къ дѣлу. Площадная брань, мелкая кража, дѣтскія драки въ этихъ школахъ немыслимы. Замѣчательно, что дѣти пріучены не только прилично сидѣть и внимательно слушать въ классѣ, въ присутствіи учительницы, но даже безъ нея; во время перемѣнъ ученики ведутъ себя, какъ благовоспитанныя дѣти; играютъ, поютъ, разговариваютъ, шалятъ, но безъ дракъ и ссоръ. Немудрено, что при такой образцовой дисциплинѣ, дѣти оказываютъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ; книги и тетрадки въ порядкѣ»...

«По выработанному и цѣлесообразному обращенію съ дѣвочками, по умѣнью будить въ нихъ любознательность, охоту къ ученью, по умѣнью привить имъ хорошія нравственныя привычки, отличается немало и женскихъ лицъ, гдѣ дѣвочки читаютъ, произносятъ стихотворенія, объясняютъ рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ, дѣлаютъ грамматическій разборъ, пишутъ толково, бойко, умно; въ то-же время дѣвочки очень скромны, привѣтливы, послушны, всегда умыты, причесаны, прилично одѣты; тетради и книги содержатся въ аккуратности и чистотѣ. На всемъ виденъ отпечатокъ образцовой, умной, заботливой воспитательницы-учительницы...»

И все это дѣлается въ какихъ-нибудь 3—4 года пребыванія дѣтей въ школѣ. Положительно, можно сказать, что при самомъ возникновеніи у насъ народныхъ школъ, не будь учительницъ-гимназистокъ, пришлось-бы довольствоваться мало-образованными и плохо подготовленными учителями, которые на первыхъ-же порахъ уронили-бы школьное дѣло.

Въ-третьихъ, женская гимназія пріучила родителей и общество самимъ заботиться о воспитаніи дѣтей; женскія гимназіи сами себя содержатъ, получая правительственной субсидіи 1.000—3.000 р., слѣдовательно, не обременяютъ государственнаго бюджета; притомъ содержатся безъ всякой излишней роскоши, скромно, экономно. Въ то время, какъ содержаніе одного мужскаго средняго учебнаго заведенія обходится 31.194 р. въ годъ, женскаго—лишь 20.648 р.; обученіе одного мальчика стоитъ въ годъ 134 р., дѣвочки 103 р.; когда по мужскимъ заведеніямъ главный источникъ содержанія даетъ государство, а именно около $^3/_5$ (58%), на женскія учебныя заведенія оно отпускаетъ лишь $^1/_{10}$ (11,4%) общаго годоваго бюджета. (Врем. центр. стат. ком. № 1).

Въ-четвертыхъ, женская гимназія въ Россіи содѣйствовала сближенію семьи со школою, содѣйствовала и тому, что и институтка, наконецъ, выведена изъ своего затворничества, и она получила доступъ въ семью. Теперь уже изгладилось то рѣзкое различіе, которое прежде замѣчалось между институткою и гимназисткою; теперь на ряду съ гимназисткою можно встрѣтить и институтку въ высшихъ и педагогическихъ женскихъ курсахъ, на разныхъ поприщахъ практической дѣятельности. Столь велико взаимное вліяніе школы и семьи!..

Въ-пятыхъ, по типу женскихъ гимназій возникли у насъ для дочерей духовенства епархіальныя женскія училища, число которыхъ доведено въ настоящее время до 42-хъ, а для дочерей достаточнаго класса частныя женскія учебныя заведенія съ среднеобразовательнымъ курсомъ; такихъ заведеній насчитывается теперь 56. Изъ нихъ 8 пользуются правами правительственныхъ гимназій, а 48 носятъ названіе женскихъ училищъ 1-го разряда (ibid.). Одна изъ лучшихъ частныхъ женскихъ гимназій основана и содержится маріинкою первыхъ выпусковъ М. Н. Стоюниной.

Но самая важнѣйшая заслуга русской женской гимназіи состоитъ въ томъ, что она положила начало развитію въ женщинѣ *общечеловѣческаго чувства*, *гуманно-христіанскаго направленія* въ ея дѣятельности, къ какой-бы средѣ она ни принадлежала, къ богатой или бѣдной, къ знатной или незнатной. Женская гимназія, принявъ этотъ принципъ, уничтожила вопросъ о существенномъ отличіи образованія женщины отъ мужчины. Оба эти понятія связались въ одномъ понятіи «человѣкъ», которое, допуская нѣкоторыя физіологическія различія въ обоихъ полахъ, не допускаютъ нравственнаго или умственнаго превосходства одного надъ другимъ; надо только, чтобы женщина всегда оставалась женственной. Не можетъ пострадать идеалъ жены и матери оттого, что возвысился идеалъ женщины какъ человѣка. Семья непремѣнно должна была выиграть отъ такого направленія образованія. Чтобы воспитать дѣтей не для себя, а для дѣятельной жизни, нужно имѣть передъ собою высшій идеалъ—идеалъ человѣка, независимо отъ внѣшняго положенія, а чтобы имѣть его, необходимо въ самомъ себѣ чувствовать стремленіе къ высшимъ интересамъ жизни. Сближеніе двухъ половъ въ общихъ духовныхъ интересахъ должно непремѣнно поднять нравственный уровень не только семьи, но современемъ и общества. А если стремленіе семьи и общества направлено къ совершенству посредствомъ воспитанія въ женщинѣ прежде всего идеала «человѣка», то можно-ли упрекать женскую гимназію въ томъ, что она выпускаетъ дѣвицъ безъ практическихъ знаній, необходимыхъ

для пріобрѣтенія средствъ къ жизни, и что для этого она должна еще пройти высшіе, педагогическіе или другіе профессіональные курсы; можетъ-ли жаловаться на то, что гимназистки не блистаютъ на балахъ и собраніяхъ, а предпочитаютъ въ свободное время почитать дѣльную книжку; заслуживаетъ-ли порицанія гимназистка, кончившая курсъ, которая, не смотря на свое богатство и знатность, протянетъ публично руку своей бѣдной подругѣ въ ситцевомъ платьѣ и старомодной шляпкѣ?..

Пусть-же женскія гимназіи подъ сѣнію своей вѣнценосной Покровительницы продолжаютъ давать дѣвицамъ общечеловѣческое образованіе, пусть воспитываютъ въ нихъ способность къ честной, трудовой дѣятельности; пусть *гуманно-христіанское* направленіе, которое онѣ получаютъ въ гимназіи, служитъ имъ путеводною звѣздою въ ихъ будущей семейной и общественной жизни.

Д. Семеновъ.

Вопросъ объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій въ зависимости отъ ихъ положенія въ семьѣ и домашней обстановки.

(*Окончаніе*).

На основаніи всего вышесказаннаго, мы находимъ нужнымъ къ тѣмъ требованіямъ, которыя, по словамъ профессора Циглера, школа имѣетъ право предъявлять семьѣ, а именно: «чтобы она, семья, предоставила своимъ дѣтямъ возможность учиться, т.-е. дала имъ мѣсто, спокойствіе, освѣщеніе, гдѣ нужно—помощь, и чтобы она во всякомъ случаѣ слѣдила за тѣмъ и заботилась о томъ, чтобы работа, дѣйствительно, была исполнена»,—къ этимъ требованіямъ мы находимъ нужнымъ прибавить еще одно, по нашему мнѣнію, не менѣе важное, безъ исполненія котораго всѣ остальныя теряютъ свое значеніе. Оно состоитъ въ томъ, чтобы родители нетолько неутомимо слѣдили за прилежнымъ и точнымъ исполненіемъ заданныхъ школою работъ, но также и за тѣмъ, чтобы для этого было выбираемо самое удобное и самое цѣлесообразное время. Въ особенности родители ни въ какомъ случаѣ не должны позволять своимъ дѣтямъ работать поздно вечеромъ, или даже ночью; они должны слѣдить, чтобы ихъ дѣти раньше ложились и раньше вставали. Родители должны смотрѣть на это правило, какъ на такое, нарушеніе котораго не слѣдуетъ допускать ни подъ какимъ условіемъ. Сонъ для дѣтей столь-же важная потребность для физическаго ихъ развитія, какъ и пища. Вотъ какое мнѣніе по этому вопросу высказываетъ вышеназванный нами профессоръ Грацскаго университета, извѣстный психіатръ Крафтъ-Эбингъ. Приводя разныя условія сохраненія нервной системы, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Сонъ представляетъ наиболѣе важное средство для возстановленія утомленной нервной системы. Во время сна накопляется достаточно силы напряженія, чтобы покрыть умственныя и тѣлесныя издержки дневнаго бюджета. По этой причинѣ здоровый организмъ

и чувствуетъ себя утромъ наиболѣе расположеннымъ къ работѣ и на самомъ дѣлѣ оказывается къ ней наиболѣе способнымъ. Такимъ образомъ, пословица «Morgenstunde hat Gold im Munde» (утро вечера мудренѣе) находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ медицинѣ».

Намъ остается разсмотрѣть третью и послѣднюю изъ тѣхъ причинъ, которыми, по нашему убѣжденію, весьма часто слѣдуетъ объяснить то прискорбное явленіе, что въ самомъ дѣлѣ и теперь еще не малое число учениковъ нашихъ гимназій не только встрѣчаютъ разныя затрудненія при прохожденіи курса, но нерѣдко дѣйствительно бываютъ обремененны требованіями школы.

Эта послѣдняя причина заключается, какъ мы уже выше сказали, по нашему мнѣнію, въ томъ, что многіе изъ родителей учениковъ гимназій слишкомъ мало заботятся о всестороннемъ физическомъ развитіи своихъ дѣтей, опуская изъ виду, что только болѣе или менѣе здоровый, крѣпкій и физически хорошо развитый мальчикъ въ состояніи исполнять требованія школы вполнѣ удовлетворительно и безъ всякаго для себя обремененія.

Намъ хорошо извѣстно, что есть врачи-спеціалисты, которые утверждаютъ, будто сама гимназія вовсе не заботится о физическомъ развитіи своихъ учениковъ, что именно она-то главнымъ образомъ и повинна въ томъ, что многіе изъ ввѣренныхъ ей дѣтей — мальчики слабые, тѣлесно неразвитые и расположенные къ разнымъ болѣзнямъ. Эти врачи говорятъ, приблизительно, слѣдующее: «нерѣдко мы видимъ факты, что въ школу отдано существо свѣжее, энергичное, съ румянымъ личикомъ, образцовымъ составомъ крови и правильнымъ, гармоническимъ развитіемъ всего организма, а по прошествіи двѣнадцатилѣтнихъ школьныхъ занятій получается субъектъ худой, тщедушный, малокровный, близорукій, сутуловатый, со впалою грудью и подозрительнымъ цвѣтомъ лица, наклонный къ головной боли, нервной раздражительности, неспособный противодѣйствовать болѣзнетворнымъ вліяніямъ».

Вотъ въ чемъ обвиняются наши гимназіи, и притомъ не кѣмъ-нибудь, но именно людьми науки. Намъ, однако, эти и подобныя обвиненія представляются, если не сказать легкомысленными, то, по крайней мѣрѣ, ни на чемъ не основанными и ни чѣмъ не доказанными. Вѣдь, и въ настоящее время какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни заключеніе post quod ergo propter quod едва-ли можно признать безусловно вѣрнымъ. Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что дѣйствительно есть въ нашихъ гимназіяхъ ученики, которые страдаютъ или нѣкоторыми, или даже всѣми выше столь краснорѣчиво перечисленными недугами. Но въ одномъ мы позво-

ляемъ себѣ сильно сомнѣваться, а именно въ томъ, что всѣ эти недуги явились у страдающихъ ими учениковъ, только благодаря двѣнадцатилѣтнимъ школьнымъ занятіямъ, и далѣе, что будто эти-же самые ученики, при поступленіи своемъ въ гимназію, дѣйствительно были дѣти вполнѣ здоровыя, свѣжія, энергичныя, разумныя, обладающія образцовымъ составомъ крови, однимъ словомъ, были, по отношенію къ тѣлесному своему развитію, какія-то почти идеальныя существа. Напротивъ, на основаніи почти 30-лѣтнихъ наблюденій, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что тѣ ученики, которые при своемъ поступленіи въ гимназію были дѣтьми въ самомъ дѣлѣ здоровыми и физически хорошо развитыми,—тѣ и при окончаніи ими гимназическаго курса обыкновенно оказываются юношами здоровыми и крѣпкими, исключая, конечно, тѣхъ случаевъ, когда какая-нибудь тяжкая болѣзнь, постигшая ученика во время его пребыванія въ гимназіи, сразу и на болѣе или менѣе продолжительное время надорвала всѣ физическія его силы. Съ другой стороны, при помощи тѣхъ-же самыхъ долголѣтнихъ наблюденій, мы убѣдились и въ томъ, что тѣ ученики, которые при своемъ поступленіи оказываются дѣтьми слабыми, малокровными, золотушными, физически слаборазвитыми, дѣйствительно не всегда на столько развиваются во время ученія въ гимназіи, чтобы при окончаніи курса они оказались свободными отъ всѣхъ выше перечисленныхъ тѣлесныхъ недуговъ. Но этому, какъ мы, по крайней мѣрѣ, полагаемъ, едва-ли слѣдуетъ удивляться: вѣдь, гимназія не лечебное, а *учебное* заведеніе.

А что обыкновенно число такихъ учениковъ, которыхъ, при ихъ поступленіи въ наши гимназіи, никакимъ образомъ нельзя причислить къ вышеописаннымъ въ физическомъ отношеніи идеальнымъ существамъ, но, къ крайнему сожалѣнію, слѣдуетъ признать дѣтьми болѣзненными и вообще тѣлесно очень слаборазвитыми,—что число такихъ учениковъ довольно велико, это хорошо извѣстно каждому гимназическому врачу, а также и начальникамъ гимназій. Такъ, напримѣръ, въ гимназіи, въ которой служитъ пишущій эти строки, еще въ началѣ текущаго учебнаго года, т.-е. въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ, врачемъ заведенія, спеціалистомъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, надъ всѣми 34 учениками, поступившими въ этомъ году прямо изъ дому въ приготовительный (20) и I классы (14), былъ сдѣланъ самый тщательный общій физическій осмотръ, наиболѣе важныя кардинальныя наблюденія и измѣренія, какъ-то: вѣса, роста, размѣровъ окружностей головы, груди и проч., а также изслѣдованія остроты зрѣнія и слуха. При этомъ, послѣ такого всесторонняго изслѣдованія, оказа-

лось, что несмотря на то, что большинство этихъ дѣтей принадлежитъ къ интеллигентной средѣ, что матеріальное положеніе ихъ родителей болѣе или менѣе хорошо обезпечено, что дѣти эти живутъ въ одной изъ самыхъ здоровыхъ частей города, все-таки, при раздѣленіи всѣхъ ихъ на три группы, было найдено, что число учениковъ, принадлежащихъ къ первой группѣ, т.-е. къ группѣ, обнимающей дѣтей, обладающихъ дѣйствительно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и представляющей типъ мальчиковъ, плотно-хорошо упитанныхъ и правильно сложенныхъ, съ равномѣрно развитыми костною, мышечною и подкожно-жирною тканями, общее питаніе и кроветвореніе которыхъ безукоризненны, видъ вполнѣ свѣжій, бодрый и здоровый, средненормальныя измѣренія вѣса, роста, окружностей головы, груди и пр. у нихъ вполнѣ соотвѣтствуютъ средне-нормальнымъ измѣреніямъ; зрѣніе или вполнѣ нормальное, или-же очень острое,—оказалось, что число учениковъ, принадлежащихъ къ этой 1-й группѣ, было только 9 изъ 34-хъ, т.-е. 26,5%. Ко *второй* группѣ были отнесены дѣти, которыя, хотя не представляли особенныхъ и выдающихся какихъ-либо физическихъ недостатковъ, тѣмъ не менѣе обнаруживали посредственное питаніе, съ замѣтными слѣдами либо малокровія, либо бывшей англійской болѣзни, либо золотухи. При измѣреніяхъ вѣса, роста, окружностей головы, груди и пр., въ этой группѣ были замѣчены нѣкоторыя колебанія въ уклоненіе отъ средне-нормальныхъ измѣреній. При изслѣдованіи зрѣнія оказалось два крайне близорукихъ ученика ($\frac{8}{20}|\frac{6}{20}$ и $\frac{12}{20}|\frac{5}{20}$), остальные обладали болѣе или менѣе нормальнымъ зрѣніемъ. Число учениковъ, относящихся къ этой группѣ, было 18 изъ 34, т.-е. 52,9%. Что-же касается 3-й группы, то всѣ дѣти, отнесенныя къ ней, безъ исключенія, представляли, кромѣ слабаго тѣлосложенія, вялости, дряблости мускулатуры, слабаго развитія подкожно-жирнаго слоя, еще и явно выраженное малокровіе, разныя явленія золотухи въ большей или меньшей степени, а также очевидные слѣды деформаціи костной системы вслѣдствіе бывшей англійской болѣзни. Кромѣ того, у многихъ учениковъ этой-же группы были замѣчены и другія обыкновенныя послѣдствія той-же англійской болѣзни, а именно: куриная, т.-е. узкая, сдавленная съ боковъ и плоско-впалая грудь. Число учениковъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, было 7 изъ 34, т.-е. 20,6%.

Общій видъ воспитанниковъ 2-й и въ особенности 3-й группы, по засвидѣтельствованію гимназическаго врача, вялый, усталый и не веселый; многіе нетолько изъ учениковъ, принадлежащихъ къ 3-й группѣ, но и изъ тѣхъ, которые отнесены ко 2-й группѣ, часто жа-

луются на головныя боли, головокруженіе и проч. Изслѣдованіемъ зрѣнія этой послѣдней группы обнаружено почти у всѣхъ дѣтей либо нормальное зрѣніе, либо дальнозоркость. Что-же, наконецъ, касается изслѣдованія слуха, то онъ оказался, за исключеніемъ лишь одного мальчика, у всѣхъ воспитанниковъ или нормальнымъ, или-же острымъ.

Впрочемъ, мы едва-ли рѣшились-бы нашимъ собственнымъ наблюденіямъ, какъ-бы они ни были продолжительными, а также и вышеуказанному изслѣдованію врача одной изъ с.-петербургскихъ гимназій, какъ-бы тщательно и добросовѣстно оно ни было произведено, придать настолько значенія, чтобы противопоставить ихъ мнѣнію врачей-специалистовъ, обвинителей нашихъ гимназій, если-бы, съ другой стороны, намъ не были извѣстны также и другія мнѣнія, совершенно противоположныя первымъ и при этомъ вполнѣ согласующіяся съ нашими наблюденіями и вышеуказаннымъ медицинскимъ изслѣдованіемъ, и если-бы эти мнѣнія не принадлежали также врачамъ-специалистамъ, также людямъ науки и людямъ не менѣе извѣстнымъ своими учеными трудами, чѣмъ тѣ врачи, которымъ принадлежатъ вышеприведенные, столь нелестные для нашихъ гимназій отзывы. Приводить здѣсь эти мнѣнія мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ уже въ первой статьѣ довольно подробно говорили о нихъ *).

Чтобы доказать справедливость своихъ обвиненій, направленныхъ противъ нашихъ гимназій, гг. врачи-специалисты нерѣдко прибѣгаютъ также къ сопоставленію учениковъ этихъ заведеній съ учениками военно-учебныхъ заведеній, утверждая, что между тѣмъ какъ первые страдаютъ всѣми возможными тѣлесными недугами, послѣдніе «представляются юношами крѣпкими и здоровыми, сохранившими и по окончаніи курса вполнѣ свойственныя молодости равновѣсіе и энергію силъ». И это отличіе учениковъ нашихъ гимназій отъ учениковъ военно-учебныхъ заведеній они приписываютъ тому обстоятельству, что будто военно-учебныя заведенія сравнительно съ гимназіями представляютъ своимъ воспитанникамъ меньшія требованія относительно знаній, но за-то больше, чѣмъ наши гимназіи, обращаютъ вниманіе на сбереженіе ихъ здоровья и вообще на ихъ физическое развитіе.

По нашему мнѣнію, такое сопоставленіе крайне неудачно. Почтенные гг. врачи-специалисты, при своихъ разсужденіяхъ, какъ оказывается, упустили изъ виду одно весьма существенное обстоятельство, а именно, во-первыхъ, что въ военно-учебныя заведенія принимаются только дѣти *совершенно здоровыя* и съ вполнѣ безукоризненнымъ фи-

*) См. «Русская Школа» № 10, 1891 г., стр. 95.

зическимъ развитіемъ, и, во-вторыхъ, что эти заведенія, которыя имѣютъ въ виду гг. врачи, всѣ — интернаты, т.-е. соединяютъ въ себѣ *и школу*, *и семью*.

Предъ нами лежитъ оффиціальный списокъ *) всѣхъ тѣхъ тѣлесныхъ недостатковъ и недуговъ (ихъ въ этомъ спискѣ перечислено не менѣе 88), при которыхъ дѣти въ военно-учебныя заведенія *не* принимаются. Если-бы руководствоваться этими оффиціальными требованіями, то изъ тѣхъ 34 дѣтей, которыя въ началѣ текущаго учебнаго года поступили въ указанную нами с.-петербургскую гимназію, были-бы, безъ всякаго сомнѣнія, приняты въ какое-либо изъ военно-учебныхъ заведеній только 9 учениковъ, т. е. всѣ дѣти, отнесенныя при медицинскомъ осмотрѣ къ первой группѣ, или, другими словами, только 26,5% всего числа всѣхъ тѣхъ дѣтей, которыя въ гражданскую гимназію были приняты и должны были быть принятыми безусловно, потому что они оказались умственно зрѣлыми для того класса, въ который они желали поступить. Этотъ фактъ едва-ли требуетъ еще какихъ-либо комментаріевъ, и мы только не можемъ не удивляться тому, какимъ образомъ отъ вниманія «опытныхъ наблюдателей-врачей», первая обязанность которыхъ, безспорно, состоитъ въ томъ что-бы, обсудить поднятые ими-же вопросы нетолько научно-правильно, но во всякомъ случаѣ и спокойно, безпристрастно и вполнѣ объективно,— какъ отъ ихъ вниманія могло ускользнуть такое крайне важное обстоятельство, которое лишаетъ сдѣланное ими сопоставленіе всякаго значенія. Мы думаемъ, что отъ гимназіи, которая, какъ мы уже выше сказали, не лечебное, а учебное заведеніе, — при условіи, что если въ низшіе ея классы ежегодно поступаетъ довольно значительный процентъ дѣтей съ разными тѣлесными недугами и плохимъ физическимъ развитіемъ, т.-е. такихъ дѣтей, которыхъ военно-учебныя заведенія имѣютъ право не принимать въ число своихъ учениковъ,— было-бы крайне несправедливо требовать отъ этой гимназіи, чтобы ученики ея при окончаніи курса представлялись «юношами крѣпкими и здоровыми, сохранившими вполнѣ свойственныя молодости равновѣсіе и энергію силъ», т.-е. чтобы они сохранили то, чѣмъ въ дѣйствительности значительная часть ихъ никогда не обладала.

Далѣе, то обстоятельство, что всѣ военно-учебныя заведенія суть интернаты, то-же упущенное изъ виду при вышеприведенномъ со-

---

*) См. Пріемныя правила и программы для поступленія въ разные классы кадетскихъ корпусовъ на 1890—1891 годъ. Изданіе печатано по распоряженію Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній 1 декабря 1889 г.

поставленіи, имѣетъ, безспорно, крайне важное значеніе для правильнаго рѣшенія занимающаго насъ вопроса.

Выше мы уже указали на то, что, по нашему убѣжденію, одною изъ главныхъ причинъ того прискорбнаго явленія, что и теперь еще нерѣдко бываютъ случаи, когда ученики встрѣчаютъ разныя препятствія при прохожденіи курса и иногда дѣйствительно бываютъ обременены требованіями школы, слѣдуетъ признать отсутствіе у немалаго числа родителей достаточной заботливости о всестороннемъ физическомъ развитіи своихъ дѣтей. Это, какъ нельзя лучше, подтверждается именно тѣмъ, что гг. врачи-спеціалисты говорятъ противъ нашихъ гимназій, сравнивая ихъ съ военно-учебными заведеніями. Сдѣланное ими сопоставленіе должно служить нашимъ гимназіямъ не въ обвиненіе, но, напротивъ, въ оправданіе. И мы также находимъ крайне необходимымъ именно въ наше время, когда никоимъ образомъ нельзя избѣгнуть болѣе *усиленнаго*, чѣмъ прежде, напряженія умственныхъ способностей дѣтей, именно теперь позаботиться о возстановленіи по возможности большаго равновѣсія между умственнымъ и физическимъ развитіемъ ихъ. И мы, вполнѣ раздѣляя въ этомъ отношеніи взгляды Лагранжа, этого извѣстнаго врача-гигieниста, твердо убѣждены въ томъ, что успѣшность всѣхъ умственныхъ занятій нашихъ дѣтей въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ ихъ здоровья и вообще отъ физическаго ихъ развитія. И мы утверждаемъ, что здоровье, самое необходимое изъ всѣхъ физическихъ качествъ, немыслимо тамъ, гдѣ не соблюдаются всѣ требованія гигіены относительно пищи, жилища, сна и т. д., немыслимо тамъ, гдѣ дѣти лишены возможности развивать и укрѣплять свои физическія силы разными тѣлесными упражненіями, главнымъ образомъ, на открытомъ воздухѣ; и мы, слѣдовательно, настойчиво требуемъ, чтобы болѣе, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время, позаботились о всестороннемъ физическомъ развитіи подростающаго поколѣнія.

Но при этомъ мы должны повторить то, на что уже указали въ первой нашей статьѣ, а именно, что забота о вполнѣ правильномъ всестороннемъ воспитаніи дѣтей не можетъ быть вмѣнена въ обязанность *одной только школѣ*, что многое, и въ особенности по отношенію къ физическому ихъ развитію, школа должна предоставить самимъ родителямъ, и это тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, если эта школа — открытое заведеніе. Въ закрытомъ-же заведеніи, каковы военно-учебныя заведенія, всю заботу нетолько о духовномъ, но также и о физическомъ развитіи дѣтей должна принять на себя школа; это ея обязанность, для этого она имѣетъ и должна имѣть необходимыя

средства. И если военно-учебныя заведенія прекрасно исполняютъ принятыя на себя обязанности и всячески заботятся не только объ умственномъ, но и о тѣлесномъ развитіи своихъ учениковъ, т.-е. тѣхъ мальчиковъ, которые уже при поступленіи своемъ должны были быть дѣтьми вполнѣ здоровыми и физически хорошо развитыми, безъ всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ и недуговъ, то, конечно, эти заведенія могутъ разсчитывать на полную признательность со стороны того общества, которое имъ ввѣрило своихъ дѣтей. Но, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не признавать вышеприведенное нами сопоставленіе этихъ училищъ съ нашими гимназіями крайне неудачнымъ и вполнѣ несправедливымъ: эти военно-учебныя заведенія, какъ интернаты, вполнѣ замѣняютъ родителей и, слѣдовательно, исполняютъ и должны исполнять нетолько обязанности школы, но и семьи, между тѣмъ какъ наши гимназіи, какъ открытыя заведенія (считаемъ излишнимъ здѣсь принять во вниманіе тѣ, сравнительно съ общимъ числомъ учениковъ, незначительные пансіоны, которые находятся при нѣкоторыхъ изъ гимназій), могутъ исполнять только обязанности школы—какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ въ особенности относительно физическаго воспитанія своихъ учениковъ.

Итакъ, мы не можемъ не поблагодарить гг. врачей-специалистовъ за ихъ, хотя и неудачное, сопоставленіе: оно болѣе краснорѣчиво и болѣе убѣдительно, чѣмъ мы сами могли-бы это сдѣлать, доказываетъ, насколько справедливо наше требованіе, чтобы нетолько школа, но и семья больше, нежели она выполняетъ это въ настоящее время, позаботилась о физическомъ развитіи молодого поколѣнія; оно доказываетъ, что тамъ, гдѣ та и другая, т.-е. и школа, и семья, или-же лица, заступающія мѣсто послѣдней, какъ, напр., въ военно-учебныхъ заведеніяхъ—начальство интерната, единодушно и съ одинаковою старательностью заботятся о всестороннемъ нетолько духовномъ, но и тѣлесномъ воспитаніи дѣтей, что тамъ достигаются прекрасные результаты. Съ другой-же стороны, тамъ, гдѣ такая забота школы не вполнѣ раздѣляется семьей, гдѣ семья или не можетъ, или-же не умѣетъ и въ этомъ отношеніи надлежащимъ образомъ содѣйствовать школѣ и поддерживать ее въ ея стараніяхъ, — тамъ трудно ожидать, чтобы такая забота школы увѣнчивалась полнымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ, это сопоставленіе, которое, по мнѣнію гг. врачей-спеціалистовъ, должно было-бы доказать всю несостоятельность классическихъ гимназій сравнительно съ военно-учебными заведеніями, по нашему мнѣнію, нетолько ничего подобнаго не доказываетъ, но, напротивъ, служитъ опроверженіемъ тѣхъ обвине-

ній, которыя гг. врачи-спеціалисты считаютъ своею обязанностью какъ можно чаще повторять по адресу нашихъ гимназій. Вѣдь, не можетъ-же подлежать какому-либо сомнѣнію то, что и ученики военно-учебныхъ заведеній должны усердно работать и прилежно трудиться надъ науками, если только желаютъ съ успѣхомъ окончить курсъ заведенія... Передъ нами лежитъ росписаніе уроковъ для VII (высшаго) класса одного изъ с.-петербургскихъ корпусовъ. Изъ этого росписанія мы можемъ усмотрѣть, что число обязательныхъ для всѣхъ учениковъ еженедѣльныхъ уроковъ по наукамъ и искусствамъ въ данномъ классѣ — 28, между тѣмъ какъ въ нашихъ гимназіяхъ, по новымъ программамъ, въ высшемъ классѣ (VIII) только 27 (для учениковъ, обучающихся французскому языку) или 26 (для учениковъ, обучающихся нѣмецкому языку) обязательныхъ уроковъ въ недѣлю. Изъ распредѣленія времени въ теченіе однихъ сутокъ въ томъ-же корпусѣ видно, что для приготовленія уроковъ въ VII классѣ назначено слѣдующее время: утромъ отъ 7 час. до 7 час. 50 мин., а вечеромъ отъ 6 час. до 8 час., и что, сверхъ того, послѣ вечерняго чая, который принимается въ 9 час., ученикамъ изъ желающихъ позволено заниматься еще до 10 часовъ, чѣмъ, конечно, ученики слабые, но усердные и пользуются.

Изъ сего слѣдуетъ, что время, необходимое ученикамъ высшихъ классовъ въ названныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ для классныхъ, такъ и внѣклассныхъ ихъ занятій по наукамъ и языкамъ, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, и не менѣе продолжительно того времени, которое ученики тѣхъ-же классовъ нашихъ классическихъ гимназій должны посвятить для исполненія требованій школы по умственному ихъ развитію. И въ другихъ классахъ отношеніе времени, необходимаго ученикамъ военно-учебныхъ заведеній для классныхъ занятій и приготовленія заданныхъ уроковъ, къ такому-же времени, необходимому ученикамъ тѣхъ-же классовъ нашихъ гимназій, почти вездѣ то-же самое. Задаваться здѣсь рѣшеніемъ вопроса, курсъ какихъ изъ этихъ учебныхъ заведеній, военныхъ или-же гимназій, слѣдуетъ признать болѣе легкимъ, мы считаемъ совершенно излишнимъ. Для насъ въ настоящее время вполнѣ достаточно знать, что для успѣшнаго усвоенія какъ того, такъ и другого курса отъ учащихся въ тѣхъ и другихъ заведеніяхъ требуется почти одинаковое количество времени въ теченіе сутокъ. А что трата силы со стороны учащихся, если трудность изучаемыхъ предметовъ только соотвѣтствуетъ возрасту и развитію учениковъ, болѣе или менѣе точно должна соотвѣтствовать затратѣ времени, необходимаго для изученія этихъ предме-

товъ,—это уже изложено нами раньше. Если въ гимназіяхъ средоточіемъ занятій служатъ древніе языки, то въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ всѣмъ извѣстно, такую-же роль играютъ математическіе предметы: въ VIII классѣ первыхъ заведеній въ настоящее время 11 уроковъ по древнимъ языкамъ, въ корпусахъ въ VII (т.-е. въ высшемъ) классѣ 11-же уроковъ по разнымъ отраслямъ математическихъ наукъ (2 урока геометріи, 2 урока космографіи, 3 урока физики, 2 урока аналитики и 2 урока алгебры).

Слѣдовательно, если-бы мы и желали допустить, что справедливо мнѣніе тѣхъ порицателей нашей классической школы, которые утверждаютъ, что русскимъ дѣтямъ изученіе математическихъ предметовъ дается значительно легче, чѣмъ изученіе древнихъ языковъ, то всетаки и мы, и вмѣстѣ съ нами, какъ мы убѣждены, всѣ, болѣе или менѣе близко знакомые нетолько съ курсомъ гимназій, но и съ курсомъ военно-учебныхъ заведеній, не нашли-бы возможнымъ курсъ послѣднихъ признать настолько болѣе легкимъ курса первыхъ, что этимъ обстоятельствомъ можно было-бы объяснить то значительное различіе относительно здоровья и физическаго развитія учениковъ гимназій и военно-учебныхъ заведеній, на которое такъ краснорѣчиво указановъ вышеприведенномъ сопоставленіи тѣхъ и другихъ заведеній.

Мы, напротивъ, твердо убѣждены, что если дѣйствительно ученики военно-учебныхъ заведеній, какъ утверждаютъ гг. врачи-спеціалисты, представляются юношами крѣпкими и здоровыми, сохранившими по окончаніи курса вполнѣ свойственныя молодости «равновѣсіе и энергію силъ», если ученики этихъ заведеній не встрѣчаютъ при прохожденіи ими курса разныхъ затрудненій и никогда не бываютъ обременены требованіями школы, то все это слѣдуетъ объяснить не сравнительною легкостью учебнаго курса военно-учебныхъ заведеній, но слѣдующими, отчасти уже вышеуказанными, обстоятельствами, которыми эти заведенія существенно отличаются отъ нашихъ гимназій, а именно: въ военно-учебное заведеніе принимаются только дѣти совершенно здоровыя и съ прекраснымъ физическимъ развитіемъ. Далѣе, въ этихъ заведеніяхъ, какъ въ интернатахъ, существуетъ полная возможность создать для дѣтей такую обстановку, которая наилучшимъ образомъ можетъ содѣйствовать успѣшности ихъ ученья не только въ классное, но и во внѣклассное время. Наконецъ, благодаря, съ одной стороны, тѣмъ богатымъ матеріальнымъ средствамъ, которыя обыкновенно находятся въ распоряженіи военно-учебныхъ заведеній, а съ другой, благодаря и тому обстоятельству, что завѣдываніе не только учебною, но и воспитательною частью этихъ заведеній и вся забота не только

объ умственномъ, но также и физическомъ воспитаніи ихъ учениковъ, какъ въ классное, такъ и во внѣклассное время, всецѣло принадлежитъ однимъ и тѣмъ-же лицамъ, которыя, по своему образованію и вслѣдствіе своей опытности, хорошо понимая всѣ необходимыя требованія какъ педагогики, такъ и гигіены, сверхъ того, имѣютъ и полную возможность неутомимо слѣдить за строгимъ и точнымъ выполненіемъ этихъ требованій,—благодаря всему этому, ученики военно-учебныхъ заведеній не только могутъ жить, но, безъ всякаго сомнѣнія, и дѣйствительно живутъ во всѣ годы продолженія ихъ ученья при такихъ отличныхъ гигіеническихъ условіяхъ относительно жилища, чистоты воздуха, освѣщенія, пищи, сна, движенія на открытомъ воздухѣ, однимъ словомъ, при такихъ вполнѣ безукоризненныхъ условіяхъ, которыхъ мы напрасно будемъ искать во многихъ изъ тѣхъ семей, къ которымъ принадлежатъ ученики нашихъ гимназій.

Вотъ тѣ условія, при существованіи которыхъ мы дѣйствительно имѣемъ право требовать отъ заведенія, чтобы воспитанники проходили курсъ его безъ особыхъ затрудненій и при окончаніи его оказались юношами крѣпкими и здоровыми, и вотъ тѣ условія, при отсутствіи которыхъ мы должны считать крайне несправедливыми и даже легкомысленными безпрестанныя нареканія на наши гимназіи со стороны нѣкоторыхъ врачей-спеціалистовъ и даже педагоговъ.

Въ предыдущемъ мы неоднократно указывали на то, что школа безъ постояннаго и неутомимаго содѣйствія со стороны семьи не въ состояніи достигнуть своихъ цѣлей, мы утверждали и примѣрами доказывали, что крайне трудно ожидать, чтобы ученье и вообще умственное развитіе дѣтей шло успѣшно тамъ, гдѣ школа не можетъ разсчитывать на полное содѣйствіе со стороны родителей своихъ учениковъ. А если такое положеніе вѣрно относительно умственнаго и вообще духовнаго образованія нашихъ дѣтей, то оно, безъ всякаго сомнѣнія, еще болѣе вѣрно относительно физическаго ихъ развитія. И вотъ гдѣ является благороднѣйшая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безспорно, крайне благодарная задача для гг. медиковъ, а именно: употребить все свое вліяніе, весь свой авторитетъ, которыми они обыкновенно столь широко пользуются въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ состоятъ домашними врачами,—употребить не для того, чтобы обвинять и порицать школу предъ лицомъ родителей, а иногда даже самихъ учениковъ, но, напротивъ, для того, чтобы, гдѣ нужно, помирить семью со школою, поддерживать послѣднюю въ ея требованіяхъ и всячески уговаривать и убѣждать родителей въ крайней необходимости всѣми средствами содѣйствовать школѣ въ ея заботахъ о физическомъ развитіи ввѣ-

ренныхъ ей учениковъ, снова и снова убѣждать семью, что именно въ этомъ отношеніи школа безъ ея помощи ничего сдѣлать не можетъ, что здоровье и тѣлесное развитіе дѣтей въ несравненно большей степени зависятъ отъ родительскаго дома, гдѣ дѣти проводятъ 18 часовъ въ сутки, чѣмъ отъ заведенія, которое ихъ имѣетъ въ своихъ стѣнахъ не болѣе, какъ въ продолженіи 6-ти часовъ шесть разъ въ недѣлю, и то только въ учебные дни. Если именно въ этомъ направленіи авторитетный голосъ врачей-спеціалистовъ какъ можно чаще и какъ можно громче будетъ слышаться какъ въ кругу родителей, такъ и въ печати, то этимъ они принесутъ ученикамъ нашихъ гимназій гораздо больше пользы, чѣмъ теперь своими постоянными обвиненіями школы, а себѣ самимъ пріобрѣтутъ лучшую, чѣмъ нынѣ, славу и большую, чѣмъ нынѣ, благодарность не только со стороны семьи, но и школы.

Мы хорошо понимаемъ, что домашній врачъ не въ состояніи изъ неудовлетворительной квартиры сдѣлать квартиру, соотвѣтствующую всѣмъ требованіямъ гигіены, но, безъ сомнѣнія, онъ можетъ и долженъ настаивать на томъ, чтобы не была обращена въ спальню для дѣтей та изъ комнатъ, которая менѣе всѣхъ другихъ подходитъ къ такому назначенію. Онъ, конечно, не можетъ добиваться того, чтобы пища дѣтей всегда была самая питательная, но онъ можетъ и долженъ неутомимо указывать на то—чѣмъ, какъ и когда слѣдуетъ кормить дѣтей, чтобы даже, при скромныхъ средствахъ семьи, и въ этомъ отношеніи по возможности были соблюдены всѣ требованія гигіены. Онъ, домашній врачъ, конечно, не можетъ требовать, чтобы дѣти, ученики гимназіи, не посѣщали никакихъ спектаклей, концертовъ, вечеровъ и т. д., но онъ можетъ и долженъ убѣждать родителей въ томъ, что одинаково пагубно должно влiять какъ на духовное, такъ и на физическое развитіе ихъ дѣтей, если эти послѣднія будутъ увеселяться въ то время, когда имъ слѣдуетъ работать, чтобы потомъ работать тогда, когда необходимо спать. Домашній врачъ, конечно, не можетъ въ точности указывать, что дѣти именно въ такое-то время должны гулять, а въ такое-то играть и тѣлесно упражняться, но онъ можетъ и долженъ непремѣнно настаивать на томъ, чтобы дѣтямъ ежедневно, когда только погода этому не препятствуетъ, была дана полная возможность свободнаго и достаточно продолжительнаго движенія на открытомъ воздухѣ.

Если гг. врачи такимъ образомъ пожелаютъ поддерживать насъ, педагоговъ, и при помощи авторитетнаго своего положенія въ семьѣ съумѣютъ убѣдить родителей въ необходимости всѣми силами содѣй-

ствовать школѣ въ ея заботахъ какъ о духовномъ, такъ и о физическомъ развитіи ввѣренныхъ ей дѣтей, а въ особенности, если они пожелаютъ и съумѣютъ содѣйствовать исполненію того столь настойчиваго требованія самыхъ извѣстныхъ гигіенистовъ нашего времени, чтобы нашимъ дѣтямъ была дана полная возможность ежедневно, а въ особенности въ будни, послѣ классныхъ занятій, нѣсколько часовъ предаваться веселымъ играмъ или-же какимъ-нибудь здоровымъ тѣлеснымъ упражненіямъ на открытомъ воздухѣ, и притомъ нетолько лѣтомъ, но также и зимою, какъ и вообще во всякое время, когда только погода это позволяетъ,—то, въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, будетъ устранена и третья и послѣдняя изъ тѣхъ главныхъ причинъ, по которымъ, какъ мы выше указали, дѣйствительно, нерѣдко случается, что ученики нашихъ гимназій встрѣчаютъ разныя затрудненія при прохожденіи ими курса заведенія и иногда даже бываютъ обременены требованіями школы.

Что такое содѣйствіе со стороны нашихъ гг. врачей-спеціалистовъ не противорѣчило-бы ихъ призванію, этому можетъ служить доказательствомъ то обстоятельство, что вездѣ заграницею, гдѣ серьезно заботятся не только о духовномъ, но и о физическомъ развитіи подростающаго поколѣнія, какъ, напр., въ Англіи, Германіи, Австріи, Бельгіи, Швеціи, Франціи, и гдѣ вслѣдствіе этого въ настоящее время все болѣе и болѣе увеличивается число такихъ мѣстъ (Spielplatze), которыя вполнѣ приспособлены для подвижныхъ игръ и разныхъ тѣлесныхъ упражненій на открытомъ воздухѣ, какъ лѣтомъ, такъ и зимою,—тамъ во главѣ тѣхъ обществъ, которыя нерѣдко съ большими расходами устраиваютъ такія мѣста, обыкновенно стоятъ именно гг. врачи. А что, съ другой стороны, побудить семью къ содѣйствію школѣ въ заботахъ ея о благѣ ввѣренныхъ ей дѣтей вовсе не такъ трудно, какъ обыкновенно думаютъ, объ этомъ съ удовольствіемъ можетъ свидѣтельствовать пишущій эти строки. Въ началѣ текущаго учебнаго года при одной изъ с.-петербургскихъ гимназій, въ теченіе только трехъ мѣсяцевъ, на добровольныя и богатыя пожертвованія родителей учениковъ, на мѣстѣ, съ величайшею любезностью предоставленномъ Императорской академіей наукъ въ пользованіе гимназіи, былъ устроенъ и вполнѣ приспособленъ обширный плацъ для подвижныхъ игръ и разныхъ тѣлесныхъ упражненій въ лѣтнее и для устройства катка въ зимнее время.

Итакъ, сказавъ, какъ намъ кажется, все, что мы нашли нужнымъ и желательнымъ привести для возможно лучшаго выясненія нашего вопроса, мы считаемъ не лишнимъ въ заключеніе повторить

*

тѣ главныя положенія, которыя мы старались развить и доказать въ этой нашей статьѣ. Мы глубоко убѣждены, что въ настоящее время въ нашихъ русскихъ гимназіяхъ, гдѣ только учебно-воспитательное дѣло ведется болѣе или менѣе правильно, гдѣ строго и умѣло исполняются требованія и указанія министерства, болѣе не можетъ быть рѣчи объ обремененіи учениковъ требованіями школы, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, гдѣ, во-первыхъ, ученики принадлежатъ къ числу тѣхъ дѣтей, которыя, по разнымъ вышеизложеннымъ причинамъ, вовсе не должны были-бы учиться въ гимназіи; во-вторыхъ, гдѣ семья не можетъ или не умѣетъ слѣдить за точнымъ и своевременнымъ исполненіемъ требованій школы относительно домашнихъ занятій дѣтей, направленныхъ къ духовному ихъ развитію, и, наконецъ, въ-третьихъ, гдѣ семья не можетъ или не умѣетъ въ достаточной мѣрѣ заботиться о всестороннемъ физическомъ развитіи своихъ дѣтей, столь необходимомъ для полной успѣшности ихъ ученья въ школѣ.

Я. Моръ.

Голосъ врача-профессора по вопросу о вліяніи экзаменовъ на здоровье испытуемыхъ.

(Произнесено въ засѣданіи общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея 16-го ноября 1891 года).

Милостивые государи! Почтенное и высокоуважаемое общество педагоговъ пригласило меня въ настоящее засѣданіе, желая выслушать мое мнѣніе о вліяніи экзаменовъ на здоровье испытуемыхъ. Какъ врачъ-педагогъ, я-бы могъ распространиться объ этомъ вопросѣ съ чисто-педагогической, такъ сказать, моральной стороны. Въ самомъ дѣлѣ, нужно-ли доказывать, что не можетъ быть ни одного неопровержимаго довода въ пользу экзаменовъ, даже съ точки зрѣнія учебной? Если школа не могла убѣдиться въ знаніи и подготовленности своего питомца къ успѣшному продолженію дальнѣйшаго курса, наблюдая его въ теченіе цѣлаго года, то почему-же она такъ категорически можетъ рѣшить въ теченіе 10 минутъ, много четверти часа, назначенной для экзамена, этотъ важный вопросъ? При этомъ вспомнимъ еще, въ какомъ нравственномъ возбужденіи, въ какомъ нервномъ состояніи и чисто-физическомъ ослабленіи находится экзаменующійся. Блѣдный, съ впалыми, неестественно-блестящими глазами, съ осунувшимся лицомъ, подходитъ онъ къ экзаменаціонному столу, чтобы подвергнуться испытанію. Нужно-ли доказывать, что въ подобномъ противоестественномъ возбужденіи, при такомъ ускореніи сердечной дѣятельности, измѣняются условія правильнаго кровообращенія мозга? А возможно-ли при этомъ правильно, логически мыслить, вѣрно рѣшать предлагаемыя задачи? Я думаю, что каждый изъ присутствующихъ здѣсь, припомнивъ, такъ называемую, лучшую пору—время дѣтства, сознается, что экзамены были для него лишь періодомъ мученій, безсонныхъ ночей, потери аппетита, неправильности пищеваренія, и вообще такого мучительнаго состоянія особаго вида, который безъ особенной натяжки можно приравнять какъ-бы къ ожиданію пытки. И когда эта пытка,

т.-е. экзамены, минуетъ, то выдержавшій ихъ успѣшно съ безумною радостью кричитъ: «выдержалъ!», а провалившійся—съ омраченнымъ лицомъ, блѣдный и дрожащій, грустный и нравственно убитый, возвращается домой, гдѣ одна нерадостная уже вѣсть приноситъ часто горе всей семьѣ неудачника. Вѣдь самыя слова: «выдержалъ испытаніе», «проскочилъ», «провалился» и т. п. не лучше-ли всего доказываютъ всю ненормальность, неестественность экзаменовъ? Да и не странно-ли видѣть, что дѣти и родители во время экзаменовъ лишь усердно молятся, обращаются къ помощи Божіей именно передъ экзаменами? Конечно, ни одного разумнаго дѣла не слѣдуетъ начинать безъ помощи Божіей, но разъ экзамены поставлены на такую шаткую, чисто случайную почву, гдѣ ученикъ менѣе конфузливый, но мало знающій можетъ пройти съ нѣкоторымъ блескомъ и отличиться, другой-же, робкій и конфузливый, но нерѣдко очень знающій—«проваливается», то мысль о пользѣ существующихъ испытаній уже однимъ этимъ колеблется въ своемъ основаніи.

Переэкзаменовавъ на своемъ вѣку нѣсколько сотень молодыхъ людей и слѣдивъ взглядомъ врача за экзаменующимся, я могу всю ненормальность современныхъ испытаній—экзаменовъ доказать множествомъ очень вѣскихъ фактовъ. Начну не съ дѣтей, а со студентовъ, т.-е. съ людей взрослыхъ, прошедшихъ уже систему классическаго образованія, имѣющихъ аттестатъ зрѣлости и изучающихъ безъ принужденія, по собственному выбору спеціально медицинскія науки. Идутъ-ли эти юноши на экзаменъ спокойно, вполнѣ сознательно понимая, что экзаменъ есть лишь простая повѣрка знаній, которая неизбѣжна для полученія важной степени врача, дающей почти безконтрольное право надъ жизнью и смертью другаго? Отнюдь нѣтъ. Изъ ста экзаменующихся студентовъ 90% блѣднѣютъ, ускоренно дышатъ, говорятъ неестественнымъ голосомъ; видны пересохшія губы, дрожащія руки и т. п. признаки сильнѣйшаго возбужденія. Мы, въ качествѣ врача, поставили себѣ неизмѣннымъ правиломъ, приступая къ испытанію, ласково ободрить, успокоить экзаменующихся, просимъ подумать, и тогда уже отвѣчать; и все-же при такой системѣ, при совершенно участливомъ и деликатномъ отношеніи, иной не скоро овладѣетъ собой для правильнаго обсужденія и раціональнаго отвѣта на заданные вопросы. Чего-жь, послѣ того, ожидать отъ дѣтей, которыхъ мозгъ и нервная система еще недостаточно созрѣли, у которыхъ задерживающіе центры не вполнѣ окрѣпли? Для иллюстраціи возьмемъ нѣсколько случаевъ прямо изъ жизни, изъ моей многолѣтней практики.

Дѣвочка 15-ти лѣтъ, одна изъ немногихъ экземпляровъ по крѣп-

кому тѣлосложенію и образцовому здоровью, замѣчательно способная, вторая ученица въ классѣ по списку, происходящая отъ интеллигентныхъ и богатыхъ родителей, пришла во время экзаменовъ въ такое нервное состояніе, что наканунѣ экзамена по географіи стала плакать, дрожать, лишилась сна, аппетита, и, не смотря на всѣ мѣры успокоенія, говорила матери: «мамочка! я не могу: все перепуталось, въ головѣ какая-то тяжесть, мнѣ кажется—я ничего не знаю, ни на что отвѣтить не могу, все перезабыла; только силюсь заснуть—рядъ цыфръ, названій городовъ, рѣкъ, границъ сливаются въ какой-то туманъ, голова кружится, а сердце бьется»... и т. д. Члены семьи этой дѣвочки, по моему совѣту, рѣшились не допускать ее къ экзаменамъ, тѣмъ болѣе, что, въ силу полной матеріальной обезпеченности, не имѣли въ виду, при опредѣленіи ея въ гимназію, какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ—полученіе диплома и т. п. Только абсолютный покой и употребленіе цѣлесообразныхъ медицинскихъ средствъ привели въ надлежащій порядокъ ея взбудораженную нервную систему.

Второй случай. Мальчикъ 12 лѣтъ, способный и прилежный ученикъ, случайно вытащилъ неприготовленный билетъ. Мы нашли у него, вслѣдствіе безсонныхъ ночей, сильнѣйшій застой крови въ мозгу, съ послѣдовательнымъ возбужденіемъ, прерывистымъ дыханіемъ, судорожными подергиваніями отдѣльныхъ группъ мускуловъ, съ переполненными кровью глазами, припухшими вѣками и холодными конечностями. Онъ бредилъ задачами, истерически рыдалъ и хватался за голову. Такихъ примѣровъ я могъ-бы привести множество, съ различными лишь варіаціями и оттѣнками. Мы знаемъ нѣсколько примѣровъ покушенія дѣтей на собственную жизнь вслѣдствіе неудачныхъ экзаменовъ. И это были вовсе не тупицы, не лѣнтяи, а только мальчики съ односторонними способностями. Въ одномъ случаѣ это былъ 14-тилѣтній мальчикъ, хорошій ученикъ по древнимъ языкамъ, но слабый въ математикѣ, которая ему плохо давалась, въ другомъ, напротивъ,—юноша съ хорошими математическими способностями, быстрымъ сообраэкеніемъ, но плохою памятью, и потому малыми результатами при изученіи древнихъ языковъ. И подобныхъ примѣровъ каждый, занимающійся спеціально дѣтскими болѣзнями, врачъ можетъ привести достаточно.

Въ семьяхъ обезпеченныхъ, гдѣ тѣмъ или инымъ путемъ въ концѣ-концовъ все-же удается перемѣстить дѣтей въ другія учебныя заведенія, напр., въ кадетскіе корпуса, такіе случаи вызываютъ временныя непріятности, хлопоты,—словомъ, устранимыя невзгоды; но для родителей дѣтей недостаточныхъ чисто случайная неудача экзаменовъ

можетъ быть истиннымъ несчастіемъ, можеть явиться источникомъ, особенно для бѣдныхъ матерей, многихъ страданій.

Кто изъ насъ, здѣсь собравшихся, извѣстныхъ педагоговъ и врачей, начальниковъ и директоровъ училищъ, имѣющихъ нынѣ всевозможные дипломы, искусившихся жизненнымъ опытомъ, выработавшихъ въ себѣ сдержанность и приноровленность къ различнымъ случайностямъ, можетъ по совѣсти сказать, что онъ безукоризненно выдержитъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, безъ недочета въ той или другой отрасли знанія? Полагаю, что таковыхъ окажется немного, или и вовсе не найдется. Извѣстнѣйшій лингвистъ можетъ запутаться въ вычисленіи простыхъ логариѳмовъ, какъ и опытный математикъ сдѣлаетъ не одну ошибку въ формахъ греческой грамматики. Но неужели поэтому можно сколько-нибудь усомниться въ пользѣ, приносимой тѣмъ или другимъ, въ плодотворности его дѣятельности? Между тѣмъ, часто случайная ошибка экзаменующагося въ одномъ какомъ-нибудь предметѣ изъ всего многосторонняго курса образованія лишаетъ его возможности продолженія дальнѣйшаго ученія и поступленія въ университетъ. Но прошу извиненія у почтеннаго собранія за невольное уклоненіе отъ моей спеціальной задачи—уясненія вреда для дѣтей отъ экзаменовъ.

Вещество дѣтскаго мозга мягче, нѣжнѣе, чѣмъ у взрослыхъ людей: это способствуетъ болѣе сильному обмѣну въ немъ, а дифференцировка бѣлаго вещества отъ сѣраго въ немъ еще не закончена.

Пирамидальныя гигантскія клѣтки коры мозга суть субстраты психомоторной дѣятельности, и у ребенка, или даже у юноши они возбуждаются и утомляются легче, чѣмъ у взрослаго. Сосуды дѣтей необыкновенно тонки, нѣжны, эластичны, даже въ нормальномъ состояніи, и знаменитый Вирховъ приравниваетъ ихъ въ этомъ отношеніи, въ сравненіи съ сосудами у взрослыхъ, къ патологическимъ; при усиленной мозговой работѣ раздражаются чувствительныя мозговыя клѣтки, что можетъ влiять, путемъ рефлекса, на сосудодвигательные нервы и подать поводъ къ послѣдовательнымъ приливамъ крови къ головѣ. Это служитъ причиною такъ-называемыхъ активныхъ приливовъ, которые, даже при занятіяхъ во внѣ-экзаменаціонное время, обнаруживаются столь часто у дѣтей, какъ это показали точныя изслѣдованія Беккера, Гильома, Кательмана, Дея и въ послѣднее время извѣстнаго стокгольмскаго профессора Акселя Кея, по наблюденіямъ котораго процентъ головныхъ болей у воспитанниковъ высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній доходитъ до 66, а по нашимъ собственнымъ наблюденіямъ составляетъ отъ 28 до 40%. Для застоевъ-же крови въ головѣ, выражающихся замедленнымъ оттокомъ, есть достаточно дан-

ныхъ, понятныхъ для всякаго, какъ-то: наклонное положеніе головы, разстройство дыханія вслѣдствіе полнаго отсутствія движенія, сидячаго положенія, а также усиленнаго вниманія.

Нужно-ли доказывать, что время экзаменовъ до-нельзя увеличиваетъ всѣ эти условія, обнаруживающіяся даже при нормальномъ теченіи школьной жизни?

Это усиленіе различныхъ видовъ головной боли доводитъ дѣтей, при всѣхъ другихъ условіяхъ ихъ ненормальной жизни, до безсонницы, потери аппетита и того возбужденія, которое такъ превосходно описываетъ извѣстный профессоръ Сольманъ подъ именемъ цереброспинальной раздражительности. Мы, врачи, подъ этимъ именемъ признаемъ именно ту болѣзненную раздражительность, тотъ общій эретизмъ, который обнаруживается типично и выразительно различными разстройствами какъ въ области психической, такъ и со стороны чувствующихъ и двигательныхъ нервовъ. Является какъ-бы родъ раздражительной слабости общей центральной нервной системы. Сужденія объ этихъ формахъ для насъ, врачей, всегда матеріалъ очень трудный, и потому требующій осторожности въ заключеніяхъ, тѣмъ болѣе, что переходъ въ чисто психическія разстройства очень незамѣтенъ; хотя, и встрѣчается часто. Конечно, справедливо, что многія другія условія, преимущественно наслѣдственность, играютъ въ проявленіи этого страданія наибольшую роль; тѣмъ не менѣе, въ теперешнемъ слабомъ и нервномъ поколѣніи врачи чаще наблюдаютъ сказанную форму при уклоненіи отъ нормальной жизни нервныхъ дѣтей. А развѣ экзамены, съ ихъ теперешнимъ чисто лотерейнымъ характеромъ, съ этимъ ужаснымъ напряженіемъ всѣхъ нервныхъ силъ и неизбѣжнымъ подавленіемъ общаго питанія и послѣдовательнымъ угнетеніемъ физической стороны, не вызываютъ анормальной жизни нашихъ дѣтей? Отвѣта отрицательнаго не можетъ быть. И вотъ, мы наблюдаемъ у экзаменующихся головныя боли, головокруженія, нерасположеніе духа, у мальчиковъ — раздражительность, непомѣрную вспыльчивость, безсонницу, тоскливость, сердцебіеніе, общую усталость, какое-то общее недомоганіе,—все это сопровождается развитіемъ малокровія, блѣдности, наклонности къ обморокамъ, истерикамъ, у дѣвочекъ-же—наклонности къ истерическимъ проявленіямъ, нервнымъ болямъ въ области живота и другимъ нервнымъ разстройствамъ. Взвѣшивая дѣтей до экзамена и послѣ, мы замѣчали значительную потерю вѣса. И когда-же все это происходитъ? Весной, когда уже силы нѣсколько подавлены напряженіемъ, сидячимъ образомъ жизни въ предшествующіе мѣсяцы, отсутствіемъ свѣжаго воздуха и солнца.

Если, изучая жизнь молодыхъ растеній и животныхъ, мы видимъ благотворное вліяніе обильнаго кислорода и свѣта, то почему-же мы лишаемъ того-же самаго наше подростающее поколѣніе? Когда вся природа оживаетъ, когда все ликуетъ, подъ вліяніемъ живительнаго свѣта и тепла, только юные мученики и мученицы школьной науки проводятъ лучшее время года изнуренными, въ стѣнахъ комнатъ, переходя отъ возбужденія къ угнетенію, отъ ненормальной радости къ часто незаслуженной печали. Ужели-же все это естественно, сообразно съ дѣтской природой? Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Пройдя всѣ степени, отъ школьника до профессора, мы утверждаемъ, что экзамены представляютъ неестественный, анормальный и крайне вредный пріемъ воспитанія подростающихъ поколѣній.

Для знакомаго съ природой, съ организмомъ дитяти не можетъ быть другаго мнѣнія. Но и педагогъ, по нашему крайнему мнѣнію, можетъ отыскать иной, болѣе вѣрный, а главное — менѣе вредный путь для сужденія о знаніяхъ учащагося, о возможности перевода его въ слѣдующій классъ. Пусть дѣти пріучаются смотрѣть на науку и на ученье, какъ на дѣло очень важное и серьезное. Но такой взглядъ, однако, не можетъ у нихъ развиться подъ вліяніемъ экзаменовъ, которые въ душѣ каждаго неиспорченнаго и честнаго ребенка непремѣнно должны вызывать анормальное чувство страха и отвращенія. Экзаменъ необходимъ для человѣка, ищущаго пріобрѣтенія извѣстныхъ правъ, напр., для полученія диплома врача, инженера, юриста и т. д., для полученія аттестата зрѣлости, наконецъ, для поступленія въ какое-нибудь учебное заведеніе, какъ единственное средство для сужденія о подготовленности или неподготовленности къ успѣшному занятію въ классѣ; но разъ ученикъ поступилъ въ школу, педагогическій совѣтъ, постоянно слѣдящій за успѣхами учениковъ, можетъ и безъ экзаменаціонной пытки рѣшать вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли перевести ученика въ слѣдующій классъ, или-же оставить его въ томъ-же классѣ безъ всякаго экзамена. Тогда,—и это наше неизмѣнное убѣжденіе,— исчезнутъ тѣ нареканія на учебныя заведенія, которыя раздаются со всѣхъ сторонъ теперь, а именно что современная школа мало заботится о здоровьѣ дѣтей, недостаточно обращаетъ вниманія на физическое ихъ воспитаніе. Только при уничтоженіи переходныхъ экзаменовъ ученики избавятся отъ страха, угнетенія и излишняго возбужденія, и слышимыя нынѣ нерѣдко восклицанія: «выдержалъ!», «провалился!» и т. п. — перейдутъ въ область преданія.

Послѣ долгихъ размышленій и неоднократныхъ бесѣдъ съ извѣстными педагогами мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что многія

непригладныя стороны теперешней ученической жизни,—въ видѣ обмановъ, уловокъ и всякихъ ухищреній,—безслѣдно исчезнутъ съ уничтоженіемъ существующей системы экзаменовъ. Теперешнее Министерство Народнаго Просвѣщенія, сдѣлавшее уже такъ много для оздоровленія школы, заслужитъ всеобщую благодарность, если не остановится передъ уничтоженіемъ той вредной и вполнѣ несостоятельной системы испытанія, какую представляютъ наши экзамены.

Н. Быстровъ.

Къ вопросу о задачахъ воспитанія въ области явленій, связанныхъ съ половой жизнью человѣческаго организма.

(Докладъ, читанный въ родительскомъ кружкѣ 14 марта 1892 г.).

Съ тѣхъ поръ, какъ я приступила къ исполненію своихъ материнскихъ воспитательныхъ обязанностей и до сихъ поръ, т.-е. въ теченіе 23 лѣтъ, мысль моя не переставала останавливаться и работать надъ предметомъ, какъ я убѣждена, первостепенной важности,—предметомъ, надъ которымъ, не сомнѣваюсь, такъ-же, какъ и я, задумываются всѣ, кому дѣйствительно дороги воспитаніе и жизнь подростающихъ поколѣній, и о которомъ по безмолвному, но единодушному соглашенію не говорятъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ. Это незатронутая педагогіей область—всѣ сложныя и разнообразныя явленія, связанныя съ половой жизнью человѣческаго организма, начиная съ первыхъ годовъ его существованія, и въ связи съ этими явленіями задачи воспитанія.

Двадцатилѣтней матерью сознала я всю важность такой задачи, въ душѣ начали выступать вопросы, одинъ другого важнѣе и мучительнѣе. Я стала искать для нихъ разрѣшенія въ книгѣ, обращаться за помощью и совѣтомъ къ людямъ. Въ книгахъ, гдѣ всего скорѣе можно было ждать найти желаемое, а именно въ книгахъ о воспитаніи, нѣтъ того, чего я искала, и до сихъ поръ, а отвѣты людей долго поддерживали во мнѣ грустное убѣжденіе, что съ ними и говорить о такомъ предметѣ нельзя. Въ этихъ отвѣтахъ было все: легкомысліе и порочность, насмѣшка и высокомѣріе псевдоучености, холодное лицемѣріе и горячая сострадательность, мучительная тревога и полная безпечность, эгоистическое брезгливое равнодушіе и горечь разбитыхъ жизнью идеальныхъ представленій, не было одного—увѣренности, что надъ этой задачей слѣдуетъ работать, что рано или поздно жизнь приведетъ къ ея разрѣшенію. Годъ за годомъ приходилось многообразно переживать то, что выражается пословицей «одинъ въ полѣ не воинъ»,

Но это не значило для меня, что нужно уходить съ поля; ясно было, что нужно ждать воиновъ, умѣть ихъ найти. А жизнь дѣлала свое дѣло, незамѣтно, но непрерывно. На поверхности ея это движеніе какъ будто и не обнаружилось, словно его и не бывало; семья и школа, какъ и двадцать три года тому назадъ, молчатъ и бездѣйствуютъ. На самомъ-же дѣлѣ эта неподвижность только кажущаяся: мощное движеніе пошло не по верху, а охватило глубину. Самый фактъ возможности сообщенія объ этомъ предметѣ въ настоящемъ собраніи, появленіе самого родительскаго кружка служатъ, мнѣ кажется, доказательствомъ происшедшей перемѣны въ нравахъ и воззрѣніяхъ русскаго общества.

Лучшимъ-же, самымъ точнымъ и полнымъ показателемъ прогрессивнаго движенія жизни въ послѣднія 25 лѣтъ является литература,— современная литература въ полномъ объемѣ, отъ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій до мелочей художественной литературы и публицистики. Не беру на себя теперь-же хотя въ общихъ чертахъ охарактеризовать богатый и важный матеріалъ, представляемый по занимающему насъ вопросу современной литературой заграничной и русской,—матеріалъ, не сомнѣваюсь, достаточно знакомый и большинству присутствующихъ; позволю себѣ только указать на важность для семьи и общества такихъ спеціальныхъ трудовъ, какъ «Проституція и аболиціонизмъ» и «Половая зрѣлость, ея теченія, отклоненія и болѣзни» профессора В. М. Тарновскаго, такихъ популярныхъ очерковъ, какъ «Гигіена цѣломудрія» доктора медицины Корнига и «Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія» Северда Риббинга, профессора медицины въ Лундѣ; укажу на многознаменатальность такого явленія, какъ *оффиціальная рекомендація* для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія и Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, перевода статьи Бьернсона «Единобрачіе и многобрачіе». Укажу на значеніе того, что авторъ брошюры «Что говоритъ наука о половой потребности и объ ея удовлетвореніи» Л. Золотаревъ, одинъ изъ представителей современной учащейся молодежи, студентъ С.-Петербургскаго лѣсного института.

Перехожу къ личнымъ своимъ наблюденіямъ надъ жизнью нашихъ дѣтей и надъ нашимъ воспитательскимъ недомысліемъ.

Первыя проявленія сознанія себя представителемъ извѣстнаго пола въ дѣтяхъ оставались и остаются у насъ до сихъ поръ совершенно незамѣченными. А между тѣмъ, что эти проявленія сказываются довольно рано и принимаютъ различную индивидуальную окрас-

ку, это подтвердятъ самые поверхностные наблюдатели жизни дѣтей. Мнѣ лично приходилось видѣть у нѣсколькихъ мальчиковъ рѣзкія выраженія *высокомѣрія* не только по отношенію къ дѣвочкамъ сверстницамъ, но и по отношенію ко всему женскому полу, безъ различія возраста: тутъ была и похвальба бо́льшей силой, и щегольство *своимъ* мужскимъ платьемъ, и требованіе какихъ-то смутно сознаваемыхъ, но неотъемлемыхъ особыхъ правъ и привилегій, какъ въ настоящемъ, такъ и во всемъ будущемъ...

У двухъ дѣвочекъ мнѣ пришлось наблюдать глубокое и продолжительное огорченіе отъ неожиданно открывшагося различія въ дѣтскомъ бытѣ мальчика и дѣвочки (дальше этого сознаніе не шло) и не только огорченіе, но и желаніе стереть раздѣляющую черту. Ничто не доставляло бо́льшей радости, какъ позволеніе надѣть платье брата, или просто костюмъ мальчика (русск. рубашку и шаровары), называться уменьшительнымъ мужскимъ именемъ.

Этой особенности сознанія у дѣвочекъ я придаю особенное значеніе потому, что отлично помню ее въ самой себѣ. Первыя проявленія, вѣрнѣе, вся первоначальная работа сознанія, конечно, исчезла изъ моей памяти, но могу сказать съ увѣренностью, что до 10 лѣтъ я не теряла надежды утратить тяготившее меня несказанно женское званіе. Я была искренно религіознымъ ребенкомъ, много и хорошо читала Евангеліе, и вѣрилось мнѣ, что мое желаніе такъ справедливо, что его поддерживаетъ во мнѣ такое высокое, серьезное чувство, что вѣра и молитва могутъ заставить совершиться такое чудо. Въ чемъ-бы оно въ сущности состояло, я тогда не знала, и не на этомъ останавливалась моя мысль; я всѣмъ своимъ существомъ чувствовала только, что отъ этого зависитъ вся моя будущность... Вѣра въ возможность чуда постепенно угасла, а недовольство переродилось, окрѣпло и выросло... У нѣкоторыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ помню я появленіе проявленій стыдливости, у дѣвочекъ очень рѣзкое и непривлекательное желаніе нравиться. Но объ этихъ отрывочныхъ наблюденіяхъ я болѣе и говорить не стану. Сами по себѣ для опредѣленія осно́въ самого сознанія ребенка такія данныя имѣютъ мало значенія, они являются отраженіемъ, отголосками того, что дѣти видятъ и слышатъ, того, что мы, взрослые, сознательно или безсознательно, внушаемъ имъ. Если теперь мы признаемъ возможнымъ обратить вниманіе на эту сторону жизни воспитываемыхъ, то прежде всего мы должны направить свои наблюденія на самихъ себя, выработать и установить болѣе правильный взглядъ на дѣло, уяснить желательные пріемы.

Взглянемъ безпристрастно на тотъ сумбуръ противорѣчій, ложныхъ и безнравственныхъ представленій, изъ которыхъ мы всѣ, взрослые, окружающіе ребенка, а затѣмъ юношу, создаемъ ту густую атмосферу, чрезъ которую ему часто является невозможнымъ воспринимать, доводить до своего сознанія впечатлѣнія первостепенной важности. Въ одинъ прекрасный день, во время одѣванья или купанья, ребенокъ слышитъ отъ матери или няни ворчливое или шутливое замѣчаніе «стыдись, закройся!» и соотвѣтствующее указаніе, гдѣ и какъ это сдѣлать. И съ тѣхъ поръ эти замѣчанія, шутливыя и ворчливыя, и благо еще, если только ворчливыя, не перестаютъ повторяться. Поводы для этого даютъ не только процессы купанья и одѣванья, но и извѣстныя ежедневныя отправленія, при которыхъ, вслѣдствіе необдуманности нашей воспитательной практики, дѣти слишкомъ долго обращаются за помощью къ взрослымъ.

Что такое безстыдникъ? почему нужно стыдиться? спроситъ себя ребенокъ. Онъ этого не пойметъ, скажемъ мы. Конечно, не пойметъ такъ, какъ понимаемъ это мы, но мысль его начала работать; и какъ она работаетъ, и куда его приведетъ, мы не знаемъ и до сихъ поръ не интересовались знать. А постараемся воспроизвести въ своей памяти тонъ и манеру этихъ замѣчаній — стыдись! — Безстыдникъ! Тутъ и искренній тонъ наставленія, и легкомысленный или циничный смѣхъ, и другіе тонкіе продукты загрязненнаго воображенія взрослаго человѣка.

И въ моментъ этихъ воспитательныхъ внушеній образованныхъ матери и отца или простой женщины няни нельзя не отмѣтить удивительнаго тождества душевнаго настроенія; словно и не существуетъ никакого различія, вносимаго въ души людей образованіемъ. А въ душѣ ребенка это грубое прикосновеніе взрослаго оставило слѣдъ чего-то темнаго, непонятнаго, грязнаго... и слѣдъ глубокій. Почему нельзя быть голымъ? — думаетъ ребенокъ, наслаждаясь въ моментъ, предшествующій погруженію въ воду, свободой не стѣсненныхъ одеждой движеній. Почему стыдно? — и мысль впечатлительнаго и запоминающаго ребенка находитъ уже въ памяти цѣлый запасъ данныхъ для работы. Почему не стыдно ставить на лѣстницѣ фигуры голыхъ людей, почему въ кабинетѣ отца картина изображаетъ полунагую женщину, почему на вазахъ, на чашкахъ, на обояхъ рисуютъ такихъ хорошенькихъ голыхъ дѣтей, почему въ комнатѣ матери младенецъ Христосъ и ангельчики нарисованы на картинѣ безъ одежды?.. Всѣхъ этихъ дѣтскихъ «почему» намъ и не указать, потому что мы ихъ не слушали. И дѣтская головка думаетъ, напряженно думаетъ о томъ, о чемъ не думаемъ мы, взрослые. А

дальше—дальше такія-же необдуманныя, но болѣе точныя замѣчанія и наставленія со стороны родителей и воспитателей, отрывки разговоровъ и шутокъ взрослыхъ между собою, любопытство, все бо́льшій и бо́льшій интересъ къ таинственному запретному предмету, такъ интересующему взрослыхъ, разговоры съ товарищами, прислугой и въ результатѣ—у преддверья жизни утраченныя навсегда душевная чистота и цѣльность, а въ большинствѣ случаевъ и физическое здоровье.

Думали-ли мы о томъ, что должны почувствовать къ намъ тѣ жертвы нашего воспитательскаго недомыслія, которыя сознаютъ всю цѣнность безвозвратно утраченнаго ими? Упрекнутъ-ли они насъ въ низкой нравственности, въ лицемѣріи, или припишутъ нравственный грѣхъ по отношенію къ нимъ нашему невѣжеству?.. Но какъ оцѣнятъ они нашу любовь, которая знала, что есть опасность, есть гибель, и не предупредила, ни словомъ о ней не обмолвилась. Вѣдь къ роковому шагу въ большинствѣ случаевъ приводитъ юношу не порочность, не безнравственность, а невѣдѣніе, главнымъ образомъ невѣдѣніе. Наступаетъ періодъ возмужалости съ его сложными и дающими себя чувствовать физіологическими измѣненіями, юноша не знаетъ, какъ справиться съ этой охватывающей и душу и тѣло мощной волной—и ни единаго совѣта, ни одного разумнаго слова! А кругомъ — пестрая безтолковая среда современной жизни, изъ которой бери, что хочешь... Наконецъ, — примѣръ и убѣжденіе товарища, небрежный совѣтъ врача и шагъ сдѣланъ. Я слышу упрекъ въ преувеличеніи, возраженія, что не всегда за этимъ «естественнымъ» шагомъ въ нашей теперешней житейской обстановкѣ слѣдуетъ гибель. Имѣю основаніе думать, что данныя медицинской статистики по этой части еще недостаточно точны и полны, но предположимъ, что дробь, обозначающая въ графѣ статистической таблицы число юношей, погибшихъ отъ сифилиса, дѣйствительно мельче другихъ дробей—числа жертвъ иныхъ соціальныхъ недуговъ. Но развѣ для насъ, родителей, воспитателей, это аргументъ, оправданіе, утѣшеніе, развѣ самая минимальная дробь въ этой графѣ не обозначаетъ для насъ цѣлаго, безконечно-дорогаго и большаго цѣлаго—цѣлую молодую загубленную нами жизнь? *).

---

*) Мнѣ лично пришлось встрѣтиться съ нѣсколькими трагическими фактами изъ этой области: особенно ужасна была смерть двухъ молодыхъ людей талантливыхъ, образованныхъ, любимцевъ прекрасныхъ семей, которые покончили съ собой самоубійствомъ, ужаснувшись перспективы существованія съ неизлѣчимымъ недугомъ и прежде всего возможности внести гибельную, постыдную заразу въ родную семью.

При теперешнемъ состояніи науки, при современныхъ данныхъ, добытыхъ всестороннимъ изученіемъ человѣческаго организма, не можетъ подлежать сомнѣнію, что настала пора выработать строго обдуманную, научно обоснованную систему гигіеническихъ мѣръ для руководства семьи и школы, отвѣтственныхъ за жизнь и здоровье ребенка въ первые годы жизни и періодъ отрочества, совѣтовъ и указаній для самого юношества, необходимыхъ для него въ важную пору перехода къ возмужалости *).

Ближайшими цѣлями этихъ мѣръ должны быть: *предупрежденіе* преждевременнаго развитія или извращенія половой дѣятельности; *сохраненіе* силъ въ теченіе всего долгаго періода роста развитія тѣла по современнымъ условіямъ жизни и особенностямъ человѣческаго организма, заканчивающихся лишь между 25 и 30 годами для мужчинъ и 20 и 25 годами для женщинъ сѣверныхъ странъ; *предупрежденіе* безумныхъ растратъ физическихъ силъ, производимыхъ теперь большинствомъ мужской молодежи вслѣдствіе господствующаго ложнаго воззрѣнія о позволительности и даже необходимости для здоровья удовлетворенія половой потребности при первыхъ проявленіяхъ спеціальной жизнедѣятельности извѣстныхъ органовъ, проявленіяхъ, ошибочно принимаемыхъ за признаки половой зрѣлости **); *сокращеніе* жертвъ страшнаго бича здоровья современнаго человѣчества — сифилиса, поражающаго, налагающаго печать отверженія не только на погрѣшившаго, но и на его потомство.

А теперь взглянемъ на задачи воспитанія въ указанной области и съ другой точки зрѣнія.

Въ органической связи съ физіологическими процессами половой дѣятельности человѣческаго организма находятся явленія, дающія содержаніе, яркую окраску психической жизни каждаго индивидуума того или иного пола. Изъ этихъ явленій складывается чувство любви со всѣми его оттѣнками и отклоненіями.

Всѣ мы, взрослые люди, знаемъ, какое огромное, подчасъ рѣшающее значеніе имѣетъ это чувство въ жизни каждаго человѣка, какое первенствующее мѣсто оно занимаетъ въ художественныхъ про-

---

*) Для нашихъ ученыхъ и врачей представляется полная возможность оказать, хотя отчасти, эту неоцѣненную услугу на предстоящей въ 1893 году Всероссійской гигіенической выставкѣ.

**) Въ ранней утратѣ цѣломудрія и полномъ отрицаніи возможности воздержанія мужской молодежи главная вина падаетъ на врачей, по рутинѣ и невѣдѣнію послѣднихъ данныхъ науки толкающихъ нашихъ дѣтей на путь разврата, такъ какъ другого способа, кромѣ услугъ проституціи, они не указываютъ.

изведеніяхъ всѣхъ временъ и народовъ, какъ могущественно и разнообразно оно проявляется въ преступныхъ дѣяніяхъ людей всѣхъ возрастовъ,—въ фактахъ уголовной хроники, какими тысячами насчитываются жертвы этого чувства, извращеннаго современными способами его удовлетворенія. Но что дѣлаемъ мы, представители семьи, школы и науки, чтобы воспитать въ своихъ дѣтяхъ это мощное чувство, чтобы не дать ему сдѣлаться стимуломъ преступленія, а привести его къ гармоническому слiянію съ высшими нравственными чувствами и идеалами, которые доступны современному человѣчеству?

Чтобы не погрѣшить противъ истины, мы должны будемъ признаться, что сознательно ничего для воспитанія этого чувства не дѣлали, если не считать тѣхъ случайныхъ, нравственныхъ сентенцій или практическихъ совѣтовъ, обыкновенно запоздалыхъ, съ которыми иногда обращались уже ко взрослымъ дѣтямъ своимъ, или всякихъ неудачныхъ уловокъ, къ которымъ прибѣгали, чтобы въ бесѣдахъ съ дѣтьми и юношами не затрогивать щекотливаго вопроса, не произносить самаго слова любовь. Не могу не привести здѣсь примѣра одной изъ такихъ уловокъ старика, учителя словесности одного изъ нашихъ женскихъ институтовъ, о которой слышала отъ самихъ бывшихъ воспитанницъ его. Если при чтеніи или разборѣ какого-либо художественнаго произведенія встрѣчалось слово «*любовь*», почтенный педагогъ замѣнялъ его словомъ—«соловей». Не ручаюсь за достовѣрность сообщеннаго, но если это даже анекдотъ, не служитъ-ли онъ прекрасною иллюстраціей нашихъ воспитательскихъ пріемовъ.

Любовь, какъ физическое и идеальное (психическое) влеченіе одного пола къ другому, должна быть отнесена къ числу наиболѣе сильныхъ и сложныхъ чувствъ, съ которыми приходится встрѣчаться воспитывающимъ, начиная съ отроческаго возраста воспитываемыхъ. Начертать теперь-же какую-либо подробную законченную программу для воспитанія или наблюденія за правильнымъ ростомъ такого сложнаго чувства, какъ любовь, очень трудно, мнѣ кажется, даже невозможно, но сущность задачи воспитанія уже и теперь ясна: на обязанности воспитанія лежитъ возведеніе этого чувства отъ степени животнаго инстинкта до той сложности, которая приводитъ его къ гармоническому слiянію съ высшими чувствами и идеалами, доступными современному человѣчеству.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы, воспитатели, совершенно не готовы для такихъ обязанностей, но такъ-же несомнѣнно, что воспитаніе не можетъ исключить этой задачи изъ области своего вѣдѣнія

и дѣятельности, а слѣдовательно, намъ остается только ревностно, добросовѣстно готовиться къ ней.

Сознанію задумавшагося надъ предстоящей работой предстанутъ слѣдующія части ея:

1) Выясненіе главныхъ элементовъ, изъ которыхъ должно слагаться здоровое и полное чувство любви.

2) Пересмотръ и оцѣнка условій и данныхъ современной жизни со стороны ихъ вліянія на разсматриваемое чувство.

3) Уясненіе тѣхъ чертъ и основъ, унаслѣдованныхъ отъ минувшихъ періодовъ жизни, которыя, по силѣ своей живучести, могутъ оказать наибольшее содѣйствіе или сопротивленіе работѣ воспитателя.

4) Выработка мѣръ и пріемовъ для выполненія положительной стороны задачи.

5) Установленіе для каждаго возраста воспитываемыхъ ближайшихъ педагогическихъ цѣлей.

Уже одинъ этотъ перечень частей работы достаточно убѣдительно говоритъ о ея серьезности и трудности.

Неужели мы не найдемъ ни одной изъ этихъ частей работы въ себѣ готовой? Вѣдь, если чувство любви не являлось вопросомъ воспитанія, то вѣдь оно всегда было жгучимъ жизненнымъ вопросомъ для насъ самихъ, въ жизни личной и общественной.

Отвѣтомъ на это могло-бы послужить сообщеніе каждымъ изъ насъ имѣющагося у него теперь-же въ *наличности* запаса мыслей и фактовъ. Такая неожиданная повѣрка дала-бы много интереснаго и поучительнаго, показалъ-бы намъ прежде всего тотъ удивительный хаосъ, который живетъ у насъ въ душѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ сознаніемъ, живетъ, не переходя въ порядокъ у большинства въ теченіе всей жизни.

Многіе-ли изъ насъ сойдутся въ указаніи главныхъ элементовъ здороваго и полнаго чувства любви? Такъ какъ трудно получить вполнѣ искреннія показанія по этому предмету, то гораздо болѣе вѣрнымъ средствомъ будетъ обратиться къ художественной литературѣ, отражающей съ такою ясностью сложныя, душевныя состоянія современнаго культурнаго человѣка. И какая предстанетъ предъ нами безконечно длинная вереница страдальцевъ и преступниковъ! Гдѣ-же здоровые, да и существуютъ-ли они? не должно-ли быть отнесено чувство любви къ недугамъ человѣчества, а слѣдовательно, и мечты о холѣ и воспитаніи его—къ печальнымъ заблужденіямъ? Такой выводъ былъ-бы такъ-же невѣренъ, какъ заключеніе медиковъ и гигіенистовъ, въ виду подавляющей массы фактовъ ненормальности и болѣзненности

въ средѣ современнаго человѣчества, о безполезности всякой борьбы съ болѣзнями и необходимости предоставить людямъ безпрепятственно слѣдовать по пути къ истощенію и вырожденію. Мы никогда такъ много и подробно не знали о физическихъ болѣзняхъ и недостаткахъ, которымъ подверженъ человѣческій организмъ, какъ знаемъ теперь, и никогда однако-же медицина и гигіена не чувствовали себя болѣе сильными, болѣе одушевленными надеждами.

Пусть-же больные и преступные научатъ насъ тому, чего имъ недостаетъ, чтобы быть здоровыми. Анализъ великихъ и малыхъ страданій, а также различныхъ преступныхъ дѣяній, связанныхъ съ чувствомъ любви, мнѣ кажется, указываетъ на слѣдующіе главные элементы, необходимые для здороваго чувства: *глубоко вкоренившееся и охватившее все существо человѣка сознаніе, что актъ физическаго общенія половъ величайшее біологическое таинство (а не прихоть, не слабость, не низменное наслажденіе); стремленіе къ единобрачію; признаніе естественнаго равноправія мужчины и женщины; подчиненіе интересовъ личнаго счастья, интересовъ семьи требованіямъ общаго блага.*

Все это звучитъ такъ знакомо, все это кажется намъ давно извѣстнымъ и даже принятымъ нами, но это не вошло еще въ нашу плоть и кровь, иначе жизнь была-бы иною, чѣмъ она есть, а такія произведенія, какъ «Крейцерова соната», драмы Ибсена и Бьернсона не вызывали бы такой бури противорѣчивыхъ мнѣній и чувствъ, а такія психо-физіологическія изслѣдованія, какъ Disciple и Physiologie de l'amour moderne P. Bourget, вовсе не могли-бы появляться.

Центръ тяжести и трудности новой задачи воспитанія будетъ заключаться въ пересмотрѣ, оцѣнкѣ, группировкѣ, упорядоченіи всѣхъ условій, всѣхъ подробностей, изъ которыхъ складывается внѣшній и внутренній бытъ современной нашей жизни. Работа эта потребуетъ много времени, будетъ подвигаться крайне медленно, а жизнь между тѣмъ не остановишь, и дѣти наши не могутъ ждать, пока мы себя перевоспитаемъ и перестроимъ къ лучшему для нихъ жизнь.

А потому, значительная часть этого пересмотра жизни должна будетъ совершаться взрослыми совмѣстно съ воспитываемыми. Здѣсь при первыхъ шагахъ насъ остановитъ очень важное затрудненіе — взрослые, воспитатели окажутся въ необходимости часто являться въ очень невыгодномъ освѣщеніи, разоблачать такіе факты, такія стороны своей жизни, о которыхъ имъ тяжело будетъ говорить. Это затрудненіе нужно предвидѣть, но ему нельзя давать заграждать себѣ дорогу. Это не реальное препятствіе, это—только призракъ. Развѣ кто-

нибудь изъ насъ, родителей, воспитателей, искренно вѣритъ, можетъ серьезно думать, что онъ своимъ дѣтямъ является лишь въ ореолѣ красоты и добродѣтели? Можетъ явиться опасеніе, не послужатъ-ли затрогиваніе, обсужденіе различныхъ вопросовъ и явленій, связанныхъ съ половой жизнью, прежде всего ко вреду, такъ какъ будетъ привлекать къ нимъ вниманіе, слѣдовательно, служить поводомъ къ тому нервному возбужденію, которое прежде всего желательно довести до минимума. Опасеніе это совершенно основательно, и при такомъ общеніи нужна большая осторожность, много душевнаго такта, чтобы знать, о чемъ, когда и съ кѣмъ говорить. Но рядомъ съ этимъ опасеніемъ въ нашемъ сознаніи должно стоять убѣжденіе, что волнующіе вопросы вкривь и вкось ежедневно затрогиваются въ воспитываемыхъ жизнью, что имъ недостаетъ только вѣдѣнія серьезнаго, успокаивающаго, очищающаго, что всякое другое вѣдѣніе доставляется имъ жизнью въ полномъ изобиліи. И да сохранитъ насъ Богъ при такомъ общеніи съ воспитываемыми отъ лжи, отъ словъ пустыхъ, отъ морализированья, иначе все пропало, и дѣти наши отнесутся къ намъ съ тѣмъ-же чувствомъ презрѣнія, которое было въ душѣ Гамлета, когда онъ говоритъ: «Какую ничтожную вещь ты изъ меня дѣлаешь? Ты хочешь играть на мнѣ, ты хочешь проникнуть въ тайны моего сердца, ты хочешь испытать меня отъ низшей до высочайшей ноты... Вотъ въ этомъ маленькомъ инструментѣ (флейтѣ) много гармоніи, прекрасный голосъ—и ты не можешь заставить говорить его. Чортъ возьми! Думаешь ты, что на мнѣ легче играть, чѣмъ на флейтѣ? Назови меня какимъ угодно инструментомъ — ты можешь меня разстроить, но не играть на мнѣ». Взрослое человѣческое сердце должно, не можетъ не почувствовать, что чуткая дѣтская и юношеская душа все пойметъ, все проститъ, кромѣ лицемѣрія и низкаго малодушія. Кромѣ искренности, для власти надъ юными душами нужно, чтобы самъ воспитатель много и глубоко пережилъ въ области чувства, иначе его совѣты и пріемы будутъ такъ-же недостаточны для вѣрнаго направленія молодой жизни, какъ недостаточны для усвоенія живого языка уроки грамматики, преподанныя человѣкомъ, который самъ никогда не говорилъ на этомъ языкѣ.

Обращаясь къ матеріалу, унаслѣдованному отъ минувшихъ историческихъ періодовъ и ближайшихъ поколѣній, который, по силѣ своей живучести, можетъ оказать наибольшее содѣйствіе или сопротивленіе работѣ воспитателя, мы найдемъ прежде всего физическое истощеніе, отравленіе сифилитическимъ ядомъ, всѣ тѣ задатки физическихъ и психическихъ недуговъ, которые присвоили нашему вре-

мени названіе «*нервнаго вѣка*». Выдѣленіе и точное опредѣленіе главныхъ основъ психо-физическаго наслѣдія невозможно въ короткой характеристикѣ или формулахъ. Основы эти знакомы и доступны сознанію большинства изъ насъ лишь въ массѣ самыхъ разнообразныхъ комбинацій и осложненій, въ неразрывной связи съ самыми различными явленіями человѣческой жизни. Въ абстракціи, внѣ извѣстныхъ намъ воплощеній, явятся-ли эти факты истиной сущей, жизненной, убѣдительной? Но если не всѣ, то хотя нѣкоторые, тѣ, которымъ такая абстракція по силамъ, должны-же различать въ глубинѣ и на волнующейся, пестрой необъятной поверхности современной жизни человѣчества, *что признаніе женщины существомъ иного низшаго рода, чѣмъ мужчина, признаніе двухъ видовъ нравственности-одной для мужчины и другой для женщины, низведеніе основной біологической потребности, закона жизни до степени произвольной блажи, прихоти, или проявленія низменной, извращенной чувственности,*— абсурды, несовмѣстимые съ суммой существующихъ у насъ теперь научныхъ знаній, со степенью нашего теперешняго пониманія жизни вообще и жизни человѣческаго организма и жизни общественной въ частности; для тѣхъ, передъ духовнымъ взоромъ которыхъ эти абстракціи не вызываютъ цѣлыхъ вереницъ фактовъ, цѣлыхъ группъ явленій, цѣлыхъ картинъ минувшей жизни на протяженіи тысячелѣтій, для тѣхъ эти абстракціи — слова, лишенныя смысла, а обсужденіе ихъ — безплодное препровожденіе времени. А если вышеуказанные выводы—результаты, добытые нашимъ вѣдѣніемъ, то они обязываютъ насъ мыслить, чувствовать, дѣйствовать, короче—жить сообразно этому вѣдѣнію. Наше вѣдѣніе не измѣняетъ законовъ жизни, но вноситъ существенныя измѣненія въ области тѣхъ или иныхъ явленій, съ которыми связаны благополучіе или бѣдствіе въ жизни отдѣльныхъ людей и обществъ; мы не можемъ создать здороваго человѣка, но мы можемъ уничтожить или сохранить и увеличить данный намъ жизнью запасъ силъ. Во всеоружіи нашего теперешняго знанія мы не можемъ создавать геніевъ или даже дарованій, не можемъ создавать великихъ характеровъ, высокихъ добродѣтелей, но можемъ или содѣйствовать возможно полному и бо̀льшему развитію дарованныхъ природой силъ и способностей, или доводить ихъ до минимума, до полной утраты.

Наша нравственная отвѣтственность за развитіе недостатковъ и пороковъ—истина, не требующая доказательствъ. И вотъ въ предѣлахъ этого возможнаго для нашей воли, для нашихъ знаній и заключаются наши воспитательскія обязанности. Если мы знаемъ біо-

логическое значеніе физическаго общенія двухъ половъ, знаемъ, въ какой неразрывной связи, въ какой взаимной зависимости находятся физіологическая и психологическая стороны влеченія половъ другъ къ другу, то можемъ-ли мы допускать ту путаницу понятій и представленій, вслѣдствіе которой любовь относится то къ высшимъ благороднѣйшимъ чувствамъ, то къ мимолетнымъ ощущеніямъ, или даже къ унижающимъ достоинство человѣка слабостямъ. Если мы понимаемъ въ надлежащемъ смыслѣ и объемѣ то, что называется животнымъ инстинктомъ, то можемъ-ли употреблять этотъ терминъ для обозначенія половой потребности человѣка при современныхъ способахъ ея удовлетворенія? Да, несомнѣнно, животный инстинктъ говоритъ въ животныхъ всѣхъ родовъ отъ высшихъ четвероногихъ до простѣйшихъ организмовъ, когда они ищутъ соединенія съ особью другого пола, но за этимъ соединеніемъ, какъ внушеніе того-же инстинкта, слѣдуетъ забота о потомствѣ, о родѣ. Птицы весной не только наслаждаются радостями любви въ чарующей обстановкѣ ожившей природы, но и принимаются за трудную работу — созиданья гнѣзда, въ которомъ они сами для себя вовсе не нуждаются; тотъ-же могучій инстинктъ заставляетъ насѣкомыхъ, которымъ никогда не суждено увидѣть свое потомство, неутомимо искать мѣсто, лучше всего обезпечивающее безопасность и питаніе для яйца и личинки. И только одинъ человѣкъ, единственное существо, понимающее значеніе этого могущественнаго инстинкта, произвольно отбрасываетъ отъ него наиболѣе важную часть — заботу о потомствѣ, беретъ одно удовольствіе, удовлетвореніе, отвергая отвѣтственность и заботу. Въ такомъ изуродованномъ видѣ это уже не животный инстинктъ, а болѣзненный продуктъ человѣческой жизни.

Психологія говоритъ намъ, что ни одно ощущеніе и ни одно впечатлѣніе не проходитъ для организма безслѣдно, что мы обладаемъ могущественною способностью—нервною памятью, что ею, наиболѣе интенсивно работающею въ годы младенчества и отрочества, накопляются слѣды, изъ которыхъ складываются всѣ тѣ силы и пріемы, которые будутъ достояніемъ психической дѣятельности человѣка въ зрѣломъ возрастѣ, которые дадутъ то или иное содержаніе, ту или иную окраску его отношенію къ природѣ и къ людямъ. А если это такъ, то какъ-же мы допускаемъ возможность, что масса впечатлѣній, воспринятыхъ въ самыхъ уродливыхъ, противуестественныхъ комбинаціяхъ въ воспріимчивые годы дѣтства и молодости, пройдетъ безслѣдно и безвредно для нравственности взрослаго человѣка (о томъ, что она не проходитъ безслѣдно для физическаго здоровья мы уже,

къ счастью, знаемъ). Человѣка, котораго мы знали не чистымъ на руку, мы затруднимся назвать впослѣдствіи честнымъ человѣкомъ, какъ-бы незначительна ни была матеріальная цѣнность его хищеній: человѣку съ сомнительными и неопредѣленными воззрѣніями на неприкосновенность чужой собственности, явно выразившему своекорыстныя наклонности, мы не довѣримъ никакихъ своихъ денежныхъ интересовъ; но въ то-же время мы не колеблясь отдаемъ свою дочь не только человѣку, котораго отношеніе къ женщинѣ въ прошломъ намъ совершенно неизвѣстно, но даже и такому, который завѣдомо для насъ прошелъ всю школу грѣховъ молодости. Грѣхи молодости... давно-ли вошло въ употребленіе это ужасное по своему значенію выраженіе? Слово молодость еще недавно, на памяти у всѣхъ насъ вызывало представленіе о лучшей, благороднѣйшей порѣ жизни человѣка, о порѣ разцвѣта физическихъ и нравственныхъ силъ; неужели такая молодость намъ уже не нужна и намъ не страшно за будущее, за жизнь того общества, которое способно рождать и воспитывать лишь отягченное и истощенное грѣхами молодости поколѣніе? Такія требованія и опасенія въ интересахъ физическаго здоровья и нравственности могутъ показаться преувеличенными, исторія и статистика можетъ представить доказательства того, что въ прошломъ число жертвъ отъ тѣхъ-же недуговъ или пороковъ было не меньше или, допустимъ, даже больше; но это не умаляетъ основательности и справедливости поставленныхъ требованій. Люди вымирали сотнями, тысячами отъ оспы и чумы, въ лицѣ колдуній, вѣдьмъ погибали тысячами на кострахъ, но знанія современнаго человѣка довели число такихъ жертвъ до минимума, отъ котораго недалеко до нуля. Такова и сила, и отвѣтственность вѣдѣнія. Люди и общества не отвѣтственны лишь за тѣ утраты и бѣдствія, которыхъ они не умѣютъ, не въ состояніи предотвратить.

Трезвые защитники услугъ проституціи, какъ гигіеническаго средства, якобы необходимаго для физическаго здоровья современнаго общества и въ то-же время позволительнаго съ нравственной точки зрѣнія, приводятъ тотъ доводъ, что огромное большинство проститутокъ занимается своимъ ремесломъ, повинуясь непреодолимому физическому требованію, половому влеченію, не чувствуя при этомъ ни стыда, ни какого-либо иного тяжелаго нравственнаго состоянія, не испытывая ни малѣйшаго желанія измѣнить свой образъ жизни. Но тѣ-же защитники не скрываютъ, что большинство такихъ проститутокъ «по призванію» должны быть причислены къ той-же семьѣ, къ которой принадлежатъ и преступницы, и нервно-больныя. Такія проститутки,

по словамъ тѣхъ-же свѣдущихъ людей, обыкновенно дочери развратныхъ и больныхъ родителей, и проституція не лишаетъ ихъ возможности, въ свою очередь, сдѣлаться матерями. А если это вѣрно и извѣстно здоровымъ и образованнымъ людямъ, пользующимся услугами проституціи, то можетъ-ли быть рѣчь о нравственной безотвѣтственности?

Установленіе теперь-же мѣръ и пріемовъ для выполненія задачи, которой обязательность, важность и сложность только что выступила передъ нашимъ сознаніемъ, конечно, невозможно. Нужно время на выработку самаго представленія о возможныхъ для этого пріемахъ *).

---

*) Сознанію воспитателя, желающаго охватить взоромъ предметъ во всемъ его объемѣ, намѣчаются, мнѣ кажется, слѣдующія черты и основные пункты:

A. Вниманіе и заботы родителей, врачей и воспитателей должны охватывать весь періодъ роста и развитія человѣка отъ первыхъ дней жизни до времени достиженія полной возмужалости.

B. Сообразно сущности самихъ явленій половой жизни, программа воспитательной дѣятельности должна заключать двѣ одинаково строго научно обоснованныя и неразрывныя части—медицинскую и психологическую.

C. Въ основу программы должны быть положены какъ идеальныя представленія о нормальномъ человѣческомъ организмѣ, такъ и данныя, представляемыя теперешнимъ его состояніемъ.

D. Наиболѣе важной частью программы должны быть указанія, имѣющія цѣлью противодѣйствіе вреднымъ условіямъ современной жизни и воздѣйствіе на задатки и предрасположенія, унаслѣдованныя отъ предшествовавшихъ поколѣній.

E. Воспитательная программа должна заключать указанія какъ обязанностей семьи, такъ и обязанностей школы и общества.

Часть медицинская.

1) Указаніе главныхъ признаковъ, какъ нормальныхъ, такъ и патологическихъ, характеризующихъ различные періоды развитія половой жизни.

2) Мѣры для предупрежденія преждевременнаго развитія и извращенія половой дѣятельности.

3) Указанія для выясненія важности *сохраненія* цѣломудрія въ теченіе всего періода роста человѣческаго организма и *вреда* для здоровья удовлетворенія половой потребности при тѣхъ раннихъ проявленіяхъ жизнедѣятельности половыхъ органовъ, которые ошибочно принимаются за признаки половой зрѣлости.

4) Указаніе противоестественности и вреда для здоровья пользованія проституціей.

5) Указаніе характеристическихъ признаковъ наиболѣе распространенныхъ болѣзней половыхъ органовъ, въ особенности тѣхъ важныхъ по своимъ послѣдствіямъ формъ, которыя ошибочно причисляются къ легкимъ заболѣваніямъ, проходящимъ безслѣдно для организма.

6) Выясненіе важности обращенія къ медицинской помощи, необходимости полной откровенности между воспитываемыми и врачами и родителями, для

Но кое-что уже найдется въ душѣ каждаго изъ насъ, имѣвшаго дѣло съ дѣтьми и юношествомъ. Мнѣ всегда казалось, что знаніе и пониманіе основныхъ законовъ жизни — лучшій фундаментъ для всякаго нравственнаго чувства. Началомъ этого знанія являются первыя наблюденія ребенка надъ всѣмъ его окружающимъ. А какъ часто мы дѣлаемъ пріобрѣтеніе этихъ наблюденій для дѣтей невозможнымъ, какъ часто портимъ всю тонкую работу ихъ души своимъ безтолковымъ и грубымъ вмѣшательствомъ! Появленіе дѣтей у людей и животныхъ—первый фактъ изъ круга явленій, подлежащихъ нашему обсужденію, на которомъ останавливается вниманіе каждаго ребенка въ самомъ раннемъ возрастѣ. На вопросъ ребенка, откуда явился но-

---

возможности *своевременной* помощи, какъ медицинской, такъ и нравственной, и охраненія заболѣвшихъ отъ отчаянія, нерѣдко приводящаго къ самоубійству.

7) Указаніе той части матеріала, содержащагося въ программѣ для воспитателей, которая должна быть сообщена въ соотвѣтствующемъ возрастѣ самимъ учащимся. Особая важность тѣхъ свѣдѣній, которыя указываютъ на *тяжесть* нравственную и физическую «грѣховъ молодости» въ дальнѣйшей жизни, на *отвѣтственность* за здоровье жены и потомства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ на потерю нравственнаго права на бракъ, равно какъ и на всякое другое физическое общеніе съ женщиной.

Часть психологическая. Основныя положенія.

1) Въ органической связи съ физіологическими процессами половой дѣятельности человѣческаго организма находятся явленія, придающія особую окраску и направленіе психической жизни каждаго индивидуума того или другого пола.

2) Любовь, какъ физическое и психическое влеченіе одного пола къ другому, должна быть отнесена къ числу наиболѣе сильныхъ и сложныхъ чувствъ, съ которыми приходится встрѣчаться воспитывающимъ, начиная съ юношескаго, а иногда и отроческаго возраста воспитываемыхъ.

3) На обязанности воспитанія лежитъ возведеніе этого чувства отъ степени животнаго инстинкта до той сложности, которая приводитъ его къ гармоническому слiянію съ высшими нравственными чувствами и идеалами, доступными современному человѣчеству.

Въ психологическую часть программы должно войти:

1) Выясненіе главныхъ элементовъ, изъ которыхъ должно слагаться здоровое чувство любви.

2) Указаніе тѣхъ условій, тѣхъ данныхъ современной жизни, вліяніе которыхъ должно быть признано наиболѣе вреднымъ для тѣхъ или другихъ цѣлей, поставленныхъ воспитаніемъ.

3) Указаніе тѣхъ чертъ, унаслѣдованныхъ отъ минувшихъ періодовъ жизни, которыя, по силѣ своей живучести, могутъ оказать наибольшее сопротивленіе педагогическимъ воздѣйствіямъ, а потому заслуживаютъ наибольшаго вниманія воспитывающихъ.

4) Установленіе для каждаго возраста ближайшихъ педагогическихъ цѣлей и пріемовъ для достиженія намѣченнаго.

вый жилецъ міра (братъ или сестра), взрослые, по принятому обычаю, отвѣчаютъ, что его нашли на огородѣ въ кочанѣ капусты, или на верхушкѣ дерева, или что его принесла «бабушка» (та посторонняя женщина, появленіе которой въ семьѣ, какъ замѣчаютъ дѣти, всегда совпадаетъ съ подобнымъ событіемъ), или, наконецъ,—что Божинька далъ, положилъ ночью въ колыбельку». Національнымъ аттрибутомъ такихъ-же отвѣтовъ у нѣмцевъ является аистъ. Такія выдумки представляются, кажется, вполнѣ невинными и очень удобнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія. А наблюдали-ли мы за безплодной работой дѣтской логики надъ этимъ противорѣчивымъ вздоромъ? Теперь зима, на огородѣ никакой капусты нѣтъ, — замѣчаетъ одинъ; какъ ребеночекъ не простудился, какъ не упалъ съ верхушки дерева и не разбился,—недоумѣваетъ другой. Какъ узнали, что Божинька хочетъ принести брата и догадались поставить колыбельку?.. И пошли безъ конца разспросы и догадки и отвѣтный вздоръ взрослыхъ.

Дѣвочка пытается заглянуть въ сумку съ повивальными инструментами; бабушка этому сильно противится и говоритъ, что этого хорошія дѣти не должны дѣлать, потому что въ этой сумкѣ она приноситъ братцевъ и сестрицъ дѣтямъ, когда они умницы и послушны. И меня въ этой сумкѣ принесли? спрашиваетъ дѣвочка.—И тебя, отвѣчаетъ бабушка.—Нѣтъ, меня не приносили, съ полной увѣренностью заявляетъ дѣвочка: прежде меня не было у мамы дѣтей, кто-же тогда былъ послушнымъ, кому-же вы меня принесли?—Ребенокъ, находясь подъ впечатлѣніемъ недавняго событія, появленія въ семьѣ брата, на прогулкѣ въ городѣ неожиданно обращается къ матери съ такимъ вопросомъ: И лошади родятся?—Конечно, отвѣчаетъ мать.—И львы, собаки, —всѣ животныя? Мать даетъ тотъ-же утвердительный отвѣтъ.—Но у нихъ, вѣрно, есть свой особенный аистъ, настойчиво допытываетъ мать занятый своей работой ребенокъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, рано или поздно, мысль ребенка выпутается изъ этой сѣти благоглупостей и дойдетъ до истины. Но какъ она до нея дойдетъ, въ какой окраскѣ она ей представится? Здѣсь можетъ быть рѣчь только о части истины, о томъ, что ребенокъ узнаетъ тотъ важный фактъ, что новорожденный выдѣляется материнскимъ организмомъ. Усвоеніе одного этого факта уже само по себѣ важное пріобрѣтеніе для дѣтскаго сознанія, но какую важную роль для воспитательныхъ цѣлей играетъ масса побочныхъ подробностей различныхъ ассоціацій, съ которыми это пріобрѣтеніе вступило въ душу. Мнѣ кажется, что для воспитательныхъ цѣлей представляется наиболѣе важной и по самому существу дѣла наиболѣе правильной та-

кая комбинація впечатлѣній, гдѣ-бы фактъ выдѣленія изъ материнскаго организма воспринимался въ неразрывномъ сочетаніи съ чувствомъ тревоги и жалости, вызванныхъ представленіемъ физическихъ страданій, смертельной опасности, пережитыхъ матерью или другою близкою ребенку женщиной. Материнство—вотъ что должно лечь первымъ слоемъ въ основаніи того настроенія, той работы, результатомъ которой явится понятіе — женщина. Только это основаніе сообщаетъ вѣрное направленіе и должную глубину физическому влеченію и идеальному чувству любви къ женщинѣ какъ юноши, такъ и возмужалаго человѣка.

Понятіе о фактѣ зарожденія отъ двухъ родительскихъ организмовъ представляется уму и наблюдательности ребенка гораздо позже, въ 13—14 лѣтъ. Почва для воспринятія его при здоровыхъ условіяхъ подготовлена массой впечатлѣній изъ жизни животныхъ, а также научныхъ свѣдѣній изъ области ботаники, сравнительной зоологіи. Воспитываемые могутъ (и предпочитаютъ) для полнаго знакомства обратиться къ научнымъ сочиненіямъ—энциклопедическому словарю, вмѣсто того, чтобы искать разъясненій у воспитателей или кого-либо изъ окружающихъ ихъ взрослыхъ людей. Такой выходъ при нашей неподготовленности къ подобнаго рода объясненіямъ теперь положительно единственно желательный. Намъ-же, воспитателямъ, слѣдуетъ помнить одно, что этотъ основной фактъ біологической жизни *долженъ* въ извѣстный возрастъ войти въ сознаніе воспитываемыхъ, но можетъ войти и входитъ двоякимъ образомъ: или вѣрно, на серьезной жизненной почвѣ здоровыхъ наблюденій надъ природой и научныхъ свѣдѣній, или въ искаженномъ видѣ — въ ассоціаціи со всѣми грязными, уродливыми представленіями воображенія невѣжественнаго и развращеннаго человѣка, какими являются, въ большинствѣ случаевъ, собесѣдники по этому предмету. Другой важной основой для здороваго чувства любви половъ другъ къ другу является раннее и вѣрное знаніе формъ и потребностей тѣла. Это знакомство должно начинаться съ первыхъ лѣтъ жизни. Мы не должны позволять себѣ и ребенку никакихъ шутокъ, связанныхъ съ обнаженіемъ или уходомъ за извѣстными частями тѣла; отношеніе къ нимъ должно быть крайне внимательное и серьезное. Слѣдуетъ какъ можно раньше объяснить ему вредъ для здоровья прикосновенія или ушиба половыхъ органовъ, научить его самостоятельно справляться съ ежедневными отправленіями извѣстныхъ нуждъ и умѣть различать при этомъ нѣкоторые болѣзненные признаки. Не должно принимать никакихъ мѣръ для ранняго раздѣленія дѣтей различнаго пола въ одной и той-же семьѣ. Безъ подстрекательства взрос-

лыхъ, безъ искусственныхъ пріемовъ для этого раздѣленія, безъ особыхъ наслѣдственныхъ для этого данныхъ дѣти сами очень долго, вѣроятно, до періода отрочества, ни чѣмъ не выражали-бы сознанія себя представителями различныхъ половъ. Это не мѣшало-бы имъ имѣть уже вѣрное представленіе о тѣхъ или иныхъ половыхъ особенностяхъ человѣческаго организма, воспринятыхъ ими помимо сознанія при совмѣстной дѣтской жизни въ семьѣ, или данныхъ жизнью въ другомъ мѣстѣ, сообщенныхъ картиной, статуей.

Привычка въ раннемъ дѣтствѣ серьезно разсматривать изображенія нагого тѣла человѣка, каковы сцены изъ древняго классическаго міра, снимки съ извѣстныхъ статуй, имѣетъ непосредственнымъ результатомъ уваженіе и здоровое влеченіе къ силѣ и красотѣ человѣческаго тѣла, дѣлающее почти невозможнымъ впослѣдствіи загрязненіе этихъ чувствъ впечатлѣніями и ощущеніями низменной чувственности, если даже въ физической организаціи найдутся наслѣдственные задатки для таковой. А между тѣмъ у многихъ-ли нашихъ дѣтей найдется такая здоровая подкладка? Попробуемъ показать мальчикамъ 10—12 лѣтъ, городскимъ жителямъ, посѣщающимъ городскія среднеучебныя заведенія, изображеніе Венеры Милосской или другой, столь-же эстетичной и строгой женской фигуры, и мы будемъ поражены смущеніемъ и нечистоплотнымъ выраженіемъ лицъ дѣтей,—признаками знакомства съ грязной практикой чувственности, знакомства, замѣтимъ, тѣмъ болѣе удивительнаго, что для этого физіологическій возрастъ ихъ не даетъ еще основанія.

Въ юношескомъ возрастѣ огромное значеніе для воспитанія идеальнаго элемента въ чувствѣ любви могутъ имѣть художественныя произведенія литературы, скульптуры, живописи. О воспитательномъ значеніи ранняго знакомства съ сокровищами античной скульптуры я уже сказала. Живопись даетъ намъ нѣсколько иной матеріалъ, но гораздо болѣе богатый и сложный. Таковы образы Mater Dolorosa, Маріи Магдалины, Гретхенъ и безсчетное количество изображеній исторической и жанровой живописи свѣтлыхъ и трагическихъ моментовъ женской любви, семейной жизни. Изъ литературы въ нашей памяти прежде всего намѣчается Фаустъ, образъ Гретхенъ, но для вышеуказанной цѣли это великое произведеніе не представляется мнѣ вполнѣ подходящимъ.

Центральной является лишь одна фигура, одно лицо—Фаустъ-Мефистофель, раздвоенный творчествомъ поэта, Гретхенъ *только* одинъ изъ необходимыхъ аксессуаровъ, въ виду того, что мы можемъ пользоваться только первой частью произведенія. Образъ Гретхенъ слишкомъ не-

опредѣленъ и въ то-же время слишкомъ архаиченъ и, что важнѣе всего, слишкомъ омраченъ преступленіемъ, дѣтоубійствомъ. Пониманіе-же Фауста доступно лишь взрослому человѣку. Въ русской литературѣ не знаю болѣе соотвѣтствующихъ цѣли произведеній, чѣмъ поэмы «Катерина» и «Наймычка» украинскаго поэта Шевченко. Тутъ все: и беззавѣтно чистая молодая любовь, и святость материнства, страданія разбитой женской жизни, тяжесть и позоръ паденія и долгій подвигъ искупленія; тутъ и эгоизмъ, и нравственная безотвѣтственность отцовъ, и противуестественность мужского чувства любви. И все это въ художественномъ воспроизведеніи такъ-же просто, глубоко и величественно, какъ и въ самой жизни. Произведенія эти теряютъ въ переводѣ, но, конечно, не настолько, чтобы ими нельзя было пользоваться. Да и нуженъ-ли переводъ: различіе языковъ не такъ велико, а цѣлымъ тысячамъ малороссіянъ, въ средѣ нашего юношества, звуки роднаго языка не могутъ, не должны быть чужды. Матеріалъ, представляемый литературой, такъ богатъ, что при пониманіи того, что желательно, списокъ можетъ быть сдѣланъ чрезвычайно полный для иллюстраціи всѣхъ оттѣнковъ и всѣхъ главныхъ элементовъ чувства.

Первыми выступятъ на работу женщины, матери. Если каждая изъ насъ только отступитъ отъ общепринятаго правила лицемѣрнаго замалчиванья такъ-называемыхъ теперь запретныхъ вопросовъ и въ общеніи съ дѣтьми и всѣми юношами, которыхъ подведетъ къ ней близко жизнь, съумѣетъ съ достоинствомъ и убѣжденіемъ передать имъ свои воззрѣнія о необходимости цѣломудрія въ жизни, до брака, о всей глубинѣ счастья и святости брака по любви, о всей уродливости и непростительности съ физіологической и нравственной точки зрѣнія пользованія проституціей, и такихъ физическихъ сношеній между полами, въ которыхъ отсутствуетъ элементъ привязанности, идеальнаго влеченія, то и это уже для оздоровленія жизни не пройдетъ безслѣдно.

Много ждетъ насъ впереди горькихъ разочарованій, разбитыхъ надеждъ: усилія однихъ будутъ парализованы роковыми наслѣдственными задатками и предрасположеніями, у другихъ отниметъ насажденное и взлелѣянное житейская среда. Но къ горю намъ, женщинамъ, не привыкать, и оно насъ не остановитъ, лишь-бы мы только узнали и увѣровали, что вступили на вѣрный путь, что дѣлаемъ для общаго блага нужное и серьезное дѣло.

А. Калмыкова.

Педагогическое значеніе занятія фотографіей.

Насколько мнѣ извѣстно, въ нашей педагогической литературѣ еще, кажется, не затрогивался вопросъ о воспитательномъ и образовательномъ значеніи фотографіи, какъ любительскаго занятія, а между тѣмъ, вопросъ этотъ несомнѣнно уже назрѣлъ, и заняться его выясненіемъ, мнѣ кажется, будетъ теперь вполнѣ своевременно.

Нерѣдко приводится слышать мнѣніе, конечно, отъ лицъ, которыя сами никогда не занимались фотографіей, что это занятіе пустое и къ тому-же еще и очень дорогое. Такъ-ли это?

Лѣтомъ прошлаго года мнѣ впервые привелось самому заняться фотографированіемъ — въ видахъ достиженія нѣкоторыхъ научныхъ цѣлей. Само собою разумѣется, сразу нельзя начать фотографировать научные объекты, а нужно прежде вообще научиться владѣть аппаратомъ, усовершенствоваться въ проявленіи негативовъ, въ печатаніи позитивовъ и въ разныхъ другихъ манипуляціяхъ свѣтописи. Поэтому, какъ водится, началось прилежное сниманіе ландшафтовъ, группъ и портретовъ близкихъ людей, красивыхъ деревьевъ и другихъ разнообразныхъ объектовъ, при чемъ съемки производились въ разные часы дня, при различномъ освѣщеніи, въ комнатѣ и подъ открытымъ небомъ,—вообще, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ.

Послѣ первыхъ-же двухъ-трехъ снимковъ—которые, къ слову сказать, вышли, для перваго раза, весьма удачными—я страстно плѣнился фотографическимъ искусствомъ... Почувствовавъ, что это искусство дается мнѣ въ руки, я сталъ работать весьма прилежно. Для того, чтобы можно было судить о моемъ прилежаніи и пріобрѣтенной мною опытности въ дѣлѣ фотографированія, скажу, что за время съ половины іюня до половины сентября, слѣдовательно, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, мною было сдѣлано до полутораста снимковъ и отпечатано болѣе трехсотъ позитивовъ, при чемъ были достигнуты весьма удовлетворительные результаты, во всякомъ случаѣ, вполнѣ достаточные для моихъ цѣлей.

Послѣ вышесказаннаго, надѣюсь, что читатель признаетъ за мною нѣкоторую опытность въ дѣлѣ фотографированія и нѣкоторую правоспособность для сужденія объ этомъ дѣлѣ.

Почему фотографія такъ скоро и страстно меня плѣнила? Потому, что я, на первыхъ-же порахъ, почувствовалъ и вскорѣ радостно убѣдился, что она можетъ дать мнѣ *очень много*—помимо того, чего я отъ нея ожидалъ, еще и того, чего я вовсе и не подозрѣвалъ, что она *можетъ* дать, и это было для меня вполнѣ неожиданнымъ сюрпризомъ, и—если можно такъ выразиться—сюрпризомъ увлекательнымъ.

Что-же именно нашелъ я въ фотографіи? А вотъ что.

Каждая фотографическая съемка представляетъ собою задачу, подчасъ весьма сложную, которая можетъ имѣть нѣсколько рѣшеній; надо съумѣть выбрать изъ нихъ то, которое, въ данномъ случаѣ, приведетъ къ наилучшему результату. Для примѣра возьму съемку какого-нибудь ландшафта. Во-первыхъ, нужно опредѣлить время дня (т.-е. освѣщеніе), наиболѣе подходящее для этого ландшафта, затѣмъ, найти точку, съ которой наивыгоднѣе снять данный ландшафтъ, далѣе—помѣстить наивыгоднѣйшимъ образомъ данный ландшафтъ на матовомъ стеклѣ камеры (слѣдовательно, и на свѣточувствительной пластинкѣ), рѣшить, какой будетъ, при данныхъ условіяхъ, наиболѣе подходящій номеръ діафрагмы *), и наконецъ опредѣлить время экспозиціи (продолжительность съемки). Но этимъ дѣло еще не оканчивается. При проявленіи снимка (приготовленіи негатива) нужно съумѣть уловить моментъ, когда слѣдуетъ прекратить проявленіе; при печатаніи позитива—опредѣлить скорость печатанія (съ иного негатива нужно медленно печатать, съ иного можно быстро, на солнцѣ); нужно уловить моментъ, когда слѣдуетъ окончить печатаніе. Наконецъ, при вирированіи (окрашиваніи) позитива, нужно съумѣть остановиться на наивыгоднѣйшемъ тонѣ для даннаго ландшафта.

Такъ вотъ какая сложная задача хорошо снять данный ландшафтъ. А вѣдь правильное рѣшеніе всякой задачи доставляетъ извѣстное удовлетвореніе, и тѣмъ большее, чѣмъ сложнѣе была самая задача — не правда-ли? Нерѣдко-же, къ тому, еще бываетъ, что такую сложную задачу необходимо рѣшить въ возможно скорѣйшее время, не теряя

---

*) Діафрагма—металлическая пластинка, съ круглымъ отверстіемъ посрединѣ, вставляемая въ объективъ фотографическаго аппарата, для полученія однообразной ясности изображенія предметовъ, находящихся на различныхъ разстояніяхъ отъ аппарата. Обыкновенно, при аппаратѣ имѣется 6 діафрагмъ, съ отверстіями разной величины.

ни одной лишней минуты. Напримѣръ, вслѣдствіе особенно счастливой комбинаціи тучъ на небѣ, изъ за которыхъ выглянуло на время солнце, видъ съ вашего балкона получилъ необыкновенно эффектное, богатое контрастами, освѣщеніе, которое, Богъ знаетъ, повторится-ли еще когда-нибудь. Въ то же время вы видите по движенію тучъ, что этотъ эффектъ продолжится, можетъ быть, всего какихъ-нибудь четыре-пять минутъ. И вотъ, въ эти четыре-пять минутъ нужно успѣть собрать аппаратъ, установить его, навести фотографируемый видъ на фокусъ (при помощи лупы), опредѣлить номеръ діафрагмы, вставить кассету (съ свѣточувствительной пластинкой) и выдвинуть ея штору (осторожно, чтобы не сдвинуть аппарата), опредѣлить время экспозиціи, и наконецъ открыть стекло объектива. Въ подобныхъ случаяхъ фотографируемый объектъ является какъ-бы внезапно выросшей передъ глазами непріятельской позиціей, которую необходимо взять во что-бы то ни стало, не теряя ни одной минуты. И здѣсь, какъ и тамъ, весь успѣхъ зависитъ отъ быстроты соображенія и «стремительности натиска»...

У фотографа-любителя происходитъ, можно сказать, постоянная погоня за картинами и поиски за красивыми и интересными объектами. Прежде взоръ мой, во время прогулокъ, по многому скользилъ равнодушно; съ началомъ же занятія фотографіей мнѣ стали открываться красоты, мимо которыхъ я прежде десятки разъ проходилъ, ихъ не замѣчая. Не скажу, чтобы я и прежде не былъ чутокъ къ красотамъ природы—нѣтъ, но занятіе фотографіей, можно сказать, удесятерило эту чуткость. То-же самое наблюдалъ я и на другихъ фотографахъ-любителяхъ. Мнѣ кажется, что это явленіе, т.-е. изощреніе чувства красоты занятіемъ фотографіей, можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ: Всякій, кому случалось имѣть дѣло съ камерой-обскурой, конечно, замѣчалъ, что на матовомъ стеклѣ такой камеры всякій объектъ, и въ особенности ландшафтный видъ, много выигрываетъ—кажется болѣе красивымъ. При частомъ употребленіи камеры-обскуры—какъ, напримѣръ при занятіи фотографіей—глазъ какъ-бы самъ пріобрѣтаетъ это, т.-е. прикрашивающее, свойство камеры, или иначе: онъ начинаетъ видѣть красоту тамъ, гдѣ другой ея не замѣчаетъ. Обыкновенный, не напрактиковавшійся въ поискахъ за красотой, глазъ привлекается только красотами *извѣстной степени эффектности*; къ красотамъ другихъ степеней эффекта—не скажу *низшихъ*, нѣтъ, а просто извѣстныхъ *другихъ*—онъ мало воспріимчивъ, недостаточно для того развитъ, при тѣхъ обыкновенныхъ условіяхъ, при которыхъ вообще происходитъ раз-

витіе нашего зрѣнія; онъ для нихъ закрытъ. Подобное-же мы видимъ и у художника-пейзажиста. Помимо того, что этотъ послѣдній одаренъ уже отъ природы болѣе развитымъ, по отношенію къ красотамъ природы, зрѣніемъ, глазъ его все болѣе и болѣе изощряется въ чувствѣ красоты, по мѣрѣ того, какъ онъ, т.-е. художникъ, все болѣе и болѣе воспроизводитъ на полотнѣ плѣняющія его красо̀ты природы. Онъ видитъ, онъ умѣетъ видѣть то, чего не замѣчаютъ другіе. Идетъ художникъ, видитъ, любуется и думаетъ: какъ эффектно и красиво выйдетъ это на полотнѣ, въ рамкѣ. Идетъ фотографъ, видитъ, любуется и думаетъ: какъ эффектно и красиво выйдетъ это на фотографическомъ снимкѣ. Идетъ «просто человѣкъ»—съ обыкновеннымъ, заурядно развитымъ глазомъ—и не останавливается, не любуется—потому что *не видитъ*.

То-же самое имѣетъ мѣсто и въ области слуха; напримѣръ, относительно музыки, пѣнія птицъ и другихъ звуковыхъ явленій. Заурядный слушатель не воспринимаетъ иногда и десятой доли тѣхъ музыкальныхъ слуховыхъ ощущеній, которыми, въ то-же самое время, всецѣло и свободно наслаждается музыкантъ, или вообще человѣкъ съ хорошо развитымъ слухомъ. «Большая публика» сплошь да рядомъ не замѣчаетъ (не слышитъ) пѣнія птицъ тамъ, гдѣ знатокъ птичьихъ голосовъ слышитъ цѣлые десятки пернатыхъ пѣвцовъ и наслаждается ихъ пѣніемъ. И тутъ, мало развитое ухо воспринимаетъ только звуки *извѣстной степени эффекта* или силы (напр., пѣніе соловья, крикъ кукушки, свистъ иволги), которые, такъ сказать, сами проникаютъ даже въ мало раскрытое ухо; звуки-же другихъ степеней эффекта (напримѣръ, пѣніе славокъ, пѣночекъ, малиновокъ и многихъ другихъ), подчасъ полные красоты и прелести, скользятъ мимо него—оно для нихъ недостаточно раскрыто.

Помимо вліянія частаго обращенія съ камерой-обскурой и поисковъ за красивыми картинами и объектами, зрѣніе и чувство красоты чрезвычайно развиваются и изощряются, при занятіи фотографіей, постояннымъ отыскиваніемъ, такъ сказать, *казовой* стороны у фотографируемыхъ объектовъ. Желая, напримѣръ, сфотографировать данный ландшафтъ, нужно прежде выяснить, при какомъ освѣщеніи (утромъ, днемъ или вечеромъ) и съ какого именно пункта онъ является наиболѣе эффектнымъ. Снимая какое-нибудь красивое дерево, приходится нѣсколько разъ смотрѣть его съ разныхъ сторонъ, чтобы опредѣлить, съ какой именно стороны оно наиболѣе красиво. Фотографируя, напримѣръ, букетъ цвѣтовъ, или группу сросшихся другъ съ другомъ грибовъ, приходится повертѣть ихъ и такъ и этакъ, чтобы въ пер-

вомъ случаѣ опредѣлить наиболѣе красивую сторону букета, а во второмъ—кромѣ того, и наиболѣе эффектное распредѣленіе тѣней, для полученія красиваго, контрастнаго снимка, не говоря уже про выборъ мѣста, куда ихъ поставить, чтобы они были наивыгоднѣе освѣщены. Тоже и при снятіи портретовъ, группъ и разныхъ другихъ объектовъ, постоянно приходится соображать, сравнивать — искать болѣе красиваго и эффектнаго. Словомъ, трудно придумать какое-либо другое занятіе, которое въ такой степени развивало-бы зрѣніе и изощряло чувство красоты, какъ занятіе фотографіей.

Что, вмѣстѣ съ тѣмъ, занятіе это содѣйствуетъ въ высокой степени также и развитію наблюдательности, въ томъ, послѣ всего вышесказаннаго, мнѣ кажется, не можетъ быть и сомнѣнія.

Занятіе фотографіей является прекрасной школой вниманія, аккуратности и терпѣнія.

Вниманіе упражняется главнымъ образомъ во время процесса съемки. Здѣсь оно всегда должно быть напряжено до высокой степени. Малѣйшее невниманіе—смотришь, стекло (свѣточувственную пластинку) и испортилъ. Да это-бы еще не большая бѣда, хотя и стекла жалко (въ особенности при небольшомъ запасѣ стеколъ), да оно и не дешево стóитъ; но главная бѣда въ томъ, что нерѣдко, вмѣстѣ съ порчей стекла, теряется и благопріятный—иногда очень дорогой—моментъ, который въ другой разъ можетъ и не повториться. Большая часть стеколъ, портящихся начинающими фотографами, портятся отъ недостатка вниманія. Въ нашей обыденной жизни рѣдко встрѣчаются случаи, требующіе такого напряженнаго, можно сказать даже утонченнаго, вниманія, какое требуется во время фотографической съемки. Забылъ закрыть колпачкомъ объективъ, передъ выдвиганіемъ кассетной шторы — испортилъ стекло (случается съ каждымъ начинающимъ фотографомъ). Выдвинулъ у двойной кассеты не ту штору — испортилъ стекло. Вставляя въ камеру двойную кассету, ошибочно повернулъ эту послѣднюю не тѣмъ номеромъ (не той стороной) къ сторонѣ объектива—насадилъ снимокъ на снимокъ и испортилъ стекло, а то и цѣлыхъ два (если ошибка не была вò-время замѣчена и оба стекла кассеты пошли въ проявленіе) *).

*) Не далѣе, какъ вчера, снимая прелестно изукрашенныя инеемъ деревья парка Лѣсного Института (при морозѣ въ 12° R—тяжелая съемка!), я насадилъ два снимка на одно стекло, благодаря лишь не вò-время подошедшему студенту. Вниманіе мое было развлечено всего лишь на нѣсколько секундъ, и этого было

То-же и относительно аккуратности, которая требуется при фотографированіи чуть-ли даже не въ бо̀льшей степени, чѣмъ и вниманіе. Самая строгая, можно сказать, утонченная аккуратность является положительно необходимостью для полученія безукоризненныхъ снимковъ. Аккуратность въ установкѣ аппарата, для снятія даннаго объекта; аккуратность въ наведеніи на фокусъ; аккуратность (осторожность) при вставленіи въ аппаратъ заряженной кассеты—чтобы не стронуть съ мѣста тщательно установленнаго и наведеннаго аппарата; аккуратность при выдвиганіи шторы; аккуратность въ обращеніи съ заряженными кассетами (обереганіе отъ свѣта); аккуратность при проявленіи (наблюденіе за чистотой рукъ и посуды); аккуратность при промывкѣ и сушкѣ негативовъ; аккуратность при печатаніи (чистота стекла въ печатномъ станкѣ; незахватываніе пальцами свѣточувствительной бумаги); и наконецъ, аккуратность при промывкѣ, наклейкѣ и обрѣзкѣ готоваго позитива. Словомъ, аккуратность на каждомъ шагу, всегда и вездѣ, въ теченіе всего фотографическаго процесса. Малѣйшая неаккуратность, малѣйшее упущеніе приводятъ нерѣдко къ нулю всю предварительную работу. Веденіе журнала фотографическихъ съемокъ, безусловно необходимое для сколько-нибудь успѣшнаго занятія фотографіей, также, въ немалой степени, упражняетъ вниманіе и аккуратность.

Терпѣніе также не мало упражняется въ различныхъ процессахъ фотографированія, какъ напримѣръ: при выжиданіи благопріятнаго момента для съемки; при проявленіи (въ особенности при медленно проявляющихся моментальныхъ снимкахъ); при печатаніи, вирированіи, и при наклейкѣ готовыхъ уже отпечатковъ, въ особенности при наклейкѣ на стеклѣ, для приданія снимку высокаго блеска. Въ этой послѣдней операціи, нерѣдко, малѣйшее нетерпѣніе, невыдержка, ведутъ къ потерѣ прекраснаго отпечатка (позитива).

Почему такъ радуетъ фотографа каждый хорошій снимокъ, почему онъ имъ такъ гордится? Потому что этотъ хорошій снимокъ является, съ одной стороны, какъ-бы правильнымъ рѣшеніемъ весьма сложной задачи, и, слѣдовательно, свидѣтельствуетъ объ *умѣніи* фотографа; съ другой-же стороны, онъ (т.-е. хорошій снимокъ) въ тоже время является и какъ-бы нагляднымъ документомъ, свидѣтельствующимъ о *художественномъ вкусѣ, внимательности, аккуратности и терпѣливости* лица, произведшаго этотъ снимокъ.

достаточно, чтобы перепутать номера кассеты. Ошибку я замѣтилъ лишь вечеромъ, при проявленіи, а сегодня—иней уже осыпался съ деревьевъ, и Богъ знаетъ, повторится-ли опять въ такой рѣдкой красѣ.

Занятію фотографіей въ высокой степени присуще свойство заполненія всякаго свободнаго времени (сказалъ-бы даже, всякой свободной минутки), всякаго досуга. Фотографъ-любитель не знаетъ, что значитъ скучать. Съемки аппаратомъ, проявленіе, исправленіе (ретушь, усиленіе, ослабленіе) негативовъ, печатаніе, вирированіе, глазированіе и наклейка готовыхъ снимковъ—каждая изъ этихъ работъ имѣетъ свой характеръ и свои особенности. Та или другая изъ этихъ работъ можетъ быть съ удобствомъ исполняема въ то или другое, самое разнообразное, время: лѣтомъ и осенью, зимой и весной, въ хорошую и дурную погоду, днемъ и вечеромъ, на дворѣ и въ комнатѣ. Во всякое время любитель-фотографъ найдетъ себѣ дѣло въ своемъ излюбленномъ занятіи. Многія изъ фотографическихъ занятій (напримѣръ, печатаніе, вирированіе, промывка негативовъ и позитивовъ, усиленіе и ослабленіе негативовъ, наклейка снимковъ, и нѣкоторые другіе) даже удобно соединяются—при нѣкоторомъ навыкѣ и опытности—съ другими, не фотографическими, работами и занятіями. Пишешь, напримѣръ, или читаешь, и время отъ времени отскакиваешь—на минутку, другую—къ окну, гдѣ медленно печатается въ станкѣ снимокъ (посмотрѣть, не готовъ-ли); или къ ваннѣ, чтобы перемѣнить воду у медленно промывающихся негативовъ или позитивовъ; или къ прессу, подъ который подложены свѣженаклеенные отпечатки—чтобы вынуть ихъ и поставить на медленную сушку, и многое другое, въ такомъ родѣ. Не знаю, какъ для кого, для меня, возможность одновременности двухъ-трехъ разнохарактерныхъ работъ всегда является весьма привлекательною; она прекрасно предохраняетъ отъ утомленія, при продолжительныхъ умственныхъ занятіяхъ, безъ всякаго, къ тому-же, ущерба для этихъ послѣднихъ; скорѣе даже наоборотъ.

Здѣсь-же будетъ умѣстно упомянуть и о томъ, насколько выигрываютъ, при занятіи фотографіей, всякія прогулки—въ виду постоянной надежды и стремленія найти, въ томъ или другомъ мѣстѣ прогулки, красивые, или интересные, объекты для фотографированія.

Попробую резюмировать въ немногихъ словахъ все вышесказанное.

1) Занятіе фотографіей, какъ состоящее, въ значительной степени, въ рѣшеніи довольно сложныхъ, въ своемъ родѣ, задачъ, нерѣдко подлежащихъ рѣшенію въ тѣсно ограниченномъ времени, развиваетъ умъ и упражняетъ быстроту соображенія.

2) Занятіе фотографіей чрезвычайно развиваетъ зрѣніе и чувство красоты.

3) Занятіе фотографіей является прекрасной школой вниманія, аккуратности и терпѣнія.

4) Занятію фотографіей въ высокой степени присуще свойство заполненія всякаго свободнаго времени, разнообразной, интересной и неутомительной работой.

Въ виду того значенія, какое имѣетъ занятіе фотографіей для изощренія нашего зрѣнія, а также для умственнаго и эстетическаго развитія занимающихся ею лицъ, мы считаемъ себя вправѣ смѣло рекомендовать занятіе фотографіей нашему учащемуся юношеству, какъ занятіе въ высшей степени полезное, привлекательное и вовсе неутомительное.

Что-же касается, въ заключеніе, до мнѣнія о дороговизнѣ занятія фотографіей, то скажу на это лишь слѣдующее: это занятіе можетъ быть и дорогимъ, и весьма недорогимъ—по крайней мѣрѣ, не болѣе дорогимъ, чѣмъ многія другія «любительства», въ которыхъ сплошь да рядомъ не отказываютъ себѣ люди небогатые; при этомъ отнюдь не слѣдуетъ думать, что съ небольшими, сравнительно, затратами нельзя достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ въ дѣлѣ фотографированія. Самый крупный расходъ, это на фотографическій аппаратъ (камера съ объективомъ), при чемъ, однако, хорошій аппаратъ стоитъ не дороже посредственнаго охотничьяго ружья или порядочной скрипки. Что-же касается до различныхъ другихъ фотографическихъ принадлежностей, то большинство изъ нихъ можетъ быть приготовляемо саморучно изъ вовсе недорогихъ матеріаловъ.

Такимъ образомъ, мнѣніе о дороговизнѣ занятія фотографіей является значительно преувеличеннымъ.

Дм. Кайгородовъ.

ГОНЧАРОВЪ И ЕГО ОБЛОМОВЪ.

Передъ нами девять увѣсистыхъ томовъ (1886—1889), въ суммѣ болѣе 3.500 страницъ, цѣлая маленькая библіотека, написанная Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ. Въ этихъ девяти томахъ нѣтъ ни писемъ, ни набросковъ, ни стишковъ, ни началъ безъ конца, или концовъ безъ началъ, нѣтъ поношенной дребедени: все произведенія зрѣлыя, обдуманныя, нетолько вылежавшіяся, но порой даже перележавшіяся. Крайне простые по своему строенію, его романы богаты психологическимъ развитіемъ содержанія, характерными деталями; типы сложны и поразительно отдѣланы. «Что другому-бы стало на десять повѣстей»—сказалъ Бѣлинскій еще по поводу его «Обыкновенной исторіи», — у него укладывается въ одну рамку». Въ другихъ словахъ сказалъ то-же самое Добролюбовъ про «Обломова». Въ «Фрегатѣ Паллада» есть устарѣвшіе очерки Японіи и южной Африки, но, кромѣ нихъ, вы не найдете страницы, которую-бы можно было вычеркнуть. «Обрывъ» задумывался, писался и вылеживался 20 лѣтъ. Этого мало: Гончаровъ былъ писатель чисто русскій, глубоко и безраздѣльно національный. Изъ подъ его пера не выходило ни «Пѣсенъ торжествующей любви», ни переводовъ съ испанскаго или Гиндустани. Его задачи, мотивы, типы всѣмъ намъ такъ близки. На общественной и литературной репутаціи Гончарова нѣтъ нетолько пятенъ, съ ней даже не связано ни одного вопросительнаго знака.

Имя Гончарова цитируется на каждомъ шагу, какъ одно изъ 4—5 классическихъ именъ, вмѣстѣ съ массой отрывковъ оно перешло въ хрестоматіи и учебники; указанія на литературный тактъ и вкусъ Гончарова, на цѣломудріе его музы, на его стиль и языкъ сдѣлались общими мѣстами. Гончаровъ далъ намъ безсмертный образъ Обломова.

Гончаровъ имѣлъ двухъ высокоталантливыхъ комментаторовъ,

которые съ двухъ различныхъ сторонъ выяснили читателямъ его значеніе; наконецъ отъ появленія послѣдней крупной вещи Гончарова прошло 22 года и... все-таки на блѣднозеленой обложкѣ Гончаровскихъ сочиненій надъ Глазуновскимъ девизомъ напечатаны обидныя для русскаго самосознанія и памяти покойнаго русскаго писателя слова: *Второе изданіе.*

Эти мысли пришли мнѣ въ голову, когда я недавно перечиталъ всѣ девять томовъ Гончарова и потомъ опять перечиталъ...

Такъ какъ причинъ этому явленію надо искать не въ Гончаровскомъ творчествѣ, а въ условіяхъ нашей общественной жизни, то я и не возьмусь теперь за выясненіе ихъ. Меня занимаетъ *Гончаровъ.*

Гончаровъ унесъ въ могилу большую часть нитей отъ своего творчества. Трудно въ сглаженныхъ страницахъ, которыя онъ скупо выдавалъ изъ своей поэтической мастерской, разглядѣть поэта. Писемъ его нѣтъ, на признанія онъ былъ сдержанъ. Въ Петербургѣ его знали многіе, но какъ поэта почти никто. На старости лѣтъ, въ свободное отъ леченія время, напечаталъ онъ «воспоминанія». Кто не читалъ ихъ?

Рядъ портретовъ, рядъ прелестныхъ картинъ, остроумныя замѣчанія, порой улыбка, очень рѣдко вздохъ—но въ общемъ развѣ это отрывокъ изъ *исторіи души поэта*? Нѣтъ, здѣсь лишь обстановка, одна матеріальная сторона воспоминаній: изъ-за всѣхъ этихъ Чучей, Углицкихъ, Якубовыхъ совсѣмъ не видно поэта разсказчика, что онъ думалъ, о чемъ мечталъ въ тѣ далекіе годы. Разсказывая про университетъ, онъ даже не говоритъ *я*, а *мы*, разсказываетъ не Гончаровъ, а одинъ изъ массы студентовъ.

Лиризмъ былъ совсѣмъ чуждъ Гончарову: не знаю, можетъ быть, въ юности онъ и писалъ стихи, какъ Адуевъ младшій, но, въ такомъ случаѣ, вѣроятно, у него былъ и благодѣтельный дядюшка, Адуевъ старшій, который своевременно уничтожалъ эту поэзію. Вторженія въ свой личный міръ онъ не переносилъ: это былъ поэтъ-мимоза. Къ голосу критики, положимъ, онъ всегда прислушивался, но требованія его отъ критики были очень ограничены. «Ni excés d'honneurs, ni excés d'indignités». Самъ онъ разсказываетъ, что въ отрывкахъ читалъ въ кружкѣ друзей первыя части «Обрыва», но на это, конечно, нельзя смотрѣть иначе, какъ на художественный пріемъ; замѣчанія, совѣты, мнѣнія чуткихъ и образованныхъ друзей помогали ему въ трудной работѣ *объективированія.*

Прочитайте тѣ страницы, которыя онъ предпослалъ 2-му изданію «Фрегатъ Паллада» и его «Лучше поздно, чѣмъ никогда»,—есть-ли

въ нихъ хоть тѣнь Гоголевскаго предисловія къ «Мертвымъ душамъ», или Тургеневскаго «Довольно»: ни фарисейскаго біенія себя въ грудь, ни задумчиваго и вдохновеннаго позированія — minimum личности Гончарова.

Итакъ, личность Гончарова тщательно пряталась въ его художественные образы, или скромно отстранялась отъ авторской славы. Какъ подсмѣивался самъ поэтъ надъ наивными стараніями критиковъ открыть, въ комъ онъ себя увѣковѣчитъ: въ старшемъ, или въ младшемъ Адуевѣ, въ Обломовѣ, или въ Штольцѣ.

Въ послѣдующихъ страницахъ я попытаюсь возстановить черты если не *личности*, то *литературнаго образа* Гончарова...

Гончаровъ жилъ и творилъ *главнымъ образомъ въ сферѣ зрительныхъ впечатлѣній*: его впечатляли и привлекали больше всего *картины*, *позы*, *лица*; самъ себя называетъ онъ *рисовальщикомъ*, а Бѣлинскій чрезвычайно тонко отмѣтилъ, что онъ увлекается своимъ умѣньемъ рисовать. Интенсивность зрительныхъ впечатлѣній, по собственнымъ признаніямъ, доходила у него до художественныхъ галлюцинацій. Вотъ отчего *описаніе* преобладаетъ у него надъ повѣствованіемъ, *матеріальный моментъ* надъ отвлеченнымъ, *краски* надъ звуками, типичность *лицъ* надъ типичностью рѣчей.

Я понимаю, отчего Гончарову и въ голову никогда не приходила драматическая форма произведеній.

Островскій навѣрно былъ болѣе акустикомъ, чѣмъ оптикомъ; типическое соединялось у него съ словомъ—оттуда эти характеристики въ разговорахъ. Оттуда эта смѣна явленій, живость дѣйствія, преобладающая надъ выпуклостью изображеній.

Площадный синкретизмъ нашего времени вмазалъ въ драматическую форму «Мертвыя души» и «Іудушку», но едва-ли бы чья-нибудь пылкая фантазія отважилась создать комедію изъ жизни Обломова.

Вспомните эти безконечныя и безпрестанныя Гончаровскія описанія наружности героевъ, ихъ позъ, игры физіономій, жестовъ, особенно наружности; припомните, напр., японцевъ или слугъ: они стоятъ передъ нами, какъ живые, эти Захары, Анисьи, Матвѣи, Марины. Во всякой фигурѣ при этомъ Гончаровъ ищетъ характернаго, ищетъ поставить ту точку, которая, помните, такъ прельщала Райскаго въ карандашныхъ штрихахъ его учителя. Гончаровъ далеко оставилъ за собою и точныя описанія Бальзака или Теккерея и скучные «перечни» Эмиля Зола...

Живетъ-ли человѣкъ въ своемъ творчествѣ больше зрительными или слуховыми впечатлѣніями, отъ этого, мнѣ кажется, въ значи-

тельной мѣрѣ зависитъ характеръ его поэзіи. Зрительныя впечатлѣнія существенно отличаются отъ слуховыхъ:

Во-1-хъ, они устойчивѣе; во-2-хъ, раздѣльнѣе и яснѣе; въ-3-хъ, они занимаютъ умъ и тѣснѣе связаны съ областью мысли, тогда какъ звуковыя ближе къ области аффектовъ и эмоцій. Преобладаніе оптическаго надъ акустическимъ окрасило въ опредѣленный цвѣтъ все Гончаровское творчество: образы его осязательны, описанія ясны, языкъ точный, фраза отчеканена, его дѣйствующія лица зачастую сентенціозны, сужденія поэта мѣтки и опредѣленны; музыки, лиризма въ его описаніяхъ нѣтъ, тонъ разсказа въ общемъ *поразительно однообразенъ*; неподвижныя, сановитыя фигуры вродѣ Обломова, бабушки, ея Василисы Гончарову особенно удавались. Сантиментализмъ онъ осмѣялъ и осудилъ еще въ началѣ своего творчества; мистицизмъ былъ ему чуждъ, его герои никогда даже не касаются религіозныхъ вопросовъ. Страсть не дается его героямъ. Вспомните, какъ Райскій все только ищетъ и ждетъ страсти. Любовь, страхъ и другіе аффекты, конечно, ближе связаны съ музыкой, чѣмъ съ живописью, или скульптурой. И живопись, и скульптура уходятъ въ познаніе и въ существѣ своемъ холодны, зрительныя впечатлѣнія, рѣшительно преобладая въ душѣ, *занимаютъ наблюдательный умъ* и служатъ какъ-бы противовѣсомъ для рѣзкихъ чувствъ и волненій. Въ этомъ отношеніи есть въ «Обрывѣ» одно характерное мѣсто. Рѣчь идетъ объ умершей Наташѣ, пишетъ Райскій: «слезы изсякли, острая боль затихла, и въ головѣ только осталась вибрація воздуха отъ свѣчъ, тихое пѣніе, расплывшееся отъ слезъ лицо тетки и безмолвный судорожный плачъ подруги» (IV, 151). Картина пережила острое чувство скорби.

Такъ называемый художественный объективизмъ, это sine ira et studio, которымъ Гончаровъ такъ гордился, есть въ дѣйствительности лишь рѣзкое и рѣшительное преобладаніе въ его поэзіи живописныхъ элементовъ надъ музыкальными.

Надо разобраться въ этомъ понятіи объективнаго творчества. Это вовсе не безразличность въ поэтическомъ матеріалѣ, какою щеголяетъ, напр., Флоберовская школа. Гончаровъ былъ, въ сущности, весьма разборчивъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, тѣмъ болѣе въ образахъ, и потому, какъ поэтическая индивидуальность, безусловно опредѣленнѣе и Тургенева, и Достоевскаго, и многихъ русскихъ писателей. Его мозгъ не былъ фонографомъ, а творческій умъ «все освѣщающимъ фонаремъ», и если анализирующая мысль его терпѣливо распутывала хитрую и живую ткань изъ добра и зла, отсюда отнюдь не

слѣдуетъ, что онъ былъ для русской жизни дьякомъ «въ приказѣ посѣдѣлымъ».

Гончаровъ вообще рисовалъ только то̀, что любилъ, т. е. съ чѣмъ сжился, къ чему привыкъ, что видѣлъ не разъ, въ чемъ пріучился отличать случайное отъ типическаго. Между нимъ и его героями чувствуется все время самая тѣсная и живая связь. Адуева, Обломова, Райскаго онъ не изъ однихъ наблюденій сложилъ,—онъ ихъ пережилъ. Эти романы *акты его самосознанія* и самопровѣрки. Въ Адуевѣ самопровѣрка была еще недостаточно глубока; въ Райскомъ самопровѣрочныя задачи автора оказались слишкомъ сложны, Обломовъ срединное и совершеннѣйшее его созданіе. Скупой на признанія, Гончаровъ все-же роняетъ въ своемъ «Лучше поздно» слѣдующія знаменательныя слова (рѣчь идетъ объ отзывѣ Бѣлинскаго объ его «Обыкновенной исторіи»): «что сказалъ-бы онъ объ «Обломовѣ», объ «Обрывѣ», куда уложилась и *вся моя*, *такъ сказать*, *собственная* и много другихъ жизней?» (VIII, 264). Гончаровъ писалъ только то, что *выростало, что созрѣвало въ немъ годами.* Оттого у него такъ много героевъ и эти герои такъ единообразны. Кто не согласится, что Обломовъ глубже и тѣснѣе связанъ съ Гончаровымъ, чѣмъ Санинъ, или Лаврецкій съ Тургеневымъ? У Тургенева это *связь настроеній*, у Гончарова *натуръ*. Никто не станетъ спорить, что есть въ романахъ нашего поэта и манекены, сочиненные люди. Онъ это и самъ первый признавалъ: и графъ въ «Обыкновенной исторіи», и Бѣловодова и Наташа въ «Обрывѣ» сочинены, Тушинъ сочиненъ и Штольцъ придуманъ. Но вѣдь эти фигуры и не просятся въ художественные перлы: на лайкѣ своихъ куколъ поэтъ не рисуетъ ни синихъ жилокъ, ни характерныхъ морщинокъ. Цѣль ихъ присутствія въ романахъ ясна до обнаженности: то мысль поэта ищетъ антитезы (Штольцъ, Аяновъ), то поэтъ вглядывается въ мерцающій вдали огонекъ, стараясь разгадать его очертанія (Тушинъ), то планъ романа требуетъ извѣстнаго замѣщенія (графъ).

Подлинности Гончаровскаго творчества, по моему, эти манекены не мѣшаютъ; напротивъ, оттѣняютъ ее. Гончарову было положительно чуждо обличительное, тенденціозное творчество: онъ не написалъ-бы ни «Взбаломученнаго моря», ни «Некуда», ни «Бѣсовъ», ни даже «Нови». Въ противоположность Тургеневу, который не могъ допустить и мысли о томъ, что онъ, Тургеневъ, не понимаетъ новыхъ теченій жизни, и Достоевскому, который чувствовалъ себя призваннымъ пророкомъ-обличителемъ современныхъ недуговъ, Гончаровъ всегда запаздывалъ со своими образами, именно потому, что слиш-

комъ долго ихъ переживалъ, или передумывалъ. За Райскимъ, человкомъ 40-хъ годовъ, котораго онъ выдалъ въ 69-мъ, онъ просмотрѣлъ 60-е годы, и въ Маркѣ далъ какую-то наивную, почти лубочную каррикатуру.

Гончаровъ особенно любилъ рисовать симпатичныя явленія: какъ хороши его Ѳадѣевъ, Обломовъ, Марѳинька, Вѣра, бабушка, Райскій, Захаръ, Матвѣй, и насколько уступаютъ имъ Тарантьевъ, Тычковъ, Полина Карповна, Маркъ. Зло ему вообще меньше удается въ образахъ. Отрицательныя явленія жизни, животное или звѣрь въ человѣкѣ, вызываютъ въ поэтахъ разнаго типа совершенно различные отзвуки: для Достоевскаго изображеніе зла есть только средство сильнѣе выразить исконное доброе начало въ человѣческой душѣ. Его поэтическій путь это путь водолаза: на отдаленныхъ душевныхъ глубинахъ, куда мы съ нимъ спускаемся, часто теряется самое представленіе о порокѣ — вы не различите порой въ его психическомъ анализѣ Свидригайлова отъ Раскольникова, Ивана Карамазова отъ Смердякова.

Достоевскій былъ особенно смѣлъ въ изображеніи зла, и именно, чтобъ показать его исконное безсиліе. Кому не бросалась въ глаза его наклонность выставлять своихъ героевъ и героинь не только въ самыхъ непривлекательныхъ костюмахъ публичныхъ женщинъ, убійцъ, шулеровъ и т. п., но придумывать спеціально гнуснѣйшія положенія, ядовитѣйшія козни и среди нихъ заставлять людей съ затемненной совѣстью обнаружить присутствіе высшаго начала, Бога въ ихъ душѣ. Вспомните сцену Дмитрія съ Катериной Ивановной, Свидригайлова съ Дунечкой. Другой путь это извѣстный путь отъ Ювенала и Персія до Барбье, Пруса, Салтыкова. Онъ достаточно иллюстрированъ, и я на немъ не останавливаюсь. Третьимъ путемъ шелъ у насъ Писемскій: пессимистъ и циникъ по натурѣ, онъ холодно и серьезно разбираетъ передъ нами все мелочное, завистливое въ человѣкѣ, вещей душевный соръ: это его не пугаетъ, потому что онъ ничего болѣе и не ожидаетъ встрѣтить. Путь этотъ отмѣченъ геніемъ Зола̀. Четвертый путь имѣетъ наиболѣе представителей въ Англіи: это Диккенсовскій оптимизмъ съ наказаннымъ, обузданнымъ зломъ, безъ всякой грязи, съ мягкой, вдумчивой обрисовкой характеровъ. Къ этому типу примыкало и творчество Гончарова. Я уже говорилъ, что Гончаровъ былъ разборчивъ на впечатлѣнія. Душа его точно свертывалась отъ прикосновенія къ темнымъ сторонамъ жизни. Зато упорно и прочно наростали въ ней пріятныя впечатлѣнія, и изъ нихъ медленно и грузно слагались его скульптурные образы. Это была осторожная, флегма-

тичная и консервативная натура. Созерцатель по преимуществу, Гончаровъ и дорожилъ особенно обстановкой созерцанія: къ новой жизни онъ не спѣшилъ, не ввязывался въ міръ непривычныхъ ощущеній, но за-то держался цѣпко за любимыя впечатлѣнія; онъ бережно выбиралъ ихъ изъ наплывающей отовсюду жизни, созидалъ изъ нихъ пріятную для себя обстановку и углублялъ свой поэтическій запасъ новыми наслоеніями. Подъ экваторомъ и въ свѣтской гостиной—все равно—Гончаровъ *ищетъ не новыхъ ощущеній: онъ лишь соглашаетъ свои привычныя впечатлѣнія съ новыми* и смотритъ, какъ это старое выглядитъ подъ новымъ солнцемъ. Въ долгомъ плаваніи, среди безпрерывно смѣнявшихся горизонтовъ, Гончаровъ нигдѣ не даетъ необычному и изумительному затереть въ душѣ близкое, покорить душу силой своей красоты и оригинальности. Онъ цѣпко держится и на океанѣ за свой русскій мірокъ: дѣдъ, каюта, вѣстовой, купающіеся матросы, щи. Вспомните, какъ легко и охотно переходитъ Гончаровъ отъ чужеземныхъ картинъ къ своимъ (онъ ихъ всегда возитъ въ сердцѣ и онѣ у него вѣчно просятся подъ перо): пусть порой чуется вамъ и насмѣшка, и поученіе, а все-же у береговъ Англіи кисть поэта съ любовью рисуетъ русскій помѣщичій бытъ; говоря объ испанской лѣни, онъ вспоминаетъ и русскую и радъ-бы ихъ сочетать: что-бы, молъ, вышло? Или припомните отрывки изъ его письма съ мыса Доброй Надежды (VI, 159) «Смотрите, говорили мы другъ другу;—уже нѣтъ ничего нашего, начиная съ человѣка, все другое: и человѣкъ, и платье, и обычай. Плетни устроены изъ кустовъ кактуса и алоэ: не дай Богъ схватиться за кустъ—что наша крапива!..

«И камень не такой, и песокъ рыжій, и травы странныя: одна какая-то кудрявая, другая въ палецъ толщиной, третья бурая, какъ мохъ, та дымчатая. Пошли за городъ по мелкому и чистому песку на взморье: подъ ногами хрустѣли раковинки.—«Все не наше, не такое; твердили мы, поднимая то раковину, то камень. Промелькнетъ воробей—гораздо наряднѣе нашего, франтъ, а сейчасъ видно, что воробей, какъ онъ ни франти. Тотъ-же лётъ, тѣ-же манеры, и такъ-же копается, какъ нашъ, во всякой дряни, разбросанной по дорогѣ. И ласточки, и вороны есть; но не тѣ: ласточки сѣрѣе, а ворона чернѣе гораздо. Собака залаяла, и то не такъ, отдаетъ чужимъ, какъ будто на иностранномъ языкѣ лаетъ».

Или встрѣчаются они съ черной женщиной. Въ самомъ дѣлѣ — баба. Одѣта, какъ наши бабы: на головѣ платокъ, около поясницы что-то въ родѣ юбки, какъ у сарафана, и сверху рубашка; и иногда платокъ на шеѣ, иногда нѣтъ (VI, 160).

Если требованія въ планѣ романа,—это «сознательное» творчество, котораго онъ такъ чурался,—натолкнутъ его на чуждый міръ, онъ вяло тянетъ нить романа, и потомъ сознается самъ (наприм., говоря о началѣ «Обломова» и «Обрыва»), что пришлось *выдумывать*, сочинять, и смиренно склоняетъ голову подъ заслуженные упреки. Отъ салоннаго разговора графа въ «Обыкновенной исторіи» онъ радъ перейти къ деревенскому ужину съ бесѣдой о поросенкѣ и огурцѣ; отъ умныхъ разговоровъ Обломова съ чиновниками и литераторами къ лежанкѣ Захара, которая уходитъ корнями, можетъ быть, еще въ дѣтскія впечатлѣнія. Его тяготитъ гостиная Бѣловодовой, но какъ развертывается художникъ, уйдя изъ этой гостиной въ садъ Татьяны Марковны Бережковой, на крутизны нагорнаго волжскаго берега, къ Марѳинькинымъ утятамъ, къ желтоглазой Маринѣ и деревенскому джентльмену Титу Никонычу, въ которомъ онъ съ любовью рисовалъ самый дорогой образъ изъ своего дѣтства и юности.

Но Гончаровъ былъ нетолько безсознательный, инстинктивный оптимистъ: оптимизмъ входилъ въ его поэтическое міровоззрѣніе.

Высказывать своихъ мыслей въ отвлеченной формѣ Гончаровъ не любилъ. Онъ искалъ, чтобъ эти мысли вросли въ образъ. Начнетъ писать критическую статью объ игрѣ Монахова въ «Горѣ отъ ума», а рука рисуетъ абрисъ Чацкаго; хочетъ высказать свое мнѣніе о Бѣлинскомъ, а пишетъ его портретъ. За то дѣйствующія лица Гончарова несомнѣнно часто высказываютъ его мысли.

Въ 1-й части «Обломова» герой разражается слѣдующей тирадой противъ обличеній въ поэзіи: разговариваетъ онъ съ литераторомъ Пенкинымъ.

«— Нѣтъ не все! вдругъ воспламенившись, сказалъ Обломовъ:—изобрази вора, да и человѣка тутъ-же не забудь. Гдѣ-же человѣчность-то? Вы одной головой хотите писать! почти шипѣлъ Обломовъ:—вы думаете, что для мысли не надо сердца. Нѣтъ, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человѣку, чтобъ поднять его, или горько заплачьте надъ нимъ, если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ собой,—тогда я стану васъ читать и склоню передъ вами голову... сказалъ онъ, улегшись снова покойно на диванъ»...

Или дальше:

«Извергнуть изъ гражданской среды! вдругъ заговорилъ вдохновенно Обломовъ, вставъ передъ Пенкинымъ:—это значитъ забыть, что въ этомъ негодномъ сосудѣ присутствовало высшее начало; что онъ испорченный человѣкъ, но все человѣкъ-же, то-есть, вы сами.

Извергнуть! А какъ вы извергнете изъ круга человѣчества, изъ лона природы, изъ милосердія Божія? почти крикнулъ онъ съ пылающими глазами.

«— Вонъ куда хватили! въ свою очередь съ изумленіемъ сказалъ Пенкинъ.

«Обломовъ увидѣлъ, что онъ далеко хватилъ. Онъ вдругъ смолкъ, постоялъ съ минуту, зѣвнулъ и медленно легъ на диванъ».

Эти мысли теоретически развилъ потомъ Гончаровъ въ статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда».

Тонкая художественная работа пріучила Гончарова *быть осторожнымъ и деликатнымъ съ «человѣкомъ»*, а его творчество прежде всего стремилось къ *познанію и справедливости.* Лучшею характеристикой его деликатнаго обращенія съ человѣческой личностью могутъ служить «Замѣтки о Бѣлинскомъ».

Разсказываетъ онъ, напримѣръ, какъ Бѣлинскій напалъ на него изъ-за Жоржъ-Зандъ.

«Вы нѣмецъ, филистеръ, а нѣмцы вѣдь это семинаристы человѣчества!» прибавилъ онъ.

«Вы хотите, чтобъ Лукреція Флоріани, эта женственная страстная натура, обратилась въ чиновницу».

Разумѣется, Гончаровъ ничего подобнаго не говорилъ; онъ возставалъ только противъ сравненія Лукреціи съ богиней.

Посмотрите рядомъ съ этимъ, какъ объясняетъ Гончаровъ часто обидные парадоксы и рѣзкіе приговоры Бѣлинскаго.

«Ему снился идеалъ женской свободы, онъ рвался къ нему, жертвуя подробностями, впадая въ натяжки и противорѣчія даже съ самимъ собою, лишь-бы отстоять этотъ идеалъ, чтобы *противные голоса* не заглушили самаго вопроса въ зародышѣ» (VIII, 192—3). А вотъ воспоминанія о спорахъ съ Бѣлинскимъ:

«Я не разъ спорилъ съ нимъ, но не горячо (чтобъ не волновать его), а скорѣе равнодушно, чтобъ только вызвать его высказаться,— и равнодушно-же уступалъ. Безъ этого споръ-бы никогда не кончился, или перешелъ-бы въ задоръ, на который, конечно, никто изъ знавшихъ его никогда умышленно-бы не вызвалъ» (ibid. 191).

Или вспомните, какою тонкой и дружеской кистью онъ обрисовалъ самолюбіе Бѣлинскаго: «*какъ умно и тонко высказывалось оно* (самолюбіе) *у Бѣлинскаго—именно въ благодарной симпатіи къ почитателямъ его силы*»...

Но все это говорилось по поводу исключительной натуры. Заглянемъ въ среду людей болѣе обыкновенныхъ.

Въ его воспоминаніяхъ на первомъ планѣ стоитъ симпатичная фигура Якубова, его крестнаго отца и воспитателя. Въ эту личность уходятъ корни Гончаровской поэзіи и міровоззрѣнія: здѣсь онъ полюбилъ это гармоническое соединеніе стараго съ новымъ; здѣсь прельщала и любовь къ знанію, и гуманность, и джентльменство, и независимость, и снисходительность къ людскимъ недостаткамъ, и величавое спокойствіе.

Повидимому, здѣсь мѣсто для нѣкоторой идеализаціи, для этой лирической дымки. Нѣтъ, Гончаровъ остороженъ съ «человѣкомъ», его симпатія и любовь къ человѣку оскорбилась-бы отъ прикрасъ. И вотъ на Якубова льются лучи Гончаровскаго юмора.

«— Человѣкъ побѣжитъ въ обходъ по корридору доложить —«Владиміръ Васильевичъ» скажетъ онъ; или:—«графъ Сергѣй Петровичъ». Якубовъ, вмѣсто отвѣта, энергически молча показываетъ человѣку два кулака».

Между тѣмъ гость входитъ самъ:

— А! графъ Сергѣй Петровичъ, милости просимъ! радушно привѣтствуетъ его морякъ:—садитесь вотъ здѣсь! Эй, малый! крикнетъ человѣку:—скажи, чтобъ намъ подали закуску сюда, да позавтракать что-нибудь» (IX, 67).

Или даетъ онъ крестнику бѣлыя перчатки для бала.

«— Да это женскія, длинныя, по локоть, сказалъ я:—онѣ не годятся!

«— Годятся, вели только обрѣзать лишнее, замѣтилъ онъ.

«— Да откуда онѣ у васъ?

«— Это масонскія, давно у меня лежатъ: молчи, ни слова никому! шепталъ онъ, хотя около насъ никого не было» (ibid. 76).

Характерно для творчества самого Гончарова отношеніе Якубова къ взяточникамъ:

«Хапунъ, пострѣлъ! говорилъ Якубовъ при встрѣчѣ съ такимъ судьей и быстро перекидывался на другую сторону линейки, чтобъ не отвѣчать на поклонъ» (ibid. 93).

Мастерски очерчена въ воспоминаніяхъ Гончарова фигура губернатора Углицкаго: жаль, что эскизъ такъ эскизомъ и остался и не вошелъ въ крупное произведеніе.

Для характеристики Гончаровскаго отношенія къ людямъ всего интереснѣе слѣдующее мѣсто въ обрисовкѣ Углицкаго. Рѣчь идетъ о разсказахъ Углицкаго:

«— Иногда я замѣчалъ при повтореніи нѣкоторыхъ разсказовъ перемѣны, вставки. Оттого полагаться на фактическую вѣрность ихъ

надо было съ большой оглядкой. Онъ плелъ ихъ, какъ кружево. Всѣ слушали его съ наслажденіемъ, а я, кромѣ того, и съ недовѣріемъ. *Я проникалъ въ игру его воображенія, чуялъ, гдѣ онъ говоритъ правду, гдѣ украшаетъ, и любовался не содержаніемъ, а художественной формой его разсказовъ.*

«Онъ, кажется, это угадывалъ и гнался не столько за тѣмъ, чтобы поселить въ слушателѣ довѣріе къ подлинности событія, а чтобы произвести извѣстный эффектъ—и всегда производилъ».

Гончаровъ не очернилъ Углицкаго: благодаря своему вдумчивому отношенію къ людямъ и справедливости, онъ далъ намъ возможность выдѣлить эту индивидуальность изъ десятка подобныхъ Углицкихъ.

Въ какую живую ткань далѣе въ разсказѣ того-же Углицкаго изъ его молодости перемѣшано доброе и злое. Два закадычныхъ пріятеля устроили взаимные сюрпризы: одинъ проигралъ деньги, присланныя другому изъ дому, гдѣ они были еле-еле сколочены, другой заложилъ въ отсутствіи пріятеля всѣ его цѣнныя вещи, и оба простили другъ другу.

Сколько въ этомъ наивномъ коммунизмѣ перемѣшалось и пошлаго, и высокаго, и *какъ деликатно разбираетъ передъ нами поэтъ эти нити.* Говоря о Бѣлинскомъ, Гончаровъ прилагаетъ къ нему слова George Sand: «on ne peut savoir tout, il faut se contenter de comprendre».

Не были-ли эти слова и его собственнымъ *девизомъ?* Гончаровъ любилъ покой, но это не былъ покой лѣнивца и сибарита, а покой созерцателя. Можетъ быть, поэтъ чувствовалъ, *что только это состояніе и даетъ ему возможность уловить въ жизни тѣ характерныя черты, которыя ускользаютъ въ хаосѣ быстро смѣняющихся впечатлѣній.* Такой покой любилъ и Крыловъ. Онъ переживалъ въ немъ устои своихъ образовъ.

Посмотрите на портретъ Гончарова. У него то, что нѣмецкіе физіономисты (напр. Piderit Mimik u Physiognomik Detmolo 1886, 64, 186) называютъ Schläfriges Auge. Это лицо созерцателя по преимуществу. Два раза — въ Райскомъ-ребенкѣ и старикѣ Скудельниковѣ поэтъ даетъ намъ заглянуть въ область созерцательныхъ натуръ.

Вотъ неопытный созерцатель-ребенокъ (IV, 51, 99) «онъ прежде всего воззрился на учителя, какой онъ, какъ говоритъ, какъ нюхаетъ табакъ, какія у него брови, бакенбарды; потомъ сталъ изучать болтающуюся на животѣ его сердоликовую печатку, потомъ замѣтилъ, что у него большой палецъ правой руки раздвоенъ по рединѣ и представляетъ подобіе двойнаго орѣха. Потомъ осмотрѣлъ каждаго

ученика и замѣтилъ всѣ особенности: у одного лобъ и виски вогнуты въ середину головы, у другаго мордастое лицо далеко выпятилось впередъ, тамъ вонъ у двоихъ, увидалъ у одного справа, у другаго слѣва, на лбу растутъ волосы вихоркомъ и т. д., всѣхъ замѣтилъ и изучилъ — какъ кто смотритъ. Одинъ съ увѣренностью глядитъ на учителя, проситъ глазами спросить себя, почешетъ колѣни отъ нетерпѣнія, потомъ голову. А у другаго на лицѣ то выступаетъ, то прячется краска: онъ сомнѣвается, колеблется. Третій упрямо смотритъ внизъ, пораженный боязнью, чтобъ его не спросили. Иной ковыряетъ въ носу и ничего не слушаетъ. Тотъ долженъ быть ужасный силачъ, а этотъ черненькій—плутъ; и доску, на которой пишутъ задачи, замѣтилъ, даже мѣлъ и тряпку, которою стираютъ съ доски. Кстати, тутъ-же представилъ и себя, какъ онъ сидитъ, какое у него должно быть лицо, чтò другимъ приходитъ на умъ, когда они глядятъ на него, какимъ онъ имъ представляется?

— О чемъ я говорилъ сейчасъ? вдругъ спросилъ его учитель, замѣтивъ, что онъ разсѣянно бродитъ глазами по всей комнатѣ.

Къ удивленію его, Райскій сказалъ ему отъ слова до слова, чтò онъ говорилъ.

— Чтò-же это значитъ? дальше спросилъ учитель. Райскій не зналъ: онъ такъ-же машинально слушалъ, какъ и смотрѣлъ и ловилъ ухомъ только слова.

Для творчества Гончарова такая впечатлительность была опредѣляющей силой.

Но здѣсь нѣтъ еще *настоящаго созерцанія*.

Вспоминается рядомъ тотъ некрасивый, но характерный портретъ, который онъ съ такой самоотверженной объективностью нарисовалъ съ самого себя въ беллетристѣ Скудельниковѣ («Литерат. вечеръ» VIII, 11—12).

«Сосѣдъ ихъ, беллетристъ Скудельниковъ, какъ сѣлъ, такъ и не пошевелился въ креслѣ, какъ будто приросъ, или заснулъ. Изрѣдка онъ поднималъ апатичные глаза, взглядывалъ на автора и опять опускалъ ихъ. Онъ, повидимому, былъ равнодушенъ и къ этому чтенію, и къ литературѣ—вообще ко всему вокругъ себя...

Скудельниковъ молчалъ все время, но за-то онъ оказался единственнымъ созерцателемъ и наблюдателемъ: онъ выбралъ изъ окружающаго всѣ впечатлѣнія, какія стоило получить, дополнивъ, подчеркнувъ, или усиливъ ими тѣ типическія представленія, которыя онъ получалъ раньше изъ свѣтскихъ гостиныхъ и изъ литературныхъ кружковъ.

Въ Скудельниковѣ, этой смѣшной, точно гипнотизированной фигурѣ мы видимъ своего рода приспособленіе очень впечатлительнаго человѣка, который живетъ, главнымъ образомъ, созерцаніемъ. Въ душѣ его въ это время вѣрно происходитъ сложная работа, идетъ подборъ впечатлѣній въ умѣ: путемъ апперцепціи дополняются и видоизмѣняются тѣ комбинаторныя представленія, которыя мы привыкли называть *типами*. Покой здѣсь необходимое условіе: ажитація, позированіе, развлеченіе, собственное активное участіе въ сценѣ — все это должно повредить поэтическому творчеству на первой его ступени.

Гончаровъ говорилъ, что типы давались ему почти *даромъ*. Не эту-ли *невидную работу созерцанія* называлъ онъ *даромъ*. Не оттого-ли и писалъ онъ сравнительно рѣдко и писать началъ поздно, что не всегда была подъ рукой правильная обстановка. Не одна служба да развлеченія мѣшали; молодость мѣшала, избытокъ силъ мѣшалъ созерцанію, а значитъ и творчеству.

Пойдемъ дальше.

Гончаровъ не любилъ слишкомъ сильныхъ впечатлѣній. Океанъ онъ честитъ и скучнымъ, и соленымъ, *безобразнымъ* и однообразнымъ (VI, 98—9).

Вслѣдъ за ослѣпительной картиной жирной тропической природы, покидая Анжерскій рейдъ, онъ говоритъ: «Прощайте, роскошные, влажные берега, дай Богъ никогда не возвращаться подъ ваши деревья, подъ жгучее небо и на болотистые пары! Довольно взглянуть одинъ разъ: жарко, и какъ разъ лихорадку схватишь (VI, 319).

У него совсѣмъ нѣтъ картинъ болѣзни: его поэзіи, чуждой всего рѣзкаго, незнакомы ни жгучія страданія, ни рѣзкіе порывы. Онъ проходитъ безъ описанія горячку Обломова, она приходится въ промежуткѣ между двумя частями романа. Болѣзнь Вѣры такъ легко разрѣшается благотворнымъ появленіемъ бабушки. Но едва-ли за-то какой-нибудь русскій романистъ такъ хорошо, такъ тонко обрисовалъ мнительность, эту болѣзнь воображенія. Для Тита Никоновича мнительность стала почти содержаніемъ жизни, и Обломовъ все носится съ своимъ ожирѣніемъ сердца. Печаль, эту болѣзнь души, Гончаровъ любитъ смягчать, чтобъ она была ни жгучей, ни рѣзкой: вспомните бѣдняка Корова, у котораго жена уѣхала—онъ грустить, но живетъ надеждой, что невѣрная вернется. Рѣзкія выходки въ романахъ Гончарова очень рѣдки. Обломова онъ допустилъ до одного сильнаго движенія: на 500-й страницѣ романа онъ даетъ пощечину негодяю Тарантьеву, который заслужилъ ее чуть-ли не на 20-й. Самое патетическое мѣсто въ «Обрывѣ»—энергичная расправа съ Тычковымъ—не вполнѣ

удалось: слишкомъ ужъ тяжелая выдвинута артиллерія, и бабушка проявляетъ черезчуръ много паѳоса противъ грубаго и зазнавшагося вора.

Вообще Гончаровъ избѣгаетъ быстрыхъ и рѣзкихъ оборотовъ дѣла. Тушинъ сломалъ свой хлыстъ заблаговременно и въ объясненіи поражаетъ Марка болѣе изящной сдержанностью (причемъ однако деревья трещатъ). Штольцъ и бабушка, какъ deux ex machina, являются какъ разъ во время: порядокъ водворяется самъ собою, и разные негодяи прячутся по щелямъ.

Страданія въ изображеніи Гончарова мало трогаютъ. Когда въ «Обрывѣ» Наташа умираетъ въ чахоткѣ, у читателя остается такое впечатлѣніе, что ей такъ и подобало умереть. Не даромъ самъ поэтъ въ своихъ признаніяхъ характеризуетъ ее слѣдующими словами: «это райская птица, которая только и могла жить въ своемъ раю, подъ тропическимъ небомъ, подъ солнцемъ, безъ зимъ, безъ вѣтровъ, безъ хищныхъ когтей» (VIII, 252). Неужто Борисъ Павловичъ Райскій виноватъ, что онъ не могъ дать бѣдной дѣвушкѣ ни тропическаго неба, ни райскихъ цвѣтовъ? Страданія Татьяны Марковны Бережковой, когда она вдругъ прониклась сознаніемъ своего грѣха и неизбѣжности возмездія,— эти страданія самъ Гончаровъ назвалъ признакомъ величія души.

Не знаю, то-ли потому, что они обнаруживаются въ нѣсколько Навуходоносоровской формѣ (бабушка безъ устали бродитъ по полямъ), то-ли потому, что самый источникъ ихъ намъ неясенъ, но страданія эти не трогаютъ. Это что-то въ родѣ кровопусканія.

Мученія Вѣры, но они такъ воспитательны, даже благодѣтельны, она точно обновляется послѣ пережитаго горя. Стоитъ-ли говорить о страданіяхъ Адуева, о страданіяхъ Райскаго, оттого, что онъ не можетъ покорить всѣхъ красивыхъ женщинъ, передъ которыми блещетъ, или о мученіяхъ Ольги изъ за того, что Обломовъ все еще не побывалъ въ приказѣ и не написалъ въ Обломовку. Два раза рисуетъ Гончаровъ настоящую тоску—это въ женѣ Адуева-дяди и въ Ольгѣ Штольцъ — съ этимъ подтачивающимъ живую душу чувствомъ неудовлетворенности поэтъ такъ ихъ и покидаетъ: онъ не пѣвецъ горя. За-то ни негодяи, ни дураки Гончарова не оскорбляютъ читателя. Первые посрамляются, вторые одурачиваются. Всѣ эти Тарантьевы, Тычковы такъ покорно уползаютъ въ свои щели. Или сравните Полину Карповну Крицкую ну хоть съ Гоголевской «дамой пріятной во всѣхъ отношеніяхъ». Тамъ чуется горечь отъ пустомыслія и пошлости жалкой сплетницы, Полина Карповна съ ея *bonjour* и глупостью просто забавна. Не даромъ самъ Райскій говоритъ про нее: «она такъ каррикатурна, что даже въ романъ не годится».

Во всей поэзіи Гончарова нѣтъ мистическаго щекотанія нервовъ, даже просто страшнаго ничего нѣтъ.

Вспомните Вія, вспомните изящную психологію страха въ Тургеневскомъ «Стучитъ». Ничего подобнаго у Гончарова. Тургеневъ пошелъ купаться и напугался на десятки лѣтъ. Гончаровъ свѣтъ объѣхалъ и потомъ ничего страшнаго не разсказалъ.

Въ поэзіи Гончарова даже смерти какъ-то нѣтъ, точно въ его благословенной Обломовкѣ:

«Въ послѣднія пять лѣтъ, изъ нѣсколькихъ сотъ душъ не умеръ никто, не то что насильственной, даже естественной смертью.

А если кто отъ старости или какой-нибудь застарѣлой болѣзни и почилъ вѣчнымъ сномъ, то тамъ долго послѣ того не могли надивиться такому необыкновенному случаю».

Тургеневъ, Толстой посвятили смерти особыя сочиненія. У Толстого страхъ смерти повліялъ на все міровоззрѣніе. А вспомните рядомъ съ этимъ, какъ умираетъ у Гончарова Обломовъ. Мы прочли объ немъ 600 страницъ, мы не знаемъ человѣка въ русской литературѣ, такъ полно, такъ живо изображеннаго, а между тѣмъ его смерть дѣйствуетъ на насъ меньше, чѣмъ смерть дерева у Толстого или гибель локомотива въ «la bête humaine». Когда-то Бѣлинскій сказалъ про Гончарова и его отношенія къ героинямъ: «онъ до тѣхъ поръ съ ней только и возится, пока она ему нужна». Такъ было и съ Обломовымъ. Онъ умеръ, потому что кончился, потому что Гончаровъ исчерпалъ для насъ всю его психологическую сущность и онъ пересталъ быть нужнымъ своему творцу.

Гончаровъ любилъ порядокъ, любилъ комфортъ, все изящное, крѣпкое, красивое. Вспомните классическую характеристику англичанъ и ихъ культуры въ «Фрегатѣ Паллада», или параллель между роскошью и комфортомъ. Комфортъ былъ для Гончарова нетолько житейская, но художественная, творческая потребность: комфортъ для него заключался въ уравновешѣнности и красотѣ тѣхъ ближайшихъ, присныхъ впечатлѣній, которыми въ значительной мѣрѣ питалось его творчество.

Гончаровъ неизмѣнный здравомыслъ и резонеръ. Сантиментализмъ ему чуждъ и смѣшонъ. Когда онъ писалъ свою первую повѣсть «Обыкновенную исторію», Адуевщина была для него уже пережитымъ явленіемъ.

Въ Обломовѣ онъ далъ этому душевному худосочію слѣдующую, точно вычеканенную характеристику: «Пуще всего онъ бѣгалъ тѣхъ блѣдныхъ, печальныхъ дѣвъ, большею частью съ черными глазами,

въ которыхъ свѣтятся «мучительные дни и неправедныя ночи», дѣвъ съ невѣдомыми никому скорбями и радостями, у которыхъ всегда есть что-то ввѣрить, сказать, и когда надо сказать, онѣ вздрагиваютъ, заливаются внезапными слезами, потомъ вдругъ обовьютъ шею друга руками, долго смотрятъ въ глаза, потомъ на небо, говорятъ, что жизнь ихъ обречена проклятью, иногда падаютъ въ обморокъ» (II, 72). Резонеровъ у Гончарова не мало: Адуевъ-дядя, Аяновъ (въ «Обрывѣ»), Штольцъ (въ «Обломовѣ»), Бабушка (въ «Обрывѣ»). Между резонерами есть только одинъ вполнѣ живой человѣкъ—это бабушка.

Резонерство Гончарова *чисто-русское*, съ юморомъ, съ готовностью и надъ собой посмѣяться, *консервативное*, *но безъ всякой деревянности*, напротивъ, сердечное, а главное, безъ тѣни *самолюбованія*.

Такова бабушка—для нея все рѣшается традиціей, этимъ коллективнымъ опытомъ вѣковъ,—она глубоко консервативна, но сердце ея полно любви къ людямъ, и это мѣшаетъ иногда послѣдовательности въ ея сужденіяхъ и поступкахъ. У нея нѣтъ дерзкой самонадѣянности резонеровъ деревянныхъ, нѣтъ и ихъ упорства: когда она признаетъ, что Борюшка правъ, она становится на его сторону, хотя онъ и порченый. Когда ея мудрость оказывается слаба передъ непонятнымъ для нея явленіемъ Вѣринаго паденія, она по просту, по человѣчески горюетъ, склонивъ сѣдую голову передъ новой и мудреной напастью.

II.

Въ числѣ терминовъ, усвоенныхъ критикой, чуть-ли не самый ходячій—это слово *типъ*. Школьная наука со своими грубыми пріемами особенно излюбила этотъ терминъ. Типъ скупца—Плюшкинъ, типъ лѣнивца—Обломовъ, типъ лгуна—Ноздревъ. Ярлыки приклеиваются на тонкія художественныя работы и онѣ сдаются на рынокъ. Тамъ по ярлыкамъ узнаетъ ихъ каждый мальчишка... Вотъ фатъ, вотъ демоническая натура и т. п. рыночныя характеристики. На этихъ ярлыкахъ строются и разыгрываются безконечныя варіаціи. То мысль критика, прицѣпившись къ чертѣ, грубо бросающейся въ глаза поверхностному наблюдателю, начертываетъ характеристику человѣка, исходя изъ ярлыка, на немъ выставленнаго. То актеръ шаржируетъ изображеніе, опять-таки исходя изъ основной типической черты. (Давно-ли перестали быть каррикатурами и «Ревизоръ» и «Горе отъ ума»?). То шаржируетъ типъ романистъ-подражатель.

Художественный типъ есть очень сложная вещь.

Прежде всего мы различаемъ въ немъ двѣ стороны: 1) это комбинаторное представленіе изъ цѣлаго ряда однородныхъ впечатлѣній: чѣмъ разнороднѣе тѣ группы, тѣмъ богаче галлерея типовъ; чѣмъ больше впечатлѣній слагается въ одинъ типъ, тѣмъ самъ онъ богаче; 2) въ художественный типъ входитъ душа поэта многочисленными своими функціями,—въ типъ вростаютъ мысли, чувства, желанія, стремленія, идеалы поэта. Такимъ образомъ элементы безсознательные, пассивные сплетаются съ активными и даютъ тонкую сѣть, представляющую для насъ столько сходства съ живыми тканями природы.

Мы какъ-бы смотримъ въ соединенныя трубки стереоскопа на два изображенія на плоскости, и душа создаетъ иллюзію трехъ измѣреній. Въ типѣ часто преобладаетъ та или другая сторона. Вотъ, напримѣръ, типы Островскаго, Потѣхина, Глѣба Успенскаго: какой-нибудь Титъ Титычъ Брусковъ, въ немъ вы чувствуете преобладаніе пассивнаго, матеріальнаго, эпическаго элемента надъ лирическимъ, сознательнымъ. Возьмите рядомъ Печорина—это типъ чисто лирическій, его матеріальное содержаніе, бытовое, національное легко исчерпывается.

Въ типахъ Гончарова эпическая и лирическая сторона обѣ богаты, но *первая преобладаетъ*.

Разборъ художественныхъ типовъ Гончарова особенно труденъ по двумъ причинамъ: 1) лиризмъ свой Гончаровъ по возможности сглаживаетъ; 2) онъ скупъ на изображеніе душевныхъ состояній и описываетъ чаще всего то, что можно увидѣть и услышать.

Какъ въ лирикѣ поэта мы ищемъ центра, преобладающаго мотива, такъ въ романическомъ творчествѣ среди массы типическихъ изображеній мы ищемъ типа центральнаго. У большей части крупныхъ поэтовъ есть такіе *типы-ключи*: они выясняютъ намъ многое въ міровоззрѣніи автора, въ нихъ частично заключаются элементы другихъ типовъ того-же поэта. У Гоголя такимъ типомъ-ключемъ былъ Чичиковъ, у Достоевскаго—Раскольниковъ и Иванъ Карамазовъ, у Толстого—Левинъ, у Тургенева—Рудинъ и Павелъ Кирсановъ. Тутъ дѣло не въ автобіографическихъ элементахъ, конечно, а въ интенсивности душевной работы, отразившейся въ данномъ образѣ.

У Гончарова былъ одинъ такой типъ—*Обломовъ*.

Обломовъ служитъ намъ ключемъ и къ Райскому, и къ бабушкѣ, и къ Мароинькѣ, и къ Захару.

Въ Обломовѣ поэтъ открылъ намъ свою связь съ родиной и со вчерашнемъ днемъ, здѣсь и грёзы будущаго, и горечь самосознанія, и радость бытія, и поэзія и проза жизни; здѣсь душа Гончарова въ ея личныхъ, національныхъ и міровыхъ элементахъ.

«Школа Пушкино-Гоголевская продолжается доселѣ, и всѣ мы беллетристы—говоритъ Гончаровъ—только разрабатываемъ завѣщанный ими матеріалъ» (8, 217).

«Отъ Гоголя и Пушкина еще недалеко уйдешь въ литературѣ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

Но какъ своего учителя называетъ онъ одного Пушкина. «Гоголь—говоритъ онъ—на меня повліялъ гораздо позже и меньше: я уже писалъ самъ, когда Гоголь еще не закончилъ своего поприща» (218).

Нѣтъ повода теперь, по поводу Обломова, входить въ разсмотрѣніе степени и формы Пушкинскаго вліянія. Но намъ вполнѣ понятно, отчего Гончаровъ отобщалъ себя отъ Гоголя. Мы уже знаемъ, какъ чуждался Гончаровъ лиризма, а у Гоголя лиризмъ проникъ во всѣ фибры его поэтическаго существа и мало-по-малу отравилъ его творчество: оно оказалось слишкомъ слабо, чтобъ создать поэтическія олицетворенія для всѣхъ волновавшихъ поэта чувствъ и мыслей. Лиризмъ, который придалъ столько неотразимаго обаянія «Запискамъ сумасшедшаго», «Шинели», уже нарушилъ художественность творчества во 2-й части «Мертвыхъ душъ», гдѣ Гоголь творилъ людей, такъ сказать, лирически, и, наконецъ, онъ-же вызвалъ ослабѣвшій и померкшій рядъ туманныхъ, риторическихъ и горделиво фарисейскихъ сочиненій, въ видѣ его знаменитой «Переписки съ друзьями».

Гончаровъ не переживалъ тяжелой полосы Гоголевскаго самообнаженія и самобичеванія, онъ не терялъ ни любви къ людямъ, ни вѣры въ людей, какъ Гоголь. Въ жизни его были крѣпкіе устои и изъ нихъ главнымъ была любовь къ жизни и вѣра въ медленный, но прочный прогрессъ. Эти коренныя различія въ обстановкѣ творчества обусловили въ Гончаровѣ отобщеніе отъ Гоголя. Но уйти отъ него въ матеріальной, эпической сторонѣ своихъ типовъ онъ, конечно, не могъ.

Крупныя поэтическія произведенія окрашиваютъ явленія жизни на большомъ пространствѣ.

Для Гоголя крѣпостная Россія была населена еще Простаковыми и Скотиниными, для Гончарова ее населяли уже Коробочки, Собакевичи, Маниловы. Наблюденія Гончарова невольно располагались въ душѣ по опредѣленнымъ, поставленнымъ Гоголемъ, типамъ. Гоголь

далъ прототипъ Обломовки въ усадьбѣ Товстогубовъ. Онъ неоднократно изображалъ и мягкую, лѣнивую натуру, выросшую на жирной крѣпостнической почвѣ: Маниловъ, Тентетниковъ, Платоновъ. Корни Обломова сюда, повидимому, и уходятъ. Впрочемъ, изъ этихъ трехъ фигуръ законченная и художественная одна—Маниловъ; Тентетниковъ и Платоновъ—это только эскизы, и потому сравнивать ихъ съ Обломовымъ совсѣмъ неправильно. Кромѣ того, въ Тентетниковѣ и Платоновѣ преобладающая черта — это вѣчная скука, недовольство, чуждыя Обломову. Обломовъ несомнѣнно и гораздо умнѣе Манилова и совершенно лишенъ той восторженности и слащавости, которыя въ Маниловѣ преобладаютъ.

Не разъ, и помимо «Мертвыхъ душъ», Гоголь предвосхищалъ обломовщину: напримѣръ, мимоходомъ въ анекдотѣ о Кифѣ Мокіевичѣ, безплодномъ и праздномъ резонерѣ. Я даже думаю, что Добролюбовскій этюдъ «Что такое обломовщина?» во многихъ своихъ чертахъ гораздо болѣе примыкаетъ къ этому Гоголевскому эпизоду, чѣмъ къ Гончаровскому роману.

Напоминаетъ Обломова своею нерѣшительностью, домосѣдствомъ и Подколесинъ, тутъ-же кстати и неугомонный другъ, какъ у Обломова, и проектъ женитьбы. Но всѣ помянутые Гоголевскіе типы только намекаютъ на Гончаровскаго героя.

Содержаніе самаго типа Обломова богаче Гоголевскихъ прототиповъ, и отъ этого онъ гораздо болѣе похожъ на настоящаго человѣка, чѣмъ каждый изъ нихъ: всѣ рѣзкости сглажены въ Обломовѣ, ни одна черта не выдается грубо, такъ чтобъ выдѣлялись другія.

Что онъ: обжора? лѣнивецъ? нѣженка? созерцатель? резонеръ? Нѣтъ... онъ Обломовъ, результатъ долгаго накопленія разнородныхъ впечатлѣній, мыслей, чувствъ, симпатій, сомнѣній и самоупрековъ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ критикъ видѣлъ въ Обломовѣ открыто и безпощадно поставленный вопросъ о русской косности и пассивности. Добролюбовъ смотрѣлъ съ высоты, и для него уничтожалась разница не только между Обломовымъ и Тентетниковымъ, но и между Обломовымъ и Онѣгинымъ; для него Обломовъ былъ разоблаченный Печоринъ, или Бельтовъ, Рудинъ, низведенный съ пьедестала.

Черезъ 30 лѣтъ въ наши дни критикъ «Русской Мысли» назвалъ Обломова просто уродомъ, индивидуальнымъ болѣзненнымъ явленіемъ, которое можетъ быть во всѣ времена, и потому ни характерности, ни тѣмъ менѣе общественнаго значенія не имѣетъ.

Намъ рѣшительно нечего дѣлать ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ; я привелъ ихъ здѣсь только, чтобъ показать, какъ мало за-

тронутъ ими художественный образъ Обломова и какъ противорѣчивы могутъ быть сужденія, если люди говорятъ не о предметѣ, а по поводу предмета. Да проститъ мнѣ тѣнь Добролюбова, что я поставилъ рядомъ съ упоминаніемъ о немъ отзывъ М. А. Протопопова.

Я не думаю, чтобы стоило останавливаться на вопросѣ, какой типъ Обломовъ? Отрицательный, или положительный? Этотъ вопросъ вообще относится къ числу школьно-рыночныхъ. А что Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ отрицательный, или положительный типъ? А мистеръ Пикквикъ? Мнѣ кажется, что самый естественный путь въ каждомъ разборѣ типа начинать съ разбора своихъ впечатлѣній, по возможности ихъ углубивъ.

Я много разъ читалъ Обломова, и чѣмъ больше вчитывался въ него, тѣмъ самъ Обломовъ становился мнѣ симпатичнѣе.

Авторъ, по моему, изображалъ человѣка ему симпатичнаго, и въ этомъ основаніе впечатлѣнія. Затѣмъ, чѣмъ больше вчитываешься въ Обломова, тѣмъ меньше раздражаетъ и возмущаетъ въ немъ любовь къ дивану и къ халату. Передаю свои впечатлѣнія только, но думаю, что они зависятъ отъ любви самого автора къ покою и созерцанію и отъ его несравненнаго умѣнья опоэтизировать самую простую и неприглядную вещь.

Подъ дѣйствіемъ основныхъ впечатлѣній, мало-по-малу представился мнѣ образъ Обломова, приблизительно, въ такомъ видѣ.

Илья Ильичъ Обломовъ не обсѣвокъ въ полѣ. Это человѣкъ породистый: онъ красивъ и чистоплотенъ, у него мягкія манеры и немножко тягучая рѣчь. Онъ уменъ, но не цѣпкимъ, хищнымъ, практическимъ умомъ, а скорѣе тонкимъ, мысль его склонна къ расплывчатости.

Хитрости въ немъ нѣтъ, еще меньше расчетливости. Если онъ начинаетъ хитрить, у него это выходитъ неловко. Лгать онъ не умѣетъ, или лжетъ наивно.

Въ немъ нѣтъ ни жадности, ни распутства, ни жестокости: съ сердцемъ болѣе нѣжнымъ, чѣмъ страстнымъ, онъ получилъ отъ ряда рабовладѣльческихъ поколѣній здоровую, чистую и спокойно-текущую кровь—источникъ душевнаго цѣломудрія. Обломовъ эгоистъ. Не то, чтобы онъ никого не любилъ—вспомните эту жаркую слезу, когда во снѣ вспомнилась мать, онъ любилъ Штольца, любилъ Ольгу, но онъ эгоистъ по наивному убѣжденію, что онъ человѣкъ особой породы и на него должны работать принадлежащіе ему люди. Люди должны его беречь, уважать, любить и все за него дѣлать; это право

его рожденія, которое онъ наивно смѣшиваетъ съ правомъ личности. Вспомните разговоръ съ Захаромъ и упреки за то, что тотъ сравнилъ его съ «другими».

Онъ никогда не представляетъ себѣ свое счастье основаннымъ на несчастьи другихъ; но онъ не сталъ-бы работать ни для своего, ни для чужаго благосостоянія. Работа въ человѣкѣ, который можетъ лежать, представляется ему проявленіемъ алчности или суетливости, одинаково ему противныхъ. Къ людямъ онъ нетребователенъ и терпимъ до-нельзя, оптимистъ. Обломовъ любитъ свой привычный уголъ, не терпитъ стѣсненія и суеты, онъ не любитъ движенія и особо рѣзкихъ наплывовъ жизни извнѣ, пусть вокругъ и разговариваютъ, спорятъ даже, только чтобъ отъ него не требовали ни споровъ, ни разговоровъ. Онъ любитъ спать, любитъ хорошо поѣсть, хотя не терпитъ жадности, любитъ угостить, а самъ въ гости ходить не любитъ.

Обломовъ, можетъ быть, и даровитъ, никто этого не знаетъ, и самъ онъ тоже, но онъ, навѣрное, уменъ. Еще ребенкомъ обнаруживалъ онъ живость ума, который усыпляли сказками, вѣковой мудростью и мучной пищей,

Университетская наука не менѣе Обломовскихъ пироговъ усыпляла любознательность; служба своей центростремительной силой отняла у него любимый и родной уголъ, бросила куда-то на Гороховую и взамѣнъ предоставила разговоры о производствахъ и орденахъ; на службу Обломовъ раньше смотрѣлъ съ наивными ожиданіями, потомъ робко, наконецъ равнодушно Не прельщаясь ни фортуной, ни карьерой, онъ залегъ въ берлогу.

Отчего его пассивность не производитъ на насъ ни впечатлѣнія горечи, ни впечатлѣнія стыда?

Посмотрите, что противопоставляется Обломовской лѣни: карьера, свѣтская суета, мелкое сутяжничество, или культурно-коммерческая дѣятельность Штольца. Не чувствуется-ли въ Обломовскомъ халатѣ и диванѣ отрицаніе всѣхъ этихъ попытокъ разрѣшить вопросъ о жизни. Отойдемъ на минутку, разъ мы заговорили объ Обломовской лѣни и непрактичности, къ практичнымъ и энергичнымъ людямъ въ Гончаровскихъ-же романахъ.

Вотъ Адуевъ-дядя и вотъ Штольцъ.

Адуевъ-дядя это еще первое изданіе и съ опечатками. Онъ трезвъ, интенціозенъ до крайности, рѣчистъ, но не особенно уменъ, только оборотистъ и удачливъ, а потому и крайне самоувѣренъ. Колесницу его Адуевскаго счастья везутъ двѣ лошади: фортуна и карьера, а всѣ эти искусства, знанія, красота личной жизни, дружба и лю-

бовь ютятся гдѣ-то на козлахъ, на запяткахъ — въ самой колесницѣ одна его Адуевская особа.

Дядя Адуевъ разъ проврался и былъ уличенъ молодой женой въ хвастовствѣ.

Но ничего подобнаго не можетъ случиться со Штольцемъ: Штольцъ человѣкъ патентованный и снабженъ всѣми орудіями цивилизаціи отъ Рандалевской бороны до сонаты Бетховена, знаетъ всѣ науки, видѣлъ всѣ страны: онъ всеобъемлющъ, одной рукой онъ упекаетъ Пшеницынскаго братца, другой подаетъ Обломову историю изобрѣтеній и откровеній; ноги его въ это время бѣгаютъ на конькахъ для транспираціи; языкъ побѣждаетъ Ольгу, а языкъ занятъ невинными доходными предпріятіями.

Ужъ, конечно, не въ этихъ людяхъ поэтическая правда Гончарова видѣла идеалъ.

Эти гуттаперчевые человѣчки, несмотря на всѣ фабрики и сонаты, капиталы, общее уваженіе и патенты на мудрость, не могутъ дать счастье простому женскому сердцу.

И Гончаровъ въ неясномъ или безмолвномъ упрекѣ ихъ женъ произноситъ приговоръ надъ своими мѣщанскими героями.

Можетъ быть, Адуевъ-дядя и Штольцъ были нѣкоторой душевной болью самого Гончарова.

Въ нихъ отразились вожделѣнія узкаго филистерства, которымъ заплатилъ дань нашъ поэтъ: онъ переживалъ ихъ въ департаментахъ, въ чиновничьихъ кругахъ, въ заботѣ объ устройствѣ своего одинокаго угла, въ погонѣ за обезпеченіемъ, за комфортомъ, въ нѣкоторой черствости, пожалуй, стараго и хозяйственнаго холостяка.

Но вернемся къ Обломову.

Обломова любятъ. Онъ умѣетъ внушить любовь, даже обожаніе въ Агафьѣ Матвѣевнѣ. Припомните конецъ романа и воспоминаніе о немъ Захара. Онъ, этотъ слабый, капризный, неумѣлый и изнѣженный человѣкъ, требующій ухода — онъ могъ дать счастье людямъ, потому что самъ имѣлъ сердце.

Обломовъ не даетъ намъ впечатлѣнія пошлости. Въ немъ нѣтъ самодовольства, этого главнаго признака пошлости. Онъ смутится въ постороннемъ обществѣ, не дѣлаетъ глупостей, неловко солжетъ даже; но не будетъ ломаться, ни позировать. Въ самомъ дѣлѣ, отчего его жизнь такая пустая не даетъ впечатлѣнія пошлости? Посмотрите, въ чемъ его опасенія: въ мнительности, въ страхѣ, что кто-нибудь нарушитъ его покой; радости—въ хорошемъ обѣдѣ, въ довольныхъ лицахъ вокругъ, въ тишинѣ, порой—въ поэтической мечтѣ.

А назовете-ли вы его сибаритомъ, лѣнивцемъ, обжорой? Нѣтъ и нѣтъ. Развѣ онъ поступится чѣмъ-нибудь изъ своего Обломовскаго, чтобъ кусокъ у него былъ послаще, или постель помягче? Вездѣ онъ одинъ и тотъ-же Обломовъ: въ гостиной Ильинскихъ съ барономъ и въ своемъ старомъ халатѣ съ Алексѣевымъ, трюфели-ли онъ ѣстъ, или яичницу на заплатанной скатерти.

Отнимите у Обломова средства, онъ все-же не будетъ ни работать, ни льстить; въ немъ останется то-же вѣками выработавшееся лѣнивое, но упорное сознаніе своего достоинства. Можетъ быть, съ жалобами, капризами, можетъ быть, съ пристрастіемъ къ рюмочкѣ, но навѣрно безъ алчности и безъ зависти, съ мягкими пріемами и великодушіемъ прирожденнаго Обломова.

Въ Обломовѣ есть крѣпко сидящее сознаніе независимости—никто и ничто не вырветъ его изъ угла: ни жадность, ни тщеславіе, ни даже любовь. Каковъ ни есть, а все-же здѣсь нашъ русскій home.

Обломовъ консерваторъ: нѣтъ въ немъ заскорузлости суевѣрій, нѣтъ крѣпостнической программы, вообще никакой программы, но онъ консерваторъ всѣмъ складомъ, инстинктами и устоями. Вчерашній день онъ и помнитъ и любитъ; знаетъ онъ, что завтрашній день будетъ лучше, робко, пожалуй, о немъ мечтаетъ, но иногда даже въ воображеніи жмурится и ежится отъ этого блеска и шума завтрашняго дня. Въ Ольгѣ ему все плѣнительно: тяжела любовная игра, и маленькіе обманы, и вся та хоть и скромная эмансипированность, для которой въ его сердцѣ просто нѣтъ клапановъ. Обломовъ живетъ медленнымъ, историческимъ ростомъ.

Остановимся на одну минуту на романѣ Обломова съ Ольгой.

Еще до начала романа Обломовъ въ разговорѣ со Штольцемъ указываетъ, что ему нельзя жениться: онъ бѣденъ; потомъ это соображеніе несомнѣнно тоже въ немъ говоритъ; можетъ быть, оно въ значительной мѣрѣ и содѣйствуетъ разрыву. Какое мѣщанское, мелкое соображеніе, не правда-ли? А посмотрите, какъ въ своихъ воспоминаніяхъ Гончаровъ освѣщаетъ тотъ-же мотивъ.

Помните вы эту симпатичную фигуру Якубова, его крестнаго отца, образчикъ провинціальнаго джентльмена 20-хъ и 30-хъ годовъ, типъ, который просмотрѣли наши старые поэты.

Гончаровъ разсказываетъ про Якубова слѣдующее:

«Онъ влюбился въ одну молодую, красивую собой, графиню. Объ этомъ онъ мнѣ разсказалъ уже послѣ, когда я пришелъ въ возрастъ, но не сказалъ, раздѣляла-ли она его склонность. Онъ говоритъ только,

что у него явился соперникъ, нѣкто богатый, молодой помѣщикъ Ростинъ. Якубовъ стушевался, уступилъ.

«— Отчего-же вы не искали руки ея? спросилъ я, недовольный такой прозаической развязкой.

«— Оттого, мой другъ, что онъ могъ устроить ея судьбу лучше, нежели я. У меня какихъ-нибудь триста душонокъ, а у него двѣ тысячи. Такъ и вышло. Я самъ желалъ этого. Оба они счастливы, и слава Богу!—Онъ подавлялъ легкій вздохъ» (IX, 64).

Позже Якубовъ говорилъ съ ней и о ней не иначе, какъ съ нѣжной почтительностью, и былъ искреннимъ другомъ ея мужа и всей семьи (65).

Вернемся къ Обломову.

Передъ 35-ти-лѣтнимъ человѣкомъ въ первый разъ мелькнули въ жизни контуры и краски его идеала, въ первый разъ онъ почувствовалъ въ душѣ божественную музыку страсти; эта поздняя весна въ сердцѣ у человѣка съ поседѣвшими волосами, съ ожирѣвшимъ сердцемъ и вѣчными ячменями, тутъ есть что-то и трогательное, и комичное. Обломовъ душой цѣломудренный юноша, а въ привычкахъ старикъ. Съ робкой нѣжностью бережетъ онъ свой идеалъ, но для него достиженіе идеала вовсе не цѣль жизни, для него это любимая мечта; борьба, усилія, суета въ погонѣ за идеаломъ разрушаютъ мечту, оскорбляютъ идеалъ Обломова,—оттого его романъ носитъ разрушеніе въ самомъ корнѣ.

Въ своихъ романическихъ приключеніяхъ Обломовъ жалокъ; жалостно въ немъ это чередованіе юнаго задора со старческимъ утомленіемъ. Но весь романъ съ его стороны со всѣми блестками поэзіи и густымъ слоемъ прозы, весь отъ перваго признанія—«я чувствую не музыку, а любовь»—и до горячки въ развязкѣ, проникнутъ какою-то трогательной искренностью и чистотой чувства.

Ольга—это одна изъ русскихъ миссіонерокъ.

Долгое рабство русскихъ заключенницъ, материнство съ болѣзнями, но безъ радости, и въ видѣ единственнаго утѣшенія церковь—вотъ на такой почвѣ выросли русскія Елены, Лизы, Маріанны: ихъ девизъ—пострадать, послужить, пожертвовать собой!..

Ольга миссіонерка умѣренная, уравновѣшенная. Въ ней не желаніе пострадать, а чувство долга. Для нея любовь есть жизнь, а жизнь есть долгъ.

Миссія у нея скромная—разбудить спящую душу. Влюбилась она не въ Обломова, а въ свою мечту.

Робкій и нѣжный Обломовъ, который относился къ ней такъ по-

слушно и такъ стыдливо, любилъ ее такъ просто, былъ лишь удобнымъ объектомъ для ея дѣвической мечты и игры въ любовь.

Но Ольга—дѣвушка съ большимъ запасомъ здраваго смысла, самостоятельности и воли, главное. Обломовъ первый, конечно, понимаетъ химеричность ихъ романа, но она первая его разрываетъ.

Одинъ критикъ зло посмѣялся и надъ Ольгой, и надъ концомъ романа: хороша, молъ, любовь, которая лопнула, какъ мыльный пузырь, оттого, что лѣнивый женихъ не собрался въ Приказъ.

Мнѣ конецъ этотъ представляется весьма естественнымъ. Гармонія романа кончилась давно, да она, можетъ, и мелькнула всего на два мгновенія въ Casta diva, въ сиреневой вѣткѣ; оба, и Ольга, и Обломовъ, переживаютъ сложную, внутреннюю жизнь, но уже совершенно независимо другъ отъ друга; въ совмѣстныхъ отношеніяхъ идетъ скучная проза, когда Обломова посылаютъ то за двойными звѣздами, то за театральными билетами, и онъ крехтя несетъ иго романа.

Нуженъ былъ какой-нибудь вздоръ, чтобъ оборвать эти совсѣмъ утончившіяся нити.

На этомъ мы и покончимъ нашу характеристику Обломова, неполную и блѣдную, конечно, но едва-ли погрѣшившую передъ поэтомъ въ искаженіи его поэтическаго міросозерцанія, его идеаловъ и отношенія къ людямъ, а вѣдь этого прежде всего и надо требовать отъ критика, если онъ не хочетъ заслонять поэта отъ тѣхъ людей, которымъ онъ о поэтѣ говоритъ.

И. Анненскій.

Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи въ связи съ вопросомъ объ ученическихъ сочиненіяхъ.

Къ числу весьма важныхъ вопросовъ школьнаго дѣла, требующихъ всесторонняго и основательнаго обсужденія, принадлежитъ вопросъ объ организаціи внѣкласснаго чтенія книгъ учениками. Въ нашей педагогической литературѣ этотъ вопросъ затрогивался не разъ *); Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія составленъ и «Опытъ каталога книгъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній». Недавно этотъ «Опытъ» подвергался обсужденію въ педагогическихъ совѣтахъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ цѣлью его измѣненія и дополненія. Очевидно, вопросъ, что̀ читать ученикамъ и какъ урегулировать это чтеніе, настоятельно заявляетъ себя въ школѣ и ждетъ своего разрѣшенія. Изъ стѣнъ школы этотъ вопросъ выносится въ жизнь и продолжаетъ волновать и занимать умы тѣхъ молодыхъ людей, которые ищутъ въ чтеніи не простой забавы, а средства къ саморазвитію и самосовершенствованію. Покойный публицистъ Н. Шелгуновъ, перерѣшавшій на своемъ вѣку не мало всякихъ «вопросовъ», останавливался въ недоумѣніи передъ постоянными, изъ года въ годъ обращаемыми къ нему лучшей частью нашей молодежи вопросами: «что читать, какъ пріобрѣсти умственно-идейное развитіе?» «Дѣлали,—говоритъ онъ,—этотъ вопросъ «отцы» теперешнихъ дѣтей, дѣлаютъ его теперешнія «дѣти», которыя, въ свою очередь, станутъ «отцами», и будутъ, быть можетъ, дѣлать его и ихъ «дѣти». Что-же это такое? Существуетъ на этотъ вопросъ какое-нибудь общее разрѣшеніе, или не существуетъ?» и т. д. Считая невозможнымъ изготовить какой-либо общій рецептъ чтенія для разнообразной массы «жаждущихъ», покойный писатель заключаетъ: «Одно

*) Перечень главнѣйшихъ статей, посвященныхъ этому вопросу, можно найти, напр., въ статьѣ С. Преображенскаго, «Педагогическій Сборникъ» 1891 года, сентябрь.

можно сдѣлать всеобщее замѣчаніе, что, съ чего-бы ни начиналось чтеніе, впереди всего должно стоять знакомство съ родной литературой и ея критиками» («Очерки русской жизни», «Русская Мысль», 1890. XII).

Нельзя, разумѣется, не согласиться съ справедливостью этого замѣчанія; но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не признать, что знакомство съ родной литературой—дѣло нелегкое, что за это дѣло надо взяться умѣючи, что здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, потребуется опытный и мудрый руководитель, который помогъ-бы молодому неопытному уму найти вѣрный путь къ разработкѣ богатой сокровищницы родной литературы. Такое руководительство, думаемъ мы, должна взять на себя школа.

Русская литература со временъ Пушкина и Гоголя сдѣлала огромные успѣхи. Многочисленные переводы произведеній нашихъ отечественныхъ писателей почти на всѣ языки Западной Европы, общій интересъ и восхищеніе Запада предъ могучими талантами русскихъ писателей служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Это восхищеніе предъ русской литературой на Западѣ, проявившееся, какъ извѣстно, съ особенною силою въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, вызвано, главнымъ образомъ, успѣхомъ нашего реалистическаго романа. Произведенія Тургенева, Гончарова, гр. Л. Толстого, Достоевскаго, Некрасова и др., отразившія въ себѣ всѣ главныя теченія русской умственной жизни второй половины текущаго столѣтія, являются крупнымъ вкладомъ не только въ отечественную, но и въ обще-европейскую литературу. Между тѣмъ произведенія эти до сихъ поръ еще не вошли въ обязательный курсъ словесности въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и знакомство съ ними для многихъ изъ оканчивающихъ курсъ является дѣломъ случайнымъ.

Но если въ школѣ, при нынѣшнихъ условіяхъ, оказывается невозможнымъ полное и основательное знакомство хотя-бы только съ главнѣйшими произведеніями новѣйшей русской литературы, то, по крайней мѣрѣ, пусть школа покажетъ путь къ ихъ изученію. Въ высшей степени печальнымъ представляется намъ то явленіе, что ученикъ, получившій аттестатъ «зрѣлости», вступаетъ въ высшее учебное заведеніе, не имѣя почти никакого понятія о лучшихъ отечественныхъ писателяхъ (не говоримъ уже о литературѣ иностранной), кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ «проходилъ» въ гимназіи. А между тѣмъ это явленіе не рѣдкое. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что рѣдкостью можно считать скорѣе тотъ случай, когда ученику удается въ теченіе 8-милѣтняго гимназическаго курса познакомиться съ крупнѣйшими произ-

веденіями Тургенева, Некрасова, Гончарова и проч. Это въ особенности сильно замѣчается въ провинціальныхъ гимназіяхъ, при отсутствіи въ провинціальныхъ городахъ хорошихъ библіотекъ и при обычной скудости библіотеки гимназической. Нормально-ли это? Можно-ли назвать «зрѣлымъ» юношу, умственный горизонтъ котораго узко ограниченъ тѣсными рамками школьной программы, который выходитъ изъ школы, унося въ головѣ своей легковѣсный грузъ разобранныхъ въ классѣ и на половину перезабытыхъ отрывковъ изъ школьныхъ хрестоматій? Вступивъ въ университетъ, такой юноша оказывается въ безпомощномъ положеніи. «Профессорскія лекціи,—говоритъ Гончаровъ,—какъ-бы онѣ ни были полны, содержательны, исполнены любви къ знанію самого профессора, все-таки суть не что иное, какъ только программы, систематическіе, постепенные указатели, регулирующіе порядокъ пріобрѣтаемыхъ познаній. Кто прослушаетъ только ихъ и самъ не заразится живой жаждой чтенія, у того, можно сказать, все прослушанное въ университетѣ будетъ—какъ зданіе на пескѣ. А такихъ не мало, глядя на которыхъ и слушая ихъ, не замѣтишь и слѣда прочнаго университетскаго образованія и невольно усомнишься, были-ли они въ университетѣ. А они были, сдали экзаменъ и получили дипломъ. Только тому университетъ и сослужитъ свою службу, кто изъ чтенія сдѣлаетъ себѣ вторую жизнь» (соч. Гончарова, т. 9, стр. 29).

Конечно, и по выходѣ изъ университета жажда чтенія и умѣнье читать необходимы для дальнѣйшаго саморазвитія. Надо пріучить себя къ чтенію, надо научиться читать такъ, чтобы въ чтеніи находить наслажденіе, а въ книгахъ—своихъ лучшихъ друзей. Едва-ли мы преувеличимъ, если скажемъ, что бѣдность умственныхъ интересовъ въ нашемъ обществѣ, особенно сильно дающая себя знать въ провинціи, помимо другихъ причинъ, происходитъ еще и оттого, что мы не научаемся въ школѣ любить эти интересы, не научаемся находить въ чтеніи книгъ наслажденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезный, захватывающій трудъ. Вотъ почему, между прочимъ, наша «интеллигенція» охотнѣе зарывается въ карты, чѣмъ въ книги.

Гдѣ-же и учиться читать, какъ не въ школѣ? Средняя школа, по самому назначенію своему, должна подготовлять своихъ питомцевъ къ слушанію курсовъ высшаго образованія и не должна забывать, что пріученіе учениковъ къ серьезному, умѣлому чтенію есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ достиженію этой задачи. Если школа ограничитъ эту задачу тѣмъ, что постарается возбудить въ своихъ питомцахъ любовь и интересъ къ родной литературѣ и пріучитъ ихъ

къ толковому чтенію произведеній родныхъ писателей, то и тѣмъ она уже сдѣлаетъ большое и доброе дѣло *).

Вопросъ о правильной организаціи внѣкласснаго чтенія, какъ мы уже упомянули, затрогивался въ нашей педагогической литературѣ, но до сихъ поръ онъ не получилъ еще удовлетворительнаго разрѣшенія, вслѣдствіе того, что чрезвычайно трудно найти средства, при помощи которыхъ практическое осуществленіе этого вопроса оказалось-бы вполнѣ возможнымъ.

Съ своей стороны, мы вполнѣ сознаемъ трудность этой задачи и далеки отъ мысли взять на себя рѣшеніе ея; въ настоящей статьѣ мы хотѣли-бы указать только единственный, по нашему мнѣнію, возможный путь, который до нѣкоторой степени облегчилъ-бы преподавателямъ дѣло урегулированія внѣкласснаго чтенія и помогъ-бы установить надъ этимъ чтеніемъ болѣе или менѣе цѣлесообразный контроль. Мы говоримъ здѣсь о письменныхъ работахъ учениковъ. Мы полагаемъ, что вопросъ о томъ, какъ научить учениковъ читать въ истинномъ значеніи этого слова, находится въ тѣсной связи съ другимъ, не менѣе важнымъ вопросомъ: какъ научить ихъ писать, — и что отъ успѣшнаго разрѣшенія послѣдняго вопроса въ значительной степени зависитъ благополучное разрѣшеніе перваго.

Вопросъ о письменныхъ работахъ, какъ извѣстно, больное мѣсто нашей школы; не смотря на дружныя усилія многихъ педагоговъ, онъ далеко еще не выясненъ. Въ «Русской Школѣ» 1890 г., кн. 8,

*) Авторъ ограничивается лишь старшими классами нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, воспитанниковъ которыхъ онъ совѣтуетъ занимать, во внѣклассное время, чтеніемъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей послѣднихъ десятилѣтій, еще не вошедшихъ въ обязательный курсъ словесности. Въ связи съ чтеніемъ этихъ писателей авторъ совѣтуетъ ввести и классныя сочиненія. Намъ кажется, слѣдовало-бы, по мѣрѣ возможности, расширить область внѣкласснаго чтенія учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній введеніемъ въ эту область чтенія не только лучшихъ беллетристическихъ произведеній русскихъ писателей, но также нѣкоторыхъ произведеній лучшихъ русскихъ историковъ, путешественниковъ, критиковъ и т. п. Наконецъ, изъ беллетристическихъ произведеній не слѣдовало-бы ограничиваться одними русскими, но допустить также чтеніе, хотя-бы только въ переводахъ, классическихъ писателей иностранныхъ, о которыхъ оканчивающіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ получаютъ еще меньше понятія, нежели о писателяхъ отечественныхъ. Все это зависитъ, конечно, отъ количества свободнаго времени, которымъ могутъ располагать учащіеся, отъ богатства ученической библіотеки и отъ умѣнья преподавателей заинтересовать учениковъ чтеніемъ произведеній, дѣйствительно заслуживающихъ вниманіе и безъ знакомства съ которыми молодой человѣкъ не можетъ быть признанъ вполнѣ образованнымъ. *Ред.*

въ статьѣ «Спорные вопросы преподаванія русскаго языка», поставлены, между прочимъ, слѣдующіе, заимствованные изъ циркуляра Кавказскаго учебнаго округа, вопросы, касающіеся дѣла веденія русскихъ сочиненій въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ:

1. *Должны-ли сочиненія стоять въ связи съ проходимымъ курсомъ русской литературы и другихъ предметовъ гимназическаго образованія?*

2. *Можно-ли здѣсь задаваться цѣлью пріучать учащихся къ самостоятельному рѣшенію вопросовъ?*

3. *Полезны-ли отвлеченныя моральныя темы и риторическій способъ ихъ разработки?*

Эти частные вопросы сводятся къ одному общему вопросу—о выборѣ надлежащаго матеріала для ученическихъ сочиненій.

Въ основу рѣшенія этого вопроса, какъ мы полагаемъ, должны лечь слѣдующія два основныя положенія, вытекающія изъ обще-педагогическихъ соображеній: 1) матеріалъ для сочиненія долженъ быть по силамъ ученику, долженъ быть вообще доступенъ его пониманію и 2) онъ долженъ интересовать ученика. Соблюденіемъ перваго условія устраняются тѣ печальныя и, къ сожалѣнію, нерѣдкія явленія въ нашей школѣ, когда ученикъ, тщетно пробившись надъ заданной ему учителемъ непосильной задачей, пускается на всевозможныя хитрости для того, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ заданной ему работы: прибѣгаетъ къ посторонней помощи, къ списыванію съ книги, къ уклоненію отъ письменныхъ работъ и, въ концѣ-концовъ, теряетъ всякую охоту къ труду.

Матеріалъ для сочиненія долженъ, слѣдовательно, располагаться, такъ сказать, по ступенямъ, соотвѣтственно зрѣлости учащихся, принимая таковую сообразно съ распредѣленіемъ учениковъ въ классахъ по возрасту и успѣхамъ ихъ.

Соблюденіе втораго условія, устраняя вышеуказанные недостатки, способствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе живому, дѣятельному и болѣе искреннему отношенію пишущихъ къ тому, о чемъ они пишутъ. Этимъ путемъ можно уберечь учениковъ отъ того непріятнаго лицемѣрія, которое проявляется въ пустыхъ, но звонкихъ фразахъ, заказныхъ восторгахъ и негодованіи, столь обычныхъ въ нынѣшнихъ ученическихъ сочиненіяхъ. Такимъ образомъ, темы для ученическихъ сочиненій не должны выходить изъ предѣловъ дѣйствительныхъ интересовъ учащихся, изъ области пережитаго и прочувствованнаго, однимъ словомъ—изъ области личнаго опыта ученика. Правда, внѣшняя, однообразная ученическая жизнь даетъ очень немного матеріала, кото-

рый-бы могъ служить предметомъ для сочиненія, а входить въ подробности интимной жизни ученика, вызывать его на полную откровенность предъ учителемъ, было-бы не согласно съ основными законами педагогики *); но дѣло въ томъ, что понятіе «личнаго опыта» ученика должно быть понимаемо здѣсь въ широкомъ смыслѣ: не только то, что ученикъ пережилъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, но и все то, что онъ изучилъ, прочиталъ, отчетливо и сознательно усвоилъ, составляетъ область его опыта и можетъ служить, по нашему убѣжденію, лучшимъ, скажемъ даже единственнымъ матеріаломъ для сочиненія. Всякія разсужденія на темы отвлеченныя, произвольно избранныя, представляютъ не только тяжелое, но и вредное для умственнаго развитія учащихся занятіе. Такія темы не пріучаютъ къ плодотворному для ума размышленію, такъ какъ ставятъ ученика въ необходимость трактовать о предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія ни къ его жизни, ни къ его внутреннему міру. Ученическое сочиненіе на такую отвлеченную тему обыкновенно представляетъ не что иное, какъ простой наборъ общихъ фразъ, въ которыхъ очень много реторики, но очень мало искренности, а подчасъ и здраваго смысла.

Въ особенности-же непригодны темы, затрогивающія вопросы нравственности или религіи: онѣ ставятъ учениковъ въ совершенно неестественное, фальшивое положеніе проповѣдниковъ и моралистовъ. «Нравственныя и религіозныя темы, задаваемыя въ классѣ словесности,—говоритъ Буслаевъ,—часто вредятъ нравственности, вызывая въ ученикѣ лицемѣрное изліяніе добродѣтельныхъ чувствованій, и такимъ образомъ вовлекая въ ханжество» (Буслаевъ: «О преподаваніи отечественнаго языка», стр. 176).

Устраняя совершенно всякія отвлеченныя темы, мы, такимъ образомъ, ограничиваемъ выборъ темъ для ученическихъ сочиненій исключительно областью личнаго опыта учениковъ, понимая послѣдній въ вышеобозначенномъ смыслѣ; и такъ какъ житейскій опытъ ученика, въ тѣсномъ значеніи этого слова, является крайне ограниченнымъ, то, слѣдовательно, главнѣйшимъ матеріаломъ для сочиненій остается изученное въ классѣ, или прочитанное на дому и разработанное подъ руководствомъ учителя.

---

*) Такія темы указаны какъ негодныя и въ «Объяснительной запискѣ къ преподаванію русскаго языка и словесности»: «Темы, вызывающія ученика на откровенность предъ учителемъ и цѣлымъ классомъ и затрогивающія его семейный бытъ, должны быть устраняемы, какъ способныя развивать въ ученикахъ неискренность или ставить ихъ въ неловкое положеніе въ школѣ, что вредно во всѣхъ отношеніяхъ».

Ученическія сочиненія бываютъ классныя и домашнія. Такъ какъ первыя пишутся въ классѣ, въ продолженіе урока, то ученикъ, слѣдовательно, располагаетъ очень незначительнымъ промежуткомъ времени для своей работы. Вслѣдствіе этого темы для классныхъ сочиненій должны черпаться изъ матеріала, уже твердо усвоеннаго учениками, такъ чтобы ученикамъ оставалось, такимъ образомъ, позаботиться только о надлежащемъ *изложеніи* своихъ мыслей.

Лучшій матеріалъ для такихъ сочиненій представляютъ прочитанные и разобранные *въ классѣ* литературные образцы. Наоборотъ, для домашнихъ сочиненій назначается сравнительно большой промежутокъ времени (онъ можетъ быть продленъ до одного мѣсяца), въ теченіе котораго ученикамъ предоставляется основательно и не спѣша подготовляться къ работѣ. Вотъ для такихъ-то работъ внѣклассное чтеніе учениковъ и можетъ сослужить хорошую службу, при чемъ и самыя работы, въ свою очередь, преслѣдуя, конечно, и общія цѣли, могутъ послужить достаточнымъ орудіемъ контроля надъ этимъ чтеніемъ. Матеріаломъ для такого чтенія должны служить, прежде всего, главнѣйшія произведенія лучшихъ отечественныхъ писателей, хотя-бы и не вошедшія въ обязательную программу курса словесности, но такія, знакомство съ которыми представляется необходимымъ для всякаго юноши еще на школьной скамьѣ *).

Выбравъ тему, преподаватель даетъ ученикамъ рядъ вспомогательныхъ вопросовъ, которые они должны разрѣшить при чтеніи избраннаго произведенія **), и облегчаетъ имъ работу своими указаніями.

При такой постановкѣ дѣла ученики будутъ дѣйствительно *постепенно* подготовляться къ своей работѣ, а не писать ее въ одинъ присѣстъ, какъ это дѣлается сплошь да рядомъ, и, по мѣрѣ углубленія въ свою работу, могутъ обращаться къ преподавателю за разрѣшеніемъ возникающихъ сомнѣній.

Всякое прочитанное произведеніе дастъ достаточно матеріала для размышленія, при чемъ это размышленіе будетъ опираться здѣсь на фактическія данныя, а не обратится въ простое *выдумываніе*, какъ

*) Само собою разумѣется, что успѣшность дѣла будетъ въ значительной степени зависѣть отъ благоустройства ученическихъ библіотекъ; желательно, чтобы необходимыя книги имѣлись въ библіотекѣ, по возможности, въ двухъ или трехъ экземплярахъ.

**) Хорошимъ пособіемъ для этой цѣли можетъ служить брошюра г. Балталона: «Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ». Москва. 1891 г.

это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тема заставляетъ ученика писать о предметахъ, совершенно ему чуждыхъ и незнакомыхъ. Такое упражненіе, кромѣ того, отвлекая отъ безтолковаго и безпорядочнаго чтенія, пріучитъ ученика къ чтенію сознательному, ибо тутъ онъ привыкнетъ давать себѣ отчетъ во всемъ, что узналъ изъ книги, и научится пользоваться книгой, какъ источникомъ свѣдѣній, что сослужитъ ему хорошую службу и въ университетѣ. Наконецъ, такая постановка дѣла будетъ благопріятна и для преподавателя, не отнимая у него лишняго времени, котораго у него очень и очень немного и котораго потребовалось-бы, однако, не мало, если-бы онъ захотѣлъ взять на себя дѣло руководства внѣкласснымъ чтеніемъ учениковъ.

Мы убѣждены, что письменныя работы, непосредственно связанныя съ чтеніемъ учениковъ, будутъ для нихъ несравненно полезнѣе, чѣмъ всякія другія, и что онѣ научатъ учениковъ правильно понимать предложенную тему и выражать свои мысли «ясно, опредѣленно, послѣдовательно, правильнымъ и соотвѣтственнымъ предмету языкомъ», т.-е. научатъ выполнить тѣ требованія, которыя предъявляются къ русскимъ сочиненіямъ на экзаменѣ зрѣлости.

Юрій Галабутскій.

О составленіи учениками историческихъ альбомовъ.

Съ самаго начала своихъ педагогическихъ занятій (1881 г.) я стремился къ тому, чтобы внести въ свои уроки ясность и наглядность. Съ этою цѣлью я время отъ времени пересказывалъ въ классѣ цѣлые отдѣлы пройденнаго курса, опуская все второстепенное и выдвигая наиболѣе крупные историческіе факты; читалъ въ классѣ отрывки изъ наиболѣе выдающихся произведеній исторической литературы; самъ составлялъ для учениковъ или составлялъ съ участіемъ ихъ-же самихъ конспективныя таблицы; приносилъ въ классъ рисунки, пользуясь изданіями Рейнгардта, Фальке, Онкена, Фаульмана и др. Но, за исключеніемъ совмѣстной работы надъ конспективными таблицами, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ученики являлись болѣе или менѣе пассивными слушателями и зрителями. Мнѣ казалось это недостаточнымъ; мнѣ хотѣлось, чтобы ученики дѣйствовали сами. Я сталъ предлагать имъ темы для письменныхъ работъ. Въ теченіе 1—2 лѣтъ я даже придалъ имъ характеръ обязательныхъ занятій. Письменныя историческія работы могли-бы имѣть огромное развивающее значеніе въ гимназическомъ курсѣ, содѣйствуя, кромѣ своей спеціальной цѣли, развитію слога, лучшему усвоенію роднаго языка. Но я убѣдился на опытѣ, что при настоящей постановкѣ историческаго преподаванія, т.-е. при ограниченности времени, опредѣленнаго на прохожденіе исторіи (я разумѣю наши гимназіи), отъ письменныхъ историческихъ работъ, какъ занятія систематическаго, а слѣдовательно, наиболѣе дѣйствительнаго, приходится отказаться. Я началъ отыскивать иные способы. Моимъ исканіямъ пришла на помощь сама ученическая жизнь. Я увидѣлъ, съ какимъ захватывающимъ интересомъ дѣти составляютъ различныя коллекціи, напримѣръ, коллекціи марокъ и другія. Я думалъ воспользоваться этимъ интересомъ, только направивши его на другой предметъ, указавши имъ на возможность собирать коллекціи историческихъ рисунковъ. Прошлою весной, читая брошюру одного

московскаго педагога, я набрелъ въ ней на свою собственную мысль. Такое совпаденіе побудило меня немедленно приняться за проведеніе ея въ жизнь. Я думаю, что не ошибся, избравши объектами своего опыта учениковъ младшаго историческаго, т.-е. III-го класса. Мнѣ представляется, что серьезно провести это дѣло можно только тогда, когда сами ученики, такъ сказать, сживутся съ нимъ, когда оно войдетъ у нихъ въ привычку, когда они спеціализируются въ немъ.

Чего я ждалъ отъ этого?.. Да мнѣ кажется, всякій отвѣтитъ на этотъ вопросъ, не слишкомъ надъ нимъ задумываясь. Одинъ отвѣтъ мнѣ приходилось слышать изъ дѣтскихъ устъ, отъ тѣхъ самыхъ учениковъ III-го класса, которымъ я предложилъ заняться составленіемъ историческихъ альбомовъ. Въ отвѣтъ звучала правда опыта. «Читать описаніе и видѣть изображеніе его на картинѣ, въ этомъ огромная разница. Изображеніе рѣзче запечатлѣвается въ памяти, труднѣе забывается». Вотъ точный переводъ съ дѣтскаго языка на нашъ. Съ другой стороны, давая мнѣ отзывъ объ альбомѣ одного изъ своихъ товарищей, тотъ-же ученикъ слѣдующимъ образомъ отозвался о немъ: «онъ не держится хронологическаго порядка, у него много *напутано*, *не въ порядкѣ вложено*». Бесѣдуя съ учениками объ ихъ занятіяхъ по составленію альбомовъ, я замѣтилъ, что составившіе или составлявшіе ихъ начинали предъявлять къ рисункамъ извѣстное требованіе: «вотъ въ этомъ журналѣ (слѣдуетъ названіе его) историческихъ картинъ много, и онѣ *хорошо* сдѣланы, а въ «Родинѣ» онѣ *не особенно хороши*»... «Мелки, блѣдно отпечатаны, очень хороши», слышишь со всѣхъ сторонъ отъ своихъ собесѣдниковъ. Очевидно, въ нихъ развивается при этой работѣ эстетическое чувство—одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ въ дѣлѣ воспитанія. Разумѣется, бесѣдуя съ ними, я только провѣрялъ свои теоретическія соображенія. Соображенія-же, которыми я руководился, начиная свое дѣло, сводятся къ слѣдующему:

во-1-хъ, собираніе историческихъ рисунковъ и составленіе изъ нихъ альбомовъ *запечатлѣваютъ въ памяти* наиболѣе выдающіяся историческія событія;

во-2-хъ, хронологическій подборъ ихъ запечатлѣваетъ въ памяти учениковъ *послѣдовательность* событій, препятствуетъ смѣшенію эпохъ и періодовъ, осмысляя учебный матеріалъ;

въ-3-хъ, собираніе рисунковъ, удовлетворяя естественному влеченію дѣтей къ занятіямъ такого рода, развиваетъ въ нихъ *эстетическое чувство*, любовь къ картинѣ, къ изящному;

наконецъ, въ-4-хъ, чѣмъ я особенно дорожу, чего ученики не высказали мнѣ, да и не могли, по недостатку самонаблюденія, высказать,

но что, несомнѣнно, пережили,—это занятіе сообщаетъ ученію какую-то жизненность, влагаетъ душу въ мертвый матеріалъ, отвлекаетъ отъ исключительнаго корпѣнія надъ учебникомъ и вноситъ въ дѣло *интересъ*. А интересъ—душа дѣла.

Какъ привилось мое дѣло? Для отвѣта на этотъ вопросъ лучше всего обратиться къ фактамъ и цыфрамъ. Прежде всего я обратился со своею мыслью къ ученикамъ III-го класса 1-го отдѣленія, не считающагося въ ряду хорошихъ классовъ. Вотъ почему я и останавливаюсь на немъ, какъ на примѣрѣ.

Учениковъ въ классѣ.	Непосредственно были заняты работой.		Число рисунковъ въ составленныхъ альбомахъ.	Отношеніе учениковъ, не принимающихъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ.
	Составили альбомовъ.	Составляютъ ихъ.		
37	9	11	150—200 въ каждомъ.	Самое живое: они разсматриваютъ альбомы товарищей, обсуждаютъ степень ихъ достоинства и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, помогаютъ имъ.
	т.-е. почти 50%			

Что касается достоинства альбомовъ, оно, конечно, неодинаково. Я считаю непремѣннымъ условіемъ правильнаго хода занятій—руководить учениковъ въ выборѣ картинъ, но, на первое время, предоставляю имъ возможно большую свободу, боясь, что слишкомъ сильная опека на первыхъ порахъ можетъ уменьшить интересъ. Нѣкоторые ученики сами остаются не вполнѣ довольны своими работами и обѣщаютъ, безъ всякаго съ моей стороны давленія, исправлять и пополнять ихъ предстоящимъ лѣтомъ. Если они станутъ исполнять свои обѣщанія, а примѣру ихъ послѣдуютъ другіе, польза дѣла приметъ еще большіе размѣры.

Для болѣе яснаго представленія о характерѣ составляемыхъ альбомовъ, я привожу здѣсь списокъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ альбомѣ ученика М. Этотъ альбомъ, по моему мнѣнію, лучше другихъ. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ 157 изображеній in-4°, а отчасти in-folio, подписи подъ которыми сдѣланы самимъ ученикомъ.

1. Призваніе князей Рюрика, Синеуса и Трувора,
2. Прибытіе варяговъ въ русскую землю,
3. Олегъ прибиваетъ щитъ на вратахъ Цареграда,
4. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ,

5. Встрѣча князя Святослава съ Іоанномъ Цимисхоемъ (971),
6. Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ,
7. Князь Владиміръ у Рогнѣды и Изяславъ,
8. Владиміръ-язычникъ и греческій монахъ,
9. Сверженіе идола,
10. Кіевляне, принимающіе св. крещеніе, in-f°,
11. Вещи, найденныя при раскопкѣ въ Десятинной церкви (подпись болѣе подробная, съ перечисленіемъ вещей),
12. Развалины Десятинной церкви *),
13. Смерть св. Бориса Ростовскаго (24 іюля 1015),
14. Смерть Владиміра Мономаха (1125),
15. Боевая сцена XII в.,
16. Развалины палатъ Андрея Боголюбскаго въ с. Боголюбовѣ,
17. Единоборство Мстислава Удалаго съ Редедею,
18. Умерщвленіе плѣнныхъ русскихъ князей послѣ битвы при Калкѣ (1224),
19. Владимірское раззоренье (7 февр. 1237) in-f°,
20. Полчища Батыя подъ Кіевомъ (1240),
21. Ледовое побоище (1242),
22. Св. благовѣрный князь Михаилъ Черниговскій, замученный въ Ордѣ 20 сентября 1246 г.,
23. Русскій воинъ XIV стол.,
24. Княжая конница XIV вѣка,
25. Воинъ Дмитрія Донскаго,
26. Псковскіе стражники на Ливонской границѣ въ XV в.,
27. Псковъ-Печерскій монастырь (XV в.),
28. Встрѣча Софіи Палеологъ (1467), in-f°,
29. Встрѣча великаго князя Василія III Іоанновича съ послами императора Карла V подъ Можайскомъ,
30. Смотрины царской невѣсты посломъ Іоанна Грознаго въ Англіи **),
31. Грозный и бояринъ Нагой,

---

*) Въ другомъ альбомѣ имѣются еще слѣдующія картины изъ до-татарской эпохи:

Св. Андрей первозванный посѣщаетъ Кіевскія горы,
Убіеніе Аскольда и Дира,
Рѣчь Святослава («не посрамимъ» и т. д.),
Тризна воиновъ Святослава подъ стѣнами Доростола,
Развалины Херсонеса,
Ярославъ Мудрый напутствуетъ свою дочь въ замужество,
Золотыя ворота въ Кіевѣ.

**) Я въ точности передаю порядокъ картинъ, въ какомъ онѣ находятся въ альбомѣ.

32. Послѣднія минуты митр. Филиппа (1569),
33. Въѣздъ Іоанна IV Грознаго въ Новгородъ (1570),
34. Видѣнія Грознаго,
35. Іоаннъ Грозный и его мамка,
36. Іоаннъ Грозный въ Кирилловскомъ монастырѣ на Бѣломъ озерѣ,
37. Іоаннъ Грозный смотритъ на падающую комету,
38. Царь Іоаннъ Грозный показываетъ свои сокровища англійскому посольству Горсея, in-f°,
39. Русскій бояринъ,
40. Русская боярыня,
41. Посольская изба,
42. Русское осадное орудіе XVI вѣка,
43. Храмъ Успенія и келья Грознаго (XVI в.) въ г. Александровѣ Влад. губерніи,
44. Іоаннъ Грозный за письмомъ Курбскому,
45. Сокольничій,
46. Начало торговыхъ сношеній Англіи съ Россіей (1553),
47. Судъ Божій,
48. Судъ Божій,
49. Мѣстничество въ древней Россіи. Выдача головой,
50. Поѣздка царя на богомолье,
51. Русскій воинъ XVI вѣка,
52. Русскій посолъ Чемодановъ въ мастерской итальянскаго художника,
53. Атаманъ Кольцо разсказываетъ о Ермакѣ,
54. Иванъ Грозный принимаетъ посольство Ермака, in-f°,
55. Ермакъ,
56. Бояринъ въ опалѣ,
57. Смерть Іоанна Грознаго,
58. Борисъ Годуновъ и юродивый,
59. Объявленіе о раздачѣ хлѣба Годуновымъ,
60. Семейство Годуновыхъ,
61. Гришка Отрепьевъ,
62. Бракосочетаніе Лжедимитрія и Марины Мнишекъ (1605), in-f°,
63. Пріемъ польскихъ пословъ Лжедимитріемъ, in-f°,
64. Послѣднія минуты самозванца,
65. Ночной совѣтъ въ домѣ Шуйскаго на 17 мая 1606 г.,
66. Скопинъ-Шуйскій разрываетъ грамоту Ляпунова, in-f°,
67. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій на пиру у кн. Воротынскаго,
68. Помилованіе кн. Василія Шуйскаго передъ казнью,

69. Христосованіе боярина съ нищими, in-f°,
70. Древніе теремные покои во дворцѣ Московскаго Кремля. Пріемная,
71. Въ монастырѣ XVII в.,
72. Посѣщеніе колодниковъ царицей въ XVII в., in-f°,
73. Молодой бояринъ,
74. Изъ смутнаго времени. Служка на стражѣ,
75. Патріархъ Гермогенъ,
76. Патріархъ Гермогенъ,
77. Патріархъ Гермогенъ въ темницѣ Чудова монастыря (1612),
78. Архимандритъ Діонисій и «писцы борзые»,
79. Видѣніе Козьмы Минина,
80. Посольство у князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго (1611),
81. Игуменъ Діонисій благословляетъ Пожарскаго и Минина,
82. Встрѣча Козьмы Минина и Пожарскаго въ Кремлѣ, in-f°,
83. Памятникъ кн. Пожарскому въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ. Часовня надъ могилой Козьмы Минина въ Нижнемъ-Новгородѣ,
84. Осада Троицко-Сергіевской лавры,
85. Явленіе препод. Сергія польскимъ полчищамъ во время осады Троицкой лавры,
86. Бояринъ Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ сдаетъ сохраненныя имъ въ смутное время царскія сокровища,
87. Колыбель Михаила Өедоровича Романова,
88. Древніе теремные покои Московскаго Кремлевскаго дворца. Опочивальня,
89. Выборъ царской невѣсты, in-f°,
90. Памятникъ Михаилу Өедоровичу и Сусанину,
91. Встрѣча царя Алексѣя Михайловича съ Маріей Милославской,
92. Шествіе царя пѣшкомъ на богомолье,
93. Одежда бояръ XVII в.,
94. Одѣваніе невѣсты боярынями,
95. Шествіе на осляти, in-f°,
96. Сборы невѣсты къ вѣнцу,
97. Христосованіе русскаго царя съ царицей,
98. Патріархъ здравствуетъ государя въ Золотой палатѣ,
99. Пасха въ старой Москвѣ. Царь посѣщаетъ заключенныхъ,
100. Московскіе рынды XVII в.,
101. Московскіе стрѣльцы XVII в.,
102. Русскій сторожевой постъ въ XVII в.,
103. Великій постъ въ старину. Соборный протопопъ несетъ государю коливо,
104. Вербное Воскресенье въ Москвѣ XVII в.,
105. Патріархъ благословляетъ царя въ день Новолѣтія на Лобномъ мѣстѣ,

106. Богданъ Хмельницкій. Объявленіе о присягѣ на подданство русскому царю (1654),
107. Церковь Богдана Хмельницкаго въ г. Переяславѣ, Полтавской губ.,
108. Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ,
109. Царскій выѣздъ на богомолье (XVII в.),
110. Шествіе на осляти въ Вербное Воскресенье въ Москвѣ XVII в., in-f°,
111. Видѣніе царя Алексѣя Михайловича,
112. Князь Троекуровъ передъ царевной Софьей,
113. При царевнѣ Софьѣ. «Симъ креститеся»,
114. Стрѣльцы при Софьѣ. Смерть боярина Матвѣева,
115. Стрѣлецъ,
116. Прощаніе царевны Софьи съ Шакловитымъ,
117. Петръ I въ нѣмецкой слободѣ,
118. Пугу (условный крикъ запорожцевъ, отворявшій гостепр. двери),
119. Гонецъ Кочубея,
120. Допросъ Кочубея,
121. Петръ I посѣщаетъ г-жу де-Ментенонъ въ 1717 году,
122. Петръ I въ Саардамѣ,
123. Петръ I съ семилѣтнимъ Людовикомъ XV въ Тюльери, in-f°,
124. Полтавскій бой, in-f°,
125. Полтавскій бой,
126. Императоръ Петръ I,
127. Петръ I,
128. Кобзарь въ Запорожьи,
129. Запорожцы на пути въ Сѣчь,
130. Казачій пикетъ,
131. Запорожецъ на стражѣ,
132. Смерть атамана донскихъ казаковъ Булавина подъ Азовомъ (бунтъ 1708 г.),
133. Свиданіе императора Петра II съ своей бабкой, инокиней Еленой (1728),
134. Императоръ Петръ II въ Петергофѣ,
135. Меньшиковъ въ ссылкѣ,
136. Дорожный поѣздъ императрицы Екатерины Второй,
137. Императрица Екатерина Вторая,
138. Памятникъ Екатеринѣ II,
139. Екатерина II и Ломоносовъ.
140. Марія Миронова у Екатерины II (Капитанская дочь),
141. Послы польскаго сейма передъ Суворовымъ 25 окт. 1794 г.
142. Эпизодъ перехода Суворова черезъ Альпы въ 1799 году,
143. Пугачевъ на монетномъ дворѣ,

144. Сраженіе подъ Фридландомъ 2 іюня 1807 года,
145. Наполеонъ I въ 1812 году,
146. Бородинскій бой,
147. 148. 149.

Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.

Пушкинъ.

150. Памятникъ на Бородинскомъ полѣ,
151. Императоръ Николай Павловичъ,
152. Башкиры во Франціи,
153. Императоръ Александръ I на Брюлевской террасѣ въ Дрезденѣ *),
154. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. (подпись подробнѣе),
155. Памятникъ императору Александру II въ Самарѣ,
156. Памятникъ императору Александру II въ Ченстоховѣ,
157. Головные уборы русскихъ армій отъ Петра I до Александра III (подроб. подпись).

Мнѣ кажется, что все, сказанное выше, достаточно выясняетъ послѣдствія, которыя можетъ имѣть и даже имѣетъ практикуемый мною способъ. Я убѣжденъ, что соображенія, побудившія меня къ нему, должны оправдаться какъ нельзя лучше. По крайней мѣрѣ, надежда на это непоколебима во мнѣ. Не могу не указать также и на то, что съ 6—7 неудовлетворительныхъ четвертныхъ отмѣтокъ число ихъ понизилось до 2-хъ, а требованія мои остались тѣми-же. Эти двѣ неудовлетворительныя отмѣтки имѣютъ самые слабые ученики въ классѣ. Чрезвычайно любопытно то обстоятельство, что одинъ изъ нихъ въ послѣднее время самъ изъявилъ желаніе заняться составленіемъ альбома. Впрочемъ, на улучшеніе успѣховъ я указываю только какъ на фактъ, не останавливаясь на его объясненіи.

Можно предложить еще два вопроса. И прежде всего объ отношеніи къ этому занятію родителей учениковъ или вообще близкихъ къ нимъ лицъ. Судя по имѣющимся даннымъ, родители относятся къ дѣлу вполнѣ сочувственно. Отзывъ одного изъ родителей я слышалъ лично. Въ составленіи одного изъ альбомовъ принимали участіе не только два брата, учащіеся въ III классѣ, но ихъ сестра и даже бабушка, которая помогала внукамъ высылкой рисунковъ изъ деревни. Здѣсь мнѣніе близкихъ лицъ очевидно. Можетъ быть, наконецъ,

*) Мы въ настоящее время дошли въ своемъ курсѣ до Екатерины II, а потому помѣщеніе Александра I послѣ Николая I вполнѣ извинительно. Вѣрнѣе всего—здѣсь просто разсѣянность, такъ какъ до Николая I правильно помѣщены №№ 144 и др.

предложенъ вопросъ объ издержкахъ, сопряженныхъ съ составленіемъ альбомовъ. Я долженъ сказать по этому поводу, что ставлю дѣло слѣдующимъ образомъ. Я предлагаю собираніе рисунковъ лишь тѣмъ изъ учениковъ, у которыхъ найдутся дома старые завалявшіеся (NB непереплетенные) журналы. Участь ихъ всѣмъ извѣстна, и вырѣзываніе историческихъ рисунковъ изъ такихъ экземпляровъ врядъ-ли сочтется домашними за дѣло беззаконное. Но здѣсь, мнѣ кажется, уже кончается собственно *мое* дѣло: я дошелъ до границы, за которою начинаются владѣнія семьи.

Преподаватель пятой С.-Петербургской гимназіи **К. Ивановъ**.

О требованіяхъ, предъявленныхъ къ народнымъ училищамъ на съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію.

(*Окончаніе*).

Въ виду возможнаго возраженія, что не всѣ члены съѣзда простирали свои пожеланія до преобразованія всѣхъ народныхъ училищъ въ сельско-хозяйственныя, но что нѣкоторые ограничивались совѣтомъ введенія въ курсъ существующей народной школы только сельско-хозяйственнаго элемента, въ видѣ популярныхъ бесѣдъ учителя и объяснительнаго чтенія статей по сельскому хозяйству, мы можемъ указать на результаты опыта, сдѣланнаго и въ этомъ направленіи.

По дѣйствовавшимъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ до 1884 г. программамъ, отъ народнаго учителя требовалось, чтобы имъ, путемъ объяснительнаго чтенія, были сообщены свѣдѣнія не только изъ русской исторіи, географіи, естествовѣдѣнія, но также и по *сельскому хозяйству*, въ родѣ слѣдующихъ: что такое почва и какія бываютъ разновидности ея; способы распознаванія почвы; глубоко или мелко надобно пахать землю; когда надобно вывозить навозъ и какъ его запахивать; чѣмъ еще, кромѣ навоза, можно удобрять землю; гдѣ и для чего нужны водосточныя борозды; о бороновании и т. п. Для достиженія этого полагалось въ 3-мъ отдѣленіи въ одинъ годъ проштудировать слѣдующія руководства: 1) часть 2-ю руководства къ изученію русской грамоты и счисленія Главинскаго; 2) Книгу для чтенія Паульсона; 3) «Дѣтскій міръ» Ушинскаго въ 2-хъ частяхъ; 4) Книгу для чтенія, изданную Виленскимъ учебнымъ округомъ; 5) «Даръ слова» Семенова и 6) «Пчелу» Щербины.

Но эта программа, составленная въ 1871 г., во время господства въ педагогикѣ энциклопедизма и энциклопедистовъ въ родѣ Ушинскаго, барона Корфа, Водовозова, Главинскаго, оказалась во многихъ

своихъ частяхъ совершенно невыполнимою, и управленіе Виленскимъ учебнымъ округомъ вынуждено было значительно ее сократить.

Наконецъ, директоры и инспекторы народныхъ училищъ, созванные въ 1889 г., по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія, въ отдѣльную коммиссію для пересмотра учебнаго плана и программъ начальной народной школы, категорически высказались *) противъ сообщенія утилитарныхъ свѣдѣній и за необходимость строгаго ограниченія задачи народной школы предѣлами грамотности—въ смыслѣ бѣглости, внятности, выразительности и сознательности чтенія доступныхъ дѣтскому возрасту литературныхъ произведеній, возможно толковаго изложенія на бумагѣ простыхъ мыслей, четкаго почерка. Хотя въ объяснительной запискѣ и говорится, что *желательно*, чтобы дѣтямъ путемъ ученія были сообщаемы существенно необходимыя и болѣе полезныя свѣдѣнія изъ русской исторіи (церковной и гражданской), географіи и т. п., но уже самое слово «желательно» указываетъ на то, что составители программъ допускаютъ возможность обойтись даже и безъ этихъ полезныхъ свѣдѣній. Курсъ ариѳметики ограничили всестороннимъ усвоеніемъ умственнаго и письменнаго счета, безъ всякаго практическаго примѣненія его къ жизненнымъ вопросамъ. О сообщеніи какихъ-либо свѣдѣній по міровѣдѣнію, сельскому хозяйству нѣтъ и помина. И подобное сокращеніе количества знаній въ видахъ улучшенія качества ихъ теперь строго проводится всѣми органами министерскаго управленія народными школами.

И на самомъ дѣлѣ, если, не упуская изъ виду, что у насъ обученіе не обязательное, признать фактическій учебный годъ отъ 15-го октября до 15-го апрѣля, который, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, составляетъ не болѣе 20 учебныхъ недѣль (по 6 дней), то на выполненіе всей программы учителю предоставляется въ распоряженіе въ каждомъ изъ трехъ отдѣленій: 40 часовъ на Законъ Божій, 54 часа на грамотность, 34 часа на ариѳметику, 20 часовъ на славянскій языкъ и 12 часовъ на чистописаніе.

Такимъ образомъ, высказываемыя пожеланія, чтобы при данныхъ условіяхъ въ трехгодичный курсъ начальной народной школы было введено теоретическое или практическое ознакомленіе съ сельскимъ хозяйствомъ, не имѣютъ рѣшительно никакихъ основаній. Самыя общія понятія о сельскомъ хозяйствѣ должны касаться вопросовъ по полеводству, скотоводству, огородничеству, лѣсоводству и т. п. Кромѣ того, поло-

*) Проектъ программы для народныхъ училищъ С.-Петербургскаго учебнаго округа 1889.

жительныя свѣдѣнія по каждому изъ этихъ вопросовъ должны удовлетворять мѣстнымъ климатическимъ, почвеннымъ и экономическимъ условіямъ. Но можемъ-ли мы смотрѣть на народныхъ учителей, какъ на реформаторовъ всего крестьянскаго хозяйства по тѣмъ книжнымъ и отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя они могли получить на школьной семинарской скамьѣ? Такія знанія неизбѣжно сбивчивы, безсвязны, недостаточно точны и не могутъ быть авторитетны для крестьянскихъ дѣтей, присмотрѣвшихся хотя и къ плохому, но дѣйствительному хозяйству своихъ отцовъ.

Итакъ, на народную школу нельзя взвалить сообщеніе всѣхъ профессіональныхъ знаній, нельзя требовать, чтобы она подготовляла сельскихъ хозяевъ-агрономовъ, ремесленниковъ, садовниковъ, огородниковъ, писарей, и т. д., какъ нѣкоторые того желаютъ, утверждая, что иначе она остается чуждою жизни и не даетъ никакихъ осязательныхъ результатовъ въ дѣлѣ преуспѣянія народнаго благосостоянія. Она совершенно выполнитъ свою задачу, если дастъ контингентъ лицъ, способныхъ заняться любой, доступной для крестьянина, профессіей, способныхъ понять умную рѣчь, дѣльную книжку. Учитель народной школы долженъ своимъ вліяніемъ и примѣромъ только вселять въ дѣтяхъ уваженіе къ сельско-хозяйственному труду, стремленіе къ дальнѣйшему самообразованію, мысль о томъ, что учиться никогда не поздно. Только этимъ путемъ школа можетъ дать толчекъ прогрессу народнаго образованія, а разъ онъ начался, народъ самъ, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ, съумѣетъ примѣнить свою грамотность къ пополненію общаго образованія различными утилитарными знаніями.

Говоря о невозможности придать начальному народному образованію характеръ профессіональный, мы отнюдь не имѣли въ виду умалять значеніе устройства при училищахъ садовъ, огородовъ, пасѣкъ, даже маленькихъ фермъ. Напротивъ, мы считаемъ устройство ихъ крайне желательнымъ и полезнымъ, при условіи только, чтобы оно не было регламентировано, сдѣлано обязательнымъ для каждаго учителя, имѣетъ-ли онъ склонность къ этимъ занятіямъ или нѣтъ, не обязывало-бы его какимъ-либо программнымъ курсомъ и не было-бы ведено въ ущербъ классным занятіямъ.

Въ рукахъ учителя, нѣсколько опытнаго, привязаннаго къ своему дѣлу и къ дѣтямъ, хорошо устроенные сады и огороды могутъ имѣть слѣдующее значеніе:

1) Ученики знакомятся на опытѣ не только съ техникой посадки и ухода за растеніями, но и пріобрѣтаютъ наглядное доказательство возможной доходности каждаго клочка земли при умѣломъ пользованіи

имъ (по разсчету Мещерскаго, фруктовый садъ величиною въ 820 кв. саженъ можетъ дать до 80 р. чистаго дохода).

2) Учитель, занявшійся садоводствомъ и огородничествомъ, помимо матеріальной выгоды деньгами или натурой, пріобрѣтаетъ большое значеніе, даже почетъ въ крестьянской средѣ, какъ человѣкъ хозяйственный, дѣловитый, отъ котораго всегда можно позаимствоваться добрымъ совѣтомъ. Это улучшаетъ отношенія крестьянъ и къ самой школѣ; они становятся болѣе сговорчивыми на удовлетвореніе ея нуждъ, вмѣстѣ съ чѣмъ улучшается и положеніе учителя.

3) Учитель, затративъ извѣстную долю личнаго труда и энергіи на устройство сада, дѣлается болѣе домовитымъ, начинаетъ цѣнить свое мѣсто, бросаетъ мысль о вѣчномъ кочеваніи съ цѣлью лучшаго заработка, въ каникулярное время избавляется отъ гнетущей скуки. И въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать народному учителю лѣтомъ, отъ мая по октябрь, когда отъ мала до велика всѣ расходятся по работамъ? Онъ или шатается по деревнѣ, или пробавляется первой попавшейся подъ руку книжкой, или беретъ себѣ грошовые уроки у сосѣднихъ помѣщиковъ, на которыхъ только истощаетъ силы и заражается барскими привычками. Крестьяне, видя такого шатающагося учителя, совершенно естественно сторонятся его, какъ дармоѣда.

4) Училищный садъ и огородъ можетъ служить мѣстомъ пріобрѣтенія крестьянами по сходной цѣнѣ сѣмянъ лучшихъ сортовъ огородныхъ овощей, саженцевъ фруктовыхъ деревьевъ, что пока для сельскаго жителя представляетъ большое затрудненіе, такъ какъ даже въ рѣдкомъ уѣздномъ городѣ имѣются промышленныя садовыя заведенія.

И. И. Мещерскій, занявшійся спеціальнымъ изученіемъ вопроса о школьныхъ садахъ и огородахъ, въ своемъ обстоятельномъ о нихъ докладѣ съѣзду приводитъ цѣлую массу примѣровъ существованія у насъ такихъ народныхъ училищъ, въ которыхъ учителя безъ всякаго понужденія свыше являются настоящими миссіонерами по проведенію въ крестьянскую среду здравыхъ понятій о хозяйствѣ, основанныхъ на личной практикѣ. Особенно убѣдительнымъ примѣромъ возможнаго распространенія училищныхъ садовъ и огородовъ въ цѣлой мѣстности служитъ Верейскій уѣздъ, о которомъ уже извѣстно читателямъ «Русской Школы» изъ статьи г. Феликсова («Русская Школа», апрѣль 1891 года). Съ своей стороны, мы можемъ указать на многія народныя училища Виленской губерніи, въ которыхъ постепенно развиваются земельныя учительскія хозяйства, и притомъ то-же не вслѣдствіе какихъ-либо обязательствъ, но отчасти

вслѣдствіе сознанія выгоды ихъ, отчасти вслѣдствіе соревнованія. Въ такихъ училищахъ обыкновенно не хватаетъ мѣста для желающихъ учиться, многимъ дѣтямъ приходится отказывать въ пріемѣ; по окончаніи классныхъ занятій, учениковъ трудно разогнать по домамъ, дѣти мѣстныхъ крестьянъ остаются до поздняго вечера, а дѣти изъ дальнѣйшихъ деревень часто испрашиваютъ разрѣшенія переночевать въ классѣ, чтобы лишній часокъ позаняться приготовленіемъ уроковъ или почитать сообща книжку. Крестьяне безъ всякаго понужденія такія школы ремонтируютъ, даютъ вдоволь дровъ на отопленіе, ссыпку учителю, иногда даже прибавляютъ ему отъ себя жалованье и не натѣшатся своими грамотными ребятишками. Учителя этихъ школъ никогда не остаются безъ дѣла: зимніе вечера они проводятъ или съ дѣтьми, любовь и уваженіе которыхъ влечетъ ихъ къ нимъ, или придетъ какой-нибудь крестьянинъ за добрымъ совѣтомъ; а лѣтомъ—работы не покидать стать въ саду и огородѣ. Видя такія школы, врядъ-ли кто рѣшится возстать на программы ихъ и сказать, что онѣ не приносятъ народу никакой пользы. Насколько крестьяне заинтересованы въ позаимствованіи отъ учителя практическихъ свѣдѣній, видно изъ словъ одного изъ учителей Виленской губерніи, Вилейскаго уѣзда, г. Шарафановича, который сообщилъ съѣзду слѣдующіе факты изъ своей личной практики *).

«Когда мнѣ было девять или десять лѣтъ,—это было въ 1877 году,—въ сельскихъ училищахъ не было народныхъ учителей изъ учительской семинаріи и завѣдывали училищемъ священникъ и его псаломщикъ. Псаломщикъ нашъ не былъ подготовленъ къ садоводству, но былъ любитель. Онъ былъ надѣленъ землей и на ней развелъ садикъ, куда приглашалъ насъ, учениковъ, себѣ на помощь. Онъ страстно любилъ свой садикъ и съумѣлъ и намъ внушить любовь къ этому дѣлу. Мы бѣгали къ нему работать, и въ награду онъ дарилъ намъ прививки, черенки и т. п., этимъ онъ внушалъ намъ, что мы, хотя и дѣти, все-же можемъ вести это дѣло, какъ взрослые. Такимъ образомъ многіе изъ учениковъ, которые посѣщали его садъ, впослѣдствіи завели у себя такіе-же садики. Въ настоящее время эти бывшія дѣти—мужчины, и нѣкоторые получаютъ со своихъ садовъ 30, 40, 50 р.; другіе завидуютъ имъ, такъ какъ послѣдніе, имѣя эти садики, легко отбываютъ свои поземельныя, мірскія и другія повинности, а имъ нужно оставлять свое хозяйство и идти на заработки, такъ какъ вырвать изъ хозяйства 40 или 50 руб., чтобы отдать ихъ на повинность, очень трудно. Многіе крестьяне, выплачивающіе повинности изъ своихъ доходовъ, питаются хлѣбомъ съ мякиной. Далѣе, когда я изъ собственнаго опыта сообщалъ знанія ученикамъ народной

*) Труды III отд. съѣзда, стр. 15.

школы, то замѣчалъ, что дѣти съ любовью и съ особеннымъ интересомъ выслушивали меня, а на слѣдующій годъ, когда пришли снова въ школу, я выспрашивалъ всѣхъ учениковъ, что они сдѣлали за прошедшее лѣто? Ученики старшаго отдѣленія, съ которыми я велъ бесѣду, подробно разсказывали мнѣ, что они сдѣлали лѣтомъ по посадкѣ деревьевъ. Но оказалось, что и ученики перваго отдѣленія то-же посадили деревья и разсказали мнѣ, сколько штукъ посадилъ каждый и какія деревья. Видимо было, что и они заинтересовались».

Училище г. Шарафановича намъ извѣстно лично, и потому къ его сообщенію мы можемъ прибавить еще слѣдующее. Это училище находится въ самой глухой мѣстности уѣзда, въ 20 верстахъ отъ волостнаго правленія, вдали отъ всякой интеллигенціи; волостныя власти относятся къ нему съ крайнимъ нерадѣніемъ, почему и обезпечено оно плохо. Не смотря на эти неблагопріятныя условія, г. Шарафановичъ, благодаря своей энергіи, въ четыре года достигъ того, что къ нему начали стекаться ученики со всѣхъ концовъ, даже изъ деревень, совсѣмъ не входящихъ въ районъ его училища. Фруктовый его садикъ насаженъ почти весь и досматривается при пособіи учениковъ, причемъ никому изъ нихъ не приходитъ и въ голову отнѣкиваться отъ работъ подъ обыкновеннымъ предлогомъ пастбы родительскаго скота.

Не меньшую пользу, чѣмъ сады и огороды, могутъ принести народнымъ училищамъ маленькія пасѣки, объ устройствѣ которыхъ съѣздъ почему-то не заикнулся ни словомъ.

Всѣ работы въ пчельникѣ такъ просты и легки, что онѣ не могутъ затруднить и утомить ни одного учителя; наоборотъ, кромѣ значительнаго матеріальнаго вознагражденія, онѣ доставятъ ему не мало удовольствія. Что касается времени исполненія работъ, то тутъ какъ-бы сама природа помогаетъ учителю, такъ какъ пчелы требуютъ за собою уходъ раннимъ утромъ или вечеромъ, когда учитель свободенъ отъ классныхъ занятій; работы-же, требующія средины дня (ройба, подсиливаніе, перестановка ульевъ) совпадаютъ со срединой лѣта—каникулами, а изготовленіе пчеловодныхъ принадлежностей легко можетъ быть совершено въ теченіе длинныхъ зимнихъ вечеровъ.

Тутъ не мѣсто вдаваться въ подробности устройства училищныхъ пасѣкъ; объ этомъ печатается и безъ того много. Укажемъ только на возможную ихъ доходность. По разсчету г. Лебедева («Русскій Нач. Учитель» 1889 г., № 4, стр. 194), стоимость одной пчелиной семьи обходится въ 2—5 рублей; отъ одного улья черезъ 10 лѣтъ

можно размножить до 84 ульевъ, которые могутъ дать до 250 руб. дохода въ годъ *).

Не смотря, однако, на всю очевидную пользу устройства школьныхъ садовъ, огородовъ и пасѣкъ, повторяемъ, что регламентировать устройство ихъ какъ обязательное для каждаго учителя или учительницы, не обращая вниманія, имѣютъ-ли они къ тому склонность, немыслимо, ибо тутъ подневольнымъ трудомъ ничего не достигнешь. Учебная администрація и земства должны лишь всѣми зависящими отъ нихъ способами содѣйствовать и покровительствовать ихъ устройству и прежде всего озаботиться пріисканіемъ средствъ къ надѣленію училищъ земельными участками, а также о надлежащей подготовкѣ самихъ учителей. Что касается перваго вопроса, то рѣшеніе его совсѣмъ не такъ трудно, какъ кажется на первый взглядъ: при недостаткѣ земскихъ средствъ, можно воспользоваться услугами поземельныхъ банковъ, которые, вѣроятно, никогда не откажутъ для этой цѣли въ ссудѣ 300—500 р. училищу при поручительствѣ цѣлой волости или нѣсколькихъ сельскихъ обществъ. И этимъ путемъ, при самомъ ничтожномъ, въ 25—40 р. ежегодномъ расходѣ, можно пріобрѣсть хорошіе участки въ 2—3 десятины для каждаго училища. Сложнѣе представляется второй вопросъ—о надлежащей подготовкѣ учителей, хотя-бы по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Его слѣдуетъ обсудить обстоятельно. Возложить такую подготовку на учительскія семинаріи, по нашему мнѣнію, нельзя—по кратковременности ихъ учебнаго курса, что подтверждаетъ и опытъ. Г. Мещерскій, ознакомившись съ 14-ю учительскими семинаріями, въ которыхъ введено преподаваніе садоводства и огородничества, и наблюдая дѣятельность ихъ питомцевъ на практическомъ поприщѣ, приходитъ также къ заключенію, что семинарское обученіе этимъ предметамъ не приноситъ желательныхъ результатовъ. Объѣздивъ почти всю Россію, лучшіе садики и огороды онъ встрѣтилъ не у семинаристовъ, а у лицъ, пріобрѣвшихъ практическія знанія или путемъ личнаго опыта, или на временныхъ курсахъ, читанныхъ въ различныхъ мѣстахъ различными спеціалистами, въ родѣ гг. Гузя, Мышенкова, Грелля **).

Не отрицая несомнѣнной пользы, которую могутъ принести подобные курсы при условіи, что они будутъ посѣщаться только добровольцами и будутъ руководимы лицами, обладающими не только осно-

---

*) Прекраснымъ руководствомъ по устройству и уходу за маленькой пасѣкой можетъ служить статья протоіерея І. Наумовича, помѣщенная въ журналѣ «Профессіональная Школа», 1891 г.

**) Школьные сады и огороды, соч. Мещерскаго. Спб. 1889 г.

вательнымъ знаніемъ дѣла, но способными заинтересовать имъ своихъ слушателей и возбудить у нихъ любовь къ нему, намъ думается, что ограничиться устройствомъ подобныхъ, хотя-бы ежегодныхъ, курсовъ недостаточно. Они черезчуръ кратковременны для того, чтобы каждый изъ слушателей могъ собственноручно продѣлать всѣ садовыя и огородныя работы и увидѣть результатъ своихъ трудовъ. Для этого требуется время съ ранней весны до средины осени; отвлечь-же учителей отъ ихъ прямой обязанности въ самое горячее школьное время—весной отъ спѣшной работы передъ экзаменами, а осенью отъ пріема учениковъ—неудобно, почему приходится сокращать время курсовъ и съ большинствомъ работъ знакомить не на практикѣ, но путемъ лекцій, причемъ, разумѣется, масса детальныхъ вопросовъ, а главное—пріемы работы (техника) упускаются и слушатели уходятъ съ нихъ съ большимъ запасомъ *знаній*, но не *умѣній*.

Мы не беремъ на себя смѣлости предложить окончательное рѣшеніе вопроса, какъ и гдѣ могутъ быть подготовлены учителя, способные заняться земельнымъ хозяйствомъ, позволимъ себѣ высказать только слѣдующее соображеніе, на которое, можетъ быть, найдетъ возможнымъ обратить свое вниманіе предстоящій съѣздъ спеціалистовъ по народному образованію.

Какъ было выяснено выше, существующія теперь низшія земледѣльческія училища Мин. Госуд. Имущ. далеко не оправдываютъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ по распространенію въ крестьянской средѣ улучшенныхъ способовъ хозяйствъ, а содержаніе ихъ обходится государству довольно дорого. Программа общеобразовательнаго ихъ курса хотя не вполнѣ совпадаетъ съ таковой-же учительскихъ семинарій, но можетъ вполнѣ удовлетворить требованіямъ запаса знаній и развитію, предъявляемымъ къ народнымъ учителямъ. Предположить, что эта мѣра затруднила-бы доступъ въ учительскія семинаріи, нѣтъ основанія, такъ какъ въ настоящее время учительство представляется такой заманчивой карьерой для большинства крестьянскихъ семействъ, что многія изъ нихъ, по совершенно справедливому замѣчанію г. Шаталова, смотрятъ на народную школу, какъ «на дверь, пропускающую сквозь себя довольно многихъ изъ низшаго положенія въ высшее». Такимъ-же высшимъ положеніемъ, болѣе доступнымъ для нашего крестьянства, является учительство; поэтому, охотниковъ подчиниться болѣе строгимъ требованіямъ для достиженія учительскаго званія всегда будетъ достаточно. Этимъ путемъ можно было-бы достигнуть слѣдующихъ результатовъ:

1) Поднять возрастъ новичковъ-учителей. Теперь въ семинаріи

поступаютъ дѣти лѣтъ 15-ти, которыя нерѣдко до тѣхъ поръ ни разу не выѣзжали за черту своей деревни. Въ семинаріяхъ, которыя, въ большинствѣ случаевъ, находятся въ уѣздныхъ захолустьяхъ, ихъ запираютъ въ пансіонерскіе дортуары и начинаютъ проповѣдывать о томъ, какъ хорошо живется и можетъ житься образованному человѣку на бѣломъ свѣтѣ, не показывая этого свѣта. Молодой, не окрѣпшій еще организмъ, не привыкшій къ затворнической жизни и къ усиленной умственной работѣ, не смотря на всѣ, повидимому, сравнительно съ домашней обстановкой хорошія гигіеническія условія, начинаетъ здѣсь слабѣть и чахнуть; многіе семинаристы къ концу своего ученія совершенно обезсиливаютъ и подвергаются малокровію со всѣми его послѣдствіями. Наконецъ, воспитанный въ четырехъ стѣнахъ подъ неустаннымъ окомъ наблюдателей и наставниковъ, 19-ти—20-ти-лѣтній юноша выпускается на свѣтъ Божій съ обязательствомъ (если онъ былъ стипендіатомъ, чѣмъ оказываются большинство семинаристовъ) не медля занять учительское мѣсто, начать учить не только дѣтей грамотѣ, но и взрослыхъ житейской мудрости. Ясно, что такой юноша-учитель на первыхъ порахъ совершенно теряется въ своихъ многотрудныхъ обязанностяхъ и не только не является должнымъ руководителемъ темной народной массы, а самъ бываетъ вынужденъ заимствоваться отъ нея опытностью жизни. Совсѣмъ другое было-бы съ нашими начинающими учителями, предварительно прошедшими курсъ земледѣльческихъ училищъ, въ которыхъ обстановка жизни не представляетъ такого рѣзкаго перехода отъ крестьянской жизни къ школьной, какъ при переходѣ въ семинаріи. Учащіеся въ этихъ школахъ, стоя на ногѣ рабочаго, сталкиваются съ той средой, въ которой придется впослѣдствіи жить и дѣйствовать; не говоря уже о томъ, что трехлѣтнее наблюденіе за ходомъ дѣйствительнаго, хотя-бы даже не идеальнаго помѣщичьяго хозяйства, но во всякомъ случаѣ во сто разъ лучшаго обыкновеннаго крестьянскаго, приноситъ несравненно больше пользы, чѣмъ всѣ семинарскіе курсы агрономіи.

2) При такомъ выборѣ кандидатовъ въ учительскія семинаріи представилась-бы возможность ограничить ихъ курсъ спеціальными предметами обученія, исключительно педагогическаго цикла. Вслѣдствіе этого сократилось-бы въ нихъ какъ время обученія, такъ и расходъ на него.

3) Земледѣльческія училища, задавшись цѣлью вспомоществовать пополненію кадра народныхъ учителей личностями, знакомыми на практикѣ съ различными отраслями сельскаго хозяйства, скорѣе до-

стигли-бы своей главной задачи по распространенію въ народѣ сельско-хозяйственной культуры. И если-бы Минист. Госуд. Имущ. вошло-бы въ такое соглашеніе съ Минист. Нар. Просв., то оказало-бы послѣднему чисто братскую помощь и доказало-бы безпристрастіе своего отношенія къ великой государственной задачѣ народнаго образованія.

Возвращаясь къ вопросу о предстоящемъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, позволимъ себѣ высказать слѣдующія пожеланія:

1) Чтобы обсужденіе вопроса о введеніи въ программу народныхъ училищъ какихъ-либо техническихъ или профессіональныхъ отраслей знаній было связано съ разсмотрѣніемъ всего учебнаго плана и не шло въ разрѣзъ съ общеобразовательными цѣлями народныхъ училищъ;

2) Чтобы съѣздъ обсудилъ вопросъ о средствахъ и способахъ подготовленія и комплектованія кадра народныхъ учителей, болѣе соотвѣтствующихъ предъявляемому къ нимъ справедливому требованію—служить проводниками въ крестьянскую среду понятій о болѣе современныхъ способахъ пользованія землей.

А. Ильинъ.

Вопросы народныхъ училищъ Юго-западнаго края *).

1. Церковное пѣніе.

Suum cuique.

Народное училище, какъ сотрудникъ православной церкви, можетъ служить ей посредствомъ преподаванія дѣтямъ церковно-славянскаго чтенія и церковнаго пѣнія. На правильную постановку преподаванія этихъ предметовъ въ юго-западныхъ народныхъ училищахъ было обращено вниманіе при самомъ возникновеніи этихъ училищъ, въ концѣ 60 и въ началѣ 70 годовъ. Сколько знаемъ, инспектора народныхъ училищъ, открывая училища, употребляли всѣ средства, чтобы отыскивать такихъ учителей, которые знали-бы церковное пѣніе и умѣли-бы устроить церковный хоръ; но такіе учителя встрѣчались, какъ рѣдкое явленіе. Единственная въ ту пору въ краѣ учительская семинарія не могла снабдить всѣхъ училищъ своими воспитанниками-учителями: они шли въ заднѣпровскія земскія училища—либо по обязанности, какъ стипендіаты земства, либо потому, что земскія училища въ ту пору представлялись болѣе обезпеченными, чѣмъ народныя училища Юго-западнаго края, въ которыхъ тогда учителя получали только 150 р. жалованья въ годъ. Естественно, что инспектора народныхъ училищъ, при недостаткѣ учителей изъ учительскихъ семинарій, искали учителей въ средѣ бывшихъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній; но и среди нихъ не находилось знающихъ церковное пѣніе. Нужно признать, что обязанность упорядоченія и укрѣпленія церковнаго пѣнія въ церковной практикѣ и насажденія въ народѣ любви къ пѣнію и знанію его, до возникновенія

*) Хотя авторъ имѣетъ въ виду ближайшимъ образомъ народныя школы Юго-западнаго края, но его замѣчанія могутъ имѣть интересъ и для русской начальной школы вообще; по крайней мѣрѣ, такова предлагаемая нынѣ статья «о церковномъ пѣніи». *Ред.*

народныхъ училищъ, должна была всецѣло лежать на духовно-учебныхъ заведеніяхъ, теоретически, и на священнослужителяхъ церкви, особенно на псаломщикахъ, практически. Результаты трудовъ духовно-учебныхъ заведеній и духовенства у всѣхъ на виду: существуютъ архіерейскіе хоры, семинарскіе и училищные, при духовныхъ училищахъ, а въ сельскихъ церквахъ и въ большинствѣ городскихъ поетъ одинъ псаломщикъ, въ большинствѣ случаевъ, очень неумѣло. Между тѣмъ правительство всегда обращало вниманіе на церковное пѣніе и старалось помочь упорядоченію его. Вслѣдствіе распоряженій правительства, съ благословенія Св. Синода, печатались въ синодальныхъ типографіяхъ нотныя изданія: Обиходъ, Ирмологій и пр. книги, включающія въ себѣ напѣвы православной церкви: греческій, болгарскій, знаменный, кіевскій, и разсылались въ церкви для употребленія, а книга «Сокращенный обиходъ» была введена въ духовныя училища, какъ учебное руководство. Но, сколько знаемъ по наблюденіямъ въ великороссійскихъ губерніяхъ и въ юго-западныхъ, духовенство въ училищахъ и въ церквахъ почти не пользуется нотными изданіями Св. Синода. Въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, сколько знаемъ по разсказамъ самого духовенства, изъ Обихода выучивались только первоначальныя упражненія, догматики и пѣснопѣнія для литургіи св. Василія Великаго; въ церквахъ-же, особливо въ сельскихъ, почти ничего не поютъ по Обиходу,—отчасти по неумѣнью пѣть по нотамъ, отчасти по несочувствію одноголосному и протяжному пѣнію. У духовенства и у народа, въ особенности въ Юго-западномъ краѣ, идеальнымъ церковнымъ пѣніемъ считается четырехголосное пѣніе, партесное, образецъ для котораго видятъ въ архіерейскихъ хорахъ. «Поютъ, какъ архіерейскіе»—высочайшая похвала для пѣвчихъ. Архіерейскіе-же хоры, съ давнихъ поръ, устроены по образцу придворнаго. Еще въ ту пору, когда правительство заботилось объ упорядоченіи церковнаго пѣнія въ Россіи, въ придворную пѣвческую капеллу вызывались изъ всей Россіи лучшіе изъ архіерейскихъ пѣвчихъ, за тѣмъ, чтобы, научившись пѣть въ капеллѣ, по возвращеніи на родину, могли быть руководителями мѣстныхъ хоровъ.

Вслѣдствіе этого, почти во всей Россіи, кромѣ немногихъ мѣстъ, напр., Кіево-Печерской лавры и другихъ монастырей, господствуетъ придворный напѣвъ, и благоустроенные хоры поютъ по нотамъ, книгамъ Львова и Бахметьева, а псаломщики поютъ по наслышкѣ. Нельзя не признать, что церковное пѣніе изъ года въ годъ все болѣе падаетъ: не рѣдкость встрѣтить такихъ псаломщиковъ, которые не имѣютъ яс-

наго представленія, что такое осмогласіе, т.-е основа церковнаго пѣнія; если-же и поютъ на гласы, то сбивчиво и даже неправильно.

Какъ ни странно, но среди духовенства существуетъ мнѣніе, что пѣніе можетъ быть удѣломъ только избранныхъ натуръ, у которыхъ есть прекрасный голосъ и слухъ; а такъ какъ таковые встрѣчаются у очень немногихъ людей, то остальнымъ нечего и браться за изученіе пѣнія и устройство хора. Такого-же воззрѣнія всегда держались и въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и потому пѣнію учились только очень немногіе ученики. Оттого въ средѣ духовенства такъ мало священниковъ и псаломщиковъ, знающихъ церковное пѣніе. И на ряду съ воззрѣніемъ, что пѣніе можетъ быть достояніемъ очень немногихъ, учителями пѣнія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ до самаго послѣдняго времени были, однако, не избранныя натуры, подготовлявшія себя къ преподаванію пѣнію, а рядовые учителя, въ большинствѣ случаевъ учителя главныхъ предметовъ низшаго отдѣленія, т.-е. класса, равнаго, по теперешнему, первому и второму. Естественно, что такіе учителя не могли научить учениковъ пѣнію, тѣмъ болѣе не могли выработать облегченныхъ пріемовъ для преподаванія пѣнія; понятно, что они не могли составить какого-либо простаго руководства, учебника для преподаванія пѣнія. А какъ поступали духовно-учебныя заведенія въ отношеніи своихъ воспитанниковъ, при обученіи ихъ пѣнію, такъ поступало и поступаетъ духовенство въ отношеніи народа: оно не употребляло активныхъ усилій, чтобы развить у народа любовь къ церковному пѣнію и сообщить ему знаніе пѣнія. Естественно, что народнымъ училищамъ Юго-западнаго края, на первыхъ порахъ своего существованія, при всемъ желаніи усвоить себѣ правильную постановку преподаванія церковнаго пѣнія, приходилось идти къ дѣлу очень медленно; тѣмъ не менѣе, въ народныхъ училищахъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ преподавалось церковное пѣніе, конечно, въ самомъ первоначальномъ видѣ, и учителя съ учениками принимали участіе въ церковномъ пѣніи, насколько хватало умѣнья. Когда-же въ народныхъ училищахъ появились учителя изъ учительскихъ семинарій, то въ училищахъ стали устраиваться церковные хоры. Пишущему эти строки пришлось видѣть нѣсколько училищъ въ промежутокъ между 1875 и 1880 гг. въ Волынской губерніи, и почти во всѣхъ училищахъ уже преподавалось пѣніе. Въ теченіе-же послѣдняго десятилѣтія народныя училища Юго-западнаго края далеко ушли въ дѣлѣ преподаванія церковнаго пѣнія и устройства церковныхъ хоровъ. Какъ, 15 лѣтъ тому назадъ, церковные хоры изъ учащихся были рѣдкимъ явленіемъ, такъ теперь рѣд-

кое явленіе тѣ училища, гдѣ нѣтъ хора изъ учениковъ и ученицъ училища. Въ Волынской, напр., губерніи, въ Житомирскомъ уѣздѣ — 29 училищъ, и только въ одномъ нѣтъ хора, и только въ трехъ училищахъ пѣніе преподается не учителями (въ 2-хъ псаломщиками, въ одномъ крестьяниномъ); во всѣхъ 22-хъ училищахъ Новградволынскаго уѣзда есть хоры, и лишь въ 4 преподаютъ пѣніе не учителя; въ 15 училищахъ Овручскаго уѣзда есть вездѣ хоры, и только въ 4-хъ пѣніе преподается псаломщиками; въ 21 училищѣ Кременчугскаго уѣзда только въ 3 нѣтъ хоровъ и въ 4 преподаютъ псаломщики; въ 21 училищѣ Заславльскаго уѣзда только въ 1 училищѣ нѣтъ хора, и лишь въ 2 преподаютъ псаломщики, и т. д.; всѣхъ училищъ въ Волынской губерніи 284, и изъ нихъ только въ 13 нѣтъ хоровъ изъ учащихся, и лишь въ 46 преподаютъ пѣніе не учителя, а псаломщики и священники (42) и свѣтскіе (4). Но такъ какъ свѣдѣнія взяты нами изъ Памятной книжки за 1889 годъ, то можно предположить, что число тѣхъ училищъ увеличилось, гдѣ пѣніе преподается учителями и гдѣ хоры изъ учащихся устроены; свое предположеніе мы основываемъ на томъ, что учительницы, не преподававшія прежде пѣнія, стали учиться ему на кіевскихъ курсахъ пѣнія и, подучившись, начали сами учить дѣтей пѣнію, даже устраивали хоры; въ той-же Волынской губерніи, какъ видно изъ Памятной книжки за 1889 г., было 6 учительницъ, которыя преподавали пѣніе и управляли хоромъ. Такимъ образомъ, кажется, можно сказать, что народныя училища Юго-западнаго края идутъ рука объ руку съ православной церковью и стараются служить ей, обучая учащихся не только церковному пѣнію, но и пѣнію въ церкви, что, какъ само духовенство знаетъ по своему многовѣковому опыту, очень не легко. Дѣйствительно, не легко учителямъ, особенно учительницамъ народныхъ училищъ Юго-западнаго края, преподавать пѣніе, тѣмъ болѣе—устраивать хоры. Вслѣдствіе поздняго начала ученія въ училищахъ, съ октября, и ранняго окончанія, въ апрѣлѣ, даже въ мартѣ, и крайне неисправнаго хожденія учениковъ на уроки, даже самый лѣнивый учитель занимается съ дѣтьми до 3—4 часовъ послѣ полудня, а усердные учителя занимаются часовъ до 5—7, когда бываетъ свѣтло; въ остальное-же время нужно приготовиться къ урокамъ и просмотрѣть письменныя работы учениковъ, если не всѣхъ, то хоть старшаго отдѣленія. Возможно-ли учителю, при такихъ трудахъ, усердно и успѣшно заниматься пѣніемъ, устройствомъ хора, который черезъ годъ обязательно смѣняется? Можно было-бы довольствоваться и тѣмъ, если-бы у истомленнаго учителя нашлось столько силъ, чтобы пропѣть съ дѣтьми что-нибудь извѣст-

ное, безъ напряженія и безъ того ослабленной груди. А между тѣмъ въ огромнѣйшемъ большинствѣ народныхъ училищъ Юго-западнаго края ученики умѣютъ пѣть не только употребительныя молитвы, но и всѣ пѣснопѣнія литургіи, въ трехголосномъ переложеніи Вишневскаго, и гимны: «Боже, Царя храни» и «Коль славенъ», и безусловно во всѣхъ училищахъ поютъ общеупотребительныя молитвы; если въ нѣкоторыхъ училищахъ и нѣтъ хоровъ, то все-же учащіеся участвуютъ въ пѣніи, бывая въ церкви. Такіе успѣхи по церковному пѣнію получились въ какія-нибудь 15 лѣтъ, благодаря тому, что обѣ учительскія семинаріи, находящіяся въ краѣ, обращаютъ должное вниманіе на сообщеніе своимъ воспитанникамъ нужныхъ свѣдѣній, для правильнаго веденія учебнаго дѣла въ народныхъ училищахъ и для службы православной церкви чрезъ посредство учениковъ училищъ. Что,же говоритъ духовенство? довольно-ли оно? Къ сожалѣнію, приходится отвѣчать отрицательно. Псаломщики недовольны по какому-то непонятному чувству недоброжелательства къ учителямъ и учительницамъ и, къ глубокому огорченію учителей, нерѣдко мѣшаютъ пѣть училищному хору, создавая разныя мелкія затрудненія учителю, какъ регенту; а священники недовольны учителями и учительницами за то, что они разучиваютъ для пѣнія въ церкви только простыя переложенія пѣснопѣній, а не партесныя. Къ глубокому сожалѣнію, нужно сказать и то, что, при малѣйшемъ разладѣ между священникомъ и учителемъ, пѣніе въ церкви дѣлается той ареной, на которой священникъ старается вредить учителю, ставя ему въ вину всякую ошибку въ пѣніи, происшедшую либо случайно, либо отъ незнанія церковнаго устава. Всѣхъ безконечно удивляетъ то обстоятельство, что священники, терпѣливо переносившіе пѣніе псаломщика, возмущаются мало-мальски нестройнымъ пѣніемъ училищнаго хора. Кажется, первая обязанность псаломщика есть умѣнье пѣть и устроить хоръ, какъ первая обязанность учителя есть умѣнье учить дѣтей и вести все учебно-воспитательное дѣло. И въ то время, какъ отъ учителя, кромѣ умѣнья обучать и воспитывать дѣтей, требуютъ умѣнья пѣть и устроить хоръ, а въ послѣднее время даже знанія военнаго строя для преподаванія военной гимнастики, — отъ псаломщиковъ не требуютъ умѣнья пѣть. Чуть учитель народнаго училища получитъ мѣсто съ самымъ высшимъ окладомъ жалованья (300—350 р.), ему говорятъ о лежащей на немъ обязанности устроить хорошій училищный хоръ; но ничего не говорятъ псаломщику, который получаетъ, съ доходами отъ церкви, земли, съ жалованьемъ, куда больше учителя, имѣетъ возможность жить семейной жизнью, такъ какъ можетъ

почти даромъ воспитывать дѣтей, чего безусловно лишенъ учитель, и при всемъ томъ не несетъ почти никакого труда, ибо, находясь при совершеніи богослуженія, псаломщикъ трудится меньше учителя: дѣти читаютъ, а учитель поетъ. Понятно, какъ, при такомъ неравенствѣ отношеній, бываютъ крайне тяжелы для учителей тѣ невзгоды, которыя падаютъ на нихъ изъ-за церковнаго пѣнія, при какомъ-нибудь недоразумѣніи, и какъ страшно горьки бываютъ для учителей примѣшиваемые къ невзгодамъ намеки на отсутствіе въ учителяхъ строго-религіознаго направленія и церковности. И что-же? Учителя продолжаютъ ревностно трудиться и улучшать дѣло преподаванія церковнаго пѣнія и устройства хоровъ. Съ полной готовностью учителя и учительницы ѣдутъ на устраиваемые въ Кіевѣ временные курсы пѣнія; знающіе стараются помочь незнающимъ; послѣдніе усердно стараются усвоить начала пѣнія, чтобы чрезъ самообученіе пріобрѣсти болѣе или менѣе основательныя познанія. Сколько вслѣдствіе распоряженій объ улучшеніи преподаванія церковнаго пѣнія, столько же по собственному сознанію, учителя и учительницы пришли къ убѣжденію, что преподаваніе пѣнія и устройство хора должно стоять въ народныхъ училищахъ на такой-же высотѣ, какъ и обученіе церковно-славянскому чтенію. Намъ кажется, что немного нужно сдѣлать, чтобы преподаваніе пѣнія въ народныхъ училищахъ Юго-западнаго края стало на должную высоту, для удовлетворенія даже требованій духовенства. Но въ послѣднее время въ дѣлѣ церковнаго пѣнія выступило новое обстоятельство, съ которымъ народнымъ училищамъ придется имѣть дѣло. До недавняго времени никто не возставалъ противъ придворнаго напѣва, господствующаго въ нашихъ церквахъ. Въ послѣдніе-же годы стали заботиться о возстановленіи древняго пѣнія, которое мы приняли отъ грековъ вмѣстѣ съ православной вѣрой. Съ 1884 года въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ церковное пѣніе введено, какъ обязательный предметъ (до этого времени въ духовныхъ семинаріяхъ не преподавалось церковное пѣніе). и духовнымъ училищамъ и семинаріямъ предложена обширная программа, направленная главнѣйшимъ образомъ къ тому, чтобы воспитанники духовныхъ училищъ и семинарій основательно знали древнее церковное пѣніе. Уже выпущено въ свѣтъ новое изданіе Учебнаго обихода и послѣдовало распоряженіе о введеніи его въ духовно-учебныя заведенія въ видѣ учебнаго руководства. Любители древняго церковнаго пѣнія, для ознакомленія съ нимъ общества, стали устраивать отдѣльные хоры, которые поютъ только древніе напѣвы; вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезъ печать въ обществѣ распространяются взгляды о необходимости воз-

вращенія къ старинному пѣнію какъ къ такому, которое только одно соотвѣтствуетъ православному богослуженію. На основаніи мнѣній ученыхъ знатоковъ нашего древняго церковнаго пѣнія, нельзя не придти къ убѣжденію, что древнее пѣніе, имѣющее связь даже съ древнѣйшимъ греческимъ пѣніемъ, заключаетъ въ себѣ коренныя и характерныя особенности и соотвѣтствуетъ духу православнаго богослуженія. Очень возможно, что соединенныя усилія свѣтскихъ и духовныхъ знатоковъ древняго церковаго пѣнія, при поддержкѣ Св. Синода, помогутъ древнему пѣнію войти въ употребленіе, въ особенности въ великороссійскихъ губерніяхъ. Въ Юго-западномъ-же краѣ врядъ-ли оно привьется: здѣсь, еще со времени борьбы съ католичествомъ и уніей, стало утверждаться то партесное пѣніе, которое отсюда, съ юго-запада, перешло и въ сѣверную Русь. Какъ-бы то ни было, но возможно, что юго-западное духовенство, нынѣ требующее отъ училищъ партеснаго пѣнія, современемъ потребуетъ древняго пѣнія и въ незнаніи его учителями и учениками будетъ усматривать недостатокъ церковнаго направленія въ строѣ училищъ. Что дѣлать училищамъ въ виду возможности въ будущемъ такихъ требованій? Правда, древнему пѣнію мало сочувствуютъ не только въ средѣ простаго, но даже и въ средѣ ученаго духовенства. Доказательство этому есть даже въ оффиціальномъ органѣ Св. Синода,—«Церковныхъ Вѣдомостяхъ». Вотъ что читаемъ на стр. 334, № 10 за 1890 г.: «Недоброжелательно встрѣчена была новая программа церковнаго пѣнія въ той средѣ, ради ближайшихъ интересовъ и пользы которой она назначалась, и гдѣ, повидимому, можно было ожидать для нея самаго теплаго и радушнаго пріема», и далѣе такъ сказано: «Она (программа церковнаго пѣнія для духовно-учебныхъ заведеній) была встрѣчена съ предубѣжденными взглядами тѣхъ лицъ, на ближайшей обязанности которыхъ лежала задача привести ее (программу) въ дѣйствіе». И мы можемъ свидѣтельствовать, что въ словахъ почтеннаго автора, борца за возстановленіе древняго пѣнія, нѣтъ преувеличенія—заботы о возстановленіи древняго пѣнія очень многими среди ученаго духовенства считаются временнымъ увлеченіемъ. Но мы лично другаго мнѣнія и горячо сочувствуемъ возстановленію древняго пѣнія. Какъ-бы ни было, однако, народнымъ училищамъ, обязаннымъ идти объ руку съ православной церковью и служить ей, нужно идти на встрѣчу древнему русскому пѣнію и, по возможности, изучать его и распространять въ народѣ. Намъ кажется, что народнымъ училищамъ Юго-западнаго края слѣдовало-бы, полагая въ основу изученія пѣнія круглую ноту и гамму, написанную въ скрипичномъ ключѣ, стремясь къ

усвоенію партеснаго пѣнія, любимаго духовенствомъ и народомъ, въ то-же время по возможности основательно ознакомить учащихся и съ квадратной церковной нотою, цефаутнымъ ключемъ и хотя однимъ нотнымъ изданіемъ, которое болѣе другихъ употребительно, напр., Учебнымъ Обиходомъ. Какъ ни тяжело, среди тяжкихъ трудовъ и разныхъ невзгодъ, учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ преподавать пѣніе и устраивать хоры въ ту пору, когда псаломщики, болѣе обезпеченные, чѣмъ учителя, и по самому своему званію обязанные знать пѣніе, даже не имѣютъ понятія объ устройствѣ хоровъ; и когда священники, вмѣсто благодарности, при малѣйшемъ личномъ недоразумѣніи, какъ говорятъ учителя,—«придираются» къ нимъ, учителямъ, на почвѣ пѣнія; тѣмъ не менѣе, отложивъ въ сторону всякое самолюбіе и счеты, которымъ въ училищномъ дѣлѣ никогда не должно быть мѣста, учителя и учительницы народныхъ училищъ должны стремиться къ усовершенствованію въ преподаваніи церковнаго пѣнія и устройства хоровъ, чтобы послужить церкви и воспитать въ дѣтяхъ любовь къ прекрасному и высокому, насколько оно выражается въ пѣніи, да еще церковномъ. Поэтому преподаваніе церковнаго пѣнія должно удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: а) должно быть проникнуто церковнымъ характеромъ, направляемо къ служенію церкви и къ развитію въ учащихся любви къ пѣнію въ церкви; б) должно содѣйствовать эстетическому развитію учащихся, возбужденію, укрѣпленію и воспитанію въ нихъ любви къ прекрасному; в) должно сообщить учащимся строго опредѣленный кругъ знаній, въ извѣстной послѣдовательности и на твердыхъ основаніяхъ, и г) наконецъ, должно развить въ учащихся способность и навыкъ, по окончаніи курса въ училищѣ, самостоятельно заниматься пѣніемъ. Хотя преподаваніе церковнаго пѣнія въ народныхъ училищахъ находится въ очень удовлетворительномъ состояніи, въ особенности по сравненію съ тѣмъ, какимъ оно было прежде, и въ короткое время сдѣлало большіе успѣхи, тѣмъ болѣе при существованіи тѣхъ невыгодныхъ условій, среди которыхъ преподается пѣніе въ училищахъ; тѣмъ не менѣе въ теперешнемъ преподаваніи пѣнія есть слѣдующіе недостатки: а) нѣкоторые учителя, а тѣмъ болѣе учительницы, не сообщаютъ учащимся твердыхъ основаній для усвоенія пѣнія; б) не придерживаются постепенности въ изученіи молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній, и на ряду съ легкимъ изучаютъ очень трудныя переложенія; в) обращая вниманіе на литургійныя пѣснопѣнія, оставляютъ безъ изученія пѣснопѣнія утрени, напр., ирмосы; г) совсѣмъ не знакомятъ дѣтей съ Учебнымъ Обиходомъ, напечатаннымъ церковной нотой; д) не

разъясняютъ учащимся построенія изучаемаго пѣснопѣнія и такимъ образомъ не пріучаютъ дѣтей къ осмысленному пѣнію; е) не знакомятъ способныхъ дѣтей съ камертономъ, тонами; ж) вообще, не пріучаютъ дѣтей къ осмысленному пѣнію, безъ помощи учителя, настолько, чтобы учащіеся, по достиженіи зрѣлаго возраста, могли самостоятельно пѣть въ церкви, и з) въ послѣднее время оставляютъ въ сторонѣ свѣтское пѣніе,—совсѣмъ не разучиваютъ народныхъ пѣсенъ. Нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ происходятъ не по винѣ учителей, такъ какъ, напр., оставленіе въ сторонѣ изученія Учебнаго Обихода происходило оттого, что Обиходъ и въ церквахъ очень рѣдко употребляется; свѣтское-же пѣніе въ полномъ пренебреженіи потому, что въ училищахъ нѣтъ такихъ сборниковъ, гдѣ были-бы лучшія религіозныя и патріотическія стихотворенія нашихъ лучшихъ поэтовъ, въ прекрасныхъ переложеніяхъ на ноты. И несомнѣнно, что учителя и учительницы народныхъ училищъ Юго-западнаго края въ будущемъ поставятъ въ нихъ дѣло преподаванія пѣнія на должную высоту. Для того, по нашему мнѣнію, нужно-бы сдѣлать слѣдующее:

I. Такъ какъ въ учительскія семинаріи теперь принимаютъ только такихъ молодыхъ людей, которые уже имѣютъ твердыя первоначальныя знанія по церковному пѣнію, то учительскія семинаріи могутъ требовать отъ воспитанниковъ: а) чтобы они, при переходѣ въ 3-й классъ, могли свободно пѣть и играть на скрипкѣ всѣ пѣснопѣнія тѣхъ нотныхъ изданій, какія, какъ учебники, будутъ введены въ народныя училища; б) чтобы каждый изъ воспитанниковъ 3-го класса, кромѣ приготовленія уроковъ по пѣнію для учителя пѣнія и для пробныхъ уроковъ въ начальномъ училищѣ, самостоятельно и подъ руководствомъ учителя разучивалъ указанныя пѣснопѣнія съ своимъ хоромъ изъ семинаристовъ и учениковъ училища, и чтобы такимъ образомъ пріобрѣлъ должныя познанія и навыкъ въ умѣньѣ управлять хоромъ; в) чтобы у каждаго воспитанника 3-го класса обязательно было подъ началомъ по два семинариста изъ низшихъ классовъ, для разучиванія трехголосныхъ переложеній и пріобрѣтенія чрезъ то навыка пѣть втроемъ, что крайне необходимо для лѣтняго времени, когда, по причинѣ лѣтнихъ работъ и пастбы скота дѣтьми, нѣтъ возможности собрать ни взрослыхъ, ни дѣтей для спѣвки и пѣнія въ церкви; г) чтобы воспитанники семинарій были основательно ознакомлены съ нотными книгами православной церкви, изданными Святѣйшимъ Синодомъ, и нашими церковными напѣвами: знаменнымъ и кіевскимъ, въ особенности съ послѣднимъ, не только практически, но и теоретически, и д) чтобы въ учительскихъ семинаріяхъ было пройдено самое суще-

ственное изъ положеннаго въ программѣ для духовныхъ семинарій, въ виду того, что она вполнѣ выражаетъ современныя стремленія къ возвращенію нашей церкви древняго православнаго пѣнія.

II. Такъ какъ учителямъ, а учительницамъ въ особенности, трудно преподавать пѣніе, устраивать спѣвки и управлять хоромъ, испытывая, кромѣ трудовъ, еще невзгоды отъ псаломщиковъ и священниковъ, то безусловно необходимо облегчить учителей: либо снять съ нихъ обязанность управленія хоромъ въ церкви и возложить на псаломщиковъ, такъ какъ, по всей справедливости, управленіе хоромъ есть прямая обязанность псаломщика, либо, если псаломщикъ не знаетъ пѣнія, назначить учителю особое вознагражденіе, изъ церковныхъ либо попечительскихъ средствъ, за управленіе хоромъ.

III. Во избѣжаніе недоразумѣній, которыя происходятъ оттого, что многіе священники требуютъ отъ училищныхъ хоровъ партеснаго пѣнія, да еще въ очень трудныхъ переложеніяхъ, Министерству Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшему Синоду слѣдовало-бы согласиться между собою въ слѣдующемъ: а) принявъ въ разсчетъ дѣйствительное, а не предполагаемое число уроковъ по пѣнію въ народныхъ училищахъ въ теченіе учебнаго года, съ октября по апрѣль, выработать точно опредѣленную программу по церковному пѣнію, которая включала-бы въ себѣ только то, что ученики должны безусловно знать, чтобы пѣть въ церкви въ воскресные и во всѣ праздничные дни; б) для руководства малоопытнымъ въ преподаваніи пѣнія учителямъ и учительницамъ, въ объяснительной къ программѣ запискѣ, изложить программу въ методической послѣдовательности, самое лучшее—распредѣлить ее по урокамъ, въ такомъ порядкѣ, чтобы былъ послѣдовательный и постепенный переходъ отъ легкихъ пѣснопѣній къ труднымъ, и чтобы, въ то-же время, пѣснопѣнія были расположены примѣнительно къ потребностямъ самого пѣнія, т.-е. чтобы въ ноябрѣ и декабрѣ разучивались пѣснопѣнія праздника Рождества Христова, въ январѣ и февралѣ — великопостныя, въ мартѣ—пасхальныя и т. д.; в) озаботиться составленіемъ такого учебника по церковному пѣнію, въ которомъ было-бы все, что положено пройти по программѣ, и противъ каждаго пѣснопѣнія разъяснить все, что нужно; чтобы пѣснопѣніе было разучено со смысломъ и вполнѣ сознательно; г) вмѣстѣ съ такимъ учебникомъ, слѣдовало-бы издать всѣ главнѣйшія церковныя пѣснопѣнія въ переложеніяхъ на два голоса, три и четыре, для смѣшаннаго хора и для одного, дѣтскаго, состоящаго исключительно изъ дѣтскихъ голосовъ, чтобы дать возможность регенту обходиться безъ помощи взрослыхъ, такъ какъ очень часто взрослые не принимаютъ участія въ пѣніи, по

причинѣ житейскихъ дѣлъ, поѣздокъ на ярмарки, работъ и т. д.; д) такъ какъ даже ревнители древняго пѣнія допускаютъ, что на ряду съ однимъ общимъ всей православной церкви напѣвомъ могутъ существовать мѣстные напѣвы, и что православная церковь вовсе не устраняетъ многоголоснаго пѣнія, то слѣдовало-бы, на ряду съ переложеніемъ пѣснопѣній, знаменнымъ, напримѣръ, распѣвомъ, издать пѣснопѣнія въ переложеніяхъ придворнымъ напѣвомъ и кіевскимъ, чтобы регенты выбирали для разучиванія то, что либо болѣе извѣстно, либо легко для разучиванія, либо болѣе пріятно для духовенства и народа; е) выпустить такія переложенія по самой дешевой цѣнѣ, чтобы книги могли быть не только въ училищахъ, но и въ рукахъ народа, но не въ такомъ невозможномъ для пользованія видѣ, какъ дешевыя изданія придворной пѣвческой капеллы, гдѣ ноты всѣхъ четырехъ голосовъ напечатаны вмѣстѣ, и такъ неясно, что не только дѣти, но и взрослые не могутъ пѣть по нимъ, такъ какъ глазъ поневолѣ перескакиваетъ съ одной строчки нотъ на другую, и ж) если не желательно, чтобы церковные хоры исполняли переложенія неизвѣстныхъ композиторовъ, то, для устраненія всякихъ недоразумѣній и избавленія учителей отъ требованія, чтобы они пѣли «вотъ это и это», напечатать на первомъ листѣ изданныхъ переложеній, что училищные хоры должны исполнять только напечатанныя въ такихъ-то изданіяхъ переложенія, и ни въ какомъ случаѣ не должны исполнять другихъ. Эта мѣра избавитъ учителей отъ излишнихъ требованій.

IV. Такъ какъ не только въ народныхъ училищахъ, но даже и въ церковно-приходскихъ школахъ, чтобы имѣть благотворное вліяніе на жизнь, на ряду съ церковнымъ пѣніемъ, должно существовать и свѣтское, то слѣдовало-бы издать сборникъ такихъ религіозныхъ и нравственныхъ пѣсенъ, которыя желательно распространить среди народа, въ особенности въ Юго-западномъ краѣ, хоть-бы въ противодѣйствіе католическимъ, нѣмецкимъ и штундистскимъ гимнамъ.

V. Кромѣ перечисленныхъ нами мѣръ, можно употребить и другія, а именно: устройство небольшихъ временныхъ курсовъ пѣнія по уѣздамъ, поощреніе учителей денежными наградами и пр. Но награды не такъ поднимутъ энергію, силы и желаніе у учителей и учительницъ поставить преподаваніе церковнаго пѣнія на должную высоту, какъ а) довѣріе къ ихъ преданности церкви, въ существованіи которой (преданности), къ глубокой обидѣ учителей народныхъ училищъ, отказываютъ имъ, и б) какъ признаніе того факта, что учителя и учительницы народныхъ училищъ, помимо многаго, однимъ преподаваніемъ церковнаго пѣнія и устройствомъ хоровъ, которыя начали

развиваться и совершенствоваться съ самаго открытія училищъ, уже послужили православной церкви.

Безусловно, что народныя училища, тѣмъ болѣе Юго-западнаго края, должны служить православной церкви; но несомнѣнно также, что и церковь, въ лицѣ духовенства прежде всего, своей любовью и снисходительностью должна помогать училищамъ въ достиженіи общаго государственнаго блага.

А. Т.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ *).

(Къ 25-ти лѣтію земскихъ учрежденій).

Въ крѣпостное время въ Рязанской губерніи, какъ и въ другихъ, для государственныхъ крестьянъ содержаніе школъ было обязательною повинностью. Такихъ школъ по всей губерніи числилось 222. Въ послѣдній (1867) годъ обязательнаго существованія на нихъ истрачено было 49.120 руб. или, въ среднемъ, по 221 руб. на школу; вообще-же отпускалось minimum 160 р. 50 к. и maximum 325 р. 50 к. на школу. У крестьянъ помѣщичьихъ школы являлись, какъ исключеніе. Сколько ихъ было—опредѣлить весьма трудно, но есть основаніе предполагать, что числилось около 150-ти. О количествѣ суммъ на содержаніе этихъ школъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ Касимовскомъ уѣздѣ на 30 школъ временно-обязанныхъ крестьянъ расходовалось 844 рубля, причемъ на 5 школъ ничего не отпускалось, а на остальныя выдавалось отъ 5 до 77 р. на школу. Въ Раненбургскомъ уѣздѣ содержаніе одной школы помянутаго разряда крестьянъ обхо-

*) Источники: 1) «Отчетъ о состояніи народныхъ училищъ въ Разан. губ. въ 1869 г.» Члена губер. училищ. сов. Д. Д. Дашкова. 2) «Докладъ ряз. губ. земск. собр.» за 1870 г. Его-же. 3) То-же за 1873 г. Его-же. 4) «Журн. губерн. земск. собр.» за 1874 г. 5) «Отчетъ члена губ. училищ. сов. Д. Д. Дашкова о состояніи народныхъ училищъ Рязанск. губ. за 1874—1875 г.». 6) То-же за 1881—1882 г. Члена рязанск. губ. училищ. сов. И. П. Бибикова. 7) «Рязанскому губер. земск. собранію XXIII очереднаго созыва докладъ член. губ. училищ. сов. г. Буймистрова». 8) «Народное образованіе въ Рязанск. губ.» Изд. рязан. губ. зем., съ прилож. атласа начальныхъ школъ Рязан. губ. Рязань, 1889 г. 9) «Ежегодникъ рязанскаго губер. земства» за 1890 г., годъ первый. Издан. рязанск. губер. зем. 10) Обозрѣніе двадцатипятилѣтней дѣятельности земства Рязанск. губ. (1865—1889 г.). Изд. Рязанск. губер. земст. Составилъ, по порученію земста, губернскій гласный А. Д. Повалишинъ. Рязань, 1890 г.

Весь названный матеріалъ былъ присланъ намъ рязанскою губернскою земскою управою, которой спѣшимъ выразить нашу глубочайшую признательность и благодарность.

дилось отъ 25 р. 10 к. до 120 р. Въ Рязанскомъ уѣздѣ на 10 школъ временно-обязанныхъ крестьянъ расхода совсѣмъ не было, и т. д. Помимо помянутыхъ, существовали еще церковно-приходскія. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ рязанской губернской земской управѣ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, ихъ числилось 773, но когда та-же управа сдѣлала запросъ уѣзднымъ земствамъ, лишь одна егорьевская уѣздная земская управа нашла 18 церковно-приходскихъ школъ, а 755-ти такъ и не розыскали! Несомнѣнно, онѣ существовали только на бумагѣ. Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ на церковно-приходскія школы никакихъ рѣшительно расходовъ не производилось, и если онѣ когда-либо дѣйствительно существовали, то на случайныя жертвованія обывателей, такъ что у этихъ школъ средствъ было еще менѣе, чѣмъ у школъ временно-обязанныхъ крестьянъ.

Что касается школьныхъ помѣщеній, то лишь ничтожный % школъ имѣлъ собственныя зданія. Такъ, въ Сапожковскомъ уѣздѣ изъ 27 школъ 10 помѣщались въ наемныхъ квартирахъ, а 17—въ общественныхъ; въ Касимовскомъ половина школъ была въ наемныхъ зданіяхъ; въ Рязанскомъ вовсе не было собственныхъ школьныхъ помѣщеній. Часто школы помѣщались въ домахъ учителей, или даже вовсе не имѣли постоянныхъ помѣщеній: въ Касимовскомъ, напр., уѣздѣ часто школы переходили поочередно изъ дому въ домъ, отъ одного домохозяина къ другому. Церковно-приходскія школы ютились въ домахъ священниковъ, или въ церковныхъ сторожкахъ.

Составъ преподавателей былъ чрезвычайно разнообразенъ. Въ Рязанскомъ уѣздѣ учили священникъ, воспитанникъ семинаріи и одинъ государственный крестьянинъ; въ Спасскомъ — священники, семинаристы, въ одной—волостной писарь, а въ одной—дворовый человѣкъ; въ Пронскомъ было 11 священниковъ, 1 діаконъ и 1 пономарь; въ Михайловскомъ—священникъ, 1 студентъ, 1 волостной писарь, 3 мѣщанина, 1 семинаристъ, 1 солдатъ и 3 діакона.

Каковы были дореформенныя школы съ точки зрѣнія обученія, можно судить по слѣдующимъ даннымъ.

Въ селѣ Нармушади, Касимовскаго уѣзда, школа существовала 16 лѣтъ, а въ селѣ не было даже 20-ти человѣкъ, умѣвшихъ разбирать писанное, и не нашлось 10 человѣкъ, которые-бы писали. Волостной голова въ 1866 году, въ рапортѣ палатѣ государственныхъ имуществъ, объяснилъ такіе печальные результаты народнаго образованія тѣмъ, что въ училищѣ не было добросовѣстныхъ учителей: когда учителями были семинаристы, они болѣе всего заботились о пріисканіи мѣстъ священниковъ, когда-же, съ 1864 года, обученіемъ занялся священ-

никъ, «училище снизошло на такую низкую ступень, что угрожаетъ быть закрытымъ»: за требами, священникъ вовсе не занимался съ учениками.

По докладу михайловской управы собранію 1866 года, въ школахъ обучали только «*кое-какъ читать и писать; помѣщаются школы дурно: тѣснота страшная, воздухъ удушливый, спертый, невозможно пробыть въ нихъ и полчаса, не получивъ стѣсненія въ груди*». «Въ нѣкоторыхъ училищахъ,—сообщалъ скопинскій училищный совѣтъ въ 1866 году,—занимались лица, не имѣвшія на то права; ученики неаккуратно посѣщали училища, наставники получали скудное вознагражденіе, школы нуждались въ учебныхъ пособіяхъ». Въ Пронскомъ уѣздѣ, по отчету членовъ училищнаго-же совѣта 16 школъ, относительно 9-ти помянутые члены вписали слѣдующее въ графѣ—«успѣхи и степень развитія ихъ вообще»: «успѣхи неудовлетворительны»; «успѣхи и степень развитія учащихся недостаточны»; «на успѣхи и развитіе учащихся мало обращено вниманія»; «успѣховъ въ школѣ положительно никакихъ не видать»; «о развитіи, также какъ и объ обученіи, не приложено даже малѣйшаго старанія». Учителями въ помянутыхъ школахъ были: въ 7-ми священники, въ одной діаконъ и въ одной пономарь. Въ 1868 году члены того-же училищнаго совѣта, касаясь причинъ неудовлетворительнаго состоянія школьнаго дѣла, объясняли ихъ, между прочимъ, тѣмъ, что «*наставники, будучи мѣстными священниками, часто бываютъ отвлекаемы отъ класснаго занятія разными духовными требами*».

Въ виду названныхъ качествъ до-реформенной школы, нѣтъ ничего удивительнаго, что она не пользовалась никакимъ сочувствіемъ со стороны населенія, не создала себѣ почвы и не пустила корней просвѣщенія. Когда училища государственныхъ крестьянъ лишились правительственной поддержки, они тотчасъ-же погибли безслѣдно, не возбудивъ чьего-либо сожалѣнія, а о школахъ временно-обязанныхъ крестьянъ уже и говорить нечего.

Въ силу всего сказаннаго, земству пришлось созидать народное образованіе ab ovo, не имѣя никакой традиціи, никакой заручки въ прошломъ.

Познакомимся-же съ этимъ созиданіемъ—сначала, по принятой нами системѣ, съ количественной стороны, а затѣмъ перейдемъ къ качественной.

Прежде всего посмотримъ на возростаніе школъ, сравнивъ годъ, когда народное образованіе перешло въ вѣдѣніе земствъ со всѣмъ, до 1886 года, временемъ дѣятельности земствъ.

	Общее число земскихъ школъ въ 1886 г.	Было школъ до 1865 г.: Число.	Было школъ до 1865 г.: % къ общему числу школъ въ 1886 г.	Открыто съ 1865 г.: Число.	Открыто съ 1865 г.: % къ общему числу школъ въ 1886 г.	Изъ нихъ открылось по губерніи: Годы.	Число школъ.	Годы.	Число школъ.	Годы.
Рязанскій . . .	55	4	7,2	51	92,7	1865	7	1875	25	1885
Сапожковскій .	59 *)	7	11,8	51	86,4	1866	2	1876	27	1886
Зарайскій . . .	28	2	7,1	26	92,8	1867	6	1877	21	А всего за двад-
Михайловскій .	26	2	7,4	24	92,3	1868	6	1878	25	цать два года
Егорьевскій . .	36	14	39	22	61,1	1869	21	1879	21	открыто было
Касимовскій. .	50 **)	8	16	41	82	1870	18	1880	32	земск. школъ
Спасскій . . .	66	20	30,6	46	69,7	1871	19	1881	26	414,
Скопинскій . .	28	0	0	28	100	1872	20	1882	31	или, въ сред-
Ряжскій . . .	28	4	14,3	24	85,7	1873	20	1883	16	немъ, въ годъ
Пронскій . . .	27	3	11,1	24	88,9	1874	28	1884	27	открывалось
Данковскій . .	46	4	8,7	39	84,8	за 10		за 10		около 19 школъ.
Раненбургскій .	41	3	7,3	38	92,5	лѣтъ	147	лѣтъ	251	
По губерніи .	490	71	14,5	414	84,5					

Слѣдовательно, рязанское земство при началѣ своей дѣятельности застало существовавшихъ 71 школу, а черезъ 22 года увеличило ихъ на 414 или на 590%, причемъ въ первое десятилѣтіе приростъ равнялся 207%, а во второе—353%, что показываетъ возрастаніе энергіи. Это подтверждается и слѣдующими цыфровыми данными по десятилѣтіямъ.

	1869 г.	1879 г.	% возрастанія сравнительно съ 1869 г.	1889 г.	% возрастанія сравнительно съ 1869 г.
Число школъ	390	428	9,6	499	28
» учащихся обоего пола.	15.280	23.725	55,2	34.322	124,6
» окончившихъ	—	1.663	—	3.389	103,8 (относительно 1879 г.).
Земскіе расходы на школы (въ рубляхъ)	28.679	76.752	132,6	132.739	362,8

Отсюда видно, что школьное дѣло въ Рязанской губерніи въ земскій періодъ расширялось правильно и послѣдовательно.

Теперь обратимся къ болѣе детальному разсмотрѣнію количественной стороны по всѣмъ уѣздамъ Рязанской губерніи за послѣднее пятилѣтіе.

---

*) Время основанія одной школы неизвѣстно.

**) Время основанія трехъ школъ неизвѣстно.

	Число школъ.					Въ нихъ учащихся. Мальчиковъ.				
	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Рязанскій	56	55	59	59	61	3.086	3.091	3.301	3.305	3.504
Сапожковскій	61	58	59	60	60	3.967	3.900	3.807	3.810	3.749
Зарайскій	29	27	28	28	25	1.444	1.469	1.511	1.518	1.384
Михайловскій	29	26	26	26	26	2.134	2.017	1.993	1.787	1.915
Егорьевскій	37	37	37	39	39	2.204	1.984	1.996	2.114	2.152
Касимовскій	51	50	53	52	50	2.621	2.667	2.768	2.721	2.667
Спасскій	65	63	64	63	64	4.396	4.776	4.839	4.939	4.981
Скопинскій	28	28	28	29	28	1.876	1.898	1.990	1.950	1.925
Ряжскій	28	27	27	26	28	1.713	1.785	1.797	1.428	1.572
Пронскій	27	28	28	29	29	1.545	1.717	1.646	1.676	1.554
Данковскій	63	59	49	50	48	2.630	2.857	2.663	2.359	2.155
Раненбургскій	41	41	42	42	41	2.448	2.447	2.436	2.313	2.326
По губерніи	515	499	500	503	499	30.064	30.608	30.747	29.914	29.894

	Въ нихъ учащихся. Дѣвочекъ.					Обоего пола.					Окончившихъ обоего пола.		
	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1886 г.	1888 г.	1889 г.
Рязанскій	431	514	533	526	571	3.517	3.605	3.834	3.831	4.085	303	413	382
Сапожковскій	405	352	351	337	343	4.372	4.252	4.158	4.147	4.092	309	237	280
Зарайскій	616	575	634	746	545	2.060	2.044	2.145	2.264	1.929	193	275	279
Михайловскій	181	178	154	152	139	2.315	2.195	2.147	1.939	2.054	128	297	201
Егорьевскій	522	485	425	426	411	2.726	2.469	2.421	2.540	2.563	246	282	274
Касимовскій	375	450	516	457	422	2.996	3.117	3.284	3.178	3.089	313	418	415
Спасскій	876	938	806	709	750	5.272	5.714	5.645	5.642	5.731	517	607	625
Скопинскій	138	166	136	125	153	2.014	2.064	2.126	2 075	2.078	124	183	174
Ряжскій	89	90	120	94	135	1.802	1.875	1.917	1.522	1.572	120	135	122
Пронскій	179	229	236	211	253	1.724	1.946	1.882	1.887	1.807	111	199	161
Данковскій	484	483	379	298	415	3.114	3.340	3.042	2.657	2.570	226	322	203
Раненбургскій	408	375	361	282	291	2.856	2.822	2.797	2.595	2.617	200	302	273
По губерніи	4.704	4.835	4.651	4.363	4.428	34.768	35.443	35.398	34.277	34.322	2.790	3.670	3.389

Въ цыфрахъ этихъ не замѣчается той правильной послѣдовательности, какую мы видимъ по десятилѣтіямъ — здѣсь обращаютъ на себя вниманіе отступленія отъ прогрессивнаго возрастанія какъ школъ, такъ и учащихся и окончившихъ курсъ. Такое явленіе объясняется, главнымъ образомъ, экономическими причинами, вліяніе которыхъ сглаживается лишь за длинный промежутокъ времени. Что въ помянутыхъ отступленіяхъ земство не играло никакой роли, это можно видѣть изъ суммъ, которыя ассигновывались на школьное дѣло съ учрежденія земства и до послѣдняго времени. Вотъ эти суммы за семь лѣтъ.

	1867 г.	1869 г.	1870 г.	1875 г.	1876 г.	1887 г.	1889 г.
Рязанскій . . .	—	1.100	2.000	2.000	4.775	20.976,2	24.838,76
Сапожковскій .	4.500	4.900	4.500	2.000	3.300	12.696,71	12.158
Зарайскій . . .	1.790	4.323,32	4.323,32	4.244	5.444	7.682,4	6.951,14
Михайловскій .	—	—	900	800	800	3.533,85	4.898,62
Егорьевскій . .	1.500	1.550	1.550	2.000	2.900	11.700	12.770,05
Касимовскій. .	1.720	4.500	4.725	5.300	6.800	11.596,16	13.249,09
Спасскій. . . .	—	4.000	4.000	7.260	6.235	19.896,02	14.488,51
Скопинскій. . .	300	—	3 000	5.000	5.000	9.240	9.523,94
Ряжскій	1.745	1.745,94	1.400	1.400	1.400	5.131,20	5.549,01
Пронскій. . . .	—	1.060	1.760	8.803,5	9.980	9.276,35	9.874,64
Данковскій. . .	800	4.500	5.933,02	9.592,58	10.042,58	10.218,59	8.640,97
Раненбургскій .	—	1.000	1.000	3.312,4	3.912,4	9.421,1	9.795,75
По губерніи . .	12.355	28.679,26	34.831,34	51.712,48	60.588,48	131.368,57	132.739,08

Въ этихъ цыфрахъ замѣчается чрезвычайно правильное возростаніе не только въ общихъ итогахъ по губерніи, гдѣ нѣтъ никакихъ колебаній въ сторону пониженія, но даже, за незначительными исключеніями, и въ уѣздныхъ ассигновкахъ. Исключенія эти замѣчаются лишь въ Сапожковскомъ уѣздѣ въ 1870, 1875 и 1876 г.; въ Зарайскомъ въ 1875 г., въ Михайловскомъ въ 1875 и 1876 годахъ, въ Спасскомъ въ 1876 г. и въ Ряжскомъ въ 1870, 1875 и 1876 годахъ, но при этомъ нѣтъ ни одного уѣзда, который, понизивъ въ извѣстномъ году ассигновку, въ концѣ-концовъ не возвысилъ бы въ значительно большихъ размѣрахъ. Сравнивая-же уѣздныя затраты на народное образованіе по десятилѣтіямъ (1867, 1876, 1889 г.) мы замѣтимъ лишь неуклонное повышеніе.

Всѣхъ до сихъ поръ приведенныхъ данныхъ, намъ кажется, достаточно для ознакомленія съ количественной стороною дѣятельности рязанскаго земства по народному образованію, а потому перейдемъ къ разсмотрѣнію качественной стороны, начавъ со школьныхъ помѣщеній.

Въ самое послѣднее время земскія школы, по занимаемымъ помѣщеніямъ, распредѣлялись такимъ образомъ:

	Школъ, имѣющихъ собственныя помѣщенія.		Школъ въ наемныхъ помѣщеніяхъ.	
	Число	°/o	Число	°/o
Рязанскій	46	83,6	9	16,4
Сапожковскій	53	89,8	6	10,2
Зарайскій	25	89,3	3	10,7
Михайловскій	18	69,2	8	30,8
Егорьевскій	36	100	—	—
Касимовскій	39	78	11	22
Спасскій	58	87,9	8	12,1
Скопинскій	26	92,9	2	7,1
Ряжскій	26	92,9	2	7,1
Пронскій	22	81,5	5	18,5
Данковскій	27	58,6	19	46,4
Раненбургскій	28	68,3	13	31,7
По губерніи	404	82,4	86	17,6

Такое громадное (въ среднемъ, по губерніи—82,4°/o) количество собственныхъ школьныхъ помѣщеній, причемъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ °/o этотъ возрастаетъ до 83,6 (Рязанскій уѣздъ), 87,9 (Спасскій уѣздъ), 89,3 и 89,8 (Зарайскій и Сапожковскій уѣзды), 92,9 (Скопинскій и Ряжскій уѣзды) и даже до 100 (Егорьевскій уѣздъ), представляетъ весьма отрадное явленіе. Во-первыхъ, собственное помѣщеніе доказываетъ, такъ сказать, право гражданства школы: она, слѣдовательно, является не временною гостьею, а кореннымъ обывателемъ деревни; во-вторыхъ, въ собственномъ помѣщеніи школа, какъ говорится, сама себѣ хозяйка: въ ней можно дѣлать какія угодно перестройки, приспособленія, чего въ наемномъ помѣщеніи предпринять весьма трудно, если даже возможно. А что земство имѣло и имѣетъ въ виду, по мѣрѣ силъ и возможности, усовершествовать школьныя помѣщенія согласно требованіямъ гигіены, доказательствомъ тому могутъ служить различныя постановленія, одно изъ которыхъ, изложенное въ «отчетѣ» члена рязанскаго училищнаго совѣта И. П. Бибикова за 1881—1882 учебный годъ, мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь.

Въ немъ говорится, что въ теченіе трехлѣтія, т.-е. 1878, 1879 и 1880 г., во всѣхъ уѣздахъ продолжали понемногу выстраиваться новыя и перестраиваться неудобныя школьныя помѣщенія *при ссудахъ отъ земства.* Твердо установленная на этотъ предметъ система и фондъ существуетъ въ Спасскомъ уѣздѣ съ 1876 года; въ другихъ уѣздахъ ссуды выдавались и выдаются по отдѣльнымъ постановленіямъ собраній въ размѣрахъ, доходящихъ даже до 1.000 руб., и построено немало просторныхъ училищныхъ помѣщеній. Необходимо, однако, чтобы эти постройки были спеціально приноровлены къ ученію, что мало извѣстно обществу и вовсе неизвѣстно крестьянамъ. Для достиженія этой цѣли, по примѣру спасскаго земства, въ уѣздахъ: Сапожковскомъ,

Егорьевскомъ и Раненбургскомъ *введено, какъ условіе ссуды, требованіе, чтобы училища строились поп лану, утвержденному или выдаваемому училищнымъ совѣтомъ или управою*, причемъ въ Раненбургскомъ уѣздѣ вмѣсто особаго фонда источникомъ ссудъ служатъ земскіе запасные капиталы. Планы введены и въ Рязанскомъ уѣздѣ, но только въ смыслѣ облегченія строителей, *обязательны-же* лишь *размѣры комнатъ, оконъ и мебели, заранѣе опредѣленные земствомъ*. Здѣсь, въ 1881 году, соотвѣтственно съ увеличеніемъ смѣты на народное образованіе, *принята совершенно новая система* земской помощи школамъ, *согласно предложенію гласнаго А. К. Дворжака*. Поданная имъ по этому предмету записка содержитъ также изложеніе общихъ началъ устройства школъ *по требованію гигіены* и подробное описаніе настоящаго положенія рязанскихъ училищъ въ этомъ отношеніи, а затѣмъ—весьма дѣльныя и практическія соображенія о примѣненіи общихъ правилъ къ устройству школъ въ Рязанскомъ уѣздѣ и объ улучшеніи другихъ сторонъ этого дѣла. Все это сводится къ 24 пунктамъ, въ которыхъ предложена *новая система устройства школъ съ помощью земствъ и положеніе о 50.000 фонда на ихъ постройку, принятые рязанскимъ собраніемъ въ ту-же сессію и дополненные въ теченіе сессій 1881 и 1882 года*. Выдающіеся пункты изъ помянутыхъ 24-хъ слѣдующіе:

1) Каждая классная комната должна быть разсчитана не болѣе, какъ на 60 учениковъ, на каждаго изъ которыхъ должно приходиться не менѣе 6 куб. арш. воздуха, 0,9 квадр. арш. пола (11 арш. длины, 8 арш. ширины, 4,5 арш. высоты), при 4-хъ большихъ окнахъ съ лѣвой стороны.

2) При школѣ должна быть выстроена или нанята комната для учителя.

3) Классная мебель должна быть устроена по выработаннымъ гигіенистами образцамъ, которыми управа снабжаетъ каждую школу.

4) Крестьяне освобождаются отъ взносовъ на жалованье учителей, и сельское общество, желающее передать школу земству, должно только устроить и меблировать ее, согласно упомянутымъ правиламъ, принять на себя отопленіе, освѣщеніе и содержаніе сторожа, и притомъ—приговоромъ уступить земству права содержателя, т.-е. право избранія попечителя школы.

5) Для образованія 50.000 фонда на постройку училищъ, ежегодно вносятся въ смѣту 2.000 руб.; ссуды выдаются за 6% съ погашеніемъ на 6 лѣтъ.

6) При каждой школѣ должна быть библіотека для окончившихъ курсъ учениковъ.

Если мы вспомнимъ наши не только до-реформенныя школы, но и многіе изъ нынѣшнихъ, нерѣдко занимающихъ невозможныя съ гигіенической точки зрѣнія помѣщенія, то нельзя не оцѣнить дѣятельности рязанскаго земства за заботу его о школьныхъ зданіяхъ, и хотя проектъ А. К. Дворжака не совсѣмъ удовлетворяетъ требованіямъ гигіены *), но есть всѣ основанія полагать, что, съ увеличеніемъ средствъ, земскія школьныя помѣщенія будутъ соотвѣтствовать главнѣйшимъ требованіямъ школы.

Немало дѣятельности проявило земство и по части учебной обстановки школъ, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ: въ 1884—1885 году имѣлись библіотеки лишь при 185 или 37,7°/₀°/₀ земскихъ школъ, а въ 1889 году библіотеки были уже при 377 училищахъ, что составляетъ 75,6°/₀ всего школъ. Въ этомъ-же году всего книгъ (учебниковъ и для внѣкласснаго чтенія) въ школахъ было 48.005 названій (192.313 экземпляровъ) на сумму 56.175 руб. 20 коп., а учебныхъ пособій 8.486 экземляровъ, на сумму 3.621 руб. 3 коп.

Но болѣе всего сдѣлало земство по подготовкѣ хорошихъ учителей для своихъ школъ, т.-е. по самому важному предмету въ школьномъ дѣлѣ.

И. Бѣлоконскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Санитарныя правила, выработанныя вторымъ губернскимъ съѣздомъ врачей московскаго земства, требуютъ такой нормы на одного ученика: 2,75 кв. арш. квадратной площади пола, 14,8 куб. арш. воздуха, а процентное отношеніе свѣтовой поверхности къ площади пола должно быть не менѣе 17°/₀.

Докладъ коммиссіи Комитета грамотности о присужденіи золотой медали въ память А. С. Воронова.

(составилъ а. н. острогорскій).

Избранная общимъ собраніемъ Комитета грамотности 14 мая 1891 г. коммиссія по присужденію золотой медали въ память А. С. Воронова въ составѣ пяти членовъ: А. Н. Острогорскаго, В. П. Острогорскаго, В. Д. Сиповскаго, А. М. Калмыковой и И. С. Ремезова, по тщательномъ обсужденіи списка педагогическихъ сочиненій, принадлежащихъ къ категоріямъ, перечисленнымъ въ конкурсной программѣ, остановилась на трудѣ *П. Ѳ. Каптерева, «Дидактическіе очерки»*. 1885 г. Мотивы, которыми коммиссія руководилась въ этомъ выборѣ, изложены вслѣдъ за симъ.

Коммиссія сочла себя обязанною, прежде всего, принять во вниманіе, что медаль учреждена бывшимъ С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Обществомъ, въ составъ котораго входили лица, посвятившія себя педагогической дѣятельности, какъ въ начальной, такъ и въ средней и высшей школѣ. Учреждена она въ память А. С. Воронова, потрудившагося на пользу распространенія въ Россіи начальнаго образованія и даже бывшаго сильнымъ поборникомъ общеобязательности его, но не ему одному отдававшаго свои силы. Какъ человѣкъ просвѣщенный, онъ признавалъ въ одинаковой мѣрѣ важными, въ смыслѣ общественной пользы, заботы и о среднемъ, и о высшемъ образованіи. По мнѣнію Коммиссіи, впервые присуждая медаль въ память А. С. Воронова, вполнѣ умѣстно отдать передъ другими предпочтеніе такому сочиненію, которое было-бы посвящено общимъ вопросамъ педагогики, разработка которыхъ представляетъ интересъ для всѣхъ трудящихся въ школахъ, безъ различія ихъ категорій. Сочиненіе по дидактикѣ слѣдуетъ признать въ этомъ отношеніи вполнѣ отвѣчающимъ желанію коммиссіи. Дидактика устанавливаетъ общія положенія, которыя должны находить приложенія на всѣхъ ступеняхъ общаго образованія, при преподаваніи всѣхъ учебныхъ предме-

товъ. Для успѣшнаго веденія дѣла каждый учитель, гдѣ-бы и что-бы онъ ни преподавалъ, долженъ освоиться съ дидактическими требованіями, и работа по дидактикѣ потому уже составляетъ заслугу автора, что она содѣйствуетъ установленію общихъ основныхъ положеній обученія, давая азбуку, облегчающую дальнѣйшіе шаги учителя въ обширной области педагогики.

Русская педагогическая литература богата числомъ дидактическихъ работъ; но при всемъ внутреннемъ достоинствѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, имъ недостаетъ полноты и цѣльности Прежде всего— это статьи въ періодическихъ изданіяхъ, въ которыхъ разбирается какая-нибудь одна сторона учебнаго дѣла и разсматривается притомъ чаще всего примѣнительно къ частнымъ условіямъ школы того или иного вида. Статьи эти разбросаны по разнымъ журналамъ, писаны въ разное время и принадлежатъ разнымъ авторамъ, почему оріентироваться въ нихъ представляется дѣломъ не легкимъ, особенно начинающему учителю. Въ большихъ изданіяхъ, которыя могли-бы быть капитальными, если-бы были закончены, дидактическая часть не представляетъ ничего, на чемъ можно-бы было остановиться. К. Д. Ушинскій обѣщалъ дать сводъ педагогическихъ положеній, а въ томъ числѣ и дидактическихъ въ III-мъ томѣ своей педагогической антропологіи; но смерть лишила его возможности исполнить этотъ трудъ. Въ «Руководствѣ», издававшемся Н. Хр. Весселемъ, отдѣлъ дидактики представляетъ переводъ изъ «Путеводителя» Дистервега. Слѣдуетъ еще упомянуть о нѣсколькихъ руководствахъ по педагогикѣ, но въ нихъ дидактика излагается всегда крайне сжато и имѣетъ въ виду читателей, учащихся на разныхъ педагогическихъ курсахъ, а потому излагается элементарно. Есть и отдѣльная дидактика К. В. Ельницкаго. «Дидактическіе очерки» П. Ѳ. Каптерева выгодно отличаются отъ другихъ работъ по тому-же предмету *полнотою, всесторонностью* и *законченностью*.

Авторъ давно пользуется извѣстностью по своимъ литературно-педагогическимъ трудамъ, составляющимъ три отдѣльно изданныя сочиненія («Педагогическая психологія», «Дидактическіе очерки» и «Изъ исторіи души: очерки по исторіи ума») и длинный рядъ статей въ педагогическихъ и общихъ журналахъ. Ближайшее знакомство съ ними обнаруживаетъ, что авторъ ихъ имѣетъ солидную философскую и психологическую подготовку, обладаетъ свѣдѣніями по исторіи и настоящему положенію русской школы, внимательно слѣдитъ за новѣйшею педагогическою литературой, русской и иностранной, и относится къ ней критически, тщательно выдѣляя то, что составляетъ дѣйстви-

тельное пріобрѣтеніе науки, отъ случайнаго, мѣстнаго, ошибочнаго и пр. Излагая предметъ, онъ весьма умѣло отличаетъ существенное и, разбирая чужое мнѣніе, положеніе вопроса и т. п., точно также освѣщаетъ ихъ мѣткими и существенными замѣчаніями. *Этими весьма цѣнными качествами отличается изложеніе и «Дидактическихъ очерковъ»*. Они особенно цѣнны, когда приходится разбирать сложные и запутанные психологическіе вопросы, противорѣчивыя мнѣнія о нихъ разныхъ ученыхъ, потому что даютъ возможность не растеряться въ мелочахъ, а сразу обнять вопросъ въ его главныхъ и характерныхъ чертахъ.

По содержанію «Дидактическіе очерки» П. Ѳ. Каптерева могутъ быть раздѣлены на двѣ части: въ одной разсматривается вопросъ— чему учить? а въ другой — какъ учить? Въ первой части авторъ прежде всего различаетъ образованіе общее отъ спеціальнаго и даетъ очерки различныхъ воззрѣній на составъ общеобразовательнаго курса, въ зависимости отъ точки зрѣнія, съ какой на него смотрѣли. Авторъ считаетъ возможнымъ свести разнообразные взгляды на составъ общеобразовательнаго курса къ четыремъ точкамъ зрѣнія: 1) исторической, выражающейся въ классицизмѣ и реализмѣ; 2) естественно-научной, которой держится Спенсеръ; 3) логической, отдающей предпочтеніе образованію формальному передъ матеріальнымъ, и 4) психологической, усвоенной школою Гербарта. Высказанныя при обзорѣ и оцѣнкѣ этихъ воззрѣній замѣчанія авторъ собираетъ въ особой главѣ, гдѣ и высказываетъ свой взглядъ на составъ общеобразовательнаго курса.

Во второй части «Очерковъ» рѣчь идетъ о педагогическомъ методѣ, о наглядномъ обученіи и нѣкоторыхъ частныхъ дидактическихъ положеніяхъ, о концентраціи обученія, о значеніи личности учителя и школьныхъ порядковъ и пр.

Наконецъ, чтобы представить взгляды автора на перечисленные выше вопросы, цитируемъ нѣкоторыя его мысли, по преимуществу изъ первой части «Очерковъ».

Образованіе можетъ быть общее и спеціальное; то и другое равно необходимы для жизни и обыкновенно первое предшествуетъ второму. Въ практикѣ вовсе не рѣдко встрѣтить стремленіе съузить общее образованіе и расширить спеціальное. Авторъ возстаетъ противъ такого стремленія, указывая на то, что «образованіе ума, при стѣсненіи общаго образованія, не можетъ быть достаточно всестороннимъ или многостороннимъ, не можетъ быть и основательнымъ», а, кромѣ того, «чѣмъ шире и разнообразнѣе общее образованіе, тѣмъ лучше и тверже будетъ и спеціальная дѣятельность» (стр. 19). Что касается цѣли вос-

питанія ума, то она «можетъ заключаться только въ возбужденіи разнообразныхъ умственныхъ интересовъ, умственной пытливости, въ заложеніи прочнаго фундамента широкаго и свѣтлаго міровоззрѣнія, въ сообщеніи средствъ и орудій для удовлетворенія пробудившейся любознательности, для продолженія и окончанія постройки міровоззрѣнія» (стр. 8). Авторъ указываетъ на столь часто встрѣчаемое явленіе людей, нахватавшихъ много различныхъ знаній, но не обладающихъ ни истинною любознательностью, ни умѣньемъ овладѣвать случайно пріобрѣтаемыми свѣдѣніями и легко впадающихъ въ рецидивизмъ необразованія. Одновременно съ утратою знаній, обыкновенно и нравственный кругозоръ и дѣятельность такихъ людей теряютъ признаки истинной культурности, истиннаго образованія. Мнѣніе, что образованіе излишне, что оно не возвышаетъ человѣка и не гарантируетъ полезной общественной дѣятельности, находитъ себѣ опору въ такихъ бѣдныхъ результатахъ обученія. Образованіе, ради котораго школа требуетъ отъ юношества большой затраты труда и времени, должно пониматься ею достаточно широко. «Мы идемъ учиться въ школу, конечно, за тѣмъ, чтобы быть въ состояніи разумно глядѣть и на окружающій насъ внѣшній міръ, и на человѣческое общество, чтобы понять, какъ совершается жизнь природы и какъ мы должны дѣйствовать въ обществѣ. Изъ школы человѣкъ долженъ выносить болѣе или менѣе ясный взглядъ, что такое онъ самъ, что такое жизнь вокругъ него, какія задачи его дѣятельности; основы его убѣжденій и міровоззрѣнія должны быть заложены» (стр. 9 и 10). Такимъ взглядомъ на значеніе образованія въ значительной мѣрѣ опредѣляется то, какіе пріемы обученія рекомендуетъ авторъ, какія отношенія между наставниками и учащимися, по его мнѣнію, желательны. Обо всемъ этомъ мы здѣсь не упоминаемъ вовсе. Этимъ-же взглядомъ опредѣляется и оцѣнка образовательнаго значенія каждаго отдѣльнаго учебнаго предмета.

Въ одномъ мѣстѣ своей книги авторъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Распредѣленіе школъ на низшія, среднія и высшія можетъ быть очень удобнымъ въ практическомъ отношеніи, вслѣдствіе чего мы постоянно имъ и пользуемся. Но въ теоретическомъ отношеніи такая точка зрѣнія совершенно несостоятельна, потому что, строго говоря, нисколько не опредѣляетъ состава курса. Каковъ курсъ средняго образованія? Это такой курсъ, который занимаетъ среднее мѣсто между низшимъ и высшимъ. А каковъ курсъ низшаго и высшаго образованія? Это такіе курсы, изъ которыхъ одинъ стоитъ ниже средняго, а другой выше средняго» (стр. 21).

При такой точкѣ зрѣнія, общія мысли автора должны быть распространены и на низшую школу, но, само собой разумѣется, съ ограниченіями, какія вызываются возрастомъ, общественнымъ положеніемъ, временемъ, отводимымъ на обученіе, и другими условіями этой школы. Къ этому обязываетъ учителя дидактическое-же требованіе соображать обученіе съ индивидуальными способностями учащихся. Но и при такихъ ограниченіяхъ общія дидактическія положенія автора сохраняютъ свое значеніе для начальныхъ школъ. И въ нихъ можетъ быть рѣчь объ общемъ образованіи и спеціальномъ, прикладномъ обученіи и ихъ взаимномъ соотношеніи. И для нихъ имѣетъ значеніе мысль, что образованіе не есть выучка и сообщеніе знаній, а культура ума, потому что образованіе не кончается школою, а пополняется позже чтеніями и разумнымъ наблюденіемъ жизни и природы. Низшая школа въ этомъ отношеніи не можетъ задаваться тѣмъ, что даетъ средняя школа, но путь у нихъ одинъ; разница-же лишь въ количествѣ пройденнаго пути.

Желаніе дать этому докладу возможно меньшіе размѣры побуждаетъ насъ ограничиться сдѣланными выписками, добавивъ только, что въ трудѣ П. Ѳ. Каптерева содержится рядъ здравыхъ мыслей, вполнѣ вѣрно выражающихъ дидактическія положенія, имѣющія столь существенное значеніе для организаціи школьнаго дѣла. Распространеніе правильныхъ воззрѣній этого рода весьма желательно, какъ среди педагоговъ, такъ и среди лицъ, оцѣнивающихъ школу, помогающихъ ея устроенію и всячески вліяющихъ на нее. Сбивчивость же, непониманіе истинныхъ задачъ школы весьма часто приводитъ и доброжелательныхъ людей къ тому, что они, думая принести пользу школѣ, причиняютъ ей вредъ.

Въ этомъ отношеніи составленіе такого сочиненія, какъ «Дидактическіе очерки», составляетъ серьезную заслугу автора и передъ русскою школой, и передъ русскимъ обществомъ.

Въ 1892 году исполнилось 300 лѣтъ со дня рожденія великаго славянскаго учителя, Амоса Коменскаго, автора «Великой Дидактики». Педагоги просвѣщенныхъ странъ чествовали его память. Мы, русскіе, позже другихъ стали учениками Амоса Коменскаго и другихъ замѣчательныхъ мыслителей и потому, обозрѣвъ въ своемъ засѣданіи все, что сдѣлано русскою педагогическою литературой, коммиссія сочла себя счастливою, найдя возможнымъ предложить общему собранію Комитета грамотности наградить золотою медалью въ память А. С. Воронова одного изъ достойныхъ представителей русской педагогической литературы, П. Ѳ. Каптерева, за его трудъ по дидактикѣ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новые труды, появившіеся на русскомъ языкѣ по вопросу о физическомъ образованіи въ школѣ.

(Окончаніе).

2) **П. Ивановъ**. Теоретическія основанія тѣлесныхъ упражненій. Спб. 1891 г.

3) **А. Д. Бутовскій.** Наставленіе для производства гимнастическихъ упражненій въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1890 г.

Въ предисловіи къ своей книгѣ, г. Ивановъ говоритъ: «Предлагаемые очерки имѣютъ цѣлью дать краткій сводъ наиболѣе необходимыхъ теоретическихъ знаній для желающихъ руководить физическими упражненіями. Очевидно, такіе очерки должны имѣть компилятивный характеръ. Такими они и представляются со стороны фактовъ. Что-же касается высказываемыхъ мѣстами личныхъ взглядовъ, то они вытекаютъ изъ убѣжденій, сложившихся въ теченіе многихъ лѣтъ практической и теоретической дѣятельности по данному вопросу». Судя по этимъ словамъ, можно предполагать, что г. Ивановъ дѣйствительно знакомъ съ педагогическою задачею школы и изучилъ предметъ не какъ врачъ, а какъ педагогъ, съ теоретической и практической точки зрѣнія. Но напрасно г. Ивановъ полагаетъ, что составленные имъ очерки «очевидно» должны имѣть компилятивный характеръ; напротивъ, при личномъ практическомъ и теоретическомъ опытѣ автора цѣнность и значеніе его работы возрасли-бы въ случаѣ самостоятельной обработки трактуемаго вопроса,—тѣмъ болѣе, что теоретически онъ въ педагогической литературѣ еще очень мало объизслѣдованъ и выясненъ. Согласно, однако, своему заявленію, г. Ивановъ на самомъ дѣлѣ все позаимствовалъ изъ другихъ книгъ, но только безъ указанія источниковъ, а между этими источниками главными были

книга Лагранжа и мое руководство къ физическому образованію дѣтей. На педагогическую гимнастику онъ смотритъ какъ врачъ; система физическихъ упражненій, по его мнѣнію, въ учебныхъ заведеніяхъ «должна быть прежде всего строго гигіенической». Впрочемъ, онъ добавляетъ, что это лишь одна сторона дѣла. «Другая-же заключается,—продолжаетъ онъ,—въ томъ, что тѣлесныя упражненія имѣютъ образовательное значеніе». «Педагогическая гимнастика, по мнѣнію автора, есть система физическихъ упражненій въ періодѣ роста и развитія человѣка, и поэтому она должна имѣть въ виду не только сохраненіе здоровья, но и правильное физическое развитіе ребенка, подростка и юноши». «Пренебрегая физическими упражненіями,—говоритъ авторъ далѣе,—педагоги лишаютъ себя достаточной физической опоры въ своемъ сложномъ и трудномъ дѣлѣ». По отношенію къ педагогической сторонѣ физическихъ упражненій, г. Ивановъ находитъ необходимымъ «научить ученика владѣть и управлять своими движеніями, сдѣлать его ловкимъ, научить преодолѣвать препятствія съ наименьшею затратою силъ, развить по возможности его силу, выносливость, дать ему новые полезные навыки, позаботиться о его изящныхъ манерахъ». Задачи для педагогической гимнастики г. Ивановъ, очевидно, ставитъ очень разнообразныя; посмотримъ-же, на какія средства для выполненія ихъ онъ указываетъ. Въ очеркѣ анатоміи и физіологіи тѣлесныхъ упражненій г. Ивановъ разбираетъ костную систему, говоритъ о соединеніи костей между собой, о мышцахъ—перечисляя мышцы шеи, туловища и конечностей, затѣмъ разбираетъ «механическіе законы мышечной дѣятельности», «отношеніе нервной системы къ тѣлеснымъ упражненіямъ» и вліяніе послѣднихъ на различныя органическія функціи. Хотя анатомическій очеркъ заимствованъ большей частью у меня, но мѣстами являются такія указанія, которыя либо невѣрны, либо неточны; кромѣ того, этотъ анатомическій очеркъ мало связанъ съ послѣдующими положеніями и часто является совершенно безцѣльнымъ, такъ что не ясно—зачѣмъ такія данныя приведены. Положеніе о строеніи кости, о раздѣленіи суставовъ, силы, удерживающія суставныя части въ положеніи, всѣ приведенныя въ суставахъ дуги движенія, раздѣленіе мышцъ и т. д. взято у меня, ибо это все выводы моихъ изслѣдованій. Относительно окостенѣнія г. Ивановъ говоритъ (стр. 12), что оно начинается *одновременно* въ трехъ точкахъ хрящей кости, изъ которыхъ одна (точка окостенѣнія) лежитъ въ серединѣ, а двѣ по концамъ. Это невѣрно, и эти точки никогда не появляются одновременно: въ длинныхъ костяхъ точка въ серединѣ является, начиная съ третьяго мѣсяца за-

родышевой жизни, а по концамъ такія точки являются уже послѣ рожденія на свѣтъ, и только въ нижнемъ концѣ бедренной кости такая точка является во второй половинѣ девятаго мѣсяца зародышевой жизни, что имѣетъ даже свое значеніе для точнаго опредѣленія зрѣлости новорожденнаго. Относительно сложныхъ суставовъ говорится (стр. 16), что «они являются съ разъединенными хрящами поверхностями». Но сложные суставы вовсе не разъединены однѣми хрящевыми прослойками, здѣсь бываютъ прослойки и жидкія, гибкія, упругія, плотныя и сложныя—все это очень существенно для пониманія значенія суставовъ и движеній, въ нихъ происходящихъ. Ниже г. Ивановъ утверждаетъ, что «строго говоря, каждое сочлененіе имѣетъ свой типъ». Не совсѣмъ понятно, что этимъ авторъ желаетъ сказать: предполагаетъ-ли онъ, что суставы не поддаются классификаціи, что въ нихъ типичныхъ явленій нѣтъ и что каждый суставъ своеобразно построенъ? Видимо, онъ именно это и желаетъ выразить,—тѣмъ более, что говоритъ (стр. 15—16): «Попытки классифицировать суставы всѣ недостаточно совершенны». Но въ этомъ г. Ивановъ жестоко ошибается; напротивъ, мало отдѣловъ въ біологіи поддаются такой точной и стройной классификаціи, какъ именно суставы. На суставахъ всего нагляднѣе можно выяснить отношеніе формы органа къ его отправленію,—слѣдовательно, выяснить одинъ изъ самыхъ трудныхъ и основныхъ вопросовъ въ анатоміи. Касательно существующихъ здѣсь движеній уже извѣстно, «*что движеніе въ суставахъ должно соотвѣтствовать движенію образовательной геометрической формы суставной поверхности*»; вся провѣрка этого положенія поддается строгому математическому анализу, и поэтому установленіе типа и классификаціи именно этого отдѣла строенія человѣческаго и вообще животнаго тѣла удается всего точнѣе и лучше. Можетъ быть, авторъ желалъ сказать, что каждый суставъ отличается своеобразнымъ видоизмѣненіемъ основнаго типа и что эти видоизмѣненія даже индивидуальны, смотря по дѣятельности лица; это было-бы вѣрно, но въ такомъ случаѣ редакція сказаннаго г. Ивановымъ очень неточна. Номенклатура движеній у г. Иванова то-же очень сбивчивая: то онъ говоритъ о сгибаніи и разгибаніи, отведеніи и приведеніи, вращеніи и круженіи (стр. 21), то употребляетъ названія старыхъ гимнастеровъ: подыманіе руки, вытягиваніе въ сторону и т. д. Въ анатоміи существуютъ въ этомъ отношеніи простыя, обыкновенно примѣняемыя выраженія,—почему-бы ими не пользоваться, въ особенности въ анатомическомъ очеркѣ? Вслѣдствіе этого описанія бываютъ часто очень сбивчивы и неточны: такъ, напр., разсуждая о боковыхъ искривленіяхъ

позвоночнаго столба, г. Ивановъ описываетъ движенія съ цѣлью врачебною; не останавливаясь надъ подробнымъ разборомъ объясненій г. Иванова, которыя совершенно не согласны съ дѣятельностью мышцъ при такомъ искривленіи, мы приводимъ только слѣдующія его слова (стр. 20): «Положимъ, передъ нами двойной сколіозъ—вверху выпуклость вправо, внизу—влѣво. Тогда, подымая кверху лѣвую руку, мы приподнимаемъ стоящее ниже лѣвое плечо и растягиваемъ укороченныя мышцы этой стороны позвоночника. Правая-же рука вытягивается въ сторону и тогда, вслѣдствіе перенесенія центра тяжести вправо, приводятся въ сокращеніе мышцы между грудной клѣткой и тазомъ на лѣвой сторонѣ, такъ какъ это уравновѣшивающее сокращеніе не можетъ быть произведено мышцами лѣвой стороны вышележащими, находящимися уже въ растяженіи влѣдствіе поднятія лѣвой руки» и т. д. Подымая руку кверху, можно ее сгибать, а также и отводить; что-же именно здѣсь требуется—неизвѣстно. Руку можно поднять, а плечо можно и не подымать, а оставить на одинаковомъ уровнѣ, и т. д. Вообще, анатомическій разборъ такихъ упражненій вовсе не такъ простъ, какъ предполагаетъ г. Ивановъ; для этого необходимо *серьезно* изучить механическія условія данныхъ мышечнаго аппарата... На стр. 24-й г. Ивановъ говоритъ, что крестообразныя связки лежатъ въ полости сочлененія и т. д.; напротивъ, онѣ лежатъ внѣ полости сустава и только спереди и съ боковъ прикрыты синовьяльною сумкою. На стр. 25-й оказывается, что суставъ «межъ таранной и пяточной костями—колесовидный», что совершенно ошибочно, ибо у этого сустава нѣтъ никакихъ признаковъ колесовиднаго сустава. Совершенно непонятны, напр., такія разсужденія (стр. 26): «Слѣдовательно, геометрическія формы движеній, какъ-то: чистое сгибаніе, отведеніе и проч., въ отдѣльныхъ суставахъ представляются теоретическимъ отвлеченіемъ и требуетъ аналитической работы. Работа эта желательна, потому что научаетъ насъ владѣть отдѣльными частями движенія, но она должна быть строго подчинена общей синтетической идеѣ сложенія движеній и настолько останавливать на себѣ наше вниманіе, насколько оно входитъ въ гигіеническія (?) и образовательныя цѣли физическихъ упражненій». При описаніи поперечно полосчастыхъ мышцъ авторъ смѣшиваетъ «мышечное волокно» съ первичнымъ волоконцемъ; выходитъ, что *первичное* волоконце (стр. 27) заключено въ тонкую плотную оболочку «сарколемму»—такую ошибку допустить нельзя. Какое значеніе имѣетъ описаніе мышечныхъ группъ шеи, туловища и конечностей (отъ стр. 34 до 50)—совершенно непонятно: описаніе это, а также замѣчаніе о дѣйствіи

мышцъ настолько поверхностно, неточно, часто даже невѣрно, что всему этому нельзя придать ни малѣйшаго значенія. Одни и тѣ-же движенія въ одномъ мѣстѣ г. Ивановъ называетъ «сгибаніемъ», а въ другомъ «разгибаніемъ»; такъ, о мышцахъ, расположенныхъ на задней поверхности голени и переходящихъ въ такъ-называемую ахиллову жилу, онъ говоритъ, что онѣ «сгибаютъ стопу (стр. 48), между тѣмъ на стр. 53 оказывается, что при тыльномъ сгибаніи ступни движеніе тормазится растянутою икроножною мышцею; то-же самое говорится и на стр. 59. Совершенно невозможный механизмъ описываетъ г. Ивановъ, напр., при выясненіи ходьбы (стр. 59); онъ говоритъ: «при ходьбѣ тѣло передвигается разгибаніемъ одной ноги, подниманіемъ ея на носокъ, тогда какъ другая (?), согнутая въ колѣнѣ, маятникообразно переходитъ впередъ, устанавливается и принимаетъ на себя тяжесть тѣла». То, что дѣлается послѣдовательно одною ногой, г. Ивановъ распредѣлилъ между обѣими ногами, смѣшалъ ходьбу съ бѣгомъ. Останавливаться болѣе надъ анатомо-физіологическимъ очеркомъ г. Иванова нельзя, ибо въ такомъ случаѣ пришлось-бы разбирать его по строчкамъ. Вообще, въ книгѣ г. Иванова противорѣчивыя заимствованія изъ различныхъ источниковъ, не ясно имъ понятныя, производятъ невообразимую путаницу какъ въ номенклатурѣ, такъ и въ самомъ изложеніи предмета.

Отдѣлъ VII—вліяніе тѣлесныхъ упражненій на различныя органическія функціи—взятъ главнымъ образомъ изъ сочиненія Лагранжа; то-же самое можно сказать объ очеркѣ, въ которомъ разбирается гигіена тѣлесныхъ упражненій. Въ очеркѣ, подъ заглавіемъ «методика тѣлесныхъ упражненій», собственно способа примѣнять и проводить эти упражненія въ школѣ—не указывается, а есть описаніе различныхъ упражненій и оцѣнка ихъ съ санитарной и гигіенической точекъ зрѣнія. На самомъ дѣлѣ г. Ивановъ разсматриваетъ эти упражненія какъ врачъ, повторяя, главнымъ образомъ, все сказанное въ книгѣ Лагранжа. Но послѣдній прямо заявляетъ, что онъ врачъ-гигіенистъ и въ педагогическихъ вопросахъ не компетентенъ; господинъ-же Ивановъ полагаетъ, что если онъ къ стремленію сохранять и укрѣплять здоровье и развивать костно-мышечную систему еще прибавитъ стремленіе совершенствовать координаціи движеній, то такія тѣлесныя упражненія будутъ имѣть значеніе «педагогической гимнастики». «Образовательное значеніе физическихъ упражненій,—говоритъ г. Ивановъ (стр. 91),—замѣчается въ усовершенствованіи механизма сложныхъ движеній, уже знакомыхъ намъ, или въ усвоеніи новыхъ. Пріобрѣтеніе новыхъ навыковъ представляетъ прикладное физическое

образованіе и оправдывается житейскими потребностями». Такая нерѣшительная, шаткая и неточная постановка вопроса, понятно, не можетъ удовлетворить, да и на самомъ дѣлѣ у г. Иванова все сводится къ тому-же, что мы находимъ въ книгѣ Лагранжа. Несмотря на предшествовавшій анатомо-физіологическій трудъ, въ такъ называемой методикѣ встрѣчаются очень своеобразныя мнѣнія; такъ, напр., на стр. 91-й говорится: «притягиваніе и удерживаніе тѣла притянутымъ на горизонтальномъ шестѣ *сильно утомляетъ* извѣстную группу мышцъ, но, представляя сравнительно *небольшую* работу, не даетъ общаго благотворнаго результата». Непонятно, какъ это сравнительно небольшая работа сильно утомляетъ мышцы? Да развѣ при такихъ упражненіяхъ участвуетъ какая-либо одна группа мышцъ? Это, безъ сомнѣнія, дѣятельность довольно сложная, охватывающая большое число мышечныхъ группъ, работающихъ съ большимъ напряженіемъ, и потому приводящая къ сильному утомленію. Далѣе говорится, что, съ точки зрѣнія физіологической реакціи организма (стр. 91), «упражненія бываютъ или сильныя, вызывающія одышку и замѣтно повышенную сердечную работу, напр., бѣгъ, или среднія, напр., быстрая ходьба, и слабыя — прогулка». Вездѣ та-же неточность и неопредѣленность, стушевывающія всякія контуры и различія! Приводить въ примѣръ слабой работы прогулку нельзя ни въ какомъ случаѣ, ибо прогулка можетъ быть и очень большою работою. Ниже (стр. 91) г. Ивановъ высказываетъ слѣдующее: «Такъ, извѣстно, что ходьба по горамъ, далекія прогулки въ здоровой мѣстности, укрѣпляютъ и развиваютъ мышечныя группы, не заинтересованныя въ движеніи, напр., мышцы рукъ, и такимъ образомъ замѣняютъ спеціальныя упражненія съ отягощеніемъ верхнихъ конечностей. Объясняется такое вліяніе полезнымъ воздѣйствіемъ движеній на весь организмъ». Какъ можетъ прогулка, хотя-бы даже въ здоровой мѣстности, замѣнить спеціальныя упражненія съ отягощеніемъ рукъ—это совершенно непонятно, и такія положенія нельзя ставить, въ особенности разсуждая на анатомо-физіологическихъ основаніяхъ. Если прогулками возвышается дѣятельность организма, вслѣдствіе возвышенія дѣятельности сердца и общаго обмѣна, то все-же при этомъ работа неравномѣрно распредѣлена по всѣмъ мышечнымъ группамъ, она будетъ болѣе сосредоточена на мышцахъ ногъ и туловища и никакъ не замѣнитъ упражненія съ *отягощеніемъ* для рукъ—это можетъ случиться развѣ только тогда, если въ каждой рукѣ будетъ по палкѣ, соотвѣтствующей отягощенію... Въ педагогической гимнастикѣ г. Ивановъ различаетъ: 1) упражненія безъ снарядовъ, 2) упражненія съ подвижными снаря-

дами, 3) упражненія на неподвижныхъ аппаратахъ и 4) подвижныя игры. Изъ всѣхъ этихъ упражненій онъ находитъ, что наиболѣе отвѣчающія задачѣ сохраненія здоровья и общаго развитія организма суть упражненія съ перемѣною мѣста и подвижныя игры. Относительно элементарныхъ движеній г. Ивановъ находитъ, что «значеніе ихъ въ системѣ постоянныхъ, полезныхъ измѣненій въ организмѣ и въ смыслѣ развитія двигательнаго аппарата очень мало (?). Недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что они скучны и потому на урокѣ гимнастики не должны отнимать много времени. Такъ-же *элементарно* ихъ образовательное значеніе».

Хотя въ заглавіи книги и значится «теоретическія основанія», но ничего подобнаго въ данномъ очеркѣ нѣтъ: одно упражненіе совершенно произвольно отвергается, а другое предлагается. Развѣ можно согласиться съ авторомъ, который напишетъ въ книгѣ, подъ названіемъ «теоретическихъ основаній» умственнаго образованія, что азбуку преподавать не слѣдуетъ, ибо значеніе ея очень мало и элементарно, *изученіе* скучно, а потому *изученіе* ея на урокѣ не должно отнимать много времени, полезнѣе всего научиться декламировать, заниматься драматическими представленіями и предпринимать различныя увеселительныя прогулки—это будетъ и пріятно, и полезно въ томъ смыслѣ, что знакомитъ съ жизнью... Наврядъ-ли такія теоретическія основанія кого-либо убѣдятъ, а между тѣмъ г. Ивановъ только такъ и разсуждаетъ, да и это-то беретъ—то изъ книги г. Лагранжа, то изъ книги практической гимнастики, замѣняя приведенныя имъ въ анатомо-физіологическомъ очеркѣ выраженія сгибанія, отведенія, поворотъ и т. д. выраженіями отставнаго унтеръ-офицера (стр. 24): подниманіе, опусканіе, качаніе, круженіе, вращеніе. Г. Ивановъ утверждаетъ даже, что «строевыя упражненія имѣютъ большое образовательное значеніе», жаль только, что онъ этого не доказываетъ, а говоритъ догматически, совершенно произвольно... Необходимо раньше всего выяснить, что̀ такое образованіе и при какихъ условіяхъ оно получается, что̀ называется общимъ образованіемъ, и уже тогда только можно будетъ рѣшить и вопросъ объ образовательномъ значеніи строевыхъ упражненій. Г. Ивановъ—врачъ, видимо, незнакомый съ задачею школы, а то-бы онъ, конечно, не приходилъ къ подобнымъ выводамъ...

Какова аргументація г. Иванова, видно изъ слѣдующаго (стр. 114): «Несомнѣнно то, что шпага, входя въ составъ форменныхъ принадлежностей массы лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, и даже многихъ только готовящихся къ ней дѣлаетъ страннымъ отсутствіе обученія хотя-бы элементарнымъ пріемамъ обращенія съ носи-

мымъ оружіемъ». Такимъ образомъ можно дойти до того, чтобы потребовать обученія въ школѣ обращенію со всѣми тѣми оружіями, которыя впослѣдствіи придется носить, чего, понятно, требовать нельзя. тѣмъ болѣе, что шпага есть только эмблематическое оружіе защиты... Не буду останавливаться надъ разборомъ всѣхъ приведенныхъ г. Ивановымъ упражненій, которыя вообще имъ также произвольно разсматриваются, какъ упражненія тотчасъ приведенныя, скажу только еще нѣсколько словъ объ играхъ. Ихъ значеніе и способъ примѣненія въ школѣ остается въ книгѣ совершенно невыясненнымъ. Г. Ивановъ говоритъ о нихъ (стр. 108): «игры представляютъ тѣлесныя упражненія высшаго порядка, такія, въ которыхъ необходимы дѣятельная сознательная работа приспособленія, тѣмъ болѣе усиленная, чѣмъ въ большей степени играющій владѣетъ низшими навыками, входящими въ игру въ качествѣ элементовъ». Кромѣ такихъ и подобныхъ общихъ мѣстъ, никакихъ другихъ существенныхъ указаній у г. Иванова нѣтъ, несмотря на то, что онъ приходитъ къ выводу (стр. 111): «Упражненія, наиболѣе отвѣчающія задачѣ сохраненія здоровья и общаго развитія организма, суть упражненія съ перемѣною мѣста и подвижныя игры». Насколько неопредѣленно и неясно г. Ивановъ высказывается относительно игръ—можно заключить изъ слѣдующихъ его словъ (стр. 110): «Такъ какъ на урокахъ гимнастики играмъ можно отвести лишь непродолжительное время, то большинство ихъ и не могутъ быть назначаемы на этихъ урокахъ. Но за то на гимнастикѣ весьма цѣлесообразно знакомить учащихся съ правилами еще неизвѣстной имъ игры. Если для игры назначено достаточно времени, то слѣдуетъ наблюдать, чтобы игра доводилась до конца, чтобы въ игру не вносился личный произволъ играющихъ, не практиковались-бы грубые пріемы. Съ другой стороны, кромѣ отступленій отъ правильности игры, вызываемыхъ увлеченіемъ играющихъ, возможно недостаточно живое отношеніе къ игрѣ; въ такихъ случаяхъ дѣятельное участіе руководителя можетъ часто исправить дѣло». Касаясь нѣкоторыхъ очень важныхъ педагогическихъ вопросовъ, г. Ивановъ ихъ разрѣшаетъ очень лаконически; такъ, напр. (стр. 113), онъ говоритъ: «Наказанія если и будутъ, то должны быть строго индивидуализированы». Вопросъ о ручномъ трудѣ г. Ивановъ разрѣшаетъ также произвольно и безъ всякихъ научныхъ объясненій, какъ и все остальное. «Въ ручномъ трудѣ,—полагаетъ г. Ивановъ (стр. 116),—знакомство съ элементами производства, умѣнье обращаться съ инструментами, имѣетъ, конечно, значеніе, но главная цѣль состоитъ въ развитіи и упражненіи вниманія, точности и аккуратности, настойчивости въ достиженіи

цѣли, терпѣнія. Слѣдовательно, воспитаніе характера—существенная цѣль занятій ручнымъ трудомъ. Конечно, образовательное значеніе его находится въ связи съ большею или меньшею образовательною программой другихъ преподаваемыхъ предметовъ». Если существенною цѣлью занятій ручнымъ трудомъ, въ особенности чисто имитаціоннымъ шведскимъ способомъ, какъ это предлагаетъ г. Ивановъ, составляетъ воспитаніе характера, то развитымъ характеромъ должны-бы отличаться всѣ тѣ молодые люди, которые прошли такой курсъ, а также и большинство ремесленниковъ, чего, однакожъ, сказать нельзя, ибо слабости и страсть къ спиртнымъ напиткамъ у нихъ, какъ извѣстно, очень сильно развиты. Совершенно непонятно, какъ образовательное значеніе ручнаго труда находится въ связи со степенью образовательной программы другихъ предметовъ? Такъ-же своеобразно понятіе г. Иванова о творческомъ проявленіи человѣка; онъ говоритъ (стр. 117), что «подражательный характеръ работы не мѣшаетъ и созидательной идеѣ, потому что позволяетъ произвести возможно лучше то, *что необходимо*».

Послѣдній очеркъ Иванова состоитъ въ краткомъ историческомъ обзорѣ тѣлесныхъ упражненій, взятомъ почти цѣликомъ изъ моего руководства, безъ указанія, однако, на это заимствованіе. Планъ гимназіи (стр. 124) взятъ у меня, съ тѣми-же буквами и измѣненіями, которыя у меня введены. О Фитѣ въ учебникахъ гимнастики очень мало упоминается, а систему его совершенно не излагаютъ; сочиненіе его составляетъ библіографическую рѣдкость; достать это сочиненіе въ Петербургѣ мнѣ не удалось, и я получилъ его случайно изъ Лейпцига,—все, относящееся до этого автора, взято изъ моего руководства, что видно изъ сопоставленія. Приводя системы Фита и Гутсъ-Мута, г. Ивановъ находитъ, что (стр. 141): «сто лѣтъ назадъ было въ школьной гимнастикѣ въ общихъ чертахъ все то, что есть теперь, да кромѣ того было направленіе, которое теперь не цѣнится только по недоразумѣнію». «Наши справедливые упреки,—продолжаетъ онъ (стр. 142),—современной гимнастикѣ и стремленіе преобразовать и представляютъ попытку освободиться отъ коры новыхъ наслоеній на чистыя первыя попытки воскресить въ школѣ гармонію образованія. Наслоенія эти легли результатомъ теоретическихъ соображеній, или ошибочнаго служенія какой-либо частной идеѣ въ общеобразовательномъ дѣлѣ». Оказывается, что приходится освободиться отъ наслоеній, являющихся результатомъ теоретическихъ соображеній, чтобы воскресить въ школѣ чистыя попытки гармоніи образованія; зачѣмъ-же г. Ивановъ увеличиваетъ эти наслоенія своими теорети-

ческими основаніями, да и изъ какихъ историческихъ данныхъ вытекаетъ этотъ выводъ г. Иванова? Какія-же эти частныя идеи въ общеобразовательномъ дѣлѣ? Скорѣе можно сказать, что сто лѣтъ тому назадъ врачи не писали о томъ, что имъ незнакомо и для чего у нихъ не собрано достаточно матеріала, а что писали объ этомъ люди, понимающіе школьное дѣло, какъ, напр., Фитъ... Относительно тѣлесныхъ упражненій въ нашемъ отечествѣ г. Ивановъ съ энтузіазмомъ восклицаетъ (стр. 157): «Суровый климатъ, земля-поилица, кормилица, надъ которой надо до поту лица потрудиться, чтобы сыту быть, лѣса, которыхъ вдоль да поперекъ и не исходишь въ погонѣ за звѣремъ, да за птицей, а что рыбъ въ рѣкахъ и озерахъ?» Всѣ эти восклицанія, однакожъ, дѣла не выясняютъ и мало къ нему относятся... Совершенно не узнаю я описанную мною систему, изложенную въ хорошо знакомомъ г. Иванову моемъ руководствѣ. Особенно странно категорическое заявленіе г. Иванова, что гимнастика по методѣ руководимыхъ мною курсовъ оказалась «неудовлетворительной на практикѣ». Интересно знать, на чемъ основанъ такой голословный выводъ г. Иванова? Факты доказываютъ какъ разъ противоположное: 1) всѣ окончившіе на этихъ курсахъ преподаватели тотчасъ были размѣщены по учебнымъ заведеніямъ, откуда о нихъ и о примѣняемыхъ ими методахъ получены самые благопріятные отзывы; отчеты многихъ изъ нихъ, находящіеся въ моихъ рукахъ, вполнѣ это подтверждаютъ; 2) многихъ изъ нихъ приглашали въ частныя учебныя заведенія, гдѣ они съ пользою примѣняли изученный ими методъ; 3) двое (изъ четырнадцати) были настолько заинтересованы занятіями на курсахъ, что выдержали экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и поступили въ университетъ для дальнѣйшаго своего усовершенствованія; 4) методъ этотъ и въ настоящее время проводится во многихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, Москвы, Орла и т. д. съ большимъ успѣхомъ; 5) постоянно ко мнѣ обращаются изъ столицы и провинцій съ просьбой рекомендовать преподавателей и преподавательницъ, практически знакомыхъ съ моимъ методомъ. На чемъ-же, спрашивается, основаны выводы г. Иванова?

Оканчивая разборъ книги г. Иванова, приходится сожалѣть, что онъ въ ней такъ приспособляется къ различнымъ частнымъ требованіямъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ школѣ, желая ими угодить, и что онъ взялся за изложеніе дѣла, въ которомъ нѣтъ у него никакой опытности, съ основаніями котораго онъ, очевидно, очень мало знакомъ.

Наставленіе для производства гимнастическихъ упражненій г. пол-

ковника А. Д. Бутовскаго относится, главнымъ образомъ, къ такъ-называемымъ «вольнымъ движеніямъ». Ихъ назначеніе авторъ опредѣляетъ слѣдующими положеніями: 1) вольныя движенія даютъ полезный, разнообразный и неутомительный моціонъ; 2) при соотвѣтствующемъ выборѣ они болѣе, чѣмъ всякія другія упражненія способствуютъ развитію правильности, развязности и красотѣ всѣхъ движеній человѣка, укрѣпляя въ то-же время и силу мускуловъ; 3) нѣкоторыя изъ нихъ служатъ приготовительнымъ упражненіемъ для послѣдующихъ упражненій съ подвижными орудіями и на неподвижныхъ снарядахъ. Эти опредѣленія прямо показываютъ, съ какими наставленіями здѣсь имѣется дѣло. Понятно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо справкахъ съ строеніемъ и отправленіемъ человѣческаго тѣла, и въ особенности тѣла ребенка или юноши; это—повтореніе задовъ изъ нѣмецкой гимнастики, составленное соотвѣтственно инструкціямъ для гимнастическихъ упражненій войскъ; здѣсь откинуты всякія педагогическія требованія. Составлены они г. Бутовскимъ, видимо, по заказу; главная заслуга книги—настойчивое и строгое проведеніе команды. Здѣсь говорится (стр. 35) даже—какъ «упражнять учениковъ въ провожаніи глазами», причемъ по командѣ «глаза направо», лѣвое ухо должно стоять нѣсколько ниже праваго, и наоборотъ. Какъ мало г. Бутовскій выяснилъ себѣ значеніе элементарныхъ движеній, видно изъ слѣдующаго (стр. 38): «Требованіе нагибаній тѣла впередъ безъ всякаго сгибанія спины, или-же, наоборотъ, одного сгибанія спины безъ всякаго движенія въ тазобедренныхъ сочлененіяхъ, представляетъ крайности, трудно выполнимыя и не имѣющія за собой основаній въ обычныхъ движеніяхъ человѣка; между тѣмъ, при постепенномъ нагибаніи тѣла безъ стѣсненія его этими условіями оба эти движенія соединяются въ одно, вполнѣ свойственное человѣку и естественнымъ путемъ ведущее къ развитію эластической гибкости и силы движеній». Это все равно, если сказать, что отдѣлить звукъ *и* отъ звука *а* представляетъ крайности, трудно выполнимыя и не имѣющія за себя основаній въ обычныхъ дѣйствіяхъ человѣка; но наврядъ-ли кто согласится съ такими аргументами. Даетъ г. Бутовскій и такія указанія (стр. 7): «Вдыхать всегда слѣдуетъ носомъ, а выдыхать ртомъ», а самъ онъ, навѣрно, дышетъ съ закрытымъ ртомъ, если только у него нѣтъ страданія носовой полости,—зачѣмъ-же, спрашивается, ставить такія требованія? Еще г. Бутовскій говоритъ (стр. 13): «Если несомнѣнно, что внутренняя порядочность всегда болѣе или менѣе отражается и на порядочности внѣшнихъ формъ, то не менѣе несомнѣнно также, что

и привычка къ внѣшней порядочности можетъ имѣть благотворное вліяніе на духовный складъ человѣка». Г. полковникъ Бутовскій этимъ легко разрѣшаетъ трудный философскій вопросъ объ отношеніи внѣшнихъ проявленій человѣка къ психическому состоянію. Больше о книгѣ сказать нечего; остается только пожалѣть тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, которымъ все излагаемое въ этой книгѣ приходится продѣлывать.

П. Лесгафтъ.

Русскіе путешественники-изслѣдователи. Путешествіе Н. М. Пржевальскаго въ восточной и центральной Азіи. Обработано по подлиннымъ его сочиненіямъ Ляляной. Съ предисловіемъ профессора Э. Ю. Пэтри. Съ 53 иллюстраціями и 2-мя картами. Изданіе Девріэна. С.-Петербургъ. 1891 г. Стр. 326.

«Путешествіе Н. М. Пржевальскаго» составляетъ первый изъ предполагаемой серіи разсказовъ о русскихъ путешественникахъ-изслѣдователяхъ. Въ предисловіи, предпосланномъ этому выпуску, профессоръ Пэтри дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи географическихъ открытій. Онъ начинаетъ свой очеркъ съ финикіянъ, походовъ Александра Великаго и завоеваній Римской Имперіи и доводитъ его до настоящаго времени. Относительно географическихъ открытій послѣдняго времени онъ замѣчаетъ, что, не имѣя «ни того распространенія, ни той важности, какъ предыдущія, они проникнуты духомъ, чуждымъ грабежа, и потому болѣе достойны человѣчества». Такой характеръ носитъ дѣятельность Ливингстона, Стэнли, Нахтигаля, Швейнфурта, Юнкера въ Африкѣ и русскихъ путешественниковъ-изслѣдователей (Федченка, Сѣверцева, П. Семенова, Потанина) въ Азіи. Въ ряду этихъ послѣднихъ изслѣдователей первое мѣсто принадлежитъ Н. М. Пржевальскому, открывшему, по словамъ профессора Пэтри, «густую завѣсу, которая до него застилала значительную часть Азіи». Результатами трудовъ Пржевальскаго являются не только карты посѣщенныхъ имъ мѣстностей, но также многочисленныя научныя коллекціи, знакомящія насъ съ климатомъ, животнымъ и растительнымъ царствами этихъ странъ, съ характеромъ и бытомъ ихъ населенія. Вотъ почему Пржевальскому по праву принадлежитъ названіе «Перваго изслѣдователя средней Азіи» и на томъ-же основаніи ему отведено первое мѣсто въ рядѣ разсказовъ о русскихъ путешественникахъ. Иллюстрированный многочисленными рисунками и снабженный двумя картами путешествій, выпускъ этотъ даетъ краткую біографію Николая Михайловича и обстоятельный отчетъ о его путешествіяхъ по Уссурійскому краю,

Монголіи, Восточному Туркестану и Тибету. Передъ читателемъ развертываются картины незнакомой природы:—самыя дикія части Гоби, куда до Пржевальскаго не ступала нога европейца, гдѣ на протяженіи 1.000 верстъ не встрѣчается ни одного ручья, ни озерка и гдѣ путниковъ, изнемогающихъ отъ 45-градуснаго жара, тревожатъ обманчивые миражи; высокое Тибетское нагорье, стоящее на страшной высотѣ надъ уровнемъ моря и окруженное разрѣженнымъ воздухомъ, въ которомъ мускулы человѣка отказываются служить какъ слѣдуетъ; «звѣриное царство» сѣвернаго Тибета; горы, поднимающіяся подъ облака и изрытыя глубокими ущельями; истоки великихъ азіатскихъ рѣкъ—Желтой и Тарима. Описанія флоры и фауны пройденныхъ экспедиціей мѣстностей, описанія образа жизни, нравовъ и вѣрованій жителей этихъ мѣстностей дѣлаютъ книгу г-жи Ляляной цѣннымъ вкладомъ въ географическую литературу. Считаемъ нелишнимъ прибавить только, что книга страдаетъ нѣкоторой сухостью изложенія и что желательно было-бы, чтобы въ послѣдующихъ выпускахъ было удѣлено болѣе мѣста эпизодамъ изъ тяжелой, полной лишеній и невзгодъ, жизни отважныхъ путешественниковъ, что придастъ разсказамъ болѣе живости и увеличитъ ихъ воспитательное значеніе.

Путешествіе Коли къ индѣйскому султану Бей-Али-Лотосу. Фантастическо-юмористическая сказка, съ 60-ю рисунками С. Эрбера. Въ стихи переложена Н. Р—скимъ. С.-Петербургъ. 1892 года. Ц. 1 руб. 67 стр.

Эта «фантастическо-юмористическая» сказка принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя разсчитаны только на возбужденіе смѣха въ своихъ читателяхъ, на доставленіе имъ веселаго времяпрепровожденія. Конечно, невозможно требовать, чтобы всѣ дѣтскія книги имѣли серьезное значеніе, написаны были съ какой-нибудь нравственно-поучительной цѣлью или сообщали ребенку непремѣнно полезныя знанія. Книга изрѣдка можетъ служить просто средствомъ для развлеченія и отдыха, и искренній добродушный смѣхъ можетъ быть очень полезенъ и желателенъ. Но совсѣмъ не безразлично—чѣмъ именно возбуждается этотъ смѣхъ и каковы тѣ комическія сцены, которыя представляетъ книга, предлагаемая для развлеченія ребенка. Разбираемая книга принадлежитъ именно къ разряду произведеній, написанныхъ съ цѣлью потѣшить дѣтей, не разбирая средствъ. Всѣ приключенія, испытываемыя Колей, въ высшей степени безсмысленны; большинство сценъ—крайне грубы и жестоки и ничего остроумнаго собою не

представляютъ. Юморъ, на который претендуетъ авторъ, самаго низшаго качества. Ни одного дѣйствительно комичнаго положенія, ни одной удачной шутки, остроты—ничего, кромѣ безсмыслицы не найдетъ ребенокъ въ этой «занимательной» книгѣ. Коля, начитавшись Жюля Верна, мечтаетъ о путешествіяхъ. Онъ пробирается на корабль, послѣ кораблекрушенія попадаетъ къ «Индѣйскому султану Бей-Али-Лотосу», который даетъ ему должность при своемъ дворѣ—Коля долженъ сторожить райскую птицу, причемъ, въ случаѣ пропажи птицы, ему угрожаетъ смертная казнь. По оплошности Коли, птица улетѣла,—мальчикъ бѣжитъ въ лѣсъ, спасается отъ льва, кондора, удава, но попадаетъ въ желудокъ крокодила, гдѣ его и находятъ слуги султана. Его рѣжутъ на куски и солятъ въ бочкѣ на ужинъ султану. Между тѣмъ птица найдена, и султанъ приказываетъ колдуну воскресить Колю. Тотъ поливаетъ изрубленные куски «ромомъ» (эта замѣна обычной сказочной живой воды ромомъ можетъ служить примѣромъ юмора, которымъ проникнута книга), но, съ пьяну, складываетъ ихъ какъ попало. Коля оживаетъ, но совершеннымъ уродомъ: вмѣсто рукъ—ноги, вмѣсто ноги—колесо изъ тачки, стоявшей рядомъ. Послѣ многихъ приключеній, Коля попадаетъ въ циркъ; его привозятъ на показъ на родину, гдѣ онъ встрѣчается съ родителями, которые, однако, отказываются отъ него, не признавая въ диковинномъ уродѣ своего сына. Бѣдный мальчикъ рыдаетъ въ отчаяніи—и просыпается въ своей комнатѣ, гдѣ заснулъ надъ разсказомъ Верна.

Въ заключеніе, послѣ строгихъ словъ папеньки:

«Что съ тобою, спятилъ, что-ли,
Взялъ ты слишкомъ много воли,
Не боишься розги, вѣрно,
Дай сейчасъ мнѣ Жюля Верна!»—

Коля даетъ торжественное обѣщаніе не зачитываться на ночь и держитъ слово. Насколько безсмысленно содержаніе, настолько-же плохо и изложеніе. О достоинствѣ и изяществѣ стиховъ можно судить по приведенному образцу. Иллюстрирована эта чепуха рисунками, недурными по выполненію, но грубыми по замыслу. Издана книга очень хорошо.

«Малиновка». Разсказъ для дѣтей. Тифлисъ. 1891 г. Цѣна 30 к., стр. 47.

Этотъ безхитростный, хорошо написанный разсказъ съ удовольствіемъ прочтется небольшими дѣтьми. Вотъ его содержаніе. Малень-

кій мальчикъ, сирота, недавно схоронившій мать, задумчиво слушаетъ пѣніе малиновки, которую подарилъ ему дядя, чтобы чѣмъ-нибудь развлечь тоскующаго по матери ребенка. Отъ грустныхъ воспоминаній мальчикъ переходитъ къ мысли о томъ, гдѣ прежде жила малиновка, какъ ее поймали, были-ли у нея отецъ и мать. И слышится ему, что малиновка уже не поетъ, а «точно говоритъ словами», разсказывая мальчику о своей прежней жизни. Она вспоминаетъ теплое гнѣздышко въ привольномъ лѣсу, яркіе лучи солнца, прохладный вѣтерокъ, нѣжное пѣніе, которымъ убаюкивали птенчиковъ отецъ и мать. Затѣмъ поетъ она про первую пробу своихъ крыльевъ, про радостное сознаніе свободы, про красоту Божьяго міра, про радости, заботы и волненія птичьей жизни. Кончаетъ птичка разсказомъ о томъ, какъ она попалась въ западню во время осенняго перелета и горькой жалобой на свою неволю; она тоскуетъ по родимому лѣсу, куда, вмѣстѣ съ весной, вернулись ея родные.

Мальчикъ слушаетъ птичку съ закрытыми глазами; когда она кончаетъ, онъ поднимаетъ голову и видитъ, что малиновка молча, неподвижно сидитъ на вѣткѣ; онъ не знаетъ—приснился-ли ему ея трогательный разсказъ, или-же дѣйствительно малиновка пѣла ему о своей прежней жизни. Онъ выпускаетъ плѣнницу на волю и, слушая ея счастливую пѣсенку, рѣшается никогда не запирать птицъ въ клѣтки и лишь въ лѣсу наслаждаться пѣніемъ счастливыхъ вольныхъ птичекъ.

Разсказъ, какъ видно, не отличается оригинальностью содержанія, но написанъ очень тепло, задушевно, мѣстами поэтично и производитъ на дѣтей желательное впечатлѣніе.

Книжка продается въ пользу голодающихъ, такъ что каждый, кто купитъ ее, достигнетъ двоякой цѣли: поможетъ доброму дѣлу и доставитъ хорошее чтеніе ребенку.

Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціею А. Н. Чудинова. Изданіе И. Глазунова. Выпуски: I—Слово о полку Игоря, II—Домострой, III—Басни русскихъ писателей въ сравнительномъ изученіи, IV—Григорій Котошихинъ и V—Грибоѣдовъ. Спб. 1891 г.

Учебная библіотека. Лѣтопись Нестора. Редакція и примѣчанія В. А. Яковлева. Слово о полку Игоревѣ. Редакція и примѣчанія В. А. Яковлева. Паломникъ Даніила Мниха. Редакція и примѣчанія В. П. Геннинга. Николай Ивановичъ Новиковъ. Редакція и примѣчанія В. Куницкаго. Спб. 1891 г.

*

Въ 1860 и 1870 годахъ у насъ много говорили и писали о методѣ преподаванія словесности. Результатомъ горячаго обсужденія этого вопроса было почти всеобщее признаніе правъ гражданства за такъ называемымъ практическимъ методомъ. Вмѣсто прежняго заучиванія всевозможныхъ реторикъ и піитикъ, теорій и исторій словесности, когда ученики усваивали готовыя сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ произведеній, которыхъ сами даже не видали, и механически запоминали номенклатуру авторовъ и ихъ сочиненій и общія характеристики цѣлыхъ періодовъ, практическій методъ на первомъ мѣстѣ ставитъ ближайшее, непосредственное знакомство учащихся съ образцовыми произведеніями литературы, при чемъ теоретическія положенія являются только выводомъ изъ этого «практическаго» изученія. Но отъ признанія справедливости той или другой идеи часто очень далеко до ея осуществленія, проведенія въ жизнь, и практическій методъ въ настоящее время не вполнѣ примѣняется къ преподаванію словесности въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Это явленіе обусловлено цѣлымъ рядомъ причинъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и почти совершенное отсутствіе школьныхъ изданій наиболѣе характерныхъ произведеній каждагѳ періода. Имѣющіяся у насъ дешевыя изданія, въ родѣ «Дешевой библіотеки» г. Суворина и «Библіотеки европейскихъ писателей и мыслителей» г. Чуйко, не разсчитаны на классное употребленіе. Изданія-же, спеціально предназначенныя для учениковъ средней школы (В. Я. Стоюнина, П. И. Вейнберга), крайне немногочисленны. Послѣднія, кромѣ дешевизны, должны удовлетворять еще двумъ слѣдующимъ требованіямъ. Во-первыхъ, въ нихъ должны быть выпущены мѣста, могущія познакомить учащихся съ вещами, о которыхъ имъ рано еще знать; во-вторыхъ, ихъ обязательно снабдить комментаріями, отвѣчающими современному состоянію науки, въ которыхъ не имѣли-бы мѣста ни устарѣлыя сужденія, ни недоказанныя теоріи.

Насущная потребность въ такихъ изданіяхъ достаточно сознана въ послѣднее время, на что указываетъ, между прочимъ, и одновременное появленіе двухъ серій: «*Русской классной библіотеки*» и «*Учебной библіотеки*». Г. Чудиновъ въ 50-ти выпускахъ своей «библіотеки» намѣренъ дать образцовыя произведенія русской и иностранной литературъ. По предварительно намѣченному плану, 32 выпуска будутъ посвящены русской литературѣ и 18—иностранной, при чемъ русская библіотека обнимаетъ исторію нашей литературы, начиная съ первыхъ памятниковъ письменности и кончая школой беллетристовъ 40-хъ годовъ; въ ея составъ войдутъ слѣдующія сочиненія: 1) Лѣто-

пись Нестора; 2) Слово о полку Игоря; 3) былины; 4) русская народная лирика; 5) Домострой; 6) Котошихинъ; 7) Іоаннъ Грозный и Курбскій; 8) Кантемиръ; 9) Сумароковъ; 10) Херасковъ; 11) Богдановичъ; 12) Басни; 13) Фонъ-Визинъ; 14) Екатерина II; 15) Сатирическіе журналы и Новиковъ; 16) Державинъ; 17) Карамзинъ; 18) Дмитріевъ; 19) Озеровъ; 20) Жуковскій; 21) Грибоѣдовъ; 22) Борисъ Годуновъ, Пушкина; 23) Типы «скупаго» (Пушкина, Гоголя, Мольера); 24) Лирика Пушкина; 25) Евгеній Онѣгинъ; 26) Полтава; 27) И. Козловъ; 28) Баратынскій; 29) Лирика Лермонтова; 30) Герой нашего времени; 31) Тургеневъ и 32) Гончаровъ. Разсматривая этотъ списокъ, нельзя не замѣтить въ выборѣ авторовъ недостатка исторической перспективы: нѣтъ, напримѣръ, Посошкова, Радищева, Батюшкова, Кольцова, а помѣщены Херасковъ, Козловъ, Баратынскій. Даже Гоголь почему-то упоминается лишь между прочимъ; не говоримъ уже о томъ, что изъ всѣхъ писателей послѣ-гоголевскаго періода въ «библіотекѣ» г. Чудинова нашли себѣ мѣсто только Тургеневъ и Гончаровъ... Планъ «Учебной библіотеки», издаваемой кружкомъ петербургскихъ учителей, менѣе широкъ. Русскій отдѣлъ ея будетъ состоять изъ слѣдующихъ выпусковъ: 1) Лѣтопись Нестора; 2) Историческія повѣсти XIII—XV вѣковъ; 3) Поученіе Владиміра Мономаха; 4) Проповѣдники XI—XIII вѣковъ; 5) Слово о полку Игоревѣ; 6) Хожденіе игумена Даніила; 7) Избранныя житія святыхъ; 8) Домострой; 9) Іоаннъ Грозный и Курбскій; 10) Котошихинъ; 11) Посошковъ; 12) Кантемиръ; 13) Ломоносовъ; 14) Сумароковъ; 15) Императрица Екатерина II; 16) Державинъ; 17) Новиковъ и Сатирическіе журналы; 18) Карамзинъ; 19) Фонвизинъ и 20) Народная поэзія. Такимъ образомъ, «Учебная библіотека» хронологически почти не идетъ далѣе XVIII вѣка; но за-то въ этихъ границахъ она гораздо полнѣе, чѣмъ «библіотека» г. Чудинова.

Что-же представляютъ собою лежащіе предъ нами выпуски? Каждый выпускъ «Русской классной библіотеки» начинается предисловіемъ, въ которомъ указано его содержаніе. Затѣмъ слѣдуетъ самое произведеніе, названіе котораго носитъ книжка, и «матеріалы» для его изученія, т.-е. г. Чудиновъ, въ общемъ, держится плана, выработаннаго ранѣе П. И. Вейнбергомъ («Русскіе писатели въ классѣ»). Возьмемъ, для сравненія, VI выпускъ «библіотеки» Чудинова и IX выпускъ серіи Вейнберга. Тотъ и другой содержатъ въ себѣ «Горе отъ ума». У г. Вейнберга, кромѣ самой комедіи, съ объясненіемъ малопонятныхъ для учащихся мѣстъ, находимъ: «фактическія данныя, касающіяся сочиненія и постановки на сцену» комедіи Грибоѣдова, заим-

ствованныя изъ біографіи автора, написанной А. Н. Веселовскимъ для V-го тома «Русской библіотеки», отзывъ Гоголя о комедіи Грибоѣдова и отрывокъ изъ этюда И. А. Гончарова «Мильонъ терзаній». У Чудинова-же за комедіей слѣдуютъ: 1) Біографическій очеркъ А. С. Грибоѣдова, В. Я. Стоюнина; 2) Отзывъ А. С. Пушкина о Грибоѣдовѣ; 3) Отзывъ Н. В. Гоголя; 4) Характеристика комедіи Грибоѣдова, В. Г. Бѣлинскаго и 5) «Мильонъ терзаній»—Гончарова. Такимъ образомъ, у г. Чудинова, какъ и у г. Вейнберга, въ качествѣ комментаріевъ, являются почти исключительно ранѣе извѣстныя статьи разныхъ авторовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что у перваго ихъ гораздо больше, чѣмъ у втораго. По нашему мнѣнію, подобный наборъ статей, часто устарѣвшихъ, лучше было-бы замѣнить этюдами, спеціально составленными для настоящаго изданія, что̀ мы и находимъ въ «Учебной библіотекѣ». Такіе этюды, написанные людьми компетентными и приноровленные къ пониманію учащихся,—этюды, въ которыхъ, съ одной стороны, нѣтъ ничего лишняго, а съ другой—сказано все нужное, дѣйствительно объясняютъ изучаемыя произведенія, а не служатъ излишнимъ балластомъ. Мы не говоримъ, конечно, противъ помѣщенія здѣсь сырыхъ матеріаловъ, въ родѣ выдержекъ изъ лѣтописей о походѣ Игоря на половцевъ или западно-европейскихъ «домостроевъ», столь полезныхъ для сравнительнаго изученія памятниковъ, а имѣемъ въ виду только объяснительныя статьи, носящія случайный характеръ и не объединенныя общею идеей. Первый-же выпускъ «Русской классной библіотеки» наполненъ массой такихъ статей, среди которыхъ видимъ даже «Изложеніе содержанія «Слова»— Карамзина, но мы полагаемъ, что всѣ эти «матеріалы», вмѣсто объясненія памятника, могутъ внести только путаницу въ сознаніе начинающаго знакомиться съ древнею русскою литературой *).

Обращаясь къ частностямъ разсматриваемыхъ изданій, мы, къ со-

*) Вотъ содержаніе этого выпуска: 1) предисловіе; 2) текстъ «Слова» и переводъ его на современный русскій языкъ; 3) стихотворные переводы «Слова» А. Н. Майкова, Л. Мея, И. Козлова и Н. Гербеля; 4) названная выше статья Карамзина; 5) Выписки изъ Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописей; 6) Исторія текста; 7) Общее содержаніе, идея и форма «Слова» (Е. Барсова); 8) личность и міросозерцаніе пѣвца «Слова» (В. Стоюнина); 9) Стилистическія и грамматическія особенности «Слова» и 10) Словарь. Соотвѣтствующій выпускъ «Учебной библіотеки» открывается «предисловіемъ», въ которомъ говорится о происхожденіи «Слова», его языкѣ, содержаніи, историко-литературномъ значеніи и исторіи текста. За текстомъ, съ подстрочными примѣчаніями и раздѣленіемъ на части, помѣщены выдержки изъ Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописей и «примѣчанія».

жалѣнію, должны отмѣтить крайнюю небрежность редакціи «Русской классной библіотеки», особенно неумѣстную въ настоящемъ случаѣ. Прежде всего она выразилась въ предисловіяхъ, гдѣ постоянно встрѣчаются замѣчанія, съ которыми можно обращаться къ учителю, но ни въ какомъ случаѣ не къ ученикамъ (см., напр., послѣднія строки на I страницѣ IV выпуска). Попадаются здѣсь и такія мѣста, смыслъ которыхъ для насъ совершенно непонятенъ. Такъ, во II выпускѣ читаемъ: «При настоящемъ состояніи нашихъ знаній по отношенію къ «Домострою», всего умѣстнѣе ограничиться въ классѣ непосредственнымъ изученіемъ самаго памятника, не пускаясь въ темную пока и потому совершенно безполезную область критическихъ умозрѣній и выводовъ». Что это за «непосредственное изученіе» безъ всякихъ выводовъ, и какая отъ него польза для учащихся? Только что приведенныя нами слова производятъ тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе, что въ той-же книжкѣ помѣщены статьи о «Домостроѣ»—И. Порфирьева и С. Соловьева, которыя не страдаютъ недостаткомъ «выводовъ». Но, что особенно неудачно выполнено въ «библіотекѣ» г Чудинова, такъ это лингвистическія примѣчанія. Въ печати уже было указано на крупные недостатки ея въ этомъ отношеніи (см. отзывъ В. К. о I-мъ выпускѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»), и мы, со своей стороны, ограничимся одною незначительною выпиской изъ статьи: «Стилистическія и грамматическія особенности Слова о полку Игоревѣ». Въ началѣ этой статьи неизвѣстный авторъ развязно заявляетъ, что языкъ «Слова» находится «въ ближайшемъ сродствѣ съ южно-русской народной поэзіей XII — XIII ст.». Это, по меньшей мѣрѣ, очень смѣлое утвержденіе, такъ какъ намъ не только ничего неизвѣстно о южно-русской поэзіи XII—XIII вѣковъ, но мы не знаемъ даже того, кто населялъ тогда Южную Русь. Не лучше объясняется и языкъ басенъ Крылова, напр., слово «Юпитеръ» поясняется латинскимъ «Jovis» (вып. III, стр. 33)...

Редакція «Учебной библіотеки» производитъ, напротивъ, самое благопріятное впечатлѣніе: тексты памятниковъ изданы очень тщательно, предисловія и примѣчанія отличаются полнотою и обстоятельностью. Замѣтимъ, впрочемъ, что характеристика Новикова, принадлежащая г. Куницкому, не совсѣмъ удачна. Вѣроятно, подъ вліяніемъ панегирическихъ сочиненій г. Незеленова и Лонгинова, авторъ приписываетъ Новикову «обширное образованіе», которымъ тотъ въ дѣйствительности не обладалъ; борьба Новикова противъ философіи XVIII вѣка освѣщена слишкомъ односторонне.

М. С—анскій.

Ц. Балталонъ. Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. 68 стр. Изд. книжнаго магазина «Сотрудникъ школъ». М. 1891 г. Ц. 40 к.

Брошюра эта имѣетъ цѣлью дать, въ формѣ вопросовъ, указанія для разбора и изученія литературныхъ произведеній. Авторъ рекомендуетъ бесѣды, какъ лучшее средство литературнаго образованія и какъ прекрасное дополненіе къ гимназическому курсу словесности, допущенное уже § 9-мъ «Объяснительной записки къ правиламъ гимназій» 1871 г. и рекомендованное въ отчетѣ объ испытаніяхъ зрѣлости за 1874 г. Нельзя не согласиться съ слѣдующими мыслями: проза Карамзина и Пушкина имѣетъ для насъ уже историческій интересъ, не на ней должны воспитываться современные прозаики, и вообще пора раздвинуть предѣлы школьной программы и внести въ нее новѣйшихъ писателей, въ произведеніяхъ которыхъ богаче и разнообразнѣе воспитательный матеріалъ; наконецъ, нормально-ли это почти полное исключеніе иностранныхъ авторовъ изъ литературнаго курса? Литературныя бесѣды имѣютъ передъ другими пріемами изученія литературныхъ произведеній (лекціей, отдѣльнымъ рефератомъ) преимущество болѣе свободнаго обмѣна мыслей, причемъ для каждаго собственная его мысль выясняется подъ перекрестнымъ огнемъ возраженій. Авторъ говоритъ, очевидно, подъ живымъ впечатлѣніемъ опыта, который привелъ къ плодотворнымъ разультатамъ.

Итакъ, главное содержаніе книги составляютъ нѣсколько сотъ вопросовъ, касающихся извѣстныхъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, гр. Л. Толстого, Островскаго и Шекспира. Авторъ очень стоитъ за форму вопроса; по его мнѣнію, давать указаніе въ догматической формѣ значитъ посягать на самостоятельность сужденія. Отдавая справедливостъ этой мысли, нельзя не упрекнуть ее въ односторонности: примѣрный планъ, схема разбора—можетъ дать лучшее указаніе, чѣмъ рядъ вопросовъ, въ которыхъ главное стоитъ наравнѣ съ второстепеннымъ, теряется невольно перспектива и такъ легко рождаются недоумѣнія. Извѣстно, что ставить вопросы—или самое легкое, или самое трудное дѣло. На вопросъ случайный, не мотивированный ничѣмъ въ глазахъ отвѣчающаго, получится отвѣтъ голословный, узкій; вопросъ долженъ казаться законнымъ, вытекающимъ изъ органическаго общаго плана обзора. Вотъ почему пріемъ одной только катехизаціи или своего рода допроса намъ кажется невполнѣ хорошимъ: мы не думаемъ, чтобъ онъ былъ способенъ вызывать особенно живой интересъ.

Что касается поставленныхъ авторомъ вопросовъ, то они по большей части выбраны хорошо и въ достаточной мѣрѣ исчерпываютъ про-

изведеніе; хороши тѣ вопросы, которые открываютъ довольно широкій горизонтъ изслѣдованія, напр.: «Въ какой связи съ содержаніемъ повѣсти (sic) Мцыри находится ея эпиграфъ»? «Можно-ли назвать повѣсть «Наканунѣ» не оконченной»? «Сравнить старую редакцію конца IV дѣйствія комедіи «Свои люди, сочтемся» съ новою и рѣшить, за какою изъ нихъ остается преимущество», и нѣкоторые другіе. Есть вопросы, очень ловко попадающіе въ сущность дѣла, и есть вопросы очень неопредѣленные и какъ-бы праздные: «Понималъ-ли Полутыкинъ, что Хорь умный мужикъ»? «Почему разсказъ Касьянъ съ Красивой Мечи начинается картиной похоронъ»? «Чѣмъ объяснить смерть Корделіи»? и проч. Нѣкоторые изъ подобныхъ вопросовъ имѣютъ совершенно характеръ загадокъ; иногда авторъ видитъ загадку, гдѣ ея вовсе нѣтъ, напр., онъ спрашиваетъ: Почему на вопросъ Бернардо: «ты Гораціо»?—послѣдній отвѣчаетъ: «Отчасти онъ»? Кажется, тутъ очень простая шутка и дешевая острота со стороны Гораціо и—больше ровно ничего. За-то нельзя не порадоваться такому вопросу: «Можно-ли признать основной идеей Короля Лира *неблагодарность дѣтей?* Какая болѣе глубокая идея обнимаетъ все содержаніе драмы»?—порадоваться потому, что даже въ довольно солидныхъ книгахъ находимъ это первое, т.-е. очень поверхностное толкованіе знаменитой пьесы. Худо то, что иной разъ за массой частныхъ, узкихъ, мало интересныхъ вопросовъ упущены главные; напр., по поводу трагедіи Макбетъ одинъ только частный вопросъ затрогиваетъ характеристику героя пьесы; этого мало: сильный или слабый характеръ у Макбета? что за исключительнымъ темпераментомъ надѣлилъ его авторъ? въ чемъ состоятъ тѣ мученія, которыми онъ расплачивается за преступленіе? въ угрызеніяхъ-ли совѣсти, или въ чемъ-нибудь иномъ? и т. п. — вотъ, напр., вопросы, которыхъ нѣтъ, но которые поважнѣе очень многихъ другихъ, напр., такого: «Какое значеніе имѣютъ слова Гекаты по отношенію къ Макбету»?

Общій выводъ, намъ кажется, долженъ быть тотъ, что брошюра г. Балталона есть очень симпатичная, хотя нѣсколько односторонняя и неровно исполненная попытка оживить интересъ къ серьезному и тщательному изученію произведеній изящной словесности.

А. Шалыгинъ.

Краткая грамматика латинскаго языка. Часть 1-я. Этимологія. Составилъ Н. Санчурскій.

Оживленіе въ нашей учебной литературѣ, вызванное новыми учебными программами, въ значительной степени проникло также въ об-

ласть древнихъ языковъ. Особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи языку латинскому. Усердно принялись за комментированіе школьныхъ авторовъ,—и это дѣло, благодаря участію въ немъ наиболѣе крупныхъ нашихъ филологическихъ силъ, быстро и успѣшно подвигается впередъ:—пишутся въ новомъ духѣ хрестоматіи, фразеологіи, словари и, наконецъ, грамматики. Но въ настоящее время роль грамматики, какъ извѣстно, сильно понизилась. Прежде грамматика всевластно господствовала; нынѣ-же она скромно функціонируетъ въ качествѣ, правда, важнаго, но во всякомъ случаѣ вспомогательнаго элемента. Такой порядокъ вещей рѣшительно повліялъ на судьбу старыхъ латинскихъ грамматикъ, которыя, сохранивъ за собою, по существу, всѣ достоинства добросовѣстныхъ трудовъ, утратили свое значеніе для школы. На смѣну имъ явился рядъ учебниковъ, составленныхъ уже примѣнительно къ новымъ требованіямъ. Характерная особенность новыхъ руководствъ выразилась въ стремленіи ихъ составителей къ *самостоятельности* при разработкѣ грамматическаго матеріала для русскихъ гимназій. Авторы, очевидно, навсегда отказались отъ мысли «переводить», «обработывать», «передѣлывать» и «приспособлять» для русской школы иностранные учебники. Правда, и въ новыхъ руководствахъ постоянно фигурируютъ имена Гарре, Гольцвейссига, Штегмана, Мейснера и др. корифеевъ школьной литературы современной Германіи; но это уже не прежніе грозные и непогрѣшимые законодатели, предъ которыми мы преклонялись и которыхъ, въ лучшемъ случаѣ, отваживались только «приспособлять». Теперь они являются просто солидными образцами, изъ которыхъ дѣлается самый тщательный выборъ только того, что заслуживаетъ *подражанія.* Такое критическое направленіе въ нашемъ вопросѣ уже принесло весьма осязательные плоды; въ этомъ насъ наглядно удостовѣряютъ появившіеся въ самое послѣднее время латинскіе учебники. Нашъ журналъ уже далъ отчетъ объ одномъ изъ такихъ трудовъ («Русская Школа» 1892, Февраль). Теперь вмѣняемъ себѣ въ пріятную обязанность указать на новый трудъ въ этой-же области, имѣющій, по нашему убѣжденію, хорошую будущность. Этотъ трудъ—латинская грамматика г. Санчурскаго. Пока вышла въ свѣтъ только первая часть—этимологія. Но и въ предѣлахъ этой задачи авторъ выказалъ столько опытности и умѣнья, что мы въ правѣ ожидать отъ него также и выдающагося синтаксиса, и такимъ образомъ наша учебная литература въ скоромъ времени обогатится новымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, которое принесетъ немалую пользу дѣлу обновленія у насъ классицизма. Выборъ и расположеніе этимологическаго мате-

ріала являютъ слѣды строгой обдуманности и необыкновенной тщательности; изложеніе отличается сжатостью, простотою и ясностью, и вообще вся книга обличаетъ знающаго и хорошаго педагога, провѣрившаго каждое свое слово и близко, повидимому, знакомаго съ тѣми, для которыхъ предназначена его книга.

Въ числѣ особенностей, выгодно отличающихъ руководство г. Санчурскаго отъ другихъ этимологій, отмѣтимъ слѣдующія:

1) Авторъ удачно и въ мѣру внесъ въ этимологію элементъ синтаксическій. Это введеніе выразилось въ замѣчаніяхъ, сопровождающихъ нѣкоторые отдѣлы этимологіи и трактующихъ о *значеніи* и *употребленіи* той или другой части рѣчи или отдѣльныхъ ея формъ. Это сдѣлано въ статьѣ о степеняхъ сравненій (§ 37), числительныхъ (§ 40) *), мѣстоименій (§ 42 мелкій шрифтъ, § 46 выноска, § 48); указанъ способъ перевода нѣкоторыхъ латинскихъ глагольныхъ формъ, а также, что̀ весьма важно, русскихъ причастій и дѣепричастій; дано значеніе plusquamperfectum и Futur. II (§ 50). Съ формальной стороны это отсутствіе строгаго разграниченія двухъ областей является, конечно, недостаткомъ; за-то въ дидактическомъ отношеніи такой пріемъ слѣдуетъ признать весьма цѣлесообразнымъ, хотя-бы въ смыслѣ нѣкотораго разнообразія и оживленія, которыя онъ вноситъ съ собою въ эту, самую скучную и сухую, часть грамматики.

2) Составитель нашелъ возможнымъ сдѣлать сокращенія въ отдѣлѣ, наиболѣе сложномъ и запутанномъ, а именно, въ 3-мъ склоненіи. Здѣсь пріятно поражаетъ замѣна длиннаго ряда окончаній, опредѣляющихъ родъ именъ существительныхъ, весьма ограниченнымъ числомъ такихъ признаковъ (§ 17). Такимъ образомъ, для именъ существительныхъ мужскаго рода, вмѣсто обыкновенныхъ 5 окончаній, указаны 2; для именъ существительныхъ женскаго рода, вмѣсто обыкновенныхъ 5 окончаній, указаны 2; для именъ существительныхъ средняго рода, вмѣсто обыкновенныхъ 9 окончаній, указаны 3. Этимъ упрощеніемъ достигнуто, очевидно, значительное облегченіе для учащихся.

3) Очень важная статья о предлогахъ, обыкновенно выпускаемая даже въ лучшихъ этимологіяхъ (напр., г. Сидорова), разработана г. Санчурскимъ весьма обстоятельно (§§ 77—80). Ученіе о предлогѣ, какъ о части рѣчи, естественно должно войти въ этимологію.

4) Въ книгѣ помѣщенъ алфавитный указатель глаголовъ, представляющихъ особенности въ образованіи главныхъ временъ. Имѣя

---

*) Свойства числительнаго mille, въ сравненіи съ другими cardinalia, выяснены недостатачно отчетливо.

въ виду обильное количество этихъ глаголовъ и въ то-же время частое ихъ примѣненіе, нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ такому удачному нововведенію, сберегающему учащимся не мало времени.

Въ концѣ книги, въ видѣ приложенія, изложенъ «Краткій начальный синтаксисъ» латинскаго языка, приспособленный къ потребностямъ и пониманію учениковъ двухъ низшихъ классовъ. Въ этомъ случаѣ, соображенія автора, основанныя, повидимому, на долгомъ опытѣ, настолько основательны и вѣски, что съ ними трудно не согласиться. «У насъ,—говоритъ авторъ,—нѣтъ руководства по синтаксису, примѣненнаго къ потребностямъ именно этого возраста (10—12 лѣтъ); поэтому, преподавателю приходится: или диктовать свои объясненія, что́ сопряжено съ большими неудобствами вслѣдствіе непривычки учениковъ въ этомъ возрастѣ къ правильному записыванію подъ диктантъ; или объяснять и указывать синтаксическія правила по общему для всѣхъ классовъ курсу, что́ также имѣетъ свои неудобства, такъ какъ правила, понятныя для учениковъ среднихъ и старшихъ классовъ, трудны иногда для дѣтей начальнаго возраста; или, наконецъ, приходится объяснять правила по сборнику примѣровъ, гдѣ они хотя и излагаются примѣнительно къ возрасту, но обыкновенно раскинуты среди массы примѣровъ на такомъ большомъ пространствѣ, что маленькому, 10—12-ти-лѣтнему, филологу очень трудно фиксировать на многочисленныхъ пунктахъ свое неразвившееся еще вниманіе и неокрѣпшую память». Индуктивный методъ, примѣненный авторомъ при изложеніи «Начальныхъ правилъ», является, безспорно, наиболѣе раціональнымъ.

Съ внутренними достоинствами книги г. Санчурскаго вполнѣ гармонируетъ и ея внѣшность. Издана она тщательно и изящно и по цѣнѣ вполнѣ доступна (60 к.).

Въ интересахъ удобства для учащихся, мы рѣшаемся высказать желаніе, чтобы слѣдующее изданіе своей этимологіи составитель соединилъ въ одну книгу съ синтаксисомъ, который, какъ можно заключить изъ словъ автора (предисловіе, стр. VIII внизу), готовится уже къ печати.

М. Р—нъ.

Васильевъ, Ив., Учебное пособіе. Повторительный курсъ географіи. Азія, Африка, Америка и Австралія съ приложеніемъ картъ. Часть I. Цѣна 30 к. Спб. 1892.

Книжка г. Васильева заключаетъ въ себѣ 65 страницъ текста и одну литографированную карту. Какъ видно изъ названія, авторъ счи-

таетъ свою книгу курсомъ повторительнымъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ географія поставлена раціонально, такимъ курсомъ оканчивается обученіе этому предмету, и именно въ старшихъ классахъ (напр., въ VI кл. реальныхъ училищъ). Содержаніе этого курса не должно состоять въ безсмысленномъ повтореніи всего учебнаго матеріала отъ аза до ижицы, что было-бы скучно и безцѣльно для юношей старшаго возраста. Необходимо обобщать факты и освѣщать ихъ сравненіями, а также дополнять хотя краткими статистическими свѣдѣніями. Г. Васильевъ, какъ видно изъ предисловія къ его «учебному пособію», понимаетъ повторительный курсъ по своему. Онъ говоритъ: «географія принадлежитъ къ числу тѣхъ предметовъ, при прохожденіи курса которыхъ необходимо какъ можно чаще спрашивать пройденное, а потому учащіеся должны почти къ каждому уроку просматривать старое». Почему географія болѣе, чѣмъ другіе предметы, требуетъ постояннаго повторенія, авторъ не выясняетъ, такъ что приходится вѣрить ему на слово. Повтореніе къ каждому уроку всего пройденнаго курса, по нашему мнѣнію, ляжетъ тяжелымъ бременемъ на учениковъ, если будетъ производиться добросовѣстно. Во всякомъ случаѣ, на такую работу учениковъ нельзя положиться. Гораздо цѣлесообразнѣе повторять курсъ подъ руководствомъ учителя въ классѣ, но такое повтореніе не должно состоять въ перебираніи всѣхъ пройденныхъ фактовъ въ томъ порядкѣ, какъ они были заучены. Тутъ важна группировка и сравненіе однородныхъ фактовъ, взятыхъ изъ разныхъ отдѣловъ курса. Перенесеніе всего труда повторенія на домашнюю работу ученика и провѣрка этой работы въ классѣ — такая постановка школьнаго дѣла, которая, прежде всего, идетъ въ разрѣзъ съ раціональными требованіями дидактики, стремящейся въ настоящее время, по возможности, перенести обученіе, главнымъ образомъ, въ предѣлы класса. Сверхъ того, серьезная провѣрка домашняго приготовленія большихъ отдѣловъ курса совершенно невозможна на каждомъ урокѣ, по недостатку времени. Все, что́ возможно сдѣлать, это—задать два-три бѣглыхъ вопроса изъ прошлаго курса при провѣркѣ новаго урока. Такимъ образомъ, предположенія автора о постоянномъ повтореніи *всего* пройденнаго оказываются невозможными. Отъ основной идеи автора перейдемъ къ самому «учебному пособію». Въ предисловіи авторъ говоритъ: «составляя повторительный курсъ, я имѣлъ въ виду, чтобы учащіеся могли ясно представить себѣ общій характеръ той страны, которую они повторяютъ, а не запоминали-бы только одни названія». На самомъ дѣлѣ практическое исполненіе учебника не соотвѣтствуетъ высказанной идеѣ. Авторъ сократилъ текстъ сравнительно съ обще-

извѣстными учебниками почти вдвое, а названія оставилъ тѣ-же, какія находятся тамъ. Въ результатѣ получилось, сравнительно съ текстомъ, огромное количество названій. Такъ, напр., на 3-ей страницѣ на 35 строкахъ находится 47 названій. Подъ рубриками: положеніе, величина, морскія границы, моря, заливы, проливы, острова и полуострова приводятся только одни названія безъ всякихъ объясненій. Такое странное противорѣчіе между положеніемъ, высказаннымъ въ предисловіи, и дѣйствительностью кидается въ глаза. Что касается до текста «учебнаго пособія», то сказанное въ предисловіи вполнѣ характеризуетъ его содержаніе. По словамъ автора, онъ «нѣкоторые отдѣлы перепечаталъ почти цѣликомъ изъ учебниковъ; это именно тѣ части, которыя, по моему мнѣнію, лучше изложены въ томъ или другомъ учебникѣ. Надѣюсь, что господа составители учебниковъ не посѣтуютъ на меня за это». Мы не знаемъ, что скажутъ на это «господа составители учебниковъ», но намъ, лично, подобное отношеніе къ чужимъ литературнымъ произведеніямъ кажется какою-то беззастѣнчивою маниловщиной. Спасибо автору, по крайней мѣрѣ, за-то, что онъ такъ ярко характеризуетъ свое «учебное пособіе», указывая на его источники: это избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ подробности разбора. Перечисливъ учебники, откуда онъ, подобно трудолюбивой пчелѣ, извлекъ лучшіе соки, авторъ, къ удивленію, въ числѣ своихъ источниковъ приводитъ Гельвальда, Воейкова, Матусовскаго, Реклю, Пржевальскаго, Риттера (ого!) и Стенли. Для чего понадобились автору эти знаменитости и какое отношеніе имѣютъ онѣ къ книжкѣ, гдѣ несчетное множество голыхъ именъ чередуется съ выдержками изъ общедоступныхъ учебниковъ? Мы полагаемъ, авторъ пожелалъ этимъ заявить, что въ области географіи онъ имѣетъ знакомство не только со среднимъ кругомъ, но и съ высшимъ обществомъ. Насколько близко такое знакомство—трудно рѣшить, да, впрочемъ, это и мало интересно.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о картѣ, приложенной къ «учебному пособію». Карта эта имѣетъ размѣръ обыкновеннаго листа писчей бумаги. Соотвѣтственно содержанію курса, она представляетъ карты Азіи (на одной сторонѣ), Африки, Америки и Австраліи. Низменности на картѣ обозначены длинными штрихами, плоскогорія—бѣлымъ полемъ, а горныя цѣпи—обыкновеннымъ штриховымъ способомъ, безъ обозначенія крутизны склоновъ. Карта пестрѣетъ множествомъ римскихъ и арабскихъ цыфръ, соотвѣтствующихъ такимъ-же цыфрамъ въ учебникѣ и означающимъ различные картографическіе элементы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Австралія, Южная Америка и другія) цыфры находятся такъ близко, что незнающій не могъ-бы опредѣлить, какая цыфра со-

отвѣтствуетъ извѣстному картографическому знаку. Какое назначеніе имѣетъ эта карта—мы рѣшить не можемъ, тѣмъ болѣе, что и авторъ не приходитъ здѣсь къ намъ на помощь. «Повторительный курсъ,—говоритъ авторъ въ концѣ предисловія,—составленный мною, даже при нѣкоторой полнотѣ его (?), никакъ не можетъ замѣнить учебника и атласа, а только служитъ облегченіемъ труда учащихся при повтореніи». Мы полагаемъ, что повторительныя таблицы должны входить въ составъ каждаго учебника географіи, и для этого не нужно составлять новую книгу, пріобрѣтеніе которой представляетъ лишнюю издержку для учениковъ.

А. Соколовъ.

Обозрѣніе иностранныхъ педагогическихъ журналовъ.

Revue pédagogique. Janvier—Décembre 1891. Publication mensuelle. Paris. Librairie Ch. Delagrave. Rue Soufflot, 15.

Въ «Русской Школѣ» (январь 1891 г., стр. 161—174) была уже сдѣлана характеристика названнаго журнала за 1890-й годъ. Такъ какъ въ «Педагогическомъ Обозрѣніи» и въ прошломъ году не произошло перемѣнъ въ направленіи и въ составѣ постоянныхъ сотрудниковъ, то мы остановимся на тѣхъ статьяхъ, которыя представляютъ значительный практическій или теоретическій интересъ для школьнаго дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ являются въ журналѣ, если не совсѣмъ законченнымъ, то въ значительной степени закругленнымъ цѣлымъ.

Къ числу такихъ статей относится министерскій циркуляръ отъ 27 апрѣля 1891 г., направленный противъ излишнихъ требованій, предъявляемыхъ ученикамъ при диктовкѣ, и рядъ статей *за* и *противъ* этого циркуляра, появившихся какъ во французской, такъ и въ англійской прессѣ.

Вопросъ объ орѳографіи за послѣдніе годы сильно обострился во Франціи. Образовались двѣ крайнія партіи: абсолютныхъ фонетистовъ и абсолютныхъ поклонниковъ существующей орѳографической системы. Въ 1890 году «Revue pédagogique», чуждое той и другой крайности, посвятило этому вопросу статьи: *Карре*: «о реформѣ во французской орѳографіи» и «уничтоженіи диктовки на выпускныхъ экзаменахъ»; *Флёри*: «упрощеніе французской орѳографіи и синтаксиса»; *Лафорга*: «по поводу упрощенія орѳографіи», «китайщина въ диктовкѣ»; *Обера*: «орѳографическая реформа и уничтоженіе диктовки на выпускныхъ экзаменахъ»; *Дюссуше*: «различія въ произношеніи».

Потребность орѳографической реформы чувствовалась во Франціи еще сто лѣтъ тому назадъ. Доказательствомъ этого служатъ два рѣдкіе и интересные документа, хранящіеся въ библіотекѣ Парижскаго педагогическаго музея.

Извѣстный тогдашній ученый Дону, впослѣдствіи организаторъ института, излагая, въ іюлѣ 1793 года, въ «опытѣ общественнаго обученія» свои педагогическія идеи, предлагаетъ «измѣненіе національнаго правописанія». Онъ является ярымъ противникомъ буквослагательнаго метода и тѣхъ сочетаній буквъ, которыя не соотвѣтствуютъ означаемымъ ими звукамъ; онъ признаетъ нелѣпымъ и въ высшей степени вреднымъ для умственнаго развитія ребенка заставлять его заучивать, что, напримѣръ, *a+u+icse (x)=o (aux)*: «современные склады,—говоритъ онъ,—придаютъ ложный складъ мысли, отвлекаютъ умы отъ анализа и работу разума обращаютъ въ привычку вѣрить слѣпо». Онъ требуетъ измѣненія національной орѳографіи, какъ средства развитія общественнаго разума, и думаетъ, что его предложеніе не можетъ быть признано недостойнымъ собранія законодателей, которые придаютъ значеніе прогрессу или, скорѣе, оздоровленію ума человѣческаго. Дону требуетъ измѣненія всей орѳографической системы: пусть, послѣ тщательнаго анализа звуковъ отечественнаго языка, установятъ между этими звуками и обозначающими ихъ буквами такое точное и постоянное соотношеніе, чтобы тѣ и другія сдѣлались по числу одинаковыми, чтобы никогда одинъ и тотъ-же звукъ не обозначался двумя разными буквами и одна и та-же буква никогда не соотвѣтствовала двумъ разнымъ звукамъ.

Думаютъ, что такой перемѣной въ правописаніи затруднится чтеніе книгъ, напечатанныхъ по обычной системѣ; но выучившійся читать по старой системѣ ребенокъ можетъ-же усвоить греческій алфавитъ и научиться читать по-гречески дня въ два и, maximum, въ двѣ недѣли; а слѣдовательно, на двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ также скоро освоится съ ключемъ нынѣшняго правописанія, безъ котораго до тѣхъ поръ можетъ и обойтись. Дону не требуетъ перепечатки всѣхъ книгъ по правиламъ новой философской орѳографіи; пусть по новому будутъ напечатаны только тѣ классическія книги, которыя употребляются дѣтьми въ школѣ; время, свобода и разумъ довершатъ реформу.

Другой планъ упрощенія орѳографіи и грамматики составляетъ заключеніе въ докладѣ «о необходимости и средствахъ уничтожить провинціализмы и установить всеобщій французскій языкъ». Этотъ планъ, принадлежащій Грегуару, былъ представленъ національному конвенту отъ имени комитета общественнаго образованія, 16 преріаля II года, и вызвалъ слѣдующій декретъ:

«Національный конвентъ, выслушавъ докладъ своего комитета общественнаго образованія, объявляетъ:

«Комитетъ общественнаго образованія имѣетъ представить докладъ о способахъ составленія новой грамматики и новаго словаря французскаго языка. Онъ предложитъ свои взгляды на тѣ измѣненія, которыя облегчатъ изученіе языка и придадутъ ему характеръ, приличествующій языку свободы.

«Конвентъ объявляетъ, что докладъ будетъ посланъ установленнымъ властямъ, обществамъ и всѣмъ республиканскимъ коммунамъ».

Декретъ не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе событій 9 термидора.

Въ прошломъ 1891-мъ году министръ народнаго просвѣщенія, г. Леонъ Буржуа, по вопросу объ испытаніи изъ ороографіи на право начальнаго обученія, издалъ 27 апрѣля циркуляръ, съ содержаніемъ котораго читатели «Русской Школы» будутъ ознакомлены въ особой статьѣ, здѣсь-же мы ограничимся приведеніемъ тѣхъ пунктовъ, въ отношеніи которыхъ французскій министръ предлагаетъ экзаменаціоннымъ коммиссіямъ оказывать снисхожденіе. Эти пункты могутъ быть сведены къ тремъ группамъ:

1. Прежде всего не слѣдуетъ быть абсолютно строгими въ тѣхъ случаяхъ, когда правило сомнительно или допускаетъ два различныхъ толкованія, когда ороографическій обычай не установился или установился очень недавно, когда текущая практика видоизмѣняется, когда писатели расходятся во мнѣніяхъ, когда сама академія заноситъ въ свои регистры колебанія мнѣній. До 1878 года слѣдовало писать *consonnance*, а теперь академія допускаетъ *consonance*, по аналогіи съ *dissonance*. Множественное число нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ обозначается различными авторами различно: пишутъ *des solos*, *des solo* и *des soli*. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, каково-бы ни было личное мнѣніе корректора, онъ не долженъ требовать отъ ученика, чтобы тотъ былъ больше увѣренъ въ себѣ, чѣмъ сами писатели.

2. Я требую такой-же снисходительности къ ребенку, когда логика заставляетъ его расходиться съ ороографическимъ обычаемъ, когда сдѣланная имъ ошибка доказываетъ, что онъ больше, чѣмъ самый языкъ, уважаетъ естественные законы аналогіи. «Однимъ изъ первыхъ правилъ, внушаемыхъ ребенку,—говоритъ одинъ учитель,—является правило правописанія семи словъ на *ou*, которыя во множественномъ числѣ вмѣсто окончанія *s* требуютъ *x*: *genoux*, *bijoux* и т. д. Но по какой-же таинственной причинѣ они не подчиняются общему правилу? Этого до сихъ поръ никто открыть не могъ!» Нельзя ставить въ большой грѣхъ ученику, если онъ напишетъ *contreindre*, какъ *ètreindre* и *restreindre*. Справедливо-ли считать такія нарушенія ороографіи ошиб-

ками, когда онѣ именно и служатъ доказательствомъ внимательности ученика? Логика не позволитъ ему писать *imbécile* и *imbécillité*, *siffler* и *persifler*. Есть-ли такой учитель, который могъ-бы на разумныхъ основаніяхъ оправдать разницу между *apercevoir* и *apparaître*, *alourdir* и *allonger* и т. д.?

Въ подобныхъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы внушать ученику мысль о безусловномъ и непреложномъ правилѣ, не лучше-ли было-бы, напротивъ, указать ему, что такой словесный матеріалъ подлежитъ будущей переработкѣ? Развѣ не существуетъ полнаго вѣроятія, что черезъ одно или два поколѣнія большинство подобныхъ странностей исчезнетъ, очистивши мѣсто упрощеніямъ, совершенно аналогичнымъ съ тѣми, которыя совершились на нашихъ глазахъ, въ промежутокъ менѣе ста лѣтъ, въ послѣдовательныхъ изданіяхъ *Словаря Академіи*?

3. Съ самаго начала нынѣшняго столѣтія въ нашу французскую орѳографію вошло нѣсколько правилъ, основанныхъ на такихъ особенностяхъ языка, которыя прежними грамматиками считались вполнѣ опредѣленными; новѣйшая филологія, придающая бо̀льшее значеніе исторіи языка, допускаетъ эти правила съ большими ограниченіями и во всякомъ случаѣ относится къ нимъ-же съ тѣмъ суевѣрнымъ уваженіемъ, какимъ они прежде пользовались. Экзаменаторамъ и учителямъ слѣдуетъ только слегка касаться такихъ пунктовъ, но не дѣлать уступокъ въ ихъ пользу. Сколько часовъ было потрачено въ начальныхъ школахъ на безплодное для умственнаго развитія усвоеніе правилъ объ употребленіи *tout* и *même*, *nu* и *demi* и на разглагольствованія объ исключеніяхъ и исключеніяхъ изъ исключеній въ правописаніи безчисленныхъ сложныхъ словъ!

Если даже предположить, что въ будущемъ найдутся вполнѣ разумныя оправданія для тѣхъ или другихъ орѳографическихъ тонкостей, развѣ мы въ правѣ принуждать дѣтей тратить время на ихъ усвоеніе? „Развѣ для изученія французскаго языка не гораздо важнѣе читать дѣтямъ или заставлять ихъ самихъ читать въ классѣ и внѣ класса лучшія страницы нашихъ классиковъ? Доведенныя до крайности заботы объ орѳографіи не развиваютъ въ дѣтяхъ ни чувства изящнаго, ни любви къ чтенію, ни критическаго чутья. При постоянномъ разыскиваніи ошибокъ въ словахъ, они могутъ упустить изъ виду самый смыслъ, и никогда не научатся писать, если не пріобрѣтутъ привычки подъ словеснымъ покровомъ прежде всего отыскивать мысль, которая и является душою всякой рѣчи».

Намъ остается только порадоваться за французскихъ дѣтей, для

*

которыхъ появилась надежда на будущее время избавиться отъ тяжелаго гнета «орѳографическаго фетишизма».

Переходимъ къ другому вопросу.

«Французскій союзъ спасенія покинутыхъ дѣтей» издалъ въ прошломъ году отчетъ о своей дѣятельности. Основанный въ 1888 году, союзъ за послѣдніе годы развился очень быстро: законъ 24-го іюля 1889 года расширилъ и укрѣпилъ сферу его дѣятельности. Въ настоящее время въ вопросѣ о покровительствѣ обиженнымъ и нравственно покинутымъ дѣтямъ Союзъ обладаетъ законнымъ орудіемъ, при помощи котораго онъ можетъ ограничивать недостойныхъ родителей въ ихъ родительскихъ правахъ и власти. По закону 24-го іюля, суду разрѣшено предоставлять пользованіе извѣстною долею родительскихъ правъ правленіямъ благотворительныхъ заведеній, законно утвержденнымъ благотворительнымъ обществамъ и даже частнымъ лицамъ. Такое право было предоставлено Союзу постановленіемъ 6-го марта 1890 г., и теперь онъ можетъ съ полною увѣренностью давать пріютъ нравственно покинутымъ дѣтямъ, воспитывать ихъ и дѣлать изъ нихъ хорошихъ работниковъ. Союзу не придется возвращать ихъ родителямъ, какъ только они сдѣлаются способными къ труду и заработку, не придется снова бросать дѣтей въ ту развращающую среду, изъ которой они только-что были извлечены. Родители, которые пожелали-бы снова взять дѣтей къ себѣ, должны доказать, что они дѣйствительно сознали свои обязанности, должны представить надежныя гарантіи какъ съ матеріальной, такъ и съ нравственной стороны. «Французскій союзъ» принимаетъ дѣтей, какъ только имъ начинаетъ грозить нравственная опасность, не дожидаясь совершенія ими проступковъ, за которыми слѣдуетъ арестъ. Всѣхъ членовъ общества приглашаютъ указывать секретаріату Союза на такихъ дѣтей, которыя, по ихъ мнѣнію, имѣютъ право на покровительство. Полицейскіе коммиссары, содержатели ночлежныхъ пріютовъ, судебные пристава, выселяющіе неисправныхъ жильцовъ, часто указываютъ Союзу дѣтей, нуждающихся въ его попеченіи. Въ настоящее время Общество пользуется въ Парижѣ такою извѣстностью, что несчастные маленькіе бродяги сами обращаются къ нему за помощью. Въ числѣ его членовъ состоятъ не только парижане, но и жители семидесяти департаментовъ, и изъ провинцій то-же очень часто присылаются въ Союзъ указанія на брошенныхъ дѣтей.

Дѣти сначала принимаются во временное убѣжище (Place Dauphine, 14), при которомъ помѣщается и секретаріатъ Союза. Послѣ тщательныхъ справокъ объ ихъ происхожденіи, они, по возможности, отсылаются въ деревню, въ хорошую крестьянскую семью, гдѣ и находятъ

то, чего были лишены: правильную жизнь, заботу, привязанность, трудъ и чистый воздухъ; нѣкоторыхъ помѣщаютъ въ качествѣ учениковъ въ парижскія мастерскія.

Ужъ и теперь можно судить о счастливыхъ результатахъ дѣла спасенія. Союзъ, менѣе чѣмъ въ два года, помогъ 1.300-мъ дѣтямъ; въ настоящее время на его полномъ попеченіи состоитъ 150 дѣтей.

Въ отчетѣ помѣщены curricula vitae тѣхъ дѣтей, которыхъ пріютилъ Союзъ. Однообразіе фактовъ ихъ жизни само по себѣ краснорѣчиво. Вездѣ: «незаконнорожденный, отецъ умеръ, мать умерла, брошенъ, подвергался жестокому обращенію, отецъ развелся, мать пропала безъ вѣсти, родители въ тюрьмѣ; бродяжничество, нищенство, воровство, самыя страшныя нравственныя опасности»; вездѣ: «помѣщенъ въ деревню, въ мастерскую ученикомъ, въ морскую службу, въ профессіональную школу» и почти вездѣ: «хорошаго поведенія, есть полная увѣренность въ исправленіи».

Къ несчастію, средства «Французскаго союза» недостаточны. Даже теперь, когда онъ пріобрѣлъ такую извѣстность, ему приходится отказывать въ помощи многимъ покинутымъ дѣтямъ, которыя стучатся въ его двери. Союзъ не забываетъ того, что онъ принимаетъ на себя заботу о дѣтяхъ не на одинъ годъ, но до тѣхъ поръ, пока они сами будутъ въ состояніи заботиться о своихъ нуждахъ, т.-е. на многіе годы.

Средства Союза образуются изъ пожертвованій и членскихъ взносовъ. Чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ членомъ Общества, нуженъ ежегодный взносъ въ 12 франковъ; для учителей и учительницъ взносъ ограничивается пятью франками въ годъ. Въ такой уступкѣ видно желаніе Союза привлечь по преимуществу педагогическій персоналъ къ дѣятельному участію въ дѣлѣ спасенія дѣтей.

Министръ народнаго просвѣщенія явился на помощь Союзу. Комитетъ общества просилъ разрѣшить ему обратиться съ воззваніемъ о содѣйствіи во всѣ начальныя французскія школы. Министръ сдѣлалъ больше: онъ разослалъ *) инспекторамъ академіи циркуляръ, въ которомъ предлагалъ имъ ознакомить школы съ дѣломъ спасенія дѣтей.

«Я тѣмъ болѣе расположенъ помочь этому достойному поощренія дѣлу,—пишетъ онъ,—что настоящее сообщеніе, какъ мнѣ кажется, даетъ прекрасный случай для примѣненія нашихъ программъ нравственнаго и гражданскаго воспитанія. Министерскія инструкціи, которыми сопровождались оффиціальныя программы 1883 и 1887 годовъ, настаиваютъ на «исключительно практическомъ характерѣ обученія морали въ на-

*) Въ февралѣ 1891 года.

шихъ школахъ», резюмируя цѣль этого обученія въ такомъ опредѣленіи: «фактически пріучить всѣхъ дѣтей къ нравственной жизни». Повидимому, ничто лучше дѣла спасенія дѣтей не можетъ соотвѣтствовать предначертаніямъ программы, и я прошу васъ, г. инспекторъ академіи, указать на это какъ гг. инспекторамъ начальныхъ школъ, такъ и директорамъ и директрисамъ учительскихъ институтовъ. Я съ удовольствіемъ узнаю о результатахъ ихъ трудовъ по расширенію сферы того прекраснаго дѣла, которое поручается ихъ благородному сочувствію».

Циркуляръ этотъ немедленно привелъ къ очень счастливымъ послѣдствіямъ. Учителя и учительницы, учащіеся всякихъ школъ, высшихъ и низшихъ, материнскихъ и нормальныхъ,—всѣ заинтересовались этимъ дѣломъ братской благотворительности, о которомъ многіе еще не знали. Въ кассу Союза стали притекать сборы, пожертвованія и членскіе взносы со всѣхъ сторонъ: и изъ многолюдныхъ парижскихъ училищъ, и изъ маленькихъ смѣшанныхъ деревенскихъ школъ.

Комитетъ Союза пришелъ къ остроумному рѣшенію, по которому каждая школьная группа, каждая школа, каждый курсъ, состоящій изъ нѣсколькихъ классовъ, и каждый отдѣльный классъ могли сдѣлаться членами обществъ, внося по 12 франковъ въ годъ. Эта идея была принята съ большою готовностью: случалось, что десять классовъ большой школы дѣлали десять членскихъ взносовъ, а въ деревняхъ женскія и мужскія школы дѣлали по одному взносу въ складчину.

Базаръ, устроенный въ залахъ министерства нар. просв., принесъ прибыли вдвое больше противъ прошлогодняго, что доказываетъ, какъ растетъ въ обществѣ сочувствіе къ Союзу. Кромѣ денежныхъ пожертвованій, многіе помогли дѣлу своими хорошими совѣтами и практическими предложеніями.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ появился новый отчетъ о дѣятельности Союза за время отъ 1-го іюня по 1-е октября. Отчетъ этотъ заканчивается слѣдующимъ воззваніемъ Комитета:

«У насъ въ настоящее время 198 дѣтей. Извѣстность наша начала распространяться по всей Франціи. Парижскіе и провинціальные судьи и прокуроры относятся къ намъ съ большимъ уваженіемъ; они часто обращаются съ просьбами взять подъ наше покровительство покинутыхъ дѣтей. Судъ ввѣрилъ нашему попеченію одиннадцать питомцевъ, даже безъ предварительнаго соглашенія съ нами! Это—знакъ довѣрія съ его стороны, въ высшей степени лестный для насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень опасный для нашего скромнаго бюджета. Благотворительныя особы со всѣхъ сторонъ посылаютъ намъ

письменныя просьбы принять участіе въ судьбѣ несчастныхъ дѣтей. На нашей отвѣтственности 198 питомцевъ; къ концу года, вѣроятно, ихъ будетъ 250. Мы уже предвидимъ тотъ моментъ, когда благоразуміе заставитъ насъ отказывать многимъ нравственно покинутымъ «сиротамъ при жизни родителей». Очень грустно будетъ отвѣчать: «пріемъ дѣтей прекращенъ: у насъ нѣтъ денегъ». Пусть-же наши друзья, которые сознаютъ, какъ велика и прекрасна поставленная нами цѣль, удвоятъ свое усердіе и пріищутъ новыхъ сотрудниковъ. Въ Союзѣ состоитъ 2.200 членовъ. Конечно, это очень почтенная цыфра, и мы глубоко признательны всѣмъ, кто помогъ намъ ея достигнуть. Но для достиженія конечной цѣли не сто-ли тысячъ членовъ нужно Союзу?»

«Revue pédagogique» выражаетъ надежду, что въ будущемъ общество спасенія дѣтей достигнетъ и этой цыфры (№№ 1, 3, 11).

Изъ статей теоретическаго характера, мы остановимся на двухъ.

Въ августовскомъ нумерѣ «Revue» помѣщена замѣтка Греара «о педагогѣ и педагогіи», прочтенная имъ въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ въ засѣданіи 13-го іюня прошлаго года.

«Предметъ педагогіи — воспитаніе дѣтей. Греки, у которыхъ мы заимствовали самый терминъ «педагогія», отличали *педонома*, который обучалъ извѣстную группу дѣтей, отъ *педагога*, который состоялъ учителемъ при одномъ ребенкѣ или при одной семьѣ: различіе почти то-же, какое установлено и въ настоящее время между частнымъ преподавателемъ и преподавателемъ, состоящимъ на государственной службѣ. Но только одно имя *педагога* осталось у римлянъ, а послѣ нихъ сохранилось и у новѣйшихъ народовъ *). До конца XVIII вѣка званіе педагога не пользовалось почетомъ. Лафонтенъ, не любившій дѣтей, не обнаруживаетъ нѣжности и къ педагогамъ; Мольеръ смѣется надъ ними; Жанъ Жакъ Руссо то-же ихъ не щадитъ. Въ наши дни это имя пользуется благосклоннымъ вниманіемъ: педагогія возстановила достоинство педагога!

Въ настоящее время никто не оспариваетъ существованія науки педагогіи. Въ цѣляхъ историческихъ собираютъ отрывки ея, разсѣянные въ произведеніяхъ философовъ и моралистовъ мужескаго и женскаго пола, отъ Аристотеля до Канта, отъ Монтаня до Песталоцци, отъ мадамъ де-Ментенонъ до миссъ Еджевортъ. Съ философской точки зрѣнія, спорятъ о принципахъ педагогіи. Твердо установилось мнѣніе, что въ педагогіи есть правила для всякаго возраста; что она обнимаетъ собою всю совокупность физической, умственной и нравственной

---

*) Пропускаемъ историческую справку, приводимую авторомъ.

культуры; что «если посмотрѣть на педагогію съ точки зрѣнія ея источниковъ и ея примѣненія, она является только приложеніемъ психологіи. Строго держась древняго опредѣленія понятія *педагогъ*, слѣдуетъ думать, что на педагога по преимуществу возлагалась обязанность слѣдить за поведеніемъ ребенка и охранять его отъ вредныхъ встрѣчъ. Подъ этою бдительностью педагога, какъ думаетъ Ролленъ, подразумѣвалась вся та нравственная и умственная опека, отъ которой избавлялъ себя отецъ ребенка. Самъ Ролленъ скорѣе даетъ совѣты, а не предписанія: онъ предлагаетъ плоды своей опытности, но не считаетъ себя въ правѣ настаивать на исполненіи своихъ совѣтовъ. Признавая въ немъ прекраснаго педагога, нельзя сказать, чтобы онъ установилъ правила педагогіи Его «трактатъ обученія»—богатѣйшій складъ вѣрныхъ замѣчаній, но въ немъ нѣтъ ничего похожаго на кодексъ, да Ролленъ, по собственному признанію, и не хотѣлъ придавать ему такого характера. Новѣйшая педагогія стремится образовать запасъ руководящихъ идей, которыя она заимствуетъ у психологіи въ тѣсномъ смыслѣ, у морали и у гигіены. Она сдѣлалась такою дисциплиною, которою должны проникнуться всѣ другія дисциплины; она главенствуетъ надъ ними, освѣщаетъ ихъ своимъ свѣтомъ и подчиняетъ ихъ себѣ. У нея есть каѳедры въ учительскихъ институтахъ и факультетахъ. По правамъ, которыя признаются за нею, и по авторитету, которымъ она пользуется или которымъ предлагаютъ ей пользоваться, педагогія въ нѣкоторомъ смыслѣ сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ въ средніе вѣка стремилась сдѣлаться теологія, т.-е. хозяйкою школы и свѣтомъ жизни, *magistra scholae, lux vitae*.

Но *наука*-ли она въ точномъ смыслѣ этого слова? Если признать, что основы ея лежатъ въ глубинахъ того существа, жизнь котораго направляется ею; что она создалась изъ массы наблюденій, которыя въ своей совокупности даютъ возможность вывести извѣстную доктрину и установить законы; что педагогическая система предпочтительнѣе всякой другой, такъ какъ она равномѣрнѣе отвѣчаетъ всѣмъ потребностямъ юношества,—то слѣдуетъ признать педагогію за науку. Не отказываютъ-же въ имени науки тѣмъ опытнымъ знаніямъ, которыя при правильномъ анализѣ приводятъ къ вѣрному синтезу. Скорѣе можно сказать, что изъ всѣхъ экспериментальныхъ областей знанія лучше всего систематизируется та, которая основывается на познаваніи всеобщихъ и вѣчныхъ условій физической, умственной и нравственной жизни человѣчества. Педагогію отказывались называть наукою потому, что, при возникновеніи своемъ, она основывалась на недостаточныхъ или изуродованныхъ невѣжествомъ наблюденіяхъ, а

также и потому, что она приносила въ жертву—или умъ характеру, или характеръ уму, или тѣлесное здоровье умственному развитію. Но съ того времени, когда просвѣщенный воспитатель овладѣлъ всѣми силами ребенка, всѣми элементами, необходимыми для его правильнаго, здороваго развитія,—овладѣлъ ими во всей ихъ нераздѣльной совокупности, въ ихъ живомъ единствѣ,—съ того времени дѣло воспитанія заняло мѣсто среди тѣхъ областей знанія, къ которымъ наука можетъ примѣнять свои точныя правила. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что отъ педагогіи можно требовать математической точности? Если имя науки пріобрѣтается только этою цѣной, то мы готовы отказаться отъ притязаній на научность. Педагогія — наука нравственная, т.-е. такая наука, которая должна принимать во вниманіе и все то, что нарушаетъ общіе законы: въ противномъ случаѣ она станетъ недѣйствительною. На духъ нельзя дѣйствовать, какъ на матерію, которая всегда и вездѣ представляетъ одинаковыя условія гибкости и несжимаемости. Нужно принимать во вниманіе свойства индивидуума, живущаго своею особою жизнью; надо считаться со слабостью и съ сопротивленіемъ свободной воли, способной къ ошибкамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ способной и къ ихъ исправленію. Горе наукѣ, если она своею черезчуръ строгою послѣдовательностью сломитъ эту пружину! Наша наука обязана приспособляться къ частнымъ условіямъ, которыя создаются неизбѣжнымъ вліяніемъ среды или роковою физіологическою силою наслѣдственности. Современная педагогія потому-то и достойна общественнаго довѣрія, что она въ своихъ разумныхъ доктринахъ, кромѣ общихъ законовъ, признаетъ и природныя особенности, комбинируетъ ихъ, исправляетъ и умѣряетъ однѣ другими.

Но на основаніи этой характерной ея черты нѣкоторые смотрятъ на нее скорѣе, какъ на искусство, чѣмъ какъ на науку. Дѣло въ томъ, что ни одна нравственная наука въ своихъ приложеніяхъ не можетъ обойтись безъ содѣйствія искусства. Въ педагогіи такое содѣйствіе составляетъ необходимое условіе успѣха. Ошибка въ томъ, что пріемы принимаются многими за методъ, что искусство смѣшиваютъ съ мастерствомъ. Конечно, не всякому дается талантъ проникнуть въ сознаніе ребенка, осторожно овладѣть имъ и направлять его безъ насилія. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ растетъ, трудности воспитанія видоизмѣняются, но не уменьшаются, а даже увеличиваются съ усиленіемъ страстей въ воспитанникѣ. Юноша, чувствуя, что онъ сталъ сильнѣе волею, и сознавая, что воспитатель вырабатываетъ изъ него извѣстное орудіе, начинаетъ уклоняться отъ его вліянія. Овладѣть имъ можетъ только такой воспитатель, который сумѣетъ подойти къ

нему, а для этого нужно очень много ловкости. Наши женщины-педагоги отличаются большимъ умѣньемъ въ этомъ отношеніи. Такъ какъ въ педагогической практикѣ преобладаніе оказывается на сторонѣ здраваго смысла и инстинктивной ловкости, то многіе на этомъ основаніи придаютъ педагогіи, какъ наукѣ, второстепенное значеніе. И въ самомъ дѣлѣ, для педагогической практики нуженъ, что называется, *даръ*. Но если такой даръ и необходимъ для всякой дѣятельности, затрагивающей вопросы воспитанія, то тѣмъ не менѣе одного только дара недостаточно. То, что дается природою, должно быть дополнено наукой. Самыя остроумныя и дѣйствительныя средства искусства истощаются, если они не поддерживаются знаніемъ принциповъ и не обновляются изученіемъ психологическихъ фактовъ.

Изученіе доктрины и опытность—необходимые элементы педагогіи: только при ихъ наличности она плодотворна. Одни могутъ изучать ея принципы, другіе слѣдовать ей въ приложеніи: и тотъ и другой путь ведетъ къ ея обогащенію. Въ настоящее время она обладаетъ тѣмъ, что нѣмцы называютъ литературой предмета. Тѣ, кому приходится примѣнять къ дѣлу плоды этихъ общихъ изысканій, должны имѣть въ виду и конечную цѣль педагогіи, и средства, ведущія къ ней. Начальное воспитаніе стало прогрессировать только съ тѣхъ поръ, когда въ него внесена была педагогическая идея вмѣстѣ съ широтою и возвышенностью взглядовъ и со свойственною ей силою импульса. За послѣднее время педагогическая идея совершила реформу въ нашемъ высшемъ образованіи. Она начинаетъ обновлять и систему нашего средняго образованія, внося въ физическое, умственное и нравственное развитіе юношества духъ гармоніи и мѣры, который составляетъ основу всякаго воспитанія такъ-же, какъ привычка къ внутренней жизни и личной дѣятельности составляетъ его душу. Школы іезуитовъ и Портъ-Рояля занимаютъ мѣсто въ исторіи только потому, что онѣ создали свою педагогію. Понимаемая въ указанномъ мною смыслѣ, педагогія составляетъ какъ точку отправленія, такъ и точку опоры для всякой общественной реформы. Въ этомъ смыслѣ Лейбницъ могъ сказать: «кто владѣетъ воспитаніемъ, тотъ владѣетъ міромъ» (№ 8).

Въ №№ 4 и 5 «Revue» помѣщены двѣ статьи Тамена подъ заглавіемъ: «законы характера». Авторъ предполагаетъ характеръ сложившійся и указываетъ на нѣкоторые законы, которыми онъ мало-по-малу опредѣляется. Хотя Таменъ и признаетъ, что разсмотрѣніе законовъ характера въ отдѣльности не соотвѣтствуетъ тому, какъ они de facto дѣйствуютъ въ душѣ ребенка, представляющей одно слож-

ное; но, не смотря на такую отвлеченную постановку вопроса, онъ прибѣгаетъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ законовъ, имѣя въ виду указать на послѣдовательное развитіе элементовъ, образующихъ эту сложную душу.

Онъ разсматриваетъ: 1) законъ привычки, 2) законъ организаціи, по которому болѣе или менѣе родственныя чувства взаимно дополняютъ и укрѣпляютъ другъ друга, 3) законъ подражанія и заразительности, 4) законъ внушенія и 5) законъ противодѣйствія или реакціи.

Разсмотрѣніе этихъ законовъ и ихъ взаимодѣйствія приводитъ автора къ слѣдующему заключенію: «пусть будетъ извѣстно, что никогда не слѣдуетъ отчаяваться ни въ другихъ, ни въ себѣ; но гораздо благоразумнѣе не разсчитывать въ отношеніи другихъ и самого себя на способность воли къ героическимъ усиліямъ и на такое будущее, которое могло-бы разомъ порвать связь съ прошедшимъ».

Статьи Тамена заслуживаютъ вниманія педагоговъ.

Въ заключеніе укажемъ на два интересныя изданія прошлаго года.

Въ январѣ вышелъ третій выпускъ «Общаго словаря французскаго языка» Гацфельда, Дармстетера и Томаса (*Dictonnaire général de la langue française* M. M. Adolphe Hatzfeld, Arsène Darmesteter et Antoine Thomas. Charles Delagrave, éditeur). Приведемъ вкратцѣ содержаніе первой главы введенія въ этотъ словарь, представляющаго интересъ не для однихъ только спеціалистовъ.

Разсматривая совокупность значеній одного и того-же слова, намъ часто удается выдѣлить то общее понятіе, которое господствуетъ во всѣхъ этихъ значеніяхъ и связываетъ ихъ между собою. Иногда это понятіе дается легко, какъ, напримѣръ, въ словѣ *листъ:* идея чего-то плоскаго и тонкаго ведетъ отъ древеснаго листа къ листу бумаги, къ листу желѣза. Но въ нѣкоторыхъ словахъ, съ болѣе сложною исторіею, добраться до основнаго понятія становится труднѣе. Таково, напримѣръ, слово *gagner* (XI вѣкѣ *guadagnier*) отъ стараго верхне-нѣмецкаго *waidanjan*—пастись. Но какъ-же это понятіе привело къ выраженіямъ: *avoir ville gagnée*, *gagner la porte*, *gagner de l'argent*, *gagner une bataille*, *gagner un procès*, *gagner ses juges*, *gagner une maladie?* Первоначальная идея *пастись* ведетъ къ другой: *находить себѣ пищу;* отсюда въ старо-французскомъ языкѣ слово *gagner* употреблялось: въ смыслѣ 1) обработывать и 2) охотиться, грабить, брать добычу. Идея о добычѣ привела къ идеѣ о завладѣніи извѣстнымъ мѣстомъ *(avoir ville gagnée);* отъ этой идеи—переходъ къ занятію того мѣста, котораго желательно достичь *(gagner le rivage)* и т. д. Среди всѣхъ

этихъ значеній господствуетъ общая идея пріобрѣтенія, полученія чего-нибудь полезнаго, и она примѣняется къ различнымъ сторонамъ общественной жизни: къ земледѣлію, охотѣ, военной добычѣ, разбойничеству, торговлѣ и промышленности.

Но умъ человѣческій не всегда слѣдуетъ этимъ простымъ путемъ распространенія одной и той-же идеи на всѣ значенія слова, аналогичныя съ первоначальнымъ его значеніемъ: иногда въ первоначальномъ объектѣ онъ подмѣчаетъ различные характеристическіе признаки, которые и служатъ исходною точкою для новыхъ значеній. Такъ, напримѣръ, *хлѣбъ* есть пищевой продуктъ, сдѣланный изъ извѣстнаго количества замѣшанной въ тѣсто муки и испеченный въ печкѣ; слѣдовательно, въ понятіе о хлѣбѣ входятъ: 1) идея о количествѣ, массѣ, 2) идея о тѣстѣ и 3) идея о пищевомъ продуктѣ. Третья идея ведетъ въ переносномъ значеніи къ мысли о продовольствіи—*avoir le pain quotidien*, *gagner son pain;* вторая идея приводитъ къ выраженіямъ *pain à cacheter* (облатка), *pain à chanter* (просфора); изъ идеи массы возникли выраженія *pain du sucre* (голова сахару), *pain de suif* (брусокъ мыла).

Иногда умъ начинаетъ съ приложенія имени первоначальнаго предмета къ другому предмету, имѣющему съ нимъ нѣчто общее; но потомъ, какъ-бы забывая объ этомъ общемъ, отъ втораго предмета нашъ умъ переходитъ къ третьему, который какою-нибудь общею чертою связанъ со вторымъ, но ни въ чемъ не аналогиченъ съ первымъ и т. д., такъ что измѣняются только отношенія между двумя, непосредственно слѣдующими другъ за другомъ значеніями. Пояснимъ это примѣромъ: *bureau* первоначально означаетъ извѣстный сортъ толстаго сукна или грубой шерстяной матеріи «n'étant vêtu que de simple bureau» (Boileau. Satires, 1). Потомъ, постепенно расширяя свой смыслъ, *bureau* постепенно-же обозначаетъ: 1) коверъ, которымъ покрываютъ письменный столъ, 2) самый письменный столъ, для котораго этотъ коверъ служитъ покрышкою, 3) вообще мебель, на которой обыкновенно пишутъ, 4) комнату, въ которой стоитъ эта мебель, и, наконецъ, 5) лицъ, которыя находятся въ этой комнатѣ, сидятъ за этимъ столомъ (статистическое бюро).

До сихъ поръ мы видѣли, что одно слово прилагается все къ бо́льшему и бо́льшему количеству предметовъ въ силу многочисленныхъ аналогій, которыя открываетъ умъ между первоначальнымъ предметомъ и всѣми другими, означаемыми тѣмъ-же словомъ; благодаря этому, смыслъ слова постепенно расширяется. Но иногда ходъ мысли

бываетъ обратный: слово первоначально означаетъ цѣлую совокупность предметовъ, а потомъ, вслѣдствіе ограниченій своего примѣненія, начинаетъ означать только часть того, что оно означало прежде: напримѣръ, слово *menuisier* (столяръ) прежде означало вообще такого рабочаго, которому поручались самыя тонкія работы (ouvrages les plus *menus*), такъ что существовали *menuisiers en serrurerie*, *en orfèvrerie*. Существуютъ и такія слова, которыя сохранили за собою и широкое, и тѣсное значеніе. Такъ, слово *monde* (свѣтъ, міръ) собственно означаетъ *вселенную* (*la création du monde*), а затѣмъ: *земной шаръ* (*voyage autour du monde*), *часть земли* (*nouveau monde*), *людей*, живущихъ на землѣ (*Jésus est le Sauveur du monde*), *общество людей* (*l'opinion du monde*), *группу людей* (*aller dans le monde*), наконецъ, вообще *нѣсколькихъ лицъ* и даже *одно лицо* (*est-il venu du monde?*).

Таковы главные пріемы, при помощи которыхъ умъ видоизмѣняетъ значеніе словъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ прибѣгаетъ къ нѣсколькимъ пріемамъ для развитія одного и того-же термина. Въ этомъ отношеніи интереснымъ образчикомъ можетъ служить слово *timbre*, отъ латинскаго *tympanum* (въ латинскомъ просторѣчіи — *timbanum*), которое первоначально означало *барабанъ*; потомъ—*колоколъ* безъ языка: для звона въ него ударяли молоткомъ; затѣмъ—*особую звучность* различныхъ музыкальныхъ инструментовъ; употреблялось это слово и въ смыслѣ *чаши*, *бассейна;* въ геральдикѣ такъ назывался шлемъ надъ гербовымъ щитомъ; наконецъ, это слово стало означать и правительственную марку на бумагахъ, служащихъ для совершенія юридическихъ актовъ. Въ чемъ-же заключается связь между всѣми этими значеніями? Первоначальный смыслъ слова: *барабанъ* въ формѣ полушарія. Изъ этого первоначальнаго смысла путемъ процессовъ, аналогичныхъ съ тѣми, которые мы указали въ словѣ *bureau*, выводятся слѣдующія значенія: металлическій *колпакъ*, въ который звонятъ молоткомъ, и характеръ звучности, вытекающій изъ комбинаціи основного звука со звуками гармонирующими; полушаровидная форма послужила основаніемъ для примѣненія этого слова къ чашѣ и къ шлему въ гербѣ, а потомъ и къ самому гербу извѣстнаго лица, который налагался на вещи, ему принадлежащія, и наконецъ—къ государственному гербу на гербовыхъ бумагахъ.

Начертанная такимъ образомъ исторія слова даетъ возможность овладѣть его первоначальнымъ значеніемъ, постоянно мѣняющимся подъ вліяніемъ употребленія, и прослѣдить работу языка, который, исходя изъ первоначальнаго смысла, расширяетъ или суживаетъ его въ теченіе вѣковъ, сообразуясь съ потребностями жизни человѣческой».

Упомянемъ еще объ одной вышедшей въ прошломъ году книгѣ, о которой «Revue pédagogique» дало въ высшей степени сочувственный отзывъ. Это—произведенiе г-жи *Эдгаръ Кине*: «Le vrai dans l'éducation» (1 vol., in 16, Calmann Levy, 1891); въ книгѣ шестнадцать главъ, связанныхъ между собою не содержанiемъ, а идеею пламенной любви къ истинѣ.

В. Геннингъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Статистика народнаго образованія въ Венгріи за 1889—1890 г.

Данныя, приводимыя нами, относятся къ одной Венгріи, безъ Хорватіи, для которой имѣется своя особая статистика, и заимствованы изъ извлеченія изъ министерскаго отчета, помѣщеннаго въ I-мъ и II-мъ выпускахъ сербскаго педагогическаго изданія «Школски Лист», издающагося въ Сомборѣ, въ Венгріи. Кстати замѣтимъ, что этотъ сербскій педагогическій журналъ нынче вступилъ уже въ 24-й годъ своего существованія *).

Всѣхъ дѣтей, обязанныхъ учиться, но на самомъ дѣлѣ не учившихся, въ 1889—1890 учебномъ году насчитывалось 446.757, половина которыхъ должна была доучиваться въ дополнительныхъ школахъ. Общее-же число дѣтей 6—12-лѣтняго школьнаго возраста равнялось 1.581.974 и въ дополнительныхъ школахъ считалось 475.834.

Для 85,33% учащихся срокъ ученія продолжался полные 8 мѣсяцевъ, остальнымъ сроки были сокращены, всѣ-же вмѣстѣ они пропустили 21.077.338 часовъ, пени за пропуски, признанные неизвинительными, взыскано на 36.122 гульд. 8 кр.

Неохотнѣе всего школы посѣщаются дѣтьми уніатовъ; ихъ было всего 62,21% изъ числа повинныхъ школѣ. Главную массу уніатскаго населенія Венгріи составляютъ угроруссы и румыны, нелюбовью-же къ школѣ отличаются преимущественно румыны, несмотря на то, что они вообще и богаче, и школы ихъ относительно языка преподаванія поставлены въ гораздо лучшія условія, чѣмъ угрорусскія. Румыны посылаютъ въ школу только 60,82% своихъ дѣтей, повинныхъ школѣ, и въ этомъ отношеніи занимаютъ послѣднее мѣсто среди народностей Венгріи. По числу дѣтей, посѣщающихъ школу, первое мѣсто принадлежитъ въ Венгріи нѣмцамъ, ихъ % равенъ 90,83, далѣе слѣдуютъ мадьяры, а за мадьярами—славяне.

Обыкновенно мальчиковъ учится больше, чѣмъ дѣвочекъ. Такъ и въ Венгріи. Дѣвочекъ въ школахъ меньше, приблизительно, на 150.000. Но мальчиковъ, повинныхъ школѣ, обыкновенно бываетъ меньше, чѣмъ дѣвочекъ. Въ Венгріи же въ 1889—1890 году такихъ мальчиковъ оказалось больше, чѣмъ дѣвочекъ, на 51.809.

---

*) На сербо-хорватскомъ языкѣ издаются 5—8 педагогическихъ журналовъ. Одинъ изъ нихъ, «Napredak» (Прогрессъ), выходитъ 33-й годъ.

Окончило курсъ или выбыло изъ школъ 240.111 учащихся. О познаніяхъ 10.358 изъ нихъ ничего не сообщается и, очевидно, они ничему и не научились, такъ какъ о прочихъ говорится, что они выдержали установленныя испытанія и что выдержавшіе умѣютъ читать и писать, кромѣ 8.342, которые умѣютъ только читать.

На покупку учебныхъ книгъ для бѣдныхъ учениковъ истрачено изъ школьныхъ средствъ 175.971 гульд. На содержаніе же школъ употреблено всего 15.495.548 гульд.

Общее число школъ достигало 16.805, изъ нихъ 13.830 содержались на вѣроисповѣдныя средства, въ томъ числѣ 1.815 православныхъ, т.-е. сербскихъ и румынскихъ *). Такое громадное количество вѣроисповѣдныхъ школъ обращаетъ на себя вниманіе и составляетъ одну изъ особенностей постановки учебнаго дѣла въ Венгріи. И не только низшія, но и большинство среднеучебныхъ—есть даже высшія—заведеній Венгріи, въ особенности гимназіи и учительскія семинаріи, основаны и содержатся на средства тѣхъ вѣроисповѣданій, которыя имѣютъ въ Венгріи сколько-нибудь значительное число своихъ послѣдователей, и часть такихъ гимназій еще и теперь находится въ непосредственномъ управленіи содержащихъ ихъ вѣроисповѣданій. Православныя сербскія школы возникли еще въ началѣ прошлаго столѣтія (въ 1780 г. сербы имѣли 413 своихъ начальныхъ училищъ) и до сихъ поръ еще сохранили кое-какія изъ своихъ прежнихъ правъ. Относительно учительскихъ силъ, учебныхъ пособій и т. п. правительственныя школы поставлены въ лучшія условія, чѣмъ вѣроисповѣдныя. Но въ общемъ, условія венгерскихъ школъ оставляютъ желать многаго. На все количество учащихся потребно-бы было:

30.600 классныхъ помѣщеній и 30.600 учительскихъ силъ, но на самомъ дѣлѣ было
24.965 » » и 24.908 » »,

т.-е. венгерскія школы не обезпечены ни достаточнымъ количествомъ преподавателей, ни достаточнымъ количествомъ помѣщеній. Кромѣ того, неудовлетворительныхъ помѣщеній около половины и бо́льшая ихъ часть въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ учебныхъ пособіяхъ чувствуется большой недостатокъ. Картою пяти частей свѣта, напр., снабжено только 5.645 народныхъ школъ. За всѣмъ тѣмъ въ большинствѣ школъ пройдено все, требуемое программою.

Сады для обученія садоводству имѣлись при 8.869 школахъ, но садоводствомъ занимались только въ 4.640 школахъ и число садовъ уменьшилось сравнительно съ предыдущемъ годомъ на 120. Кромѣ садоводства, введено обученіе пчеловодству (534 школы), разнымъ хозяйственнымъ занятіямъ (941 школа) и женскимъ рукодѣліямъ (2.582 школы).

Что касается до количества и состава преподавателей, то въ этомъ отношеніи за послѣднія 20 лѣтъ замѣчается постоянное и постепенное улучшеніе и теперь на школу приходится, среднимъ числомъ, 1,48 учительскихъ силъ и только около 12% всего учительства не имѣетъ установленныхъ свидѣтельствъ. Въ послѣднее время замѣчается увеличеніе числа

*) Румыны Венгріи исповѣдуютъ частью православную, частью уніатскую вѣру.

учителей-помощниковъ и учительницъ. Послѣднихъ—3.304, и почти всѣ они съ соотвѣтствующей подготовкой. Меньше всего учительницъ въ вѣроисповѣдныхъ православныхъ, уніатскихъ и протестантскихъ школахъ. Большинство учителей состоитъ членами учительской пенсіонной кассы, капиталъ которой достигъ почтенной цыфры въ 8.225.103 гульд. 85½ кр. За послѣдніе годы число членовъ кассы сильно возрастаетъ и за послѣдній отчетный годъ она выдала на 294.986 гульд. пенсій, стипендій и пособій. Квартиры у большинства преподавателей—при школьныхъ помѣщеніяхъ; на содержаніе каждаго приходится, среднимъ числомъ, по 420 гульд.

Отъ общаго числа начальныхъ школъ надо отдѣлить 246 городскихъ, высшихъ народныхъ и высшихъ женскихъ, училищъ. Въ высшихъ народныхъ городскихъ училищахъ мальчики и дѣвочки учатся отдѣльно; мужскихъ училищъ считалось 96 съ 11.222 учащимися и женскихъ 132 съ 11.363 учащимися. Въ старшихъ классахъ мужскихъ городскихъ училищъ учениковъ очень мало, V-е и VI-е классы почти пусты, мальчики уходятъ или въ другія заведенія, или идутъ въ работу; женскія городскія школы, напротивъ, переполнены. Кромѣ городскихъ училищъ, существуютъ еще 18 высшихъ женскихъ школъ съ 2.122 ученицами. По курсу эти учебныя заведенія больше подходятъ къ типу среднеучебныхъ, но въ отчетѣ онѣ помѣщены вмѣстѣ съ начальными.

Перейдемъ къ языку преподаванія.

Языкъ преподаванія—больное мѣсто венгерской школы. Школа и въ частности ея языкъ—одно изъ могущественнѣйшихъ орудій вынародовленія, и пользованіе этимъ орудіемъ мадъяры доводятъ до предѣловъ возможности, конечно, со стороны другихъ народностей встрѣчая болѣе или менѣе сильное сопротивленіе. Въ силу разнаго рода условій, излагать которыя здѣсь не мѣсто, съ особенною ненавистью и съ особенною подозрительностью мадъяры относятся къ славянамъ, которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ наиболѣе пригоднымъ для омадъяренія матеріаломъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ всѣхъ народностей Венгріи славяне, къ несчастью, обладаютъ наименьшею способностью къ сопротивленію. Вслѣдствіе этого мадъяризація и направлена преимущественно противъ славянъ и дѣлаетъ успѣхи преимущественно на ихъ счетъ. И при этомъ венгерскіе славяне почти не встрѣчаютъ поддержки въ остальномъ славянскомъ мірѣ—не такъ, какъ румыны и нѣмцы—у своихъ заграничныхъ соплеменниковъ. И въ отношеніи добыванія средствъ къ существованію славяне *) поставлены природою хуже другихъ народностей Венгріи. Любопытно, что въ то время, какъ нѣмца поддерживаетъ его культурность, сознаніе принадлежности къ великому народу, простой румынъ не мадъярится именно вслѣдствіе своей некультурности: онъ не хочетъ учиться, неспособенъ къ усвоенію чужого языка и вполнѣ доволенъ тѣмъ, что находитъ вокругъ себя; кромѣ того, румынки плодовиты; кое-гдѣ румынятся даже настоящіе мадъяры, и мадъярамъ приходится мириться съ этимъ. Подтвержденіе только что сказанному читатель отчасти найдетъ въ нижеслѣдующей табличкѣ, въ которой учащіеся распредѣлены по языку, употребляемому ими дома, а школы—по языку преподаванія:

*) Рѣчь идетъ о славянахъ одной Венгріи.

	Употребляющихъ					
	мадъяр. яз.	нѣм.	румын.	словац.	сербо-хорват.	угро-руссовъ.
учащихся во всѣхъ школахъ . .	1.263.011	334.704	399.568	331.596	119.909	75.781
школъ по языку преподаванія. .	8.694	674	2.587	1.115	352	211
школъ больше (+) или меньше (—) противу предыдущаго года . .	+150	+32	+156	—274	+23	—16
					—266	

Сверхъ того, мадъярскій языкъ служилъ преподавательскимъ языкомъ въ 2.857 школахъ съ двойнымъ или тройнымъ языкомъ въ преподаваніи.

Итакъ, школъ съ однимъ славянскимъ языкомъ несоразмѣрно мало, число ихъ (и это уже не первый годъ) сразу и значительно уменьшилось; послѣднее явленіе наблюдается относительно словацкихъ и угрорусскихъ школъ, положеніе же сербскихъ—лучше. Но недостаточность славянскихъ училищъ сказалась-бы еще ярче, если бъ мы были въ состояніи привести истинныя цыфры славянскаго населенія, въ венгерскихъ-же правительственныхъ данныхъ число немадъяръ постоянно уменьшается въ пользу мадъяръ. Во всѣхъ венгерскихъ школахъ мадъярскій языкъ обязателенъ, какъ предметъ преподаванія, но при всемъ томъ, не смотря на мадъяризаторскій духъ администраціи и на то, что венгерскіе учителя всѣ, чуть не поголовно, прекрасно владѣютъ мадъярскимъ языкомъ, отчетъ насчитываетъ 1.615 школъ, ученики которыхъ не оказали никакихъ успѣховъ въ мадъярскомъ языкѣ. Въ послѣдніе годы было иначе, и причины неуспѣховъ 1890 года мы не знаемъ. Впрочемъ, немадъяре всегда неохотно учились мадъярскому языку и всегда охотно выражали свое недовольство на мадъярскія притязанія. Въ послѣдніе годы это недовольство стало проявляться особенно рѣзко и настойчиво со стороны румынъ и, вѣроятно, мадъярскіе неуспѣхи находятся въ связи съ увеличеніемъ числа румынскихъ училищъ, тѣмъ болѣе, что и неуспѣшность эта обнаружилась, главнымъ образомъ, у учениковъ православныхъ и греко-уніатскихъ училищъ, т.-е. среди сербовъ и румынъ.

Учительскихъ семинарій въ Венгріи—72, въ томъ числѣ 47 вѣроисповѣдныхъ, и среди послѣднихъ 4 православныхъ. Классовъ во всѣхъ семинаріяхъ—261, учащихся—4.081. Три изъ этихъ заведеній соотвѣтствуютъ нашимъ учительскимъ институтамъ и готовятъ преподавателей для городскихъ училищъ. Правительственныя семинаріи находятся вообще въ лучшихъ условіяхъ и въ отчетѣ можно найти не мало указаній на недостатки вѣроисповѣдныхъ семинарій. Такъ, въ 16 классахъ 4 евангелическихъ семинарій преподавало только 14 наставниковъ, для 35 классовъ 10 католическихъ имѣлось только 24 классныхъ помѣщенія и т. п. Но единственное въ Венгріи мужское среднеучебное заведеніе съ сербскимъ преподавательскимъ языкомъ—Сомборская учительская школа—ведется прекрасно и находится въ цвѣтущихъ условіяхъ. Она заслуживаетъ упоминанія еще потому, что въ ней получаютъ образованіе юноши и дѣвицы—вмѣстѣ.

Кр.

Статистическія данныя о народномъ образованіи въ Россіи *).

II. Среднеучебныя заведенія.

Статистическія данныя по среднему образованію отличаются значительно большими полнотою и точностью въ сравненіи со свѣдѣніями о народныхъ школахъ. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что среднеучебныя заведенія, какъ гораздо менѣе многочисленныя, подлежатъ несравненно болѣе точному учету и тщательному контролю. Если свѣдѣнія о народныхъ школахъ могли быть представлены нами по одной Европейской Россіи, и притомъ безъ Привислянскаго края, то въ отношеніи средняго образованія мы можемъ уже подѣлиться съ читателями цыфрами, обнимающими не только Европейскую Россію съ Привислянскими губерніями, но и губерніи и области Азіатской Россіи.

По свѣдѣніямъ за 1886 годъ, въ Россіи было 1.016 мужскихъ и женскихъ среднеучебныхъ заведеній, не считая разныхъ спеціальныхъ училищъ, а учащихся въ нихъ находилось 234.158 человѣкъ. Въ отношеніи къ числу жителей Европейской Россіи—одно заведеніе приходилось на 88.886, а одинъ учащійся на 472 души жителей. Въ частности, мужскихъ учебныхъ заведеній было 586 съ 144.415 учащимися, женскихъ—430 съ 89.743 учащимися. По категоріямъ учебныя заведенія и учащіеся въ нихъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Мужскія учебныя заведенія.	
	Число заведеній.	Число учащихся.
Гимназій	170	59.683
Прогимназій	69	8.999
Реальныхъ училищъ	90	18.827
Духовныхъ семинарій	55	17.297
» училищъ	181	31.593
Военныхъ гимназій (корпуса)	21	8.016
	Женскія учебныя заведенія.	
Гимназій	149	46.786
Прогимназій	194	23.388
Заведеній Императрицы Маріи	30	7.911
Училищъ духовнаго вѣдомства	57	11.658

Отсюда можно видѣть, что мужскія учебныя заведенія составляли 57,7%, а учащіеся въ нихъ 61,7% общаго числа. Если распредѣлить эти заведенія на главныя группы, т.-е. заведенія гражданскаго, духовнаго и военнаго вѣдомства, то окажется, что на первомъ мѣстѣ стояли гражданскія заведенія (классическія гимназіи, прогимназіи и реальныя училища), второе занимали духовно-учебныя заведенія, а послѣднее—военныя (корпуса). Такъ, на гражданскія заведенія приходилось 32,4%, на духовныя 23,2%, а на военныя 2,1% всего числа средне-

*) Статистическія данныя по начальному образованію см. въ февральской кн. «Русской Школы» 1892 г., стр. 184.

учебныхъ заведеній. Приблизительно то же самое соотношеніе представляло и распредѣленіе учащихся: учащіеся въ гражданскихъ заведеніяхъ составляли 37,4%, въ духовныхъ 20,9%, а въ военныхъ 3,4%.

Между женскими учебными заведеніями также преобладали гимназіи и прогимназіи, за которыми слѣдовали училища духовнаго вѣдомства; на послѣднемъ планѣ стояли заведенія Императрицы Маріи. На гимназіи и прогимназіи упадало 33,8%, на женскія заведенія духовнаго вѣдомства 5,6%, а на заведенія Императрицы Маріи около 2,9%; % учащихся въ первыхъ достигалъ 30%, во вторыхъ онъ равнялся 5, въ послѣднихъ лишь 3,3.

Припомнивъ все сказанное о распредѣленіи учащихся разнаго пола въ народныхъ школахъ, нельзя будетъ не придти къ заключенію, что благами средняго образованія лица разнаго пола пользуются гораздо равномѣрнѣе. Значительный перевѣсъ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ и учащимся мужскаго пола даютъ духовныя семинаріи и училища, причисляемыя нѣкоторыми къ разряду профессіональныхъ заведеній. Исключивъ семинаріи и училища, мы увидимъ, что гражданскія мужскія заведенія, такъ-же какъ и учащіеся въ нихъ, почти совершенно уравновѣшиваются женскими гимназіями и прогимназіями съ ихъ учащимися. Такъ, гражданскія учебныя заведенія для мужскаго пола составляли 32,4% общаго числа среднеучебныхъ заведеній, а учащіеся въ нихъ 37,4% всего числа учащихся, женскія-же гимназіи и прогимназіи достигали 33,8%; только учащихся женскаго пола было менѣе, нежели въ мужскихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что, судя по вышеприведеннымъ даннымъ, господствующій типъ женскаго среднеучебнаго заведенія—прогимназія. На 149 женскихъ гимназій послѣднихъ приходилось 194, тогда какъ на 170 мужскихъ гимназій прогимназій оказывалось лишь 69.

По числу учащихся между мужскими учебными заведеніями первенствующее мѣсто занимаютъ военныя, гдѣ учащихся приходится 381 человѣкъ на каждое; на второмъ планѣ стоятъ гражданскія гимназіи (351 учащійся), на третьемъ духовныя семинаріи (314), на четвертомъ реальныя училища (209), на пятомъ духовныя училища (174); послѣднее мѣсто принадлежитъ прогимназіямъ (130). Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ учащіеся распредѣляются нѣсколько равномѣрнѣе. Наибольшею численностью учащихся характеризуются женскія гимназіи (314 учащихся); второе мѣсто занимаютъ заведенія Императрицы Маріи (263 учащихся), третье—училища духовнаго вѣдомства (204), а послѣднее прогимназіи (120). Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ численность учащихся поднимается и понижается противъ средней очень сильно. Такъ, напримѣръ, въ Рязанской духовной семинаріи учащихся состояло 720 человѣкъ, во Владимірской—639, въ Житомірской мужской гимназіи 633. Рязанская семинарія, кажется, самое обширное учебное заведеніе изъ всѣхъ, не только духовныхъ, но и прочихъ. Между гражданскими заведеніями первенствующее положеніе по численности учениковъ занимаетъ гимназія въ Житомірѣ. Изъ женскихъ учебныхъ заведеній численностью учащихся выдѣляется Новгородская гимназія (567).

Перейдемъ къ разсмотрѣнію распредѣленія учебныхъ заведеній и учащихся по разнымъ районамъ. Начнемъ съ мужскихъ заведеній. Вотъ какимъ образомъ распредѣлялись мужскія учебныя заведенія и учащіеся въ нихъ по главнымъ районамъ.

РАЙОНЫ.	Населеніе муж. п. въ тысячахъ.	Гимназіи.		Прогимназіи.		Реальн. училища.		Духовн. семинаріи.		Духовн. училища.		Военныя заведенія.	
		Число гимназій.	Число учащихся.	Число прогимназій.	Число учащихся.	Число училищъ.	Число учащихся.	Число семинарій.	Число учащихся.	Число училищъ.	Число учащихся.	Число заведеній.	Число учащихся.
Сѣверный	2.912	20	6.849	4	394	8	1.290	6	1.625	19	2.721	6	2.376
Восточный. . . .	4.382	6	1.795	2	114	7	936	4	917	12	1.836	1	314
Средн. промышл .	5.757	20	6.617	8	1.017	8	1.446	9	4.203	38	6.568	5	1.767
Средн. черноземн.	7.301	12	4.028	13	1.184	10	1.708	7	3.791	30	6.386	2	880
Малороссійскій. .	3.670	11	4.124	5	678	7	1.545	3	1.084	10	1.965	1	424
Прибалтійскій . .	1.127	13	4.189	—	—	6	1.637	1	109	1	174	—	—
Нижневолжскій .	4.731	8	2.957	2	166	7	1.281	5	1.251	15	2.519	1	384
Литовскій	2.132	5	2.237	1	113	3	1.111	1	173	2	302	—	—
Бѣлорусскій . . .	2.201	4	1.691	3	560	4	636	3	756	8	1.106	1	362
Юго-западный . .	3.938	11	11.959	4	801	4	1.172	3	1.243	13	2.182	1	511
Южный	4.348	21	6.266	13	1.719	12	2.594	5	1.066	12	2.100	1	217
Привислянскій. .	4.084	21	8.332	7	1.413	3	1.075	1	121	2	220	—	—
Восточ. Сибири .	952	3	621	4	375	1	75	3	175	5	590	—	—
Запад. Сибири . .	1.276	2	507	—	—	2	189	2	354	4	624	1	416
Туркест. края . .	1.891	4	932	—	—	—	—	—	—	1	82	—	—
Кавказскій . . .	3.877	8	3.578	3	465	8	2.032	2	429	9	219	1	365

Если сопоставить общее число учащихся съ населеніемъ мужскаго пола, то окажется, что въ наиболѣе благопріятномъ изо всѣхъ районовъ положеніи находился Прибалтійскій край: здѣсь одинъ учащійся въ среднеучебномъ заведеніи приходился на 184 человѣка. Это обстоятельство указываетъ на высокій уровень образованія въ краѣ, гдѣ къ услугамъ не особенно многочисленнаго населенія служатъ 13 гимназій и 6 реальныхъ училищъ. Съ прибалтійскимъ райономъ въ отношеніи развитія средняго образованія соперничаетъ только сѣверный, въ которомъ учащихся одинъ на 190 человѣкъ мужскаго пола. Но такую благопріятную цыфру даетъ сѣверный районъ лишь благодаря нахожденію въ немъ центра нашей умственной жизни—Петербурга съ его многочисленными учебными заведеніями. Въ Петербургской губерніи на одного учащагося 96 человѣкъ, въ Олонецкой-же — 321, въ Архангельской — 296, въ Новгородской — 377, въ Вологодской — 344. Такимъ образомъ, если сѣверный районъ и можетъ соперничать съ прибалтійскимъ относительно развитія средняго образованія, то исключительно благодаря Петербургской губерніи, откуда видно, что образованіе это распредѣляется въ сѣверномъ районѣ крайне неравномѣрнымъ образомъ. Надо прибавить, что сравненіе сѣвернаго района съ прибалтійскимъ будетъ для перваго еще менѣе благопріятнымъ, когда въ томъ и другомъ мы возьмемъ для сопоставленія одинаковый типъ учебныхъ заведеній, т.-е. гимназіи и прогимназіи, такъ какъ въ Прибалтійскомъ краѣ находятся почти исключительно учебныя заведенія гражданскаго характера, если не считать незначительной духовной семинаріи и духовнаго училища въ Ригѣ; военно-учебныхъ заведеній въ Прибалтійскомъ краѣ не полагается, а они, между тѣмъ, въ значительной степени способствуютъ подъему общей численности учащихся въ районѣ сѣверномъ.

За сѣвернымъ райономъ слѣдуетъ непосредственно, хотя и сильно ему уступая, районъ средній промышленный, въ которомъ на одного учащагося прихо-

дится 266 жителей мужскаго пола. Здѣсь опять обнаруживаетъ свою долю вліянія нахожденіе въ районѣ столицы—Москвы. Въ Московской губерніи на одного учащагося оказывается 148 человѣкъ. Далеко не столь благопріятно отношеніе къ населенію числа учащихся въ другихъ губерніяхъ средней промышленной полосы Россіи. Такъ, напримѣръ, въ Калужской губерніи на одного учащагося 434 жителей, въ Костромской—334 и т. д.

Отъ средняго промышленнаго района намъ приходится сдѣлать значительный скачекъ въ сторону. Послѣ этого района слѣдуютъ одинъ за другимъ въ порядкѣ постепенности: южный, югозападный, привислянскій, малороссійскій. Въ южномъ районѣ на одного учащагося 311 душъ мужскаго пола, въ югозападномъ—362, въ привислянскомъ—365, въ малороссійскомъ—373. Хотя такое отношеніе учащихся къ населенію гораздо ниже не только существующаго въ сѣверномъ и прибалтійскомъ районахъ, но даже въ среднемъ промышленномъ, тѣмъ не менѣе оно все еще довольно значительно, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, какое представляютъ районы восточный, нижневолжскій, бѣлорусскій, литовскій или даже средній черноземный: въ среднемъ черноземномъ районѣ одинъ учащійся на 406 душъ, въ бѣлорусскомъ на 430, въ литовскомъ на 541, нижневолжскомъ на 552, а въ восточномъ на 741. Значительность числа учащихся въ районахъ южномъ, юго-западномъ, привислянскомъ и малороссійскомъ зависитъ отъ существованія въ каждомъ изъ нихъ значительныхъ городскихъ центровъ, съ немалымъ населеніемъ, а въ районахъ привислянскомъ и югозападномъ многочисленностью, такъ называемыхъ, мѣстечекъ съ некрестьянскимъ населеніемъ польскаго или еврейскаго происхожденія, — населеніемъ, среди котораго потребность въ среднемъ образованіи, повидимому, гораздо значительнѣе, чѣмъ между настоящимъ сельскимъ. Изъ южныхъ губерній, въ Херсонской оказывается 8 гимназій и 4 прогимназіи, въ Таврической 4 гимназіи и 2 прогимназіи, въ Екатеринославской 4 гимназіи и 3 прогимназіи; изъ югозападныхъ, Кіевская имѣетъ 8 гимназій и 2 прогимназіи; изъ малороссійскихъ, въ Харьковской находится 5 гимназій и 2 прогимназіи, въ Полтавской 3 гимназіи, въ Черниговской 3 гимназіи и 3 прогимназіи; наконецъ, въ Привислянскомъ краѣ въ одной Варшавской губерніи существуетъ 7 гимназій и 2 прогимназіи. Мы беремъ для сравненія гимназіи и прогимназіи, какъ болѣе распространенный типъ среднеучебныхъ заведеній. Столь значительная численность гимназій и прогимназій въ поименованныхъ губерніяхъ объясняется нахожденіемъ въ южномъ районѣ такихъ центровъ, какъ Одесса, Николаевъ, Симферополь, Севастополь, Бердянскъ, Екатеринославъ, Ростовъ-на-Дону; въ югозападномъ-же Кіевъ, въ малороссійскомъ Харьковъ, въ привислянскомъ Варшава.

Въ восточномъ и нижневолжскомъ районахъ сколько-нибудь крупныхъ городскихъ центровъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ городовъ Поволжья, каковы Казань, Саратовъ и Самара, не имѣется; съ другой стороны, если здѣсь существуетъ многочисленный контингентъ нѣмецкихъ колонистовъ, среди которыхъ потребность въ образованіи, какъ мы видѣли уже изъ первой статьи, развита очень сильно, то на ряду съ нимъ мы встрѣтимъ многолюдное кочевое населеніе—калмыковъ и киргизовъ, а въ восточномъ районѣ многочисленныхъ инородцевъ въ родѣ башкировъ, тептярей, вотяковъ и т. п. полудикаго люда, потребность у котораго къ среднему образованію, въ видѣ классицизма, должна сводиться къ нулю. Вотъ почему и получается въ итогѣ — въ нижневолжскомъ районѣ одинъ учащійся на 552 души мужскаго пола, а въ восточномъ—на 741.

Не высоко стоитъ уровень средняго образованія и на Литвѣ и въ Бѣлоруссіи: въ Бѣлоруссіи одинъ учащійся на 430 человѣкъ, а въ Литвѣ на 541.

Въ Азіатской Россіи отношеніе между числомъ учащихся и населеніемъ колеблется по мѣстностямъ между однимъ на 420 и однимъ на 1.322 души мужскаго пола. Менѣе всего учащихся въ Туркестанѣ—1 на 1.322; за Туркестанскимъ краемъ слѣдуетъ Западная Сибирь (1 учащійся на 719), Восточная Сибирь (1 учащійся на 518) и Кавказъ (1 учащійся на 420).

Обращаясь къ порайонному распредѣленію учебныхъ заведеній и учащихся по главнымъ категоріямъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что наибольшая неравномѣрность замѣчается въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Оно и понятно. Хотя военно-учебныя заведенія и относятся къ общеобразовательнымъ, но они ближайшею своею задачею имѣютъ подготовку къ прохожденію спеціально военныхъ курсовъ, потребность въ знаніи которыхъ довольно узка, по крайней мѣрѣ, говоря относительно. Естественно, что существованіе военно-учебныхъ заведеній ограничивается лишь весьма немногими губерніями. Такъ, въ 1886 году военно-учебныя заведенія главнымъ образомъ находились въ районахъ сѣверномъ (въ С.-Петербургской и Псковской губерніяхъ) и въ среднемъ промышленномъ (въ Московской и Нижегородской), гдѣ ихъ было 11 изъ 21, остальныя 10 заведеній распредѣлялись по районамъ восточному (Оренбургская губернія), среднему черноземному (Воронежская губернія), малороссійскому (Полтавская), нижневолжскому (Симбирская), бѣлорусскому (Витебская), южному (Донская область), Закавказью и Туркестану.

Такъ какъ потребность въ общегражданскомъ и духовно-нравственномъ просвѣщеніи несравненно сильнѣе, чѣмъ въ военномъ, то учебныхъ заведеній гражданскаго типа (гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ), такъ же, какъ и духовныхъ (семинарій и училищъ), не только больше, но и распредѣленіе ихъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ гораздо равномѣрнѣе. Между тѣмъ какъ существуютъ районы, гдѣ военно-учебныхъ заведеній нѣтъ, какъ говорится, и «въ заводѣ», не найдется ни одного района, гдѣ не было-бы гражданскихъ и духовныхъ. Въ этомъ именно смыслѣ мы употребили выраженіе «правильнѣе» и «равномѣрнѣе», но, разумѣется, относительное число гражданскихъ и духовныхъ заведеній по отдѣльнымъ районамъ неодинаково. Такъ, гражданскихъ мужскихъ учебныхъ заведеній и учащихся всего болѣе въ Прибалтійскомъ краѣ (одинъ учащійся на 193 жителей мужскаго пола), затѣмъ идутъ въ порядкѣ постепенности районы: югозападный (одинъ на 282 человѣка), сѣверный (одинъ на 342), привислянскій (1 на 360), южный (1 на 423), малороссійскій (1 на 578), литовскій (1 на 615), средній промышленный (1 на 634), бѣлорусскій (1 на 762), средній черноземный (1 на 1.055), нижневолжскій (1 на 1.074) и восточный (1 на 1.540). Сопоставленіе этихъ данныхъ съ тѣми, какія мы представили выше относительно распредѣленія учащихся въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ *вообще*, приводитъ къ весьма любопытнымъ заключеніямъ. Мы видѣли, что по общему числу учащихся въ среднихъ заведеніяхъ непосредственно за Прибалтійскимъ краемъ слѣдовалъ районъ сѣверный, далѣе шелъ средній промышленный, затѣмъ—южный, югозападный, привислянскій, малороссійскій и др. Между тѣмъ, въ отношеніи однихъ гражданскихъ заведеній сѣверный районъ оказывается на третьемъ мѣстѣ, югозападный на второмъ, привислянскій на четвертомъ, средній промышленный на восьмомъ. Такимъ образомъ ясно, что гимназическое образованіе сосредоточивается преимущественно въ сѣверномъ районѣ и въ западной окраинѣ (прибалтійскія, приви-

слянскія и югозападныя губерніи); коренная Великороссія (промышленныя губерніи съ Москвою во главѣ) занимаетъ въ этомъ отношеніи одно изъ послѣднихъ мѣстъ; она стояла на третьемъ мѣстѣ по общей численности среднихъ заведеній, лишь благодаря духовнымъ семинаріямъ и корпусамъ, но какъ только этотъ «духовно-военный элементъ» отодвинулся, она потеряла принадлежавшее ей видное мѣсто въ ряду другихъ районовъ.

Отсюда уже видно, что на окраинахъ, гдѣ преобладаетъ нерусское и неправославное населеніе, духовное образованіе «въ духѣ православія» должно стоять очень низко. Дѣйствительно, по мѣрѣ удаленія отъ центра къ западной окраинѣ число учащихся по отношенію къ численности населенія мужскаго пола понижается сильнѣе и сильнѣе. Такъ, одинъ учащійся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ приходится:

Въ среднихъ промышленныхъ губерніяхъ на	534	жит. муж. пола.
» сѣверныхъ	670	» » »
» среднихъ черноземныхъ.	717	» » »
» югозападныхъ	1.149	» » »
» бѣлорусскихъ.	1.189	» » »
» малороссійскихъ	1.204	» » »
» нижневолжскихъ	1.254	» » »
» южныхъ	1.373	» » »
» восточныхъ.	1.591	» » »
» прибалтійскихъ.	3.981	» » »
» литовскихъ.	4.487	» » »
» привислянскихъ.	11.449	» » »

Переходимъ къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ.

Вотъ цыфровыя данныя, относительно этихъ заведеній по главнымъ ихъ категоріямъ:

ГУБЕРНІИ.	Число душъ женскаго пола въ тысячахъ.	Гимназіи.		Прогимназіи.		Вѣдомства Имп. Маріи.		Вѣдомства Св. Синода.	
		Число заведеній.	Число учащихся.	Число заведеній.	Число учащихся.	Число заведеній.	Число учащихся.	Число заведеній.	Число учащихся.
Сѣверныя.	2.884	9	5.912	20	2.188	10	3.172	7	850
Восточныя	4.571	6	2.181	18	2.809	1	121	4	940
Среднія промышленныя . .	6.107	20	6.308	27	3.479	5	1.759	9	2.063
Среднія черноземныя . . .	7.408	9	3.142	35	4.722	2	463	8	1.951
Малороссійскія	3.637	11	3.677	17	1.570	2	442	3	897
Прибалтійскія	1.192	8	1.851	10	1.153	—	—	—	—
Нижневолжскія.	4.785	8	3.168	6	774	2	328	5	1.255
Литовскія	2.120	4	1.329	—	—	1	128	1	109
Бѣлорусскія.	8.158	4	1.424	1	143	—	—	5	470
Югозападныя.	3.926	8	2.964	2	237	1	285	4	909
Южныя	4.109	20	6.004	24	2.398	3	660	4	1.222
Привислянскія	4.056	14	3.765	4	451	1	252	1	180
Восточной Сибири	—	4	699	10	1.124	1	108	1	91
Западной Сибири	—	2	574	9	960	—	—	2	235
Туркестанскаго края . . .	—	3	552	3	389	—	—	1	83
Кавказскаго края	—	9	3.342	8	991	1	193	2	403

Эта таблица показываетъ, что, въ противоположность мужскимъ заведеніямъ гимназическаго типа, среди женскихъ заведеній огромный перевѣсъ надъ гимназіями берутъ прогимназіи. Перевѣсъ этотъ мѣстами достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Оказывается, напримѣръ, что въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ потребность въ полномъ гимназическомъ курсѣ настолько слаба, что на 35 прогимназій приходится всего лишь 9 гимназій. Нѣчто подобное видимъ мы въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ на 9 гимназій 20 прогимназій, затѣмъ—въ восточныхъ и т. д. Только въ литовскомъ районѣ оказываются однѣ гимназіи безъ прогимназій, а въ бѣлорусскомъ на 4 гимназіи—1 прогимназія. Заведеній Императрицы Маріи наиболѣе въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ они, впрочемъ, сосредоточиваются исключительно въ С.-Петербургѣ *).

Затѣмъ слѣдуютъ губерніи среднія промышленныя, съ Московскою во главѣ, южныя и др. Заведеній этого вѣдомства не имѣется только въ губерніяхъ прибалтійскихъ, бѣлорусскихъ, въ Восточной Сибири и Туркестанѣ.

Женскія заведенія синодальнаго вѣдомства существуютъ, напротивъ, почти повсемѣстно; ихъ не оказывается только въ Прибалтійскомъ краѣ. Всего болѣе ихъ, конечно, въ мѣстностяхъ съ кореннымъ православнымъ населеніемъ, гдѣ значительнѣе численность нашего духовенства.

Существованіе въ сѣверныхъ губерніяхъ значительнаго числа учебныхъ заведеній и учащихся вѣдомствъ Императрицы Маріи и Св. Синода способствуетъ тому, что губерніи эти въ отношеніи средняго женскаго образованія оказываются выше всѣхъ прочихъ, не исключая и прибалтійскихъ, именно здѣсь одна ученица приходится на 237 женщинъ, тогда какъ въ прочихъ губерніяхъ одна учащаяся оказывается на слѣдующее число представительницъ «слабаго» пола:

Въ прибалтійскихъ на	396
» южныхъ на	399
» среднихъ промышленныхъ на	448
» малороссійскихъ на	552
» среднихъ черноземныхъ на	720
» восточныхъ на	755
» нижневолжскихъ на	865
» привислянскихъ на	872
» югозападныхъ на	893
» бѣлорусскихъ на	1.057
» литовскихъ на	1.358

Вотъ въ какихъ чертахъ рисуется положеніе у насъ народнаго образованія по имѣющимся цыфровымъ даннымъ. Данныя эти нѣсколько устарѣли, но если бы въ нашемъ распоряженіи находились данныя за 1890 или даже 1891 г. («роскошь», при современномъ способѣ собиранія свѣдѣній немыслимая), то выводы остались бы, несомнѣнно, тѣ же самые, а въ выводахъ этихъ вся суть дѣла.

Л. В.

---

*) Здѣсь находятся институты: Смольный, Екатерининскій, Патріотическій, Павловскій, Александровскій, Елисаветинскій и др. Слѣдуетъ оговориться: въ «Сборникѣ свѣдѣній», которымъ мы пользовались, гимназіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи показаны вмѣстѣ съ министерскими.

Хроника народнаго образованія.

Настоящую хронику я начну сообщеніемъ нѣкоторыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ опыта устройства народныхъ чтеній. Меня, откровенно говоря, всегда удивляли чрезвычайная любовь къ дѣлу и настойчивость въ стремленіи осуществить и расширить его, проявляемыя устроителями народныхъ чтеній, не смотря на то, что программа этихъ чтеній крайне узка и устроителямъ чтеній приходится преодолѣвать чрезвычайныя матеріальныя затрудненія. Теперь, послѣ того, какъ мнѣ пришлось принять нѣкоторое участіе въ дѣлѣ устройства чтеній въ моемъ родномъ городѣ, Ставрополѣ-Кавказскомъ, я понимаю, почему чтенія могутъ вызывать къ себѣ такую любовь и такую преданность со стороны ихъ устроителей.

Народныя чтенія въ Ставрополѣ начаты при условіяхъ, наименѣе благопріятныхъ. У устроителей не было никакихъ средствъ, которыми они моглибы располагать для этого дѣла. У нихъ не было ни фонаря, ни картинъ, ни помѣщенія. Тѣмъ не менѣе, они рѣшились взяться за дѣло, полагая, что все нужное найдется, разъ серьезно пожелаешь этого. И дѣйствительно, дѣло устроилось. Фонарь оказался у городской управы; картинами взялась снабжать устроителей одесская коммиссія народныхъ чтеній, не берущая за пользованіе картинами ничего и требующая только оплаты стоимости пересылки картинъ; помѣщеніе уступила мѣстная мѣщанская управа. Расходы по устройству чтеній оказались на столько ничтожными, что они могли быть покрыты безъ всякихъ затрудненій. И вотъ, съ января мѣсяца настоящаго года въ Ставрополѣ-Кавказскомъ ведутся народныя чтенія.

Помѣщеніе, въ которомъ произносятся чтенія, не обширно: безъ особаго стѣсненія въ немъ можетъ помѣститься не болѣе 250 человѣкъ. Между тѣмъ на первое-же чтеніе явилось немного менѣе 500 человѣкъ, а на послѣдующихъ присутствовало до 600 человѣкъ. И такое число слушателей имѣетъ мѣсто при разнаго рода ограничительныхъ мѣрахъ. Такъ, уже послѣ 3-го чтенія пришлось не пускать дѣтей; затѣмъ, послѣ того, какъ набирается 500 человѣкъ, двери затворяются и дальнѣйшій впускъ совершается только по особо уважительнымъ причинамъ (которыя оказываются у столь многихъ, что набирается еще цѣлая сотня). Можно представить себѣ, какая тѣснота, какая давка царитъ въ аудиторіи! Обычные способы вентиляціи оказываются не въ состояніи бороться съ порчею воздуха, и она была такъ сильна въ зимнее время, что *лампы фонаря* среди чтенія *гасли:* приходилось прерывать чтеніе, открывать настежь окна и провѣтривать залу. Послѣднее чтеніе, благодаря тому, что настало уже теплое время, производилось при открытыхъ окнахъ, что̀, однако, имѣетъ свои неудобства: врывается уличный шумъ.

Несмотря на то, что посѣтителямъ чтеній приходится, такимъ образомъ, выносить крайнія неудобства, о которыхъ ясное понятіе можно составить, только испытавши ихъ лично на себѣ, не смотря на то, что отправляющіеся на чтенія рискуютъ быть не впущенными въ залу, если запоздаютъ, посѣтители на чтенія являются изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ города, не исключая и предмѣстій, отдѣленныхъ отъ города значительнымъ разстояніемъ. Рѣшительно ничто, никакая погода, ни вѣтеръ, ни мятель, ни

грязь не останавливаютъ наплыва публики. Въ нѣкоторые дни чтеній погода была такая отвратительная, такая сильная мятель, что устроители чтеній опасались увидѣть аудиторію пустою—и, однако, она оказывалась столь-же набитою, какъ и всегда.

Эти факты, свидѣтельствующіе о чрезвычайной потребности населенія въ учрежденіяхъ, подобныхъ народнымъ чтеніямъ, не могутъ не дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на устроителей чтеній. Тутъ непосредственно дается вознагражденіе за всѣ труды, которые несутъ устроители чтеній, за всѣ неудобства, которыя имъ приходится испытывать. Еще болѣе чувствуется это вознагражденіе при видѣ толпы внимательныхъ слушателей, при порывистыхъ, пробѣгающихъ по всей толпѣ, вздохахъ или смѣхѣ при появленіи той или другой картины или въ особенно удачномъ мѣстѣ чтенія, при разговорахъ, которые ведутся расходящимися слушателями послѣ чтенія, или при выраженіи ими благодарности и вынесенныхъ изъ чтенія впечатлѣній. Да, кто испыталъ все это, тотъ неизбѣжно долженъ полюбить дѣло народныхъ чтеній и съ радостью отдастъ на это дѣло и время, и трудъ.

Теперь меня уже не удивляетъ, что члены коммиссіи народныхъ чтеній съ такою любовью отдаются своему дѣлу, и для меня теперь вполнѣ понятно, почему, напр., члены астраханской коммиссіи народныхъ чтеній, недавно праздновавшей десятилѣтіе своего существованія, потратили такую массу труда и энергіи для того, чтобы поставить прочно въ Астрахани дѣло народныхъ чтеній, кажущееся со стороны столь мало благодарнымъ. Исторія десятилѣтней дѣятельности астраханской коммиссіи народныхъ чтеній, дѣйствительно, весьма поучительна въ указанномъ отношеніи.

Мысль объ учрежденіи народныхъ чтеній въ Астрахани возникла въ 1881 г.; иниціаторами въ этомъ дѣлѣ были мѣстные педагоги Пацукевичъ и Лавровъ. Первое чтеніе было поставлено 14 февраля 1882 года. На первыхъ-же шагахъ коммиссія стала наталкиваться на препятствія. Желая разнообразить программу чтеній и придать имъ больше интереса въ глазахъ посѣтителей, коммиссія народныхъ чтеній возбудила ходатайство о разрѣшеніи на чтеніяхъ пѣнія, каковое теперь сопровождаетъ чтенія въ большей части существующихъ аудиторій. На это ходатайство былъ полученъ отъ попечителя учебнаго округа отвѣтъ: «духовное пѣніе рекомендуется, а свѣтское требуетъ выбора»; мѣстныя-же духовныя власти нашли возможнымъ разрѣшить пѣть только «канты» и народныя пѣсни, но отнюдь не ставить церковныхъ пѣснопѣній. Дѣло устройства пѣнія было пока оставлено.

Помѣщеніемъ для аудиторіи служила зала въ зданіи Биржи. Аудиторія посѣщалась такою массою народа, и притомъ изъ противоположныхъ концовъ города, что коммиссія сочла необходимымъ открыть вторую аудиторію въ Солдатской—въ «тепломъ, но мрачномъ, грязномъ, съ промзглымъ воздухомъ залѣ». Первая аудиторія была то-же не изъ особенно удобныхъ: здѣсь царила такая стужа, что слушатели должны были сидѣть въ шубахъ и шапкахъ. Въ слѣдующемъ году была открыта еще одна аудиторія—въ Бондарномъ поселкѣ.

Дѣло такимъ образомъ ширилось и развивалось. Какъ вдругъ въ 1886 г. дѣло чтеній въ Астрахани чуть не погибло совсѣмъ. Зданіе, гдѣ помѣщалась

одна аудиторія, отошло въ казачье вѣдомство, а затѣмъ закрылась и главная аудиторія, потому что биржевому комитету зданіе понадобилось для другой цѣли. Къ счастью, въ это критическое время на помощь чтеніямъ пришелъ директоръ реальнаго училища, уступившій подъ аудиторію актовый залъ этого училища. Съ этого времени чтенія начали становиться на твердую почву. Вскорѣ были открыты новыя аудиторіи, и въ 1888 г. всѣхъ аудиторій было уже 4. Теперь коммиссія располагаетъ только тремя аудиторіями: главная помѣщается въ реальномъ училищѣ, вторая — въ городскомъ училищѣ и третья—въ дешевой столовой. Послѣдняя аудиторія помѣщается по сосѣдству съ ночлежнымъ домомъ и дешевыми квартирами, т.-е. мѣстоположеніе ея крайне удобно для самой что ни на есть «сѣрой» публики, которая и составляетъ исключительно контингентъ посѣтителей этой аудиторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ упрочилось и матеріальное положеніе коммиссіи, благодаря ежегодной 1.000-рублевой субсидіи отъ мѣстной думы. Эта субсидія сдѣлала возможнымъ уничтожить взимавшуюся ранѣе съ посѣтителей плату въ 5 к. за входъ. Удалось коммиссіи устроить и дѣло съ пѣніемъ, которое теперь сопровождаетъ чтенія. Благодаря стараніямъ членовъ коммиссіи, устраивавшихъ всякаго рода предпріятія (концерты и т. п.) въ пользу чтеній, удалось собрать средства на обзаведеніе фонарями и картинами: въ настоящее время коммиссія имѣетъ 4 фонаря и 800 картинъ.

Всѣхъ членовъ коммиссіи въ настоящее время 106. Общее собраніе членовъ избираетъ изъ своей среды правленіе, которое и ведетъ все дѣло чтеній, а также другія предпріятія, начатыя коммиссіей, о которыхъ рѣчь ниже.

Число слушателей съ каждымъ годомъ растетъ. Въ то время, какъ въ первый годъ устройства чтеній число слушателей равнялось всего 5.003, въ 1891—1892 году оно достигло 16.266. Всего за 10 лѣтъ существованія чтеній слушателей было 125.068. Преобладали мужчины надъ женщинами и подавляющее большинство составляла сѣрая публика. Громадный наплывъ публики заставилъ коммиссію запретить входъ дѣтямъ, чтобы дать возможность посѣщать аудиторіи желающимъ взрослымъ.

Чтобы не лишить, однако, и дѣтей возможности наслаждаться чтеніями, сопровождаемыми туманными картинами, коммиссія устраиваетъ такъ называемыя «дѣтскія утра», имѣющія громадный успѣхъ. На «утра» собирается человѣкъ по 800, изъ которыхъ больше 500 дѣтей.

Кромѣ чтеній, коммиссія устроила еше безплатную библіотеку и книжный складъ. При открытіи библіотеки, она состояла изъ 147 названій на сумму 79 р. и имѣла въ первый годъ своего существованія 59 подписчиковъ. Въ настоящее время библіотека имѣетъ 854 названія, въ количествѣ 1.390 томовъ. Въ послѣдній отчетный годъ число лицъ, пользовавшихся въ теченіе года безплатною библіотекою, возрасло до 700. Къ 1-му января 1892 г. состояло на лицо 332 подписчика; въ томъ числѣ: мѣщанъ было 171, крестьянъ—88, дворянъ—42, купцовъ—13, нижнихъ воинскихъ чиновъ—10, духовныхъ—6, иностранныхъ подданныхъ—2. По занятіямъ подписчики дѣлились такъ: учениковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній—189, ремесленниковъ—34, торговцевъ и приказчиковъ — 41, учителей и учительницъ (брали книги для учениковъ)—20, чернорабочихъ—14, около-

точный надзиратель — 1, военный фельдшеръ — 1 и лицъ безъ опредѣленныхъ занятій—32. По возрастамъ: до 10 лѣтъ—5 подписчиковъ, отъ 10 до 20—217, отъ 20 до 30—59, отъ 30 до 40—36, отъ 40 до 50—9 и выше 50 — 6. Итакъ, преобладалъ тотъ нѣжный возрастъ, когда душа человѣка обладаетъ наибольшею впечатлительностью и когда человѣкъ наиболѣе склоненъ къ чтенію; удовлетворяя эту потребность молодежи и доставляя ей возможность получать чистыя, благородныя впечатлѣнія, библіотека выполняетъ прекрасную, высокую роль. Не мало, какъ видимъ, среди подписчиковъ библіотеки и взрослыхъ людей, которые идутъ сюда, очевидно, учиться и искать разрѣшенія своихъ вопросовъ.

Книжный складъ развилъ къ настоящему времени свои операціи довольно широко. При своемъ открытіи онъ имѣлъ всего 1.200 экземпляровъ дешевыхъ книгъ, стоимостью на 89 р. Въ 1890 году запасъ книгъ въ главномъ складѣ, въ отдѣленіи и въ книжной лавочкѣ составлялъ уже стоимость 3.392 р. 38 к. Съ 1 марта 1891 г. по 1 января 1892 г. въ складъ поступило книгъ для продажи на сумму 6.938 р. Сначала складъ имѣлъ исключительно народныя книги, но затѣмъ онъ сталъ выписывать и книги, предназначенныя для интеллигентной публики. Кромѣ того, складъ взялъ на себя коммиссію по снабженію учебниками всѣхъ школъ Астраханской губерніи.

Помимо всего вышеизложеннаго, коммиссія проявляла свою дѣятельность въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, гдѣ можно было сдѣлать доброе дѣло. Такъ, она оказывала содѣйствіе устройству чтеній въ астраханскомъ обществѣ приказчиковъ, въ с. Пришибѣ, Енотаевскаго уѣзда; давала совѣты и указанія по устройству народныхъ чтеній въ гг. Вяткѣ, Симбирскѣ, Смоленскѣ и Читѣ; въ 1891 г. разослала 20 библіотекъ въ сельскія школы Астраханской губерніи; въ томъ-же году пожертвовала на 50 р. учебниковъ недавно открытымъ въ Астрахани воскреснымъ школамъ и т. д.

Въ виду невольнаго расширенія своей дѣятельности, а также желая ввести въ кругъ своего попеченія всѣ отрасли народно-образовательнаго дѣла, коммиссія въ 1889 г. пришла къ мысли о полезности преобразованія этого учрежденія въ «Общество распространенія народнаго образованія въ Астраханской губерніи». На ходатайство объ утвержденіи устава общества, былъ полученъ такой отвѣтъ Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія: дѣйствующими законоположеніями попеченіе о нуждахъ народнаго образованія предоставлено подлежащимъ органамъ учебнаго и духовнаго вѣдомствъ по принадлежности; въ виду этого, онъ находитъ, что въ существованіи частнаго общества, преслѣдующаго ту-же цѣль и стоящаго притомъ внѣ контроля названныхъ вѣдомствъ, не представляется надобности» («Астраханскій Листокъ», 1892 г., 38).

Счастливѣе астраханцевъ оказались нижегородцы. Именно, по сообщенію нижегородской газеты «Волгарь», Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ утвержденъ уставъ «Общества для пособія учащимся въ начальныхъ народныхъ училищахъ Нижняго-Новгорода». Общество это, по уставу, имѣетъ цѣлью оказывать всякаго рода помощь нуждающимся ученикамъ и ученицамъ нижегородскихъ начальныхъ училищъ: доставлять нуждающимся дѣтямъ одежду, обувь, бѣлье, книги и разныя учебныя пособія, медицинскую помощь и пищу тѣмъ изъ дѣтей, которыя окажутся въ совершенно

безпомощномъ положеніи; доставлять способнѣйшимъ изъ нуждающихся учениковъ и ученицъ средства къ продолженію образованія въ уѣздномъ, ремесленномъ и другихъ мѣстныхъ училищахъ; содѣйствовать устройству, по программамъ, утвержденнымъ ближайшимъ учебнымъ начальствомъ, школьныхъ праздниковъ, торжественныхъ актовъ, елокъ, бесѣдъ съ туманными картинами, образовательныхъ прогулокъ и т. п. Какъ видимъ, программа дѣятельности нижегородскаго «Общества» довольно разнообразна и даетъ широкій просторъ для этой дѣятельности. Остается пожелать, чтобы нижегородскіе ревнители народнаго просвѣщенія заявили себя такою-же энергическою дѣятельностью, какъ ихъ товарищи по духу и задачамъ въ Астрахани (коммиссія народныхъ чтеній), Одессѣ (то-же) или Харьковѣ (Общество грамотности и общественная библіотека).

О дѣятельности послѣдняго изъ упомянутыхъ образцовыхъ учрежденій частной инициативы намъ приходится говорить весьма часто. Теперь оно снова напоминаетъ о своей благотворной дѣятельности только что появившимся отчетомъ за *пятый* годъ своего существованія (съ 26 сентября 1890 г. по 26 сентября 1891 г.). И въ этомъ году, какъ и въ предъидущіе, дѣятельность библіотеки проявлялась въ весьма обширныхъ размѣрахъ. По прежнему библіотека обращалась къ цѣлому ряду лицъ и учрежденій съ просьбою о книжныхъ пожертвованіяхъ и по прежнему эти обращенія увѣнчались чрезвычайнымъ успѣхомъ. Именно, харьковской общественной библіотекѣ принесли въ отчетномъ году въ даръ книги 69 учрежденій (въ томъ числѣ 53 иногороднихъ) и 124 частныхъ лица (въ томъ числѣ 43 иногороднихъ). Въ общей суммѣ библіотека получила за отчетный годъ въ даръ 6.030 томовъ, на сумму около $4^1/_2$ т. рублей. Кромѣ того, библіотекою было пріобрѣтено 1.278 томовъ, на сумму 1.912 рублей. Такимъ образомъ, въ отчетномъ году книжное богатство библіотеки увеличилось на 7.308 томовъ, стоимостью около $6^1/_2$ т. рублей. Въ эти итоги не вошли періодическія изданія, которыхъ библіотекою получалось 181 названіе въ 274 экземплярахъ, изъ которыхъ около трети получалось безплатно.

Какъ велико значеніе харьковской общественной библіотеки для мѣстнаго общества, наглядное понятіе о томъ даютъ свѣдѣнія, касающіяся числа подписчиковъ, взятыхъ ими книгъ, посѣтителей безплатнаго кабинета для чтенія и требованій послѣднихъ. Къ 26 сентября 1891 г. библіотека имѣла 1.898 подписчиковъ, изъ которыхъ 272 состояли членами библіотеки (т.-е. были годовыми подписчиками). Зимою число подписчиковъ повышалось, доходя въ февралѣ 1891 г. до 2.108, лѣтомъ уменьшалось, падая до 1.059 (въ іюнѣ). Безплатный кабинетъ для чтенія выдалъ въ отчетномъ году 3.922 билета на право посѣщенія. Изъ общаго числа лицъ, взявшихъ билеты, всего больше было, а именно 1.411, студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній; за ними слѣдовали лица свободныхъ профессій, которыхъ было 544. Женщины посѣщаютъ кабинетъ слабо: ихъ всего было 264 или 6,7% общаго числа посѣтителей. Ремесленниковъ и вообще «чернаго люда» было 210 или 5,4% посѣтителей. Всего означенными лицами сдѣлано 95.743 посѣщенія кабинета, тогда какъ въ предъидущемъ году было только 18.973 посѣщенія (увеличеніе на 24,7%). Наиболѣе усердными посѣтителями кабинета были, конечно, студенты, посѣтившіе кабинетъ въ среднемъ каждый по 37,8 разъ. За ними слѣдуютъ лица

свободныхъ профессій (23 посѣщенія на среднее лицо) и военное (21 посѣщеніе). Менѣе всѣхъ посѣщали кабинетъ женщины, сдѣлавшія всего по 9 посѣщеній каждая. Изъ книгъ посѣтителями кабинета требовалось всего болѣе, конечно, по беллетристикѣ; однако, вообще книгъ для легкаго чтенія (беллетристика, дѣтскія и журналы) было выдано всего 33,7% общаго числа выданныхъ книгъ; остальныя выданныя книги были научнаго содержанія.

Итакъ, библіотекою и состоящимъ при ней безплатнымъ кабинетомъ для чтенія въ отчетномъ году пользовалось около 4.000 тыс. посѣтителей кабинета и такое-же число лицъ, перебывавшихъ въ теченіе года въ числѣ подписчиковъ библіотеки.

Изъ послѣднихъ для насъ наибольшій интересъ представляютъ подписчики 3-го разряда (дешевый пятикопеечный абонементъ). Къ 26 сентября 1890 г. подписчиковъ этого разряда было 376, а къ 26 сентября 1891 г. число ихъ увеличилось до 471. Приростъ за одинъ годъ составилъ 25%. Всего за годъ перебывало 1.831 подписчикъ, среди которыхъ лишь 18% составляли лица женскаго пола. По возрастамъ эти подписчики дѣлились на взрослыхъ (55%), подростковъ (29%) и дѣтей (16%). По занятіямъ подписчики распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: учащіеся составляли 31%, занимающіеся домашнимъ хозяйствомъ—7%, изъ торговыхъ заведеній—9%, ремесленниковъ—18%, интеллигентныхъ профессій—8%, чернорабочихъ и разныхъ мелкихъ профессій—27%. По степени образованія подписчики дѣлились на *учащихся* въ низшихъ и начальныхъ училищахъ (24%), среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (6,5%) и высшихъ (0,5%), на *учившихся* въ низшихъ и начальныхъ училищахъ (1%), среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (3%), на *окончившихъ курсъ* низшихъ и начальныхъ училищъ (33%) и среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній (6%) и, наконецъ, на получающихъ и получившихъ домашнее образованіе (24%). Какъ видимъ, преобладаютъ лица съ низшимъ образованіемъ и учащіеся въ низшихъ училищахъ (тѣхъ и другихъ 91%).

Дешевое отдѣленіе библіотеки (3-й разрядъ) посѣщалось весьма усердно. Ежедневно было въ среднемъ по 93 посѣтителя, которые обмѣнивали по 153 книги. Число всѣхъ обмѣненныхъ въ теченіе года книгъ достигло 45.879.

За отчетный годъ дешевое отдѣленіе библіотеки обогатилось 257 названіями (383 книги, на сумму 150 р.), пожертвованными разными лицами, и 859 названіями (960 книгъ, на сумму 416 р.), купленными на средства библіотеки, а всего дешевое отдѣленіе пріобрѣло въ отчетномъ году 1.116 названій въ 1.343 книгахъ.

Общій приходъ харьковской общественной библіотеки за истекшій годъ составилъ 11.656 рублей, расходъ 13.280 р. Между статьями дохода видное мѣсто занимаютъ: плата за абонементъ—7.723 р. (69% всѣхъ доходовъ), субсидія отъ города—2.500 р. (21%), доходъ отъ концертовъ и спектаклей—812 р. (7%), отъ лекцій—633 р. (5%). Въ статьяхъ расхода главную роль играютъ: пріобрѣтеніе книгъ—3.511 р. (26%), пріобрѣтеніе газетъ и журналовъ—2.122 р. (16%), переплетъ книгъ и журналовъ—1.199 р. (9%), содержаніе служащихъ—2.909 (22%), наемъ помѣщенія—1.500 (11%).

Къ 26 сентября 1891 г. библіотека имѣла имущества на 43.997 р. и была должна 6.071 р.

Таковы громадные матеріальные и не матеріальные результаты, достигнутые харьковскою общественною библіотекою въ теченіе пятилѣтней дѣятельности. Честь и хвала людямъ, безкорыстному труду которыхъ обязано такимъ процвѣтаніямъ это симпатичнѣйшее общественное учрежденіе, и да послужитъ ихъ дѣятельность всѣмъ намъ примѣромъ и ободреніемъ въ работѣ на просвѣщеніе родной страны! **Я. Абрамовъ.**

Въ Московскомъ Комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 10-го марта.

Въ началѣ засѣданія собраніемъ былъ выслушанъ отчетъ о ревизіи денежныхъ суммъ Комитета. Ревизія эта была произведена согласно состоявшемуся на этотъ счетъ постановленію Общества сельск. хозяйст., въ виду недоразумѣнія, возникшаго вслѣдствіе недоставленія казначеемъ Комитета документовъ въ ревизіонную коммиссію названнаго общества, ревизовавшую кассу какъ самого Общества, такъ и всѣхъ учрежденій, при немъ состоящихъ. Ревизія комитетскихъ суммъ, произведенная тремя членами, показала, что всѣ документы, книги и денежная наличность у казначея находится въ полномъ порядкѣ; недоставленіе-же имъ требуемыхъ документовъ произошло вслѣдствіе недоразумѣнія, такъ какъ онъ полагалъ, что ревизія Общ. сельск. хоз. произойдетъ за 1890 годъ, за который документы имъ и были представлены.

Постановлено: всѣ документы и книги по отчетности за 1891 годъ немедленно представить въ совѣтъ Общества. Кромѣ того, собраніемъ постановлено, согласно предложенію ревизовавшихъ членовъ, принять на будущее время новую, болѣе удобную систему счетоводства.

Послѣ этого секретаремъ былъ прочитанъ годовой отчетъ Комитета грамотности за истекшій 1891 годъ.

Къ 1-му января 1892 года въ Комитетѣ состояло 285 дѣйствительныхъ членовъ; изъ нихъ 237 живутъ въ Москвѣ, остальные 48—внѣ Москвы. Въ отчетномъ году умерло двое: И. И. Масловъ и В. С. Кашинъ.

Всѣхъ засѣданій Комитета было 6, на нихъ были прочитаны слѣдующіе доклады: 1) Е. М. Дементьева — «Какимъ требованіямъ должны удовлетворять народныя книжки по техническимъ вопросамъ?»; 2) В. Е. Ермилова—«Современныя задачи литературы для народа»; 3) М. В. Овчинникова — «Грамотность новобранцевъ призыва 1891 года по Горбатовскому уѣзду, Нижег. губ.»; 4) Н. Н. Хмелева — «Къ вопросу о томъ, что читаетъ народъ» *).

Въ виду того, что практическая дѣятельность Комитета расширилась, оказалось необходимымъ учредить такой органъ, который занимался бы текущими и административными дѣлами Комитета. На основаніи § 7-го

*) Въ свое время, на страницахъ «Русской Школы» были помѣщены отчеты объ этихъ докладахъ.

и § 96-го устава Общества сельск. хозяйства, учрежденъ при Комитетѣ грамотности для этой цѣли совѣтъ, состоящій изъ всѣхъ должностныхъ лицъ Комитета и 5-ти избранныхъ членовъ. Въ члены совѣта были избраны: В. П. Вахтеровъ, Д. И. Тихомировъ, Е. Н. Орлова, И. И. Петрункевичъ и С. Г. Смирновъ.

При многолюдности собраній Комитета, практическая его дѣятельность должна была по необходимости сосредоточиться въ отдѣльныхъ коммиссіяхъ, которыхъ въ отчетномъ году было 4: 1) редакціонная, 2) библіотечная, 3) по воскреснымъ школамъ и 4) по продовольствію учениковъ въ неурожайныхъ губерніяхъ.

Денежныя средства Комитета къ 1-му января 1892 года были слѣдующія: процентными бумагами 1.000 руб., наличными деньгами 37 р. 61 к., за Общ. сел. хоз. % съ голицынскаго капитала 71 руб. 75 коп. Членскихъ взносовъ въ отчетномъ году поступило 508 руб. По постановленію Комитета грамотности 20 апр. 1891 года, членскіе взносы употреблялись на покупку библіотекъ для безплатной разсылки въ бѣднѣйшія школы; кромѣ того, на этотъ-же предметъ разными лицами было пожертвовано въ теченіе истекшаго года 55 руб.

На основаніи § 9-го программы своихъ занятій, Комитетъ грамотности входилъ въ истекшемъ году при посредствѣ Общ. сельск. хоз. въ Министерство Госуд. Имущ. съ просьбой объ открытіи отдѣловъ Комитета въ городахъ Курскѣ и Твери; но на такое открытіе отдѣловъ Комитета разрѣшенія не послѣдовало.

Въ складѣ книгъ при Комитетѣ къ 1-му января 1892 г. состояло 253 названія, въ количествѣ 3.889 экземпляровъ. Большая часть этихъ книгъ состояла изъ пожертвованій изданій Икскуль (1.200 экз.) и сочиненій Д. И. Тихомирова (1.000 экз.). Въ библіотекѣ комитета состояло 1.507 названій или 1.683 экземпляра, на 269 болѣе противъ прошлаго года.

Редакціонная коммиссія. Начавъ свою дѣятельность съ апрѣля 1891 года, по вновь составленной и утвержденной Комитетомъ программѣ, коммиссія эта въ отчетномъ году имѣла 7 засѣданій, въ которыхъ принимали участіе 22 члена. Какъ матеріалъ для изданія, въ коммиссію поступило отъ разныхъ лицъ 17 трудовъ, изъ которыхъ 6 принесены въ даръ и составляютъ собственность Комитета грамотности. По разсмотрѣніи, коммиссія нашла заслуживающими изданія слѣдующіе: 1) *Избранныя соч. Лермонтова* (сборникъ, выработанный редакціонной коммиссіей), 2) *Александръ II Царь-Освободитель. Е. Л.,* 3) *Суворовъ*, того-же автора, 4) *Ѳомушка*, разсказъ Коваленской, и 5) *Жизнь препод. Тихона*, В. Ермилова.

Для своихъ изданій редакціонная коммиссія въ отчетномъ году располагала слѣдующими способами: 1) состоялось соглашеніе съ книжнымъ магазиномъ «Начальная Школа» Е. Н. Тихомировой, по которому магазинъ принялъ на себя всѣ расходы по изданію книжекъ, предоставляя Комитету грамотности половину чистой прибыли, вычисленной по стоимости изданія, за скидкой 30% съ продажной цѣны. 2) И. Д. Сытинъ предложилъ издавать книжки, указанныя Комитетомъ, за свой счетъ, предоставляя Комитету всю чистую прибыль въ томъ случаѣ, если гоно-

раръ не будетъ уплачиваться, въ случаѣ-же уплаты гонорара Сытинымъ, Комитетъ получаетъ половину прибыли. Прибыль Комитетъ получаетъ книжками, тотчасъ-же по выходѣ ихъ въ свѣтъ, причемъ для изданій въ одинъ печатный листъ эта прибыль устанавливается разъ навсегда въ размѣрѣ 10 экзем. съ сотни.

Пользуясь услугой обоихъ издателей, редакціонная коммиссія въ отчетномъ году выпустила 6 изданій: *Избр. сочин. Лермонтова*, ц. 15 к. (изд. Тихомировой); 2) *2-е исправленное и дополненное изд.* «*Житія Өеодосія Печерскаго*», сост. Сливицкимъ, около 3 печат. листовъ, 10.000 экземпл., ц. 10 коп. (изд. Тихомировой); 3) «*Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ*», ц. 1$^1/_2$ коп. 10.000 экз. (изд. Сытина); 4) «*Александръ II Царь-Освободитель*», 3 печат. листа, 6.000 экз. (изд. Тихомировой), ц. 10 коп.; 5) «*Суворовъ*», около 1 печат. листа, 10.000 экземпл., цѣна 5 коп. (изд. Тихомировой), и 6) «*Жизнь преп. Тихона*», 1 печат. листъ, 10.000 экземп., ц. 1$^1/_2$ коп. (изд. Сытина). Затѣмъ предположено въ ближайшемъ будущемъ приступить къ изданію слѣдующихъ книжекъ. 1) «*Біографія Кольцова*», *съ избран. стихотвореніями*; 2) «*Совѣсть убила*», разсказъ Шмидта.

Въ настоящее время редакціонная коммиссія озабочена выработкой опредѣленнаго плана издательской дѣятельности, для чего она намѣрена вступить въ сношенія съ группами библіотечной коммиссіи. Нужно надѣяться, что съ установленіемъ систематической программы дѣло изданія окончательно станетъ на твердый путь.

Библіотечная коммиссія. Дѣятельность этой коммиссіи была посвящена разсмотрѣнію народной литературы и разсылкѣ книгъ въ сельскія школы. Разсмотрѣніе народной литературы было направлено къ составленію двухъ каталоговъ (см. «Рус. Шк.», мартъ 1892 г., стр. 202) и ежегоднаго періодическаго обозрѣнія народной литературы, въ которое должны входить всѣ народныя книги, вышедшія за годъ, какъ пригодныя, такъ и непригодныя для народнаго чтенія. Каждая книга должна сопровождаться краткимъ объяснительнымъ примѣчаніемъ. Первый опытъ такого обозрѣнія народной литературы за 1891 г. предположено выпустить въ концѣ 1892 года. Главныя работы группъ коммиссіи были сосредоточены на подготовленіи этого обозрѣнія.

Дѣятельность *коммиссіи по разсылкѣ библіотекъ* въ отчетномъ году выразилась въ слѣдующемъ: всего разослано 32 безплатныя библіотеки, при чемъ одна въ 5 руб., 10 биб. въ 15 руб. каждая, 6 бил. въ 25 руб., одна въ 26 р. 50 коп. и одна въ 50 рублей; кромѣ того, послано по выбору (изъ каталога Комитета) книгъ въ одну библіотеку на 5 р. 12 коп., въ другую—на 6 руб. 64 коп. Такимъ образомъ, на библіотеки было ассигновано 493 руб. 26 коп. При ассигнованіи суммы, на какую должна быть послана библіотека, не принималась въ разсчетъ стоимость переплетовъ, и потому библіотеки съ переплетами обошлись дороже ассигновки. Всего на библіотеки было потрачено 593 р. 87 к. Каждая, въ среднемъ, обошлась въ 18 руб. 53 коп., причемъ изъ этой суммы переплеты стоили 5 руб. 12 коп. Всѣхъ книгъ разослано 2.615; каждая библіотека заключала въ себѣ отъ 28 до 160, въ среднемъ—82 книги. По содержанію, посланныя книги распредѣляются слѣдующимъ

образомъ: религіозно-нравственнаго содержанія 41% (1.060 экз.), литературнаго 36% (928 экз.), историческаго 12% (323 экз.) и естественно-географическаго 11% (288 экз.). При разсылкѣ библіотекъ исполнительное отдѣленіе руководствовалось указаніями гг. попечителей учебныхъ округовъ. Библіотеки посылались въ земскія школы, церковно-приходскія, городскія, воскресныя и, кромѣ того, въ сельскія библіотеки.

Книги посланы въ слѣдующія губерніи: по 3 библіотеки—въ Смоленскую и Таврическую; по 2—въ Саратовскую, Екатеринославскую, Харьковскую, Владимірскую, Тверскую и Орловскую; по 1—въ Тамбовскую, Пензенскую, Витебскую, Бессарабскую, Ставропольскую, Томскую, Енисейскую, Калужскую, Тульскую, Московскую, Нижегородскую, Рязанскую и Костромскую.

Коммиссія по воскреснымъ школамъ. Означенная коммиссія въ отчетномъ году имѣла два засѣданія и, вслѣдствіе многочисленности и сложности занятій, постановлено было вести ихъ при посредствѣ группъ. Всѣхъ группъ образовалось шесть. Группы по русскому языку, ариѳметикѣ и объяснительному чтенію занимались разработкой методическихъ пріемовъ преподаванія, при этомъ группа по объяснительному чтенію признала необходимымъ составленіе новой книги, пригодной для чтенія въ воскресныхъ школахъ; дѣятельность членовъ группы заключалась, между прочимъ, въ подборѣ статей для такой книги. Организаціонная группа занималась разработкой вопросовъ о внутреннемъ распорядкѣ школъ, причемъ установлено было время (часы) занятій въ воскресныхъ школахъ, распредѣленіе занятій между преподавателями, а также и установленіемъ общаго плана отчета, введеніе котораго желательно было-бы во всѣхъ воскресныхъ школахъ. Библіотечная группа заботилась о составленіи библіотекъ для воскресныхъ школъ, но, при отсутствіи необходимыхъ денежныхъ суммъ, собрала только пожертвованныя разными лицами 75 сочиненій въ 138 томовъ. Редакціонная группа вошла въ сношеніе со всѣми извѣстными воскресными школами и получила свѣдѣнія отъ Нижегородской, Петербургской, Пензенской, Смоленской, Ставропольской и Тираспольской школъ. Въ настоящее время эта группа имѣетъ въ виду составить сводъ свѣдѣній о всѣхъ существующихъ въ Россіи воскресныхъ школахъ.

Отчетъ о коммиссіи по продовольствію учениковъ въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, за первый періодъ ея дѣятельности, см. «Рус. Школу», февраль 1892 г., стр. 200-я.

Въ настоящее время готовится докладъ о дальнѣйшей дѣятельности этой коммиссіи, съ которымъ мы познакомимъ читателя въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Русской Школы».

По прочтеніи годоваго отчета и по утвержденіи его собраніемъ, предсѣдатель прочиталъ письмо товарища предсѣдателя, отца архимандрита Никифора, въ которомъ онъ, въ виду многочисленности своихъ занятій, проситъ собраніе освободить его отъ обязанностей товарища предсѣдателя. Собраніе постановило благодарить о. Никифора за его труды по Комитету и въ слѣдующемъ засѣданіи приступить къ избранію новаго товарища предсѣдателя.

Н. Т—въ.

Въ Петербургскомъ Комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 10-го марта 1892 г.

Между прочими текущими дѣлами, было прочитано предложеніе нѣсколькихъ членовъ Комитета о передачѣ заявленія, внесеннаго въ совѣтъ гг. Воленсомъ, Глаголевымъ и друг., на обсужденіе особо избранной съ этою цѣлію коммиссіи. Гг. Воленсъ и Глаголевъ въ заявленіи указываютъ на разногласіе свое съ предсѣдателемъ Комитета въ толкованіи § 37 правилъ, въ силу чего произошли въ свое время препирательства между нѣкоторыми членами «коммиссіи по изысканію денежныхъ средствъ» и предсѣдателемъ Комитета, Я. Т. Михайловскимъ. По мнѣнію заявителей, неправильное будто-бы толкованіе предсѣдателемъ Комитета § 37 служило помѣхою дѣятельности коммиссіи и они считаютъ нужнымъ выступить противъ такого отношенія къ нимъ предсѣдателя съ обвиненіемъ его въ противодѣйствіи цѣлямъ коммиссіи.

Параграфъ 37 правилъ гласитъ, что въ коммиссіи, учреждаемыя при Комитетѣ изъ членовъ его, могутъ быть приглашаемы и постороннія лица, «*въ качествѣ экспертовъ*». Основываясь на этомъ параграфѣ правилъ, нѣкоторые члены «коммиссіи по изысканію денежныхъ средствъ» приглашали для содѣйствія по организаціи выставки народныхъ картинъ въ засѣданія коммиссіи лицъ, не избранныхъ общимъ собраніемъ Комитета, *предоставляя имъ право голоса.* Противъ такого своеобразнаго толкованія роли экспертовъ со стороны г. Глаголева, какъ предсѣдателя коммиссіи, и г. Воленса, какъ одного изъ приглашенныхъ въ коммиссію лицъ, протестовалъ предсѣдатель Комитета, не признавая въ силу этого нѣкоторыя изъ засѣданій коммиссіи правильными, за отсутствіемъ большинства правоспособныхъ членовъ, избранныхъ общимъ собраніемъ. Гг. Глаголевъ и Воленсъ игнорировали, однако, протесты предсѣдателя Комитета, и г. Воленсъ счелъ даже возможнымъ принять на себя, за отказомъ г. Глаголева, предсѣдательство въ коммиссіи, не будучи членомъ ея. Денежная отчетность съ оправдательными документами по приходу и расходу суммъ по выставкѣ народныхъ картинъ до сихъ поръ, не смотря на требованія предсѣдателя Комитета, не были представляемы этими лицами совѣту Комитета. Въ силу этихъ обстоятельствъ, совѣтъ не нашелъ удобнымъ допустить гг. Воленса и Глаголева войти въ составъ ревизіонной коммиссіи, предложивъ собранію, въ одномъ изъ предшествующихъ засѣданій, переизбраніе ревизіонной коммиссіи. Собраніе согласилось съ предложеніемъ передать заявленіе гг. Воленса и Глаголева на предварительное обсужденіе особо избранной въ томъ-же засѣданіи коммиссіи, въ которую вошли слѣдующія лица: гг. Болдыревъ, Сиповскій, Нечаева и кандитатомъ къ нимъ г-жа Старынкевичъ.

Затѣмъ казначей коммиссіи по оказанію помощи голодающимъ дѣтямъ, учащимся въ сельскихъ школахъ, И. Ц. Лашкевичъ, доложила собранію отчетъ о денежныхъ суммахъ коммиссіи *). Предсѣдатель той-же ком-

*) Напечатанъ въ мартовскомъ нумерѣ «Русской Школы».

миссіи, Я. Г. Гуревичъ, сообщилъ собранію выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ, полученныхъ коммиссіей изъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. Уполномоченная коммиссіей г-жа Самуйленко, въ обширномъ письмѣ, передающемъ первыя ужасныя впечатлѣнія, испытанныя ею при пріѣздѣ въ Шадринскій уѣздъ, Пермской губ., между прочимъ, пишетъ:

...«На полпути въ Труханахъ, вчера, на крыльцѣ почтовой станціи насъ осадила толпа голодающихъ: блѣдные, желтые, слабые, всѣ просятъ хлѣба. Первою вошла въ комнату дѣвушка лѣтъ 16 — 20, очень бѣдно одѣтая, съ блуждающими глазами и искривленными пальцами, прося хлѣба. У насъ было фунта 4 чернаго, я разрѣзала на куски и вынесла имъ. Дѣвушка попросила два куска, говоря «у меня матанька замираетъ не ѣвши». Почему-то она производила иное впечатлѣніе, чѣмъ другіе; она какъ-то спокойно и увѣренно просила и такъ напирала на то, что «матанька замираетъ», что я, оставивъ два куска хлѣба, предложила ей пойти взглянуть на ея мать. Мы пришли въ крошечную, покосившуюся избушку; стоять нельзя—голова упирается въ потолокъ, поневолѣ пришлось сѣсть на полу, съ хлѣбомъ въ рукахъ. Семью я застала не всю: хозяинъ—лѣтъ 40, его жена, уже 15 дней лежащая на печкѣ отъ истощенія и 5 дней ничего неѣвшая, дѣвушка, которая меня привела, «блаженная», и еще двѣ дѣвочки; другихъ не было дома; ихъ всѣхъ 12 человѣкъ; работы никакой, земскую муку выдаютъ на три души 90 фунтовъ въ мѣсяцъ. Вчера было 20-е число, выдаютъ 1-го—остается еще 10 дней. 5 дней уже не ѣли и—ничего, ни пылинки въ домѣ. Печь не топлена, хозяинъ, въ заплатанной одеждѣ и шапкѣ, сидитъ на лавкѣ, мать лежитъ на печкѣ, дѣвочки сидятъ около нея... Когда юродивая меня привела и я подошла къ больной спросить, что съ ней, что она чувствуетъ, она неудержимо расплакалась, дѣвочки то-же. Не знаю, какъ это случилось, потому-ли, что увидѣли хлѣбъ, потому-ли, что увидѣли интеллигентнаго человѣка и блеснулъ лучъ надежды на спасеніе... какъ, я, право, не знаю, вся семья очутилась на колѣняхъ—и такихъ рыданій я не слышала до сихъ поръ. Они кланялись, обнимали ноги и, не помню даже, кажется, ничего не просили. Я растерялась при видѣ этой худой, черной, полуголой женщины въ одной рваной рубахѣ (дѣвочки то-же въ рубахахъ и, какъ видно, больше ничего изъ одежды нѣтъ), бьющейся по полу въ истерическомъ плачѣ. «Блаженная» сказала мнѣ, что, кромѣ ея матери, умираетъ отъ голода еще одинъ старикъ... Я не забуду этихъ слезъ, этихъ голубыхъ, какихъ-то дѣтскихъ глазъ отца и двухъ дѣвочекъ, которыми они смотрѣли то на меня, то на икону, и молились, и плакали, и кланялись. Умирающую я такъ и оставила въ какомъ-то экстазѣ, распростертую передъ образомъ, не спускающею съ него глазъ. Тяжело видѣть слезы вообще, но когда плачетъ сильный, крѣпкій мужчина, плачетъ отъ бездѣятельности и голода—это страшно... Не знаю почему, но у меня является какое-то чувство виновности, преступности; забываются всѣ другія условія, кажется, что я сама и есть причина вотъ этого горя и—теряешь голову... «Ну что-же дѣлать, что дальше будетъ?» спрашиваю, когда хозяинъ немного успокоился. «Что? не знаю, помирать надо». И какое страшное спокойствіе! И дѣйствительно, что онъ будетъ дѣлать: сосѣди уже не подаютъ ничего, работы нѣтъ, а до 1-го числа еще 10 дней. Странная семья мнѣ попалась для перваго

раза, что-то особенное: эта «блаженная» пользуется какимъ-то авторитетомъ... Я имъ дала два куска хлѣба, по $^1/_2$ фунта, можетъ быть. Она одинъ спрятала, другой методично кривыми пальцами разломала на кусочки, никто не бросился къ ней. «Молитесь», распорядилась она, и всѣ опять стали на колѣни и молча начали молиться. Тогда она стала отдѣлять:—«это татку», протянула она отцу бо̀льшій кусочекъ; дала дѣвочкамъ. «Матери оставь», замѣтилъ отецъ. Она только авторитетно кивнула головой. Какъ они ѣли хлѣбъ—я уже не видѣла; нашла толпа народа, такого-же какъ они. Но старика я не пошла глядѣть. Дать тамъ, и еще, и еще, отдать все и—ничего не достичь! Вотъ, валится въ ноги, тоже съ рыданіемъ, красавецъ-парень съ искалѣченной рукой; онъ работать не можетъ, молитъ дать что нибудь. Вотъ, женщина съ зеленымъ лицомъ, буквально зеленымъ лицомъ, какъ бываетъ у разлагающагося трупа. Вотъ, ребенокъ 5—6 лѣтъ умоляющимъ голосомъ неотступно проситъ хлѣба... Скорѣе, скорѣе въ сани и дальше, дальше, чтобы этого не видѣть: не приласкать ребенка хочется, а схватить, отшвырнуть,—право, чуть-ли не убить, только-бы онъ не нылъ»...

Въ другомъ письмѣ, изъ того же Шадринскаго уѣзда, сообщается оффиціальное донесеніе Теченско-башкирскаго волостнаго старшины въ шадринскую уѣздную земскую управу, въ которомъ старшина проситъ управу поспѣшить на помощь жителямъ волости, такъ какъ малѣйшее замедленіе грозитъ многимъ башкирскимъ семьямъ голодною смертью. «Большинство нуждающихся семей по нѣсколькимъ днямъ сидитъ голоднымъ, и изъ нихъ уже, какъ мнѣ извѣстно, сдѣлались жертвами голодовки 24 человѣка, трупы которыхъ остаются непреданными землѣ, въ виду отсутствія на это надлежащаго распоряженія (донесеніе помѣчено 12 февраля за № 682 и написано волостнымъ старшиною Зміевымъ).

Безъ своевременной помощи, говоритъ далѣе старшина,—«въ недалекомъ будущемъ вполнѣ можетъ явиться значительное число кандидатовъ на смерть».

Третья изъ прочитанныхъ выдержекъ письма изъ Новодѣвичскаго уѣзда, Воронежской губ., рисуетъ не менѣе печальную картину всеобщаго разоренія и голода. Населеніе, покидая дома, бредетъ въ Донскую область и въ Томскую губ., въ надеждѣ на заработокъ.

Остальная часть засѣданія была посвящена слушанію сообщенія А. М. Калмыковой «Къ вопросу о томъ, что читаетъ народная масса въ Германіи».

Наше знакомство съ Германіей не мѣшаетъ, однако, намъ имѣть очень скудныя свѣдѣнія по вопросу о томъ, что читаетъ народная масса и какъ удовлетворяется тамъ потребность въ чтеніи. Неоднократно, какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни, высказывалась у насъ мысль, что вопроса «что читать народу» ни въ Германіи, ни во Франціи не существуетъ, ибо въ этихъ государствахъ, благодаря высокому уровню народнаго образованія и широкому развитію издательскаго и книгопродавческаго дѣла, массѣ доступна вся отечественная литература. На самомъ дѣлѣ, однако, вопросъ этотъ и тамъ является вопросомъ дня, надъ разрѣшеніемъ котораго работаютъ лучшія силы интеллигенціи. Никто не станетъ спорить, конечно, до какой степени важны указанія чужаго опыта для нашего отечества, гдѣ вопросъ этотъ, едва народившись, уже успѣлъ обнару-

житься съ такою силою и съ каждымъ днемъ долженъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Вопросъ о книгѣ для массы населенія имѣетъ двѣ важныя стороны, первая—выборъ, содержаніе, цѣна книги, словомъ, все, что относится къ издательству, и вторая—пути распространенія. Издательское дѣло въ Германіи стоитъ, какъ извѣстно, въ самомъ блестящемъ положеніи. Такіе міровые издательскіе центры, какъ Лейпцигъ, являются поставщиками милліардовъ всевозможныхъ, какъ дорогихъ, такъ и дешевыхъ изданій. Издательскія фирмы Германіи, выпуская въ свѣтъ массу дешевыхъ изданій классическихъ произведеній отечественной и всеобщей литературы, несомнѣнно имѣютъ въ виду сбытъ ихъ въ массѣ. Книжный рынокъ Германіи засыпанъ всевозможными копеечными изданіями всего лучшаго изъ всеобщей литературы. Достаточно назвать такое изданіе, какъ «Universal-Bibliothek» въ 2.580 десятикопеечныхъ томиковъ, выпущенное фирмою Реклама, или «Bibliothek der Gesamt.-Litteratur des In- und Auslandes»—фирмою Генделя въ 500 двѣнадцатикопеечныхъ томиковъ и т. п., чтобы составить себѣ понятіе о размѣрахъ издательства въ Германіи книгъ, предназначаемыхъ исключительно для распространенія въ массѣ. Что касается до выбора произведеній всеобщей литературы, то для насъ онъ всего яснѣе представится изъ списка всего того, что входитъ въ эти дешевыя изданія изъ нашей отечественной литературы. Гоголь—Ревизоръ, Мертвыя души, Тарасъ Бульба, Повѣсти, Арабески; Пушкинъ—Борисъ Годуновъ, Капитанская дочка, Онѣгинъ, Кавказскій плѣнникъ; Достоевскій—Преступленіе и наказаніе; Гончаровъ—Обрывъ; Л. Толстой—Власть тьмы; Писемскій—Горькая судьбина; Фонъ-Визинъ—Недоросль; Короленко—Лѣсъ шумитъ, Сборникъ разсказовъ изъ сибирской жизни; Тургеневъ—Записки охотника и т. д. Дешевыя изданія для народа имѣютъ и сочиненія по исторіи, философіи и искусству. Книжки эти пестрятъ такими именами, какъ Гумбольдтъ, Кантъ, Фихте, Лейбницъ, Спиноза, Вольтеръ и друг. Такимъ образомъ, эти изданія вполнѣ правильно рѣшаютъ вопросъ «что читать народу», предоставляя ему черпать изъ сокровищницы человѣческой мысли все то, что создала она лучшаго и цѣннаго. Но пользуется-ли этою возможностью масса? Грандіозные размѣры издательства этихъ книгъ отвѣчаютъ на это «да». Но рядомъ съ этимъ, по словамъ такихъ знатоковъ этого дѣла, какъ д-ръ Р. Янашъ, А. Мюллеръ, д-ръ К. Баумбахъ, «въ послѣднее двадцатипятилѣтіе въ Германіи развился и дошелъ до невѣроятныхъ предѣловъ отдѣлъ скандальной и криминальной беллетристики». Произведенія эти, расходясь милліонами экземпляровъ преимущественно среди низшихъ слоевъ городскаго и сельскаго населенія, успѣли уже оказать свое развращающее вліяніе. «*Зло такъ велико и для роста его имѣется такая благопріятная почва, что на энергичную, непрерывную борьбу съ нимъ должны выступить всѣ лучшія силы страны*». Противодѣйствіе интеллигенціи распространенію въ массѣ этого рода литературы выразилось главнымъ образомъ въ попыткахъ ограниченія дѣятельности книгоношъ. Въ 1882 г. былъ внесенъ съ этою цѣлью въ рейхстагъ проектъ новыхъ узаконеній, стремящійся къ подавленію этого способа распространенія книгъ въ виду того, что colportag, по мнѣнію многихъ, является почти единственнымъ способомъ проведенія этого рода литературы въ народъ.

Colportag съ древнѣйшихъ временъ служилъ въ Германіи могучимъ орудіемъ въ дѣлѣ распространенія книгъ, и заслуги книгоношей въ дѣлѣ національнаго просвѣщенія массы неоспоримы. Среди поборниковъ народнаго просвѣщенія въ Германіи находятся люди, несогласные съ необходимостью подавленія книгоношества, находя возможнымъ воспользоваться этимъ могучимъ средствомъ распространенія книгъ въ цѣляхъ истиннаго просвѣщенія въ такой-же мѣрѣ, въ какой книжная спекуляція пользуется этимъ средствомъ для сбыта своего «товара». Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ нѣкоторыя издательскія фирмы, выпускающія въ свѣтъ произведенія лучшихъ отечественныхъ и иноземныхъ писателей, не пользовались услугами кольпортажа, благодаря чему, напр., изъ 30 милліоновъ читателей Германіи и Австріи не болѣе 2-хъ милліоновъ читали «Фауста» и друг. классическія произведенія литературы; около 10 милліоновъ читаютъ добропорядочныя книги, остальные-же 20 милліоновъ «питаются исключительно самой отвратительной сенсаціонной беллетристикой и всякаго рода тенденціозными произведеніями», способными только поддерживать невѣжество, суевѣріе и самыя низменныя стремленія. Борьба съ отрицательными сторонами дѣятельности книгоношъ путемъ измѣненія характера книжнаго товара, ими разносимаго, мало, однако, обѣщаетъ успѣха въ виду значительной порчи литературнаго вкуса народа подъ вліяніемъ массы распространяемыхъ въ то-же время книгоношами того сорта литературныхъ произведеній, на которыя такъ падокъ развращенный вкусъ читателей. Необходимы рядомъ съ этимъ и другія средства борьбы, при которыхъ хорошая книга попадала-бы въ народъ черезъ посредство пользующагося довѣріемъ его убѣжденнаго и просвѣщеннаго человѣка. Необходима, слѣдовательно, организація цѣлаго ряда просвѣтительныхъ обществъ и союзовъ, въ рукахъ которыхъ болѣе дѣйствительными средствами плодотворнаго вліянія на массу народа являлись-бы организованныя чтенія, лекціи, народныя библіотеки и т. п. Уже и на дѣятельности немногихъ нашихъ русскихъ библіотекъ неоднократно замѣчалось, что народная библіотека является тогда только дѣйствительно просвѣтительнымъ учрежденіемъ, когда находится въ рукахъ лица, способнаго «заглянуть въ душу читателей, понять индивидуальныя особенности требованій каждаго изъ нихъ. И такихъ библіотекъ народныхъ пока нѣтъ въ Германіи и она ждетъ и зоветъ работниковъ на это поприще дѣятельности».

При ознакомленіи съ положеніемъ вопроса о чтеніи народа въ Германіи совершенно естественно переносишься къ нашему отечеству. Съ годами масса народа пробуждается, растетъ число грамотныхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ потребность въ книгѣ. На встрѣчу этой потребности пойдетъ и удовлетвореніе ея... Весь вопросъ въ томъ, кто возьметъ въ руки это дѣло: интеллигенція-ли родной земли, или народившейся потребностью воспользуется, въ цѣляхъ личной наживы, спекуляція, интересы которой ни мало не связаны съ вопросомъ содержанія «товара». Имѣя въ своемъ распоряженіи сокровищницу въ лицѣ родной художественной литературы и такое поучительное предостереженіе чужаго опыта, русская интеллигенція должна по всей справедливости нести на себѣ всю тяжесть отвѣтственности въ томъ случаѣ, если легкомысленно отдастъ будущность своего народа въ руки спекулятора книжнымъ «товаромъ». В. Д.

Засѣданіе общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея

21 марта 1892 года.

Предсѣдательствовалъ генералъ-маіоръ А. Н. Острогорскій.

Занятія состояли въ слѣдующемъ:

1. Прочтенъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что пріѣхавшій на нѣсколько времени въ Петербургъ преподаватель гимнастики и устроитель дѣтскихъ игръ въ г. Одессѣ, Иванъ Марковичъ Радецкій, изъявилъ желаніе сдѣлать въ Педагогическомъ музеѣ докладъ по вопросу объ устройствѣ такихъ-же игръ и въ Петербургѣ. Въ виду скораго отъѣзда г. Радецкаго въ Москву, предложено было назначить для обсужденія его доклада экстренное засѣданіе во вторникъ, 24 марта. Въ настоящее-же засѣданіе г. Радецкій въ общихъ чертахъ обрисовалъ свою дѣятельность по устройству дѣтскихъ игръ въ Одессѣ.

Г. докладчикъ. Не останавливаясь на извѣстномъ уже вопросѣ объ анеміи дѣтей, объ ихъ переутомленіи, о необходимости игръ, я имѣю въ виду указать на то, что устройство дѣтскихъ игръ на открытомъ воздухѣ и въ гимнастическихъ залахъ не представляетъ особыхъ трудностей и возможно при небольшихъ затратахъ. Въ Одессѣ дѣло происходило такъ: городская управа отвела кусокъ земли, на которомъ и устроила навѣсы, кегли, столбики для колецъ... Въ первый-же день собралось до 800 дѣтей, большею частью бѣдныхъ и ужъ, конечно, недисциплинированныхъ; хотя многія изъ нихъ знали меня, но я въ первую минуту растерялся, думая, какъ справиться съ такою массою, какъ внушить имъ, что дисциплина необходима. Вопросъ разрѣшился самъ собою, естественнымъ путемъ: водопровода не было, а для питья припасено было три ведра воды да кружки; набросились дѣти на воду, кружки расхватали по рукамъ, а ведра опрокинули—воды-то и нѣтъ. Видятъ, дѣло плохо, затихли; а тутъ я и сталъ упрекать ихъ за безпорядокъ, потомъ велѣлъ принести новыя три ведра воды, построилъ жаждущихъ въ три линіи, стали дѣти подходить по очереди, и всѣ утолили жажду. «Что-же лучше: порядокъ, или безпорядокъ?» Тутъ ужъ они собственнымъ опытомъ дошли, что порядокъ лучше: значитъ, и при множествѣ дѣтей возможно установить дисциплину.

Для физическаго развитія нужны игры, нужна гимнастика, но подвижныя игры важнѣе гимнастики, въ особенности на снарядахъ: упражненія на снарядахъ часто бываютъ даже вредны. Для большой массы особенно хороши «порядковыя» игры: онѣ, увлекая дѣтей, пріучаютъ и къ порядку. Возьмемъ, напримѣръ, игру «фабрика». Собралось 600 дѣтей. «Стройся по парамъ!» Потомъ образуются шеренги въ шесть линій. Раздаются роли: одна шеренга—столяры, другая—кузнецы, третья—молотобойцы, четвертая—пильщики и т. д. «А что дѣлаютъ кузнецы? А какъ они это дѣлаютъ? А какіе звуки слышны при этомъ?» Дѣти подражаютъ движеніемъ кузнецовъ, молотобойцевъ и т. д., подражаютъ и звукамъ, которыми ихъ работа сопровождается, сначала шеренгами, а по-

томъ и всѣ вмѣстѣ. «Если фабрика далеко, какъ эти звуки слышатся?» Глухо! А будемъ подходить къ фабрикѣ, звуки все громче и громче. Вотъ мы подходимъ, и дѣти усиливаютъ голосъ; продолжается упражненіе минутъ 15—20, и каждыя три минуты роли мѣняются: кузнецы дѣлаются пильщиками, столяры молотобойцами. Въ другой игрѣ: «Турки и болгары» то одна, то другая сторона наступаетъ и отступаетъ, дѣлая это бодро, стройно, въ полномъ порядкѣ, съ криками «ура!» и «алла!» Въ такихъ играхъ расширяется грудная клѣтка, сильнѣе окисляется кровь, словомъ, получается то, что нужно для физическаго развитія. Въ теченіе дня занятія мѣняются: дѣти и поиграютъ, и почитаютъ, и попоютъ при случаѣ, и посмотрятъ на спущенный воздушный шаръ, устанутъ подъ конецъ, придутъ домой—и прекрасно уснутъ.

Были примѣры исправленія въ поведеніи. Приведу одинъ изъ нихъ: появился между играющими очень распущенный мальчикъ; онъ и бранился, и дрался, и курилъ втихомолку. Совершилъ онъ какой-то проступокъ, но, несмотря на показанія свидѣтелей, отрицалъ свою вину. Я отвелъ его въ сторону, сталъ съ нимъ бесѣдовать, стараясь довести его до сознанія, и, должно быть, затронулъ его за живое; совѣсть у него заговорила, и онъ сквозь слезы проговорилъ: «я больше не буду!» Какого-же еще нужно сознанія? Мальчикъ привыкъ къ тому, что его дома наказывали за все и про все, а тутъ на него подѣйствовало и отсутствіе страха наказанія, и примѣръ ему подобныхъ, такихъ-же, какъ онъ, дѣтей; онъ сдѣлался довѣрчивѣе, откровеннѣе, и такъ изучилъ всѣ заведенные въ играхъ порядки, что подъ конецъ сдѣлался преполезнымъ для меня адъютантомъ.

Привелось мнѣ объѣздить много городовъ и въ Россіи, и за границей, и я пришелъ къ заключенію, что наши дѣтскіе сады устроены очень плохо. Даже въ столицахъ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, нѣтъ ни гимнастическихъ залъ, ни аренъ, ни садовъ, гдѣ-бы могли играть дѣти. Слѣдуетъ ходатайствовать передъ городскою управою, чтобы она отвела мѣста для дѣтскихъ игръ; есть въ Петербургѣ и Таврическій садъ, и свободныя площадки, а устроить игры негдѣ, хотя онѣ и требуютъ очень малыхъ затратъ; до 300.000 тысячъ дѣтей, да и не такихъ только дѣтей, которыя составляютъ продуктъ трущобъ, а дѣтей просто бѣдныхъ родителей, не имѣющихъ возможности отправляться на дачу, становятся «уличными» дѣтьми, а чего не насмотрятся, не наслушаются они на улицѣ!

Г. предсѣдатель замѣтилъ, что уставъ Общества для устройства дѣтскихъ игръ уже выработанъ въ Одессѣ, что подобное-же Общество учреждается и въ Москвѣ; г. *Каптеревъ* прибавилъ, что Фребелевское общество готовитъ докладъ управѣ съ такимъ-же предложеніемъ и что этимъ вопросомъ заинтересована также коммиссія техническаго общества.

По поводу замѣчанія *А. Н. Острогорскаго,* что наши скверы обыкновенно переполнены дѣтьми, но что игры ихъ страдаютъ отъ отсутствія организаціи, г. *Радецкій* указалъ на одинъ изъ случаевъ своей практики въ Одессѣ, который доказываетъ, что у дѣтей есть потребность въ такой организаціи. Наши городскія дѣти какіе-то старички: чтобы начать игру, имъ часто нуженъ посторонній толчокъ. Иду я однажды по соборной площади; около памятника ходитъ человѣкъ двадцать дѣтей. «Не хотите-ли

поиграть?» И начались игры: въ «змѣйку», въ «пѣтушки», въ «лягушки», въ «мартышки», въ «царство дикарей»; два часа провели дѣти въ большомъ оживленіи. Просятъ: «приходите завтра!» На завтра сошлось человѣкъ сорокъ,—поиграли, попѣли, а ужъ на третій день собралось до восьмидесяти человѣкъ. Дошло до полутораста, а потомъ вышло запрещеніе играть на площади около памятника—и игры прекратились.

Въ виду предстоящаго болѣе подробнаго доклада г. Радецкаго, нѣкоторые изъ присутствующихъ членовъ предложили г. докладчику принять во вниманіе тѣ вопросы, отвѣты на которые, по ихъ мнѣнію, представляютъ особый интересъ. Такъ, *докторъ Виреніусъ* предложилъ слѣдующіе вопросы: какъ возбуждается интересъ къ игрѣ? какъ долго дѣти находятся въ напряженіи? какъ велико разнообразіе игръ? можно-ли часто мѣнять одну игру на другую? какого возраста играющіе? одинаковы-ли игры для дѣвочекъ и мальчиковъ? чѣмъ прерываются игры? какъ распредѣляются онѣ по часамъ, днямъ, недѣлямъ? *Г. предсѣдатель* спросилъ, существуютъ-ли при играхъ и дисциплинарныя взысканія, и если существуютъ, то какія, а также, насколько зависитъ характеръ игры отъ личности распорядителя, отъ его темперамента, и кто способнѣе быть руководителями: мужчины или женщины. *Г. Ремезовъ* поинтересовался вопросомъ о томъ, круглый-ли годъ продолжаются подобныя игры. *Г. Радецкій* обѣщалъ, что онъ при докладѣ будетъ имѣть въ виду предложенные ему вопросы, и высказалъ, что главная цѣль дѣтскихъ игръ—здоровье и веселье дѣтей.

3. *Г. Каптеревъ* сдѣлалъ докладъ по вопросу о неудобствахъ нынѣшняго дѣленія школы на классы.

Въ нашемъ школьномъ дѣлѣ раздѣленіе на классы играетъ очень важную роль. Классъ является школьною единицею, которою опредѣляется и сложность курса, и продолжительность обученія, и степень знаній учениковъ и пр. и пр. Но посмотримъ, на чемъ основывается это дѣленіе, что составляетъ принципъ класса. Въ нашихъ старинныхъ, средневѣковыхъ школахъ, какъ, напримѣръ, въ Кіево-Могилянской академіи, классъ представлялъ собою логическое цѣлое. Предметы были внутренне связаны между собою; самыя названія классовъ: *грамматика*, *піитика*, *риторика*, *философія*, *богословіе* указывали на цѣлую группу предметовъ класса и на центральный предметъ каждой группы. Тогда классы имѣли психолого-педагогическій характеръ: ихъ послѣдовательность представляла и классификацію наукъ, соотвѣтственно свойствамъ возраста. Насколько правильна была эта классификація — другой вопросъ, но она существовала.

Такимъ образомъ, классы въ старинныхъ школахъ представляли глубокій смыслъ; въ нашихъ современныхъ школахъ въ основу классовъ развѣ положена какая-нибудь идея? Они являются искусственными единицами; какъ логическое единство, они исчезли; ихъ психологическій характеръ то-же ослабѣлъ.

Произошло это отъ развитія науки и отъ увеличенія объема курса. Курсъ постепенно разростался, въ него вносились все новые и новые предметы; вмѣстѣ съ тѣмъ все дальше и дальше шло дробленіе наукъ по классамъ. Одну и ту-же науку дѣлятъ на семь частей, иногда незакон-

ченныхъ, или-же въ одномъ и томъ-же классѣ, въ одинъ годъ заканчивается она часть науки, и учащіеся немедленно переходятъ въ другой. Такимъ образомъ, курсъ каждаго класса состоитъ изъ отрывковъ различныхъ наукъ, и изученіе одного изъ нихъ нисколько не способствуетъ усвоенію другого. Такъ пострадала психологическая сторона курса. Логическая послѣдовательность его то-же нарушилась: новые предметы присоединялись къ старымъ, но не входили между собою въ логическую связь. Къ какой классификаціи можно привести нынѣшніе предметы обученія? чѣмъ оправдывается ихъ распредѣленіе по классамъ? Рѣшить этого вопроса мы не можемъ, потому что не знаемъ свойства возрастовъ. И въ самомъ дѣлѣ: почему исторія и географія начинаются раньше или позже? на какомъ основаніи математика проходится во всѣхъ классахъ? почему не прервать обученіе математикѣ на одинъ годъ? можетъ быть, отъ этого нисколько не пострадало бы умственное развитіе учениковъ?

Какъ-бы то ни было, классы все-таки существуютъ, какъ школьная единица. Ихъ существованіе влечетъ за собою существенныя неудобства: 1) въ одномъ и томъ-же классѣ собираются учащіеся разнаго характера, и очень часто цѣлую группу учениковъ можно-бы посадить или выше, или ниже классомъ и, слѣдовательно, раскассировать классъ, въ особенности если остановиться не на группѣ, а на отдѣльныхъ ученикахъ: иной по одному предмету слабѣе, а по другому гораздо сильнѣе класса, такъ что ему полезнѣе было-бы находиться по этимъ предметамъ въ двухъ разныхъ классахъ; 2) разнохарактерность учениковъ—неизбѣжное явленіе въ классѣ, такъ какъ она обусловливается различіемъ способностей, прилежанія, подготовки, вкусовъ и т. д., а этою разнохарактерностью, въ свою очередь, обусловливается необходимость *подтягиватъ* слабыхъ и *сдерживатъ* сильныхъ. Учащіеся ставятся при этомъ въ искусственныя рамки, а трудъ учителей становится тяжелымъ и непроизводительнымъ: учитель долженъ балансировать между тѣми и другими, что требуетъ громаднаго напряженія съ его стороны и, конечно, вредно отзывается на успѣшности обученія; 3) при нашей классной системѣ встрѣчается одно явленіе, которое до очевидности ясно доказываетъ отсутствіе логическаго принципа: ученикъ по семи предметамъ хорошъ, по восьмому получаетъ единицу и оставляется на другой годъ; на другой годъ для него является новостью только одна восьмая часть курса, а между тѣмъ школы существуютъ для того, чтобы научить учениковъ тому, чего они не знаютъ, а не для того, чтобы повторять извѣстное: въ результатѣ у такого второгодника развивается лѣнь и разсѣянность.

Задача моя собственно исчерпана, но чѣмъ-же было-бы желательно замѣнить классы?

Вмѣсто дѣленія школы на классы слѣдовало-бы ввести *классы предметовъ* и къ нимъ примѣнить школьные порядки. Подъ «классами предметовъ» я разумѣю классы математики, исторіи, географіи и т. д., съ ихъ подраздѣленіями на подклассы: ариѳметики, геометріи и пр.

Такіе классы совершенно естественны и представляютъ логическую цѣльность. Предлагаемое дѣленіе даетъ слѣдующія выгоды: 1) подборъ учениковъ будетъ лучше, чѣмъ теперь, такъ какъ онъ будетъ совершаться только по одному предмету; одинъ и тотъ-же ученикъ по раз-

нымъ предметамъ можетъ учиться даже съ тремя различными группами учащихся; 2) не будетъ необходимости подтягивать и сдерживать учениковъ; 3) исчезнутъ искусственныя схемы, и каждый учащійся будетъ имѣть возможность продолжать курсъ сообразно своимъ способностямъ.

Полезно было-бы ввести курсы полугодовые, такъ какъ длинные повторительные курсы часто оказываются ненужными, потому что ученикъ, проходя предметъ во второй разъ, можетъ усвоить его и въ болѣе короткій срокъ: тогда большинство учениковъ будетъ оставаться только на второе *полугодіе*, а не на цѣлый годъ.

Желательно было-бы вмѣстѣ съ тѣмъ ввести и дѣленіе предметовъ по возрастамъ, т.-е. установить грани между предметами не по классамъ, а по физическимъ и психическимъ особенностямъ возрастовъ.

Послѣ небольшого перерыва засѣданія приступили къ преніямъ по предложенному докладу.

Г. Мандельштаммъ высказалъ, что поставленный г. докладчикомъ вопросъ въ высшей степени симпатиченъ. Въ теченіе своей семнадцатилѣтней практики въ пансіонѣ Труба онъ успѣлъ замѣтить, что распредѣленіе учениц по предметнымъ курсамъ приводитъ къ громаднымъ успѣхамъ: въ этомъ пансіонѣ семнадцатилѣтняя ученица, проходя курсъ средней исторіи, вмѣстѣ съ тѣмъ проходила курсъ ариѳметики на ряду съ двѣнадцатилѣтними дѣвочками. Но, вполнѣ признавая выгоду предметныхъ курсовъ, г. оппонентъ не вполнѣ уяснилъ себѣ мысль докладчика о логикѣ классовъ. Развѣ въ старыхъ, средневѣковыхъ школахъ не было такой-же многопредметности? Съ другой стороны, развѣ всѣ предметы не представляютъ одного цѣлаго, будучи продуктомъ единаго мышленія? Въ настоящее время мы также не можемъ избѣжать многопредметности, и, въ силу необходимости, принуждены изучать ихъ всѣ одновременно; да вѣдь и не существуетъ-же особенныхъ клѣточекъ для разныхъ предметовъ.

Г. Каптеревъ. Въ старой школѣ предметы были связаны между собою и группировались около главнаго предмета, чего въ нынѣшней школѣ нѣтъ: въ одномъ и томъ-же классѣ у насъ одновременно проходится отрывокъ изъ алгебры, отрывокъ изъ исторіи, отрывокъ изъ физики, и эти отрывки не имѣютъ между собою ничего общаго. Говоря, что всѣ предметы представляютъ единство, какъ продуктъ одного мышленія, вы имѣете въ виду весь циклъ предметовъ въ школѣ, а я указываю на отсутствіе единства въ классѣ.

Г. Мандельштаммъ. Сколько-же лѣтъ придется учиться мальчику среднихъ способностей? Чѣмъ-же опредѣлятся предѣлы того общаго уровня знаній, котораго должны достичь ученики? Когда-же окончитъ курсъ мальчикъ, неспособный къ ариѳметикѣ?

Г. Сиповскій вполнѣ согласился съ г. докладчикомъ въ томъ, что изъ-за незнанія одного предмета не слѣдуетъ оставлять ученика на второй годъ. Если ученикъ способенъ, очень хорошъ по словеснымъ наукамъ, и слабъ по математикѣ, то онъ по словесности закончитъ полный курсъ, а по математикѣ, примѣрно, курсъ только пяти классовъ и получитъ соотвѣтствующій аттестатъ, причемъ ему можетъ быть предоставлено на выборъ—или остаться въ школѣ, для того чтобы пополнить свои математическія познанія, или уйти изъ нея, ограничившись полученнымъ атте-

статомъ. Но одобряя эти стороны доклада, г. оппонентъ упрекнулъ докладчика за то, что онъ пошелъ на компромиссъ: не затронувъ вопроса о томъ, нужны-ли всѣ тѣ предметы, которые входятъ въ курсъ современной школы, г. докладчикъ допустилъ многопредметность, а при многопредметности невозможно будетъ достичь и логичности курса.

Г. предсѣдатель. Подобный опытъ сдѣланъ въ старшихъ классахъ эльзасской школы по нѣмецкому языку: нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ перешли въ 8-ой классъ по всѣмъ предметамъ, оставшись вмѣстѣ съ тѣмъ въ седьмомъ по нѣмецкому языку.

Г. Сиповскій. Такіе примѣры существуютъ и въ гимназіи г-жи Стоюниной.

Г. Кирпотенко. Средневѣковыя школы преслѣдовали спеціальныя цѣли, а современныя школы имѣютъ въ виду общечеловѣческое развитіе. Для спеціальной цѣли, какъ, напримѣръ, для изученія богословія, можно расположить науки по классамъ, въ систематическомъ порядкѣ, такъ, чтобы изученіе предыдущаго облегчало изученіе послѣдующаго.

Г. Каптеревъ. Богословіе, конечно, составляло вѣнецъ курса; но въ старой школѣ и остальныя науки были поставлены широко, съ самостоятельнымъ характеромъ. Въ настоящее время нѣтъ возможности объединить кусочки разныхъ наукъ, сталкивающихся въ одномъ классѣ.

Г. Ремезовъ выразилъ опасеніе, чтобы при предлагаемой системѣ общеобразовательныя и спеціальныя учебныя заведенія не помѣнялись цѣлями, чтобы родители, отдающіе своихъ дѣтей въ общеобразовательную школу, не были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ: если ученикъ дѣлаетъ блестящіе успѣхи по рисованію и вмѣстѣ съ тѣмъ плохъ по остальнымъ предметамъ, то по прошествіи семи лѣтъ курса въ *общеобразовательномъ* заведеніи изъ него выйдетъ—*спеціалистъ*.

Г. Каптеревъ. Пусть онъ продолжаетъ учиться тому, въ чемъ слабъ; а если онъ слабъ вообще, то его и при нынѣшней системѣ выгонятъ за безуспѣшность.

Докторъ Вирсніусъ. Г. докладчикъ замѣтилъ, что у насъ нѣтъ основъ для опредѣленія свойствъ возрастовъ. Попытки опредѣленія этихъ основъ дѣлались и дѣлаются, но школа своимъ режимомъ противодѣйствуетъ выводамъ гигіенистовъ: распредѣленіе учебныхъ занятій одинаково для всѣхъ учащихся, для всѣхъ возрастовъ установлены часовые уроки, пища дается всѣмъ одинаковая, и такимъ образомъ сама школа противодѣйствуетъ особенностямъ возраста. Если-бы измѣнились къ лучшему самые методы обученія, отношенія учителей къ ученикамъ, если-бы въ школу проникъ принципъ индивидуализаціи учащихся, то, можетъ быть, и не понадобилась-бы предлагаемая г. докладчикомъ новая система, а безъ этихъ измѣненій и новая система не приведетъ къ успѣху.

Г. предсѣдатель сообщилъ о проектѣ учрежденія классической гимназіи для офицерскихъ дѣтей. Въ нее помѣщаютъ исключенныхъ за безуспѣшность дѣтей двѣнадцатилѣтняго возраста, и они обязательно учатся въ этой гимназіи въ теченіе восьми лѣтъ. Къ концу каждаго года производится сортировка; отстающихъ выдѣляютъ, освобождаютъ отъ латинскаго языка, но переводятъ въ слѣдующій классъ. Во второмъ классѣ во время уроковъ латинскаго языка со слабыми занимаются репетиторы. На

слѣдующій годъ—новая сортировка, новое освобожденіе отъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ ученики очень слабы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и переводъ въ слѣдующій классъ. До конца восьмилѣтняго періода ни одинъ ученикъ не можетъ быть исключенъ изъ гимназіи; онъ проведетъ этотъ періодъ съ пользою и въ концѣ курса получитъ соотвѣтствующее свидѣтельство.

По мнѣнію г. *Кирпотенка*, въ общеобразовательной школѣ неизбѣжна многопредметность и необходимо дѣленіе на ступени. Основнымъ руководящимъ принципомъ такой школы должно быть приспособленіе ума ребенка къ фактамъ и фактовъ къ уму ребенка. Для общаго образованія необходимы три группы предметовъ: 1) отечественный языкъ и исторія, 2) математика и 3) естественныя науки, а слѣдовательно, необходима многопредметность. При распредѣленіи предметовъ по классамъ долженъ быть примѣненъ механическій принципъ бережливости: для каждаго класса нужно такъ выбрать методъ и матеріалъ, чтобы при наименьшихъ усиліяхъ получалась наибольшая сумма знаній. Общеобразовательная школа не въ правѣ выпустить воспитанника, вовсе не знающаго математики, да такихъ, при соблюденіи указываемыхъ мною принциповъ, и не будетъ; неспособныхъ къ математикѣ не существуетъ, а существуютъ только такіе ученики, которые не въ состояніи усвоить теперешняго курса математики.

Г. Смирновъ замѣтилъ, что группированіе учениковъ по предметамъ неудобно съ воспитательной точки зрѣнія. Интернаты откажутся отъ такихъ группъ, въ которыхъ будутъ находиться двѣнадцатилѣтніе ученики вмѣстѣ съ семнадцатилѣтними, хотя бы такое соединеніе и происходило только въ классное время: дурное можетъ быть передано и въ классѣ. Группировка учащихся по классамъ предпочтительнѣе потому, что съ каждымъ классомъ тѣсно связана идея извѣстнаго возраста. **В. Г.**

Пожертвованія служащихъ С.-Петербургскаго учебнаго округа на пособія учащимъ и учащимся въ народныхъ школахъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ.

Устройство школьныхъ столовыхъ на пожертвованія служащихъ въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, по сообщенію, помѣщенному въ № 3-мъ Циркуляра по С.-Петербургскому учебному округу за настоящій годъ, заслужило одобреніе со стороны особаго комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича. Завѣдующій дѣлопроизводствомъ Комитета сообщилъ попечителю округа, что Комитетъ съ особымъ сочувствіемъ отнесся къ устройству столовыхъ и сдѣлалъ общее распоряженіе о продовольственномъ обезпеченіи дѣтей, обучающихся въ сельскихъ школахъ въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа отъ директоровъ народныхъ училищъ, мѣстными губернскими благотворительными комитетами ассигновано на устройство и содержаніе школьныхъ

столовыхъ въ Самарской губерніи 70.000 руб. и въ Казанской 15.000 р. на земскія школы и кромѣ того 12.000 р. на церковноприходскія.

Несмотря, однако, на столь значительныя пособія школамъ, столовыя С.-Петербургскаго учебнаго округа оказываются необходимыми и останутся по прежнему въ названныхъ губерніяхъ и на будущее время, до новаго урожая.

Попечитель Казанскаго учебнаго округа обратился съ просьбою о пособіи школамъ Симбирской и Саратовской губерній. Эта просьба была передана попечителю Дерптскаго учебнаго округа, у котораго собираются также пожертвованія на школы, и независимо отъ того, для ускоренія открытія столовыхъ, выслано директору народныхъ училищъ Симбирской губерніи единовременно 100 руб.

Такъ какъ въ январѣ были высланы деньги въ Николаевскій, Шадринскій и Челябинскій уѣзды на содержаніе столовыхъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ—февраля и марта, то вся высылка въ февралѣ не превышала 1.000 руб., а именно: на школы двухъ уѣздовъ Самарской губерніи отправлено 400 р., на училища Чебоксарскаго уѣзда 400 р. и на школы Симбирской губерніи и Камышловскаго уѣзда по 100 руб.

Опытъ посылки денегъ для содержанія столовыхъ на два мѣсяца впередъ оказался весьма полезнымъ, и завѣдующіе столовыми просятъ выслать въ мартѣ назначенныя пособія на апрѣль и май. Располагая болѣе значительными суммами, они могутъ воспользоваться случаями выгодной покупки хлѣба и устроить склады пищевыхъ продуктовъ для нѣсколькихъ школъ. Таковые склады уже устроены въ нѣкоторыхъ пунктахъ пострадавшихъ отъ неурожая уѣздовъ.

Имѣющаяся въ наличности сумма пожертвованій дозволяетъ исполнить просьбу большинства завѣдующихъ столовыми. Сверхъ того, пособія на апрѣль въ нѣкоторыхъ уѣздахъ предполагается увеличить по 50 руб., на расходы по празднованію дней Св. Пасхи и по говѣнію на страстной недѣлѣ.

Изъ отчетовъ о положеніи столовыхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа въ февралѣ мѣсяцѣ оказывается слѣдующее:

Въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи было одиннадцать столовыхъ, въ которыхъ получали обѣдъ 517 учащихся. Сверхъ того, должна была открыться въ концѣ мѣсяца 12-я столовая при Плюсковской школѣ на 50 учащихся. Мука для этихъ столовыхъ покупается на мѣстѣ по 1 р. 55 коп. за пудъ, при чемъ съ пуда отсѣевается не болѣе одного фунта отрубей и получается до 20 фунтовъ припека. Всѣ учителя и учительницы по прежнему заботливо относились къ содержанію столовыхъ С.-Петербургскаго округа, въ которыхъ въ настоящее время получаютъ пищу 567 учащихся. Въ виду упомянутаго выше ассигнованія на Самарскую губернію и ожидаемаго удешевленія хлѣбныхъ цѣнъ, пособіе для школъ Николаевскаго уѣзда предполагается оставить въ прежнемъ размѣрѣ, съ прибавленіемъ лишь 50 руб. на апрѣль мѣсяцъ.

Отъ директора народныхъ училищъ Самарской губерніи получено свѣдѣніе объ открытіи столовыхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа въ селахъ Максимовкѣ и Несмѣяновкѣ, Бузулукскаго уѣзда, и объ открытіи столовыхъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ,—всего, приблизительно, на 300 учащихся. Директоръ сообщаетъ также, что самарскимъ губернскимъ комитетомъ постановлено содержать до 1-го іюня на средства Общества Краснаго Креста 1.600 учащихся въ Бузулукскомъ уѣздѣ и 1.500 въ Самарскомъ, при чемъ на каждаго учащагося полагается въ мѣсяцъ 30 фунтовъ муки, 5 ф. пшена и 20 к. на приварокъ.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ Казанской губерніи существовала устроенная прежде столовая при министерской школѣ въ селѣ Бичуринѣ. Въ этой столовой учащіеся получаютъ на завтракъ по $^1/_2$ ф. хлѣба; къ обѣду и къ ужину варится супъ изъ мяса въ скоромные дни и изъ катофеля и крупы въ посты; хлѣбъ дается безъ вѣса. Такая пища обходится въ 2 р. 43 к. въ мѣсяцъ на каждаго учащагося, а всего 324 руб. 18 коп. Пользуются пищею въ столовой 133 мальчика; остальные 25 обѣдаютъ также, но приносятъ свой хлѣбъ. Больнымъ супъ и хлѣбъ посылается на домъ. Завѣдующій училищемъ, выражая свою благодарность отъ имени учениковъ, прибавляетъ: «а что всего для насъ важнѣе, такъ это то, что деньги жертвуются преподавателями С.-Петербургскаго учебнаго округа, которые въ нынѣшнее тяжелое время и сами навѣрное имѣютъ не малую нужду».

Такъ какъ на школы Казанской губерніи отпущено пособіе еще и изъ другаго источника, то директору училищъ этой губерніи предполагается высылать по прежнему по 400 руб. въ мѣсяцъ.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ директоромъ народныхъ училищъ Пермской губерніи, видно, что въ столовыхъ при школахъ Шадринскаго уѣзда продовольствовалось, на счетъ пожертвованій служащихъ въ С.-Петербургскомъ округѣ, 228 учащихся. Это число, какъ сообщаетъ директоръ г. Раменскій, должно увеличиться, такъ какъ недостатокъ въ средствахъ сказывается съ каждымъ мѣсяцемъ сильнѣе, а съ другой стороны слѣдуетъ ожидать вздорожанія продуктовъ, особенно мяса. Уже и теперь пользуются горячею пищею нѣкоторые учащіеся, не состоявшіе въ спискѣ продовольствуемыхъ въ столовыхъ. Въ виду этого представляется желательнымъ увеличить пособіе школамъ Шадринскаго уѣзда, которое возростало до сихъ поръ постепенно съ 250 до 350 руб., и высылать на будущее время по 400 руб. Во всѣхъ столовыхъ уѣзда готовились мясные щи съ приправою изъ крупы и луку; хлѣбъ дается безъ ограниченія. Въ постные дни щи или супъ приготовляются съ сушеными карасями. Учителя и учительницы отказываются отъ денежныхъ пособій изъ суммъ С.-Петербургскаго округа, прося употреблять деньги исключительно на содержаніе столовыхъ, и только одному учителю, наиболѣе нуждающемуся, выдано 5 руб.

По сообщенію директора училищъ Оренбургской губерніи, въ мѣстностяхъ Челябинскаго уѣзда продовольствуется на счетъ пожертвованій служащихъ въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ 270 учащихся. Здѣсь устроено два склада, изъ которыхъ училища могутъ получать мясо, вяленую рыбу, крупу, уксусъ, перецъ и лавровый листъ; школы, въ которыхъ устроены столовыя, находятся на разстояніи отъ 10 до 20 верстъ отъ этихъ складовъ. Обѣдъ состоитъ изъ горячей похлебки и ржаного или пшеничнаго хлѣба безъ ограниченія количества; при недостаткѣ овощей, въ похлебку прибавляется уксусъ, а для навара употребляется простой зерновой перецъ и лавровый листъ. И въ Челябинскомъ уѣздѣ ожидается увеличеніе числа нуждающихся и вздорожаніе мяса, цѣна на которое до послѣдняго времени не превышала 1 рубля или 1 р. 20 коп. за пудъ. Поэтому желательно увеличить пособіе для школъ Челябинскаго уѣзда также до 400 руб. въ мѣсяцъ. Прибыль пожертвованій дѣлаетъ это возможнымъ.

Отъ учительницы школы на Каменскомъ заводѣ Камышловскаго уѣзда полученъ отчетъ по столовой на 40 дѣвочекъ женскаго земскаго училища и 20 мальчиковъ министерскаго двухклассснаго (въ послѣднемъ существуетъ особая столовая на 18 мальчиковъ); расходъ на это число учащихся не превышаетъ

100 руб. въ мѣсяцъ; дѣтямъ дается свѣжая и сушеная рыба, молоко и проч. Кромѣ содержанія столовой, куплено 22 пары валенокъ за 17 руб., выдано учащимся 15 руб. и одному помощнику учителя и двумъ помощникамъ 30 руб.

Всего въ столовыхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа пользовалось горячею пищею свыше 1.500 учащихся.

Къ 1-му февраля оставалось	2.386 р. 31 к.
Поступило	1.572 » 74 »
Всего, съ вышеозначеннымъ остаткомъ, къ 1-му марта	3.959 р. 05 к.

Отправлено:

Февраля 25-го директору народныхъ училищъ Самарской губерніи для школъ дирекціи	400 р. — к.
» директору народныхъ училищъ Казанской губерніи для школъ дирекціи	400 » — »
» на Каменскій заводъ Камышловскаго уѣзда, для прокормленія учащихся мѣстной школы	100 » — »
Директору народныхъ училищъ Симбирской губерніи	100 » — »
Итого	1.000 р. — к.
Къ 1-му марта 1892 года въ наличности	2.959 р. 05 к.

Всего поступило пожертвованій:

До 1-го января	6.329 р. 84 к.
Въ январѣ	3.121 » 38 »
» февралѣ	1.572 » 74 »
	11.023 р. 96 к.

Отправлено:

Въ ноябрѣ	752 р. 64 к.
» декабрѣ	1.054 » 49 »
» январѣ	5.257 » 78 »
» февралѣ	1.000 » — »
	8.064 р. 91 к.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

ОТЧЕТЪ

коммиссіи по оказанію помощи учащимся въ народныхъ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, избранной Комитетомъ грамотности при Императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ 14 января 1892 г.

14 января—14 апрѣля.

Въ засѣданіи Комитета грамотности 14 января 1892 г. было внесено *семью* членами Комитета предложеніе объ образованіи при Комитетѣ «коммиссіи по оказанію помощи учащимся въ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая». Одновременно съ этимъ предложеніемъ были заслушаны: 1) заявленія трехъ членовъ Комитета: Е. П. Свѣшниковой, Ф. Ф. Ольденбурга и кн. Д. И. Шаховскаго о необходимости оказанія помощи школамъ голодающихъ губерній посредствомъ устройства школьныхъ столовыхъ, причемъ упомянутые три члена обязались въ случаѣ учрежденія коммиссіи внести 240 руб. на устройство одной школьной столовой; 2) заявленіе пожизненнаго члена В. Д. Вакурова о необходимости организаціи помощи школамъ голодающихъ губерній.

Предложенія эти послѣ продолжительнаго, сочувственнаго обмѣна мыслей были единогласно приняты Комитетомъ, послѣ чего и была избрана коммиссія изъ *семи* членовъ: г-жъ Лашкевичъ, И. Ц., и Туганъ-Барановской, Л. К., и гг. Гуревича, Я. Г., Кауфмана, А. А., Ольденбурга, С. Ф., Рубакина, Н. А., Фальборка, Г. А.; въ составъ коммиссіи вошло также двое членовъ по выбору отъ совѣта: Девель, В. В., и Кетрицъ, Б. Э.; кромѣ этихъ *девяти* членовъ, постоянное, дѣятельное участіе въ занятіяхъ коммиссіи принималъ и предсѣдатель Комитета грамотности Я. Т. Михайловскій.

Коммиссія собралась въ первый разъ 19 января и за три первые

мѣсяца своего существованія съ 14 января—14 апрѣля имѣла 14 засѣданій; изъ нихъ 13 очередныхъ и 1 экстренное.

Въ первомъ-же засѣданіи коммиссія организовала свое бюро, которое и составилось изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдатель Я. Г. Гуревичъ; товарищъ предсѣдателя Б. Э. Кетрицъ; казначей И. Ц. Лашкевичъ; секретарь Л. К. Туганъ-Барановская.

Прежде всего коммиссія остановилась на разсмотрѣніи вопроса объ изысканіи средствъ для возможно болѣе успѣшной дѣятельности и приняла слѣдующія рѣшенія:

1. Отпечатать квитанціонныя книжки для сбора пожертвованій: напечатано было въ 1 рубль 57 экземпл., 20 коп. 408 экз., 5 коп. 517 экз.

2. Устроить литературно-музыкальный вечеръ.

3. Обратиться къ частнымъ лицамъ съ просьбою о пожертвованіяхъ.

4. По примѣру выставленнаго въ засѣданіи Комитета 14 января подписнаго листа, выставлять подобные-же листы во всѣхъ засѣданіяхъ Комитета и, кромѣ того, тамъ-же выставить кружку для сбора пожертвованій.

Рѣшенія эти были приведены въ исполненіе и, какъ будетъ указано далѣе, оказались вполнѣ цѣлесообразными.

Кромѣ того, было еще предложено: 1) издать нѣсколько брошюръ по дешевой цѣнѣ и 2) устроить нѣсколько публичныхъ чтеній, но предположенія эти не были осуществлены вслѣдствіе встрѣтившихся практическихъ затрудненій.

Сборъ по квитанціоннымъ книжкамъ оказался весьма удачнымъ, особенно по 5 и 20 коп. книжкамъ, и достигъ суммы 1.851 р. 20 к.

15 февраля было устроено литературно-музыкальное утро, которое, благодаря благосклонному участію г-жъ Сандерсонъ, Нарбутъ, Гамовецкой и гг. Михайловскаго, Потапенки, ⁂, Вейнберга, Длусскаго и Келера, далъ чистаго сбору 553 р. 50 к.

12 апрѣля устроенъ былъ кружкомъ любителей спектакль, давшій чистаго доходу 237 руб. 30 к.

На просьбы о пожертвованіяхъ откликнулись весьма многія лица и учрежденія. Полный списокъ жертвователей помѣщенъ въ отчетѣ о движеніи денежныхъ суммъ, здѣсь-же мы назовемъ только главнѣйшихъ: И. М. Сибиряковъ 1.000 руб., съѣздъ С.-Петербургскихъ мировыхъ судей 350 руб. единовременно и по 75 руб. въ мѣсяцъ, А. М. Сибирякова 200 рублей, Новозыбковское общественное собраніе устроило въ пользу коммиссіи концертъ, давшій 240 руб., С. П. Максимовичъ 150 руб. По 100 руб. пожертвовали: г-жи Алчевская,

Водовозова-Семевская, Разумовская, Шварсалонъ; гг. кн. Долгоруковъ, Каменскій, Рукавишниковъ, Чацкинъ. М. Н. Стоюнина пожертвовала 100 экз. «Педагогическихъ сочиненій» своего мужа (на сумму по номинальной цѣнѣ 300 руб.). Н. В. Верещагинъ пожертвовалъ 100 пудовъ ржаной муки, сороковую бочку квашеной капусты и, кромѣ того, обѣщалъ 300 мѣръ картофелю.

По подписнымъ листамъ собрано и изъ кружки вынуто 371 р.

Принявъ мѣры къ обезпеченію за собою средствъ, коммиссія въ первомъ-же засѣданіи обсудила принципы, которыми она намѣрена руководствоваться при оказаніи помощи.

1. Прежде всего она признала необходимымъ имѣть по возможности точныя свѣдѣнія о степени нужды въ данной мѣстности.

2. Свѣдѣнія о числѣ учащихся.

3. Знать лицъ, которыя могутъ взяться за устройство школьной столовой или вообще устройство прокормленія учащихся.

Въ виду этого коммиссіи пришлось отклонить нѣкоторыя просьбы,— весьма, впрочемъ, незначительное число сравнительно съ удовлетворенными 6 : 41. Изъ пяти отказовъ 2 въ виду совершеннаго незнакомства съ лицами просившими, 3 въ виду того, что коммиссіи было извѣстно о полученіи просившими средствъ изъ другихъ источниковъ и 1 вслѣдствіе отсутствія свѣдѣній о степени нужды.

Удовлетворено просьбъ, какъ видно изъ вѣдомости, 41. Изъ этого числа въ 8 школъ высылаются деньги на приварокъ, такъ какъ хлѣбъ получается изъ другихъ источниковъ, въ одну школу послано единовременное пособіе, а относительно остальныхъ 32 школъ, гдѣ предположено было открыть столовыя, болѣе точныя свѣдѣнія получены къ 14 апрѣля лишь изъ 12 школъ, главнымъ образомъ въ виду поздняго открытія столовыхъ и плохаго состоянія путей сообщенія.

Число учениковъ, получающихъ продовольствіе, извѣстно въ 27 школахъ и составляетъ 1.250. Стоимость прокормленія одного ученика извѣстна въ 11 школахъ и колеблется между $72^1/_2$ коп. и 1 р. 80 к., въ среднемъ около 1 р. 16 к. на ученика въ мѣсяцъ. Свѣдѣнія о томъ, чѣмъ и въ какомъ количествѣ кормятся ученики, имѣются изъ 13 школъ—ѣда состоитъ изъ хлѣба ($^3/_4$ и 1 ф.) и горячаго блюда, въ иныхъ школахъ даже двухъ—каши и щей, въ двухъ школахъ дается и мясо со щами и то-же предполагается сдѣлать и въ третьей, въ виду дешевизны мяса.

Во всѣхъ столовыхъ кормятъ каждый день, не исключая воскресеній и праздниковъ, и содержать ихъ рѣшено до 1 августа.

Отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ, пожертвованныхъ въ коммиссію, состоящую при Спб. Комитетѣ грамотности, по оказанію помощи учащимся въ народныхъ школахъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая.

Съ 14-го января по 14-е апрѣля поступило:

А. ДЕНЬГАМИ:

1) По подписнымъ листамъ въ засѣданіяхъ Комитета грамотности.

14-го января отъ:

	р.	к.
Я. Т. Михайловскаго	15	—
В. Г. Котельникова	10	—
М. М. Ледерле	10	—
Я. Г. Гуревича	50	—
Черезъ С. Ф. Ольденбурга	75	—
О. К. Нечаевой	10	—
М. Бекетовой	2	—
П. В. Глаголева	5	—
X. Y. Z.	2	—
N N	2	—
А. Воленса	2	—
В. Воленса	3	—
Н. Е. Грамати	1	—
Г-на Шалковскаго	5	—
А. Глаголева	1	—
А. Ф. Селиванова	1	—
К. К. Пистолькорса	3	—
Г-на Панкратьева	1	—
Д. Ф. Селиванова	3	—
А. М. Калмыковой	10	—
N N	2	—
А. А. Кауфмана	5	—
Неизвѣстнаго	1	—
О. В. Хижняковой	1	—
Н. А. Рубакина	5	—
Б. Э. Кетрица	1	—
N N	1	—
	227	—

10-го марта отъ:

	р.	к.
Х. Д. Алчевской	10	—
С. Ф. Ольденбурга	5	—
М. М. Ледерле	3	—
П. И. Макушина	5	—
А. С. Туганъ-Барановской	10	—
N N	2	—
Д. Ф. Селиванова	3	—
Ф. Ф. Селиванова	1	—
Б. Э. Кетрица	1	—
А. Б.	1	—
О. Х.	1	—
Е. и М. Токмаковыхъ	4	—
Черезъ А. Ф. Селиванова	2	—
С. М. Брилліанта	3	—
Гасселькуса	2	—
Г-жи Леонтьевой	1	—
Г-жи Соловьевой	1	—
З. Б. Вулиха	5	—
А. Н. Канаева	2	—
Г-жи Игнатьевой	1	—
Г-жи Чебышевой-Дмитріевой	1	—
Г. Чехова	—	50
Я. Т. Михайловскаго	10	—
Г. Тютрюмова	1	—
М. Ш.	1	—
А. А. Кауфмана	1	—
N N	1	—
Я. Г. Гуревича	10	—
Е. С. Блуменфельдъ	3	—
Ю. И. Симашко	2	—
	93	50

14-го апрѣля отъ:

	р.	к.
Я. Г. Гуревича	10	—
Д. Селиванова	3	—
Ф. Селиванова	1	—
Г-жи Колодезниковой	1	—
В. Мякотина	1	—
Ал. Ону	1	—
Ал. Соколова	1	—
N N	3	—

	р.	к.		р.	к.
Г. Иваницкаго	5	—	В. П. Острогорскаго	1	—
Б. Э. Кетрица	1	—	В. В. Девеля	1	—
М. В. Овчинникова	1	—	В. Г. Котельникова	3	—
Е. Я. Симоновой	1	—		34	—

2) Изъ кружки вынуто 13-го февраля . . . . 12 р. 68 к.
» » » 30-го марта . . . . 3 » 72 »

16 р. 50 к.

3) По сборнымъ книжкамъ съ квитанціями рублеваго, двадцатикопеечнаго и пятикопеечнаго достоинства . . . . 1.851 р. 20 к.

1.851 р. 20 к.

4) Отъ устроеннаго коммиссіей музыкально-литературнаго утра 553 р. 50 к.
Съ домашняго спектакля съ дивертиссементомъ. . . . . . . 237 » 30 »
Съ концерта, устроеннаго Новозыбковскимъ общественнымъ собраніемъ . . . . 240 » — »

1.030 р. 80 к.

5) Отъ продажи акварели, пожертвованной А. Н. Бенуа . . 90 р. — к.

90 р. — к.

6) Отъ слѣдующихъ лицъ:

	р.	к.		р.	к.
Г-жи Шварсалонъ	100	—	В. А. Чацкина	100	—
Г-жи Нечаевой	3	—	М. И. Фальборкъ	4	—
С. Ф. Горянской	10	—	В. Е. Введенскаго	5	—
Н. К. Милюкова	2	—	Воспитанниковъ учительскаго института	75	—
К. К. фонъ-Фохта	3	—	Черезъ Л. К. Барановскую	2	50
Е. П. Богдановой	1	—	Е. Ц. Кавоса	25	—
Ф. Ю. Левинсонъ-Лессинга	3	—	Я. Д. Алексѣева	20	—
Н. И. Карѣева	4	—	В. П. Веселовской	25	—
Г-жи Пановой	2	—	В. Д. Сиповскаго	3	—
Черезъ И. Лашкевичъ	68	—	Г-на Беллярминова	5	—
N N	3	—	Г-на Геннинга	2	5
Н. Н. Медвѣдева	20	—	Черезъ Н. А. Рубакина	3	—
Столичныхъ мировыхъ судей	350	—	Р. И. Кауфманъ	25	—
И. В. Рукавишникова	100	—	С. П. Максимовича	150	—
Черезъ С. Ф. Ольденбурга	60	—	Н. П. Иванова	10	—
3-хъ неизвѣстныхъ лицъ	3	—	N N	4	50
Г-жи Чебышевой-Дмитріевой	2	—	Г-жи Л.	3	—
Г. Симонова	3	—	С. и В. Едокимовыхъ	20	—
Неизвѣстнаго	1	—	Н. И. Афанасьева	3	—
М. Д. Путиловой	25	—	Л. Браудо	5	—
Х. Д. Алчевской	100	—	Я. А. Острогорскаго	1	—
Н. О. Богатко	5	—	В. В. Михайлова	3	—
В. П. Острогорскаго	3	—	М. М. Анкиндинова	3	—
Г. Полежаева	25	—			

	р.	к.
Г-на Кузина	10	—
В. А. Барминскаго	5	—
А. Г. Небольсина	10	—
А. И. Зака	20	—
Н. Н. Лещина	1	—
М. В. Григорьевой	3	—
Н. Л. Леонтьевой	6	—
Г. В. Чельцова	6	—
М. И. Семевскаго	10	—
М. И. Лаврентьевой	10	—
А. М. Сибиряковой	200	—
М. А. Эрнъ	15	—
П. Э. Гронскаго	3	—
О. А. Старицкой	25	—
К. Глазунова	10	—
N N	—	50
К. Соколова	10	—
Н. А. Прокофьева, собранныя по подписному листу	16	5
Неизвѣстнаго	10	—
Кн. А. Д. Тенишевой	50	—
В. Ф. Каменскаго	100	—
А. В. Михайлова	4	50
А. И. Сухановой	—	50
Черезъ Е. П. Рѣпину	—	45
Г-жи Зацимовской	3	—
А. Ф. Петрушевскаго	10	—
М. И. Лыткина	3	—
Е. В. Деморъ	3	—
Е. Л. Пушкиной	5	—
А. Н. Тицъ	25	—
С. А. Усовой	5	—
В. А. Латышева	3	—
Неизвѣстныхъ лицъ черезъ С. Ф. Ольденбурга	190	—
Д. П. Соколова	10	—
С. Г. Бередникова	25	—
А. Я. Смирновой	25	—
М. Т. Соловьева	10	—
М. И. Соколова	25	—
А. А. Банкъ	2	—
С. С. Старынкевичъ	5	—
Н. Н. Хмѣлева	5	—
Е. Н. Водовозовой-Семевской	100	—
С. Ф. Горянской	14	28
N N	—	52
Г-на Разумовскаго	25	—

	р.	к.
Б. С. Шершевскаго	20	—
Г-на Дмитріева	20	—
М. А. Гряслова	12	—
Отъ директора, воспитателей и учителей гимназіи Я. Гуревича	100	—
N N	—	25
Е. Е. Панкратьевой	1	—
О. Н. Фанъ-деръ-Флитъ	10	—
Г-жи Блуменфельдъ	1	—
А. Ѳ. Кони (часть сбора съ лекціи о д-рѣ Гаазѣ)	100	—
С. С. Старынкевичъ	5	—
А. С. Туганъ-Барановской	10	—
Ф. А. Брауна	14	—
Г-на Солодцовскаго	5	—
М. И. Девель	1	—
Г-на Раппопорта	3	—
Н. И. Рубакиной	1	—
Г-на Александрова	10	—
Я. Г. Гуревича	4	—
К. А. Гусаковскаго	3	—
А. В. Васильева	3	—
Н. И. Карѣева	61	25
N N	—	25
В. А. Мякотина	3	—
Г-на Холодова	2	—
Кн. Н. Д. Долгорукова	100	—
Неизвѣстнаго	5	—
Г-на Ленина	1	—
М. Разумовской	100	—
Г. А. Разумовскаго	25	—
Е. Е. Саранчева	5	—
N N	2	60
И. М. Сибирякова	1.000	—
Г. Я. Яковлева	3	—
П. Н. Евреинова	25	—
Н. К. Михайловскаго	91	50
Общества взаимнаго вспомоществованія приказчиковъ г. Иркутска	100	—
Г-на Тарутина	1	—
N N	2	70
А. П. Философовой	10	—
Г-жи Колодезниковой	1	—
	4.275	40

7) Ежемѣсячныхъ взносовъ въ коммиссію поступило отъ:

	р.	к.
Я. Т. Михайловскаго	20	—
Н. Л. Г.	6	—
Спб. столичныхъ мировыхъ судей	225	—
М. И. Девель	9	—
В. В. Девеля	9	—
Я. Г. Гуревича	20	—
Л. К. Тимофѣевой	30	—
Черезъ А. А. Кауфмана	22	50
И. Ц. Лашкевичъ	9	—
М. М. Ледерле	30	—
В. Г. Котельникова	30	—
Б. Э. Кетрица	9	—
В. Д. Сиповскаго	3	—
В. А. Девеля	9	—
Е. П. Свѣшниковой, Ф. Ф. Ольденбурга и кн. Шаховскаго	230	—
В. А. Бильбасова	9	—
О. М. фонъ-Фохтъ	6	—
Г-жъ Соловьевой и фонъ-Фохтъ	10	—
М. И. Свѣшникова	10	50
Н. И. Карѣева	4	—
Г-жи Яроцкой	3	—
	704	—
А всего деньгами	8.322	40

Кромѣ того, пожертвовано неизвѣстнымъ лицомъ 3 купона втораго выпуска благотворительной лотереи.

Съ 14-го января по 14-е апрѣля израсходовано:

А. ЕДИНОВРЕМЕННЫХЪ ПОСОБІЙ:

1) Послано въ школу села Злобино-Варголъ Елецкаго уѣзда, Орловской губерніи . . . . . . 100 р.
2) Въ 4 школы селъ Горки, Игнатово, Киржеманы и Толызино Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи . . . . . . 128 »
3) Въ школу села Маресово, Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи . . . . . . 100 »

328 р.

В. ПОСТОЯННЫХЪ ПОСОБІЙ:

	Ассигновано.	Послано.
На 4 школы Воронежской губерніи: Бирючинскаго уѣзда, въ селѣ Лутовиново	420 р.	240 р.
Землянскаго уѣзда, село Перелевки	300 »	200 »
Коротоякскаго уѣзда, село Лѣвая Россошь	300 »	200 »
Нижнедѣвицкаго уѣзда, село Синіе Липяги	250 »	100 »
На 9 школъ Казанской губерніи: Казанскаго уѣзда, село Учейкино; Лаишевскаго уѣзда, село Люткино; Царевококшайскаго уѣзда, село Русскій Уртемъ; Царевококшайскаго уѣзда, село Азиново	500 »	500 »
Въ распоряженіе проф. Карсакову	300 »	100 »
Тетюшскаго уѣзда, село Яшевка	165 »	66 »
Тетюшскаго уѣзда, село ***; Свіяжскаго уѣзда, село ***	300 »	200 »

	Ассигновано.	Послано.
Лаишевскаго уѣзда, село ***	150 р.	100 р.
На 2 школы Оренбургской губерніи, гор. Челябинскъ	150 »	100 »
Челябинскаго уѣзда, село Петровское	250 »	200 »
На 4 школы Пермской губерніи, Шадринскаго уѣзда, въ селѣ Макарьевскомъ и въ селѣ Ново-Петровскомъ	940 »	740 »
Шадринскаго уѣзда, село ***	200 »	100 »
Шадринскаго уѣзда, село ***	300 »	300 »
На 1 школу Рязанской губерніи, Ряжскаго уѣзда, село Пустотинъ	150 »	75 »
На 3 школы Самарской губерніи, Николаевскаго уѣзда, село Селезниха, село Ново-Захаркино	750 »	600 »
Новоузенскаго уѣзда, село Новотроицкое-Перекопное	500 »	400 »
На 4 школы Саратовской губерніи, Петровскаго уѣзда, въ селахъ: Безводино, Березово, Дьячевка, Чунаково	620 »	305 »
На 1 школу Тамбовской губерніи, Козловскаго уѣзда, село Ново-Сеславинское	280 »	140 »
Моршанскаго уѣзда, село Питимъ	225 »	90 »
Липецкаго уѣзда, село Малей	200 »	50 »
Темниковскаго уѣзда, село Девлятково	250 »	100 »
Усманскаго уѣзда, село Демнинсково-Городково	150 »	100 »
На 2 школы Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда, въ селахъ Судьбищѣ и Плоскомъ	375 »	250 »
На 1 школу Уфимской губерніи, Белебѣевскаго уѣзда	150 »	100 »
	8.175 р.	5.356 р.

Всего израсходовано съ 14-го января по 14-е апрѣля	5.684 р.	— к.
Въ наличности	2.638 »	40 »
Всего	8.322 р.	40 к.

ВѢДОМОСТЬ О ШКОЛАХЪ,

принятыхъ на попеченіе Комитета грамотности въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, съ 14 января 1892 г. по 14 апрѣля 1892.

№№ по порядку.	МѢСТОНАХОЖДЕНІЕ ШКОЛЪ. Губернія.	Уѣздъ.	Село и деревня.	Число школъ.	Число продовольств. учениковъ.	Время открытія столовыхъ.	Стоимость продовольствія 1 ученика въ мѣсяцъ. (руб.)	(коп.)	До 1 августа на школу ассигновано.	Изъ этой суммы уже выдано.	Подлежитъ выдачѣ.	ЛИЦА, ЗАВѢДЫВАЮЩІЯ СТОЛОВЫМИ.
1	Воронежская.	Бирючинскій	Лутовиново	1	56	Февраля 7.	—	$72\frac{1}{2}$	420	240	180	Учительница Е. М. Гревсъ.
2	»	Землянскій	Перелевки	1	46	Февраль.	—	—	300	200	100	Учительница М. А. Поспѣлова.
3	»	Коротоярскій	Лѣвая-Россошь	1	40	Февраль.	1	25	300	200	100	Врачъ Ф. И. Хрущовъ и свящ. Т. И. Хрущовъ.
4	»	Нижнедѣвицкій	Синіе-Липяги	1	90	Мартъ.	—	—	250	100	150	Учительница Т. Нестеренко.
5	Казанская	Казанскій	Учейкино	1	40	Марта 18.	—	—		—	—	Земскій начальникъ Г. А. Геркенъ. (подъ руководствомъ проф. Корсакова и А. Я. Смѣловой.)
6	»	Лаишевскій	Люткино	1	43	Мартъ.	—	—	500 [1])	—	—	Учительница Н. Алексѣева.
7	»	Царевококшайскій	Русскій-Уртемъ	1	40	Марта 8.	—	—		—	—	Учитель А. Семеновъ
8	»	»	Азиново	1	29	Мартъ.	—	—		—	—	Учительница Вишнякова.
9	»		*	1	—	Май.	—	—	300	—	—	Проф. Корсаковъ.
10	»	Тетюшскій	Яшевка	1	30	Мартъ.	1	10	165	66	99	В. А. Соловьева, землевладѣлица.
11	»	»		1	—	Май.	—	—				
12	»	Свіяжскій		1	—	Май.	—	—	300	200	100	Г-жа Пауткина.
13	»	Лаишевскій		1	—		—	—	150	100	50	Г-жа Якоби.
14	Оренбургская.	Челябинскій	Петровское	1	—	Мартъ.	—	—	250	200	50	Свящ. Малѣевъ.
15	»	г. Челябинскъ		1	—	Май.	—	—	150	100	50	А. И. Голубева.
16	Орловская	Елецкій	Злобино-Варголъ	1	66	Мартъ.	—	—	100 [2])	—	—	Учитель А. К. Руденскій подъ руководствомъ Н. Ѳ. Цвыленева, землевладѣльца.
17	Пермская	Шадринскій	Макарьевское	1	40	Марта 2.	1	80	940	740	200	Е. М. Саммуленко.
18	»	»	Ново-Петропавловское	1	69	Мартъ.						
19	»	*	*	1	—	—	—	—	200	100	100	А. Д. Павловская, фельдшерица.
20	»	*	*	1	—	—	—	—	300	300	—	Н. Г. Федоровъ, секретарь земской управы.
21	Рязанская.	Ряжскій	Пустотинъ	1	75	Апрѣль.	—	—	150	75	75	Учительница рукодѣлія Халютина подъ руков. О. Л. Березиной, землевладѣлицы.
22	Самарская	Николаевскій	Селезниха	1	70	Марта 21.	—	83	750	600	150	М. Л. Закладный.
23	»	»	Ново-Захаркино	1	52	Мартъ.						В. А. Оболенскій.
24	»	Новоузенскій	Новотроицкое-Перекопное	1	100	Мартъ.	1	20	500	400	100	Земскій начальникъ В. М. Померанцевъ (подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ Феликсова.)
25	Саратовская.	Петровскій	Безводино	1	36	Февраля 18.	1	15	620	305	315	Учитель В. Н. Зиновьевъ и свящ. В. И. Благовидовъ
26	»	»	Березово	1	19	Февраля 8.	1	20				Учитель В. А. Шестоперовъ и свящ. Гр. Гр. Соколовъ
27	»	»	Дьячевка	1	15	Марта 15.	1	20				Учительница В. Е. Кочурина и свящ. Д. А. Тихоміровъ
28	»	»	Чунаково	1	20	Февраля 25.	1	5				Учительница А. Е. Митрофанова и свящ. Д. И. Голубевъ
29	Симбирская.	Ардатовскій	Маресово	1	60		—	—	100 [3])	100	—	А. И. Сентъ-Илеръ.
30	»	»	Горки	1	103	Апрѣль.	—	—	128 [4])	128	—	Земскій врачъ Воскресенскій.
31	»	»	Игнатово	1			—	—				
32	»	»	Киржеманы	1			—	—				
33	»	»	Толызино	1		»	—	—	—	—	—	
34	Тамбовская	Козловскій	Ново-Сеславино	1	69	Апрѣль.	—	—	280	140	140	Учитель А. Вендряковъ, подъ руковод. А. Г. Любощинской, землевладѣлицы.
35	»	Моршанскій	Питимъ	1	—	Мартъ.	—	—	225	90	135	Учитель Я. Кургановъ.
36	»	Липецкій	Малей	1	42	Марта 29.	1	24	200	50	150	Врачъ Григоровъ.
37	»	Темниковскій	Девлятково	1	—	Мартъ.	—	—	250	100	150	Учитель Предтеченскій и земскій врачъ Шлоссбергъ подъ руков. кн. Енгалычевой.
38	»	Усманскій	Демнинсково-Городково	1	—	Май.	—	—	150	100	50	Учитель Н. М. Взоровъ подъ руководствомъ П. Огаркова.
39	Тульская	Новосильскій	Судьбице	1	—	»	—	—	375	250	125	Л. П. Бобрищева-Пушкина, землевладѣлица.
40	»	»	Плоское	1	—	»	—	—				
41	Уфимская	Белебеевскій	*	1	—	Май.	—	—	150	100	500	А. Г. Мягковъ.
				41	1.250				8.503	5.684	2.819	

[1]) На приварокъ.

[2]) 100 руб. выдано единовременнаго пособія въ добавленіе къ пожертвованнымъ Н. В. Верещагинымъ продуктамъ (100 пуд. муки и бочка капусты).

[3]) На школу въ селѣ Маресово было первоначально ассигновано 250 руб., но въ виду того, что эта школа, по сообщенію г-жи Сентъ-Илеръ, получила средства изъ другихъ источниковъ послѣ израсходованія первыхъ 100 руб., присланныхъ коммиссіей, дальнѣйшая помощь не оказалась необходимой.

[4]) На приварокъ.

II. Картины по географіи и этнографіи.

а) Картина для объясненія главныхъ формъ суши и воды. Изд. Гирта. Размѣръ 26 × 20 в. Ц. 3 р. Объяснительный текстъ къ картѣ 35 к.

б) Тоже, изд. Шрейбера. Размѣръ 26 × 20 в. Ц. 2 р. 50 к.

в) **Коллекція изъ 14-ти хромолитографированныхъ картинъ.** Изд. Шрейбера. Ц. 2 р. 10 к.

1. Формы суши и воды. 2. Жизнь и природа въ горахъ. 3. Жаркая пустыня. 4. Тропическій лѣсъ. 5. Альпійскій ледникъ. 6. Шафгаузенскій водопадъ. 7. Жизнь на днѣ моря. 8. Типы племенъ. 9. Лапландцы. 10. Становище Сѣверо-Американскихъ Индѣйцевъ. 11. Переселенцы въ Америкѣ. 12 и 13. Благоустройство большаго города. 14. Почта и желѣзная дорога. Картины могутъ быть пріобрѣтены и въ отдѣльности, при требованіи не менѣе десяти экземпляровъ одной и тойже картины.

г) **Этнографическія художественныя хромолитографированныя картины Лейтемана.** Размѣръ 20 × $14^1/_2$ в. Ц. 1 р. 50 к. за карт.

Типы человѣческихъ расъ. (Головы въ естественную вышину). Этнографическія группы въ обстановкѣ домашняго быта. 1. Эскимосы. 2. Индѣйцы. 3. Индусы. 4. Китайцы. 5. Австралійцы.

III. Картины по естествовѣдѣнію.

а) **Хромолитографированныя картины по зоологіи Лейтемана. Коллекція изъ 41 стѣн. таблицы.** Размѣръ 20 × $14^1/_2$ в. Ц. картины 1 р. 30 к.

1. Шимпанзе. 2. Вампиръ. 3. Ежъ и кротъ. 4. Куница и выдра. 5. Бурый медвѣдь. 6. Бѣлый медвѣдь. 7. Волкъ. 8. Лисица. 9. Левъ и львица. 10. Тигръ. 11. Кэнгуру. 12. Бобръ. 13. Дромадеръ. 14. Сѣверный олень. 15. Буйволъ. 16. Слонъ 17. Жирафъ. 18. Тюлень. 19. Китъ. 20. Орелъ. 21. Кондоръ. 22. Иволга и ткачъ. 23. Глухарь. 24. Страусъ. 25. Цапля. 26. Пеликанъ. 27. Черепаха. 28. Крокодилъ. 29. Удавъ и гремучая змѣя. 30. Сомъ и лосось. 31. Осетръ и окунь. 32. Акула. 33. Жуки. 34. Пчела. 35. Шелкопрядъ. 36. Скорпіонъ и тарантулъ. 37. Крабы и раки. 38. Піявка и глисты. 39. Каракатица и устрицы. 40. Кораллы. 41. Муха, саранча и др.

Каждая изъ этихъ картинъ можетъ быть пріобрѣтена и отдѣльно.

б) **Раскрашенныя картины по зоологіи, изд. Шрейбера.** Коллекція изъ 20 картинъ. Цѣна 2 р.

1. Левъ. 2. Тигръ. 3. Волкъ. 4. Медвѣдь. 5. Слонъ. 6. Носорогъ. 7. Жирафъ. 8. Верблюдъ. 9. Оселъ. 10. Муравьеѣдъ. 11. Бѣлка. 12. Моржъ. 13. Страусъ. 14. Сова. 15. Ласточки. 16. Птичьи гнѣзда. 17. Лягушка. 18. Крокодилъ. 19. Бабочки. 20. Низшія животныя. По желанію, коллекція можетъ быть дополнена слѣдующими картинами: 21. Лошадь. 22. Корова. 23. Козы. 24. Овцы. 25. Свиньи. 26. Ежъ. 27. Мыши. 28. Зайцы. 29. Аисты. 30. Голуби. 31. Собака. 32. Кошки. 33. Домашнія птицы.

в) **Коллекція по минералогіи изъ 8 таблицъ, изд. Шрейбера.** Ц. 1 р. 20 к.

Золото. Серебро. Желѣзо. Мѣдь. Каменный уголь. Мраморъ. Гранитъ и пр.

г) **Культурныя растенія.** Размѣръ 20 × $14^1/_2$ в. Цѣна картины 1 р. 50 к.

Плантаціи: 1) Чая. 2) Кофе. 3) Табаку. 4) Хлопка. 5) Сборъ какао и 6) Сборъ каучука и перца.

д) **Коллекція лѣсныхъ и плодовыхъ деревьевъ. Изд. Герольда** въ Вѣнѣ. Цѣна каждаго выпуска изъ пяти таблицъ 3 рубля.

Выпускъ 1-й. Оливковое дерево. Букъ. Пирамидальный тополь. Сосна. Дубъ.

Выпускъ 2-й. Липа. Грушевое дерево. Каштанъ. Акація.

Большое изображеніе дерева и отдѣльно: цвѣтъ, плодъ, листъ, сердцевина и пр.

IV. Таблицы по технологіи.

Изд. Ваксмута. Размѣръ 20 × 12 в. Цѣна картины 1 р.

1 и 2. Обработка льна. 3. Доменная печь. 4. Обработка желѣза. 5 и 6. Локомотивъ.

Изданія книжнаго склада А. М. Калмыковой:

1) **Справочная книга по вопросамъ народнаго образованія. Педагогическій календарь на 1891—1892-й учебный годъ.** Сост. В. А. Воскресенскій. **Мин. Нар. Просвѣщ. одобренъ** для учительскихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Содержаніе: оффиціальныя свѣдѣнія и распоряженія о народныхъ училищахъ, церковно-приходскихъ школахъ, о народныхъ читальняхъ и чтеніяхъ. Правила для испытаній на учительскія званія. Уставы техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Списки вышедшихъ въ 1890 году педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ и книгъ, **одобренныхъ Мин. Нар. Просвѣщ.** Пять статей педагогическаго содержанія. Каталоги библіотекъ на сумму отъ 5 до 200 р. изъ книгъ, **одобренныхъ Мин. Нар. Просвѣщ.** для школьныхъ и народныхъ библіотекъ и мн. др. Цѣна 50 к., съ пересылкой 55 к.

2) **Педагогическій календарь на 1890—91-й учебный годъ.** Цѣна 20 к. Оба года высылаются за 75 к. почтовыми марками.

3) **Я. А. Крестьянское хозяйство и книга,** 1½ к.

4) **Я. А. Тяжкіе грѣхи темныхъ людей.** Ц. 1½ к.

5) **Мунтъ-Валуева. Авраамъ Линкольнъ,** съ рисунками. Ц. 20 к.

Разсказы изъ Ясной Поляны.

6) **Капитанъ Головнинъ,** съ рисунками. Ц. 20 к.

7) **Христофоръ Колумбъ,** съ рисунками. Ц. 15 к.

Вышелъ 2-мъ изданіемъ.

Каталогъ книгъ для народныхъ библіотекъ (на сумму отъ 1 р. до 200 р.). Составила А. М. Калмыкова. Высылается за 10 к. марками.

1-го **АПРѢЛЯ** ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ IV-я КНИЖКА ЖУРНАЛА

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ: **ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.** I. ЗОЛОТО. Романъ. Часть четвертая. **Д. Мамина-Сибиряка.**—II. ГОЛОДОВКИ ВЪ РОССІИ ДО КОНЦА ПРОШЛАГО ВѢКА. Проф. **Ѳ. И. Леонтовича.**—III. ИЗЪ ГЕТЕ. Стихотвореніе. 1) Къ Зюлейкѣ. 2) Тюрбанъ. **Н. Холодковскаго.**—IV. ВѢДЬМА. **Д. Чіамполи.** (Съ итальянскаго).—V. СЕВИЛЬЯ. (Миражи, впечатлѣнія, легенды). **В. И. Немировича-Данченко.**—VI. ДНЕВНИКЪ МАРІИ БАШКИРЦЕВОЙ.—VII. ОБЪ УСТАЛОСТИ. **М. Манасеиной.**—VIII. ТРУПЪ. Разсказъ **П. Боборыкина.**—IX. АЛІЯ. Романъ А. Ш. Едгренъ-Леффлеръ. Переводъ со шведскаго. **М. В. Лучицкой.** Часть первая.—X. VAE VICTIS. Предисловіе къ неоконченному роману. **Софьи Ковалевской.**—XI. СТАНСЫ. Стихотвореніе. **П. Свободина.**—XII. ДВАДЦАТИЛѢТІЕ ПЕРЕДВИЖНИКОВЪ. **В. Стасова.** **ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.** I. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ИЛИ УНИВЕРСИТЕТСКІЯ АГРОНОМИЧЕСКІЯ ОТДѢЛЕНІЯ? Проф. **А. Скворцова.**—II. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: 1) КАЗАЧЬИ СТАНИЧНЫЕ СУДЫ. **Ѳ. Крюкова.**—2) ПОЛОЖЕНІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАГО ДѢЛА И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ ВЪ СТЕПНОМЪ КРАѢ. **Н. П. К.**—III. ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ. Интересъ, возбужденный въ обществѣ къ земледѣлію и сельской промышленности.—Разнообразныя мѣры, предлагаемыя для подъема и развитія этого дѣла.—Наши сельско-хозяйственныя общества.—Сельско-хозяйственный съѣздъ въ Кіевѣ.—Итоги его дѣятельности.—Вопросъ объ огрономическомъ образованіи — Другіе проекты, направленные къ устраненію кризиса. — Упорядоченіе условій сельскаго быта.—Характеръ дѣятельности земскихъ начальниковъ. — Циркуляръ черниговскаго губернатора о сельскихъ сходахъ.—Весенняя отправка ссыльнокаторжныхъ на Сахалинъ.—IV. НОВЫЯ КНИГИ: 1) Поэзія и литература. 2) Естествознаніе и медицина. 3) Общественныя науки. 4) Педагогическая литература и изданія для народа. Иностранныя книги: 1) Литература. 2) Исторія.—V. ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ. XXIII. Какъ американцы помогаютъ Россіи. **В. Макъ-Гаханъ.**—VI. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. III. Піеръ Лоти. **Robert de Cerisy.**—VII. ПАМЯТИ ѲЕДОРА ГРИГОРЬЕВИЧА СОЛНЦЕВА. (Рѣчь, прочитанная въ собраніи Археологическаго Института 12 матра 1892 года). **В. Стасова.**—VIII. СОБЫТІЯ И НОВОСТИ. Проектъ новаго устава объ опекахъ и попечительствахъ.—Историческое происхожденіе существующей нынѣ организаціи.—Главные ея недостатки.—Преобразованія, проектированныя новымъ уставомъ. — Сословный и семейный характеръ опеки.—Установленіе семейныхъ совѣтовъ.—Измѣненія, проектированныя въ матеріальномъ гражданскомъ правѣ.—Общая характеристика намѣченнаго преобразованія.—Присылка Соединенными Штатами парохода «Индіана» съ хлѣбомъ для пострадавшаго населенія.—Значеніе этого великодушнаго порыва.—Подвиги самоотверженія и благотворительности.—Миссъ Кэтъ Мерзэнъ.—Докторъ Газе въ характеристикѣ А. Ф. Кони.—Инцидентъ въ юридическомъ обществѣ.—Равнодушіе юристовъ къ судьбѣ этого общества и происшедшія отсюда слѣдствія.—Походъ «Московскихъ Вѣдомостей» противъ графа Л. Н. Толстого.—IX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. I. Экономическая козявка.—II. Голодовка въ Австріи.—III. Подземное горе.—IV. Новая политическая экономія.—V. «Гладстонство» и соціализмъ.—VI. Пятый чинъ. Французское гладстонство. — VII. Лохмотники и столпотвореніе въ Германіи. Проф. **А. Трачевскаго.**—X. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Два сочиненія о Спинозѣ. (Окончаніе). **А. Волынскаго.**—XI. АНДРЕА МАДЖИ.—XII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
		Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ конторѣ журнала	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Съ доставкой въ Спб.	12 › 50	6 › 50	6 › —	3 › 50	3 › —	3 › —	3 ›
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 › 50	7 › —	6 › 50	3 › 50	3 › 50	3 › 50	3 ›
За границей	15 › —	8 › —	7 › —	4 › —	4 › —	4 › —	3 ›

Вмѣсто разсрочки годовой цѣны на журналъ, подписка по полугодіямъ въ январѣ и іюлѣ и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: С.-Петербургъ: Троицкая улица, д. № 9.

Издательница **Л. Я. Гуревичъ.** Редакторъ **М. Н. Альбовъ.**